X 58/27

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ
Союза ССР

5

1937

Социалистическая законность
ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

МАЙ 1937 г. 5

Редакция:
Москва, Пушкинская, д. 15а

Овладеть большевизмом, ликвидировать беспечность

Международный праздник трудящихся — 1 мая—наша страна празднует в этом году в особых условиях. Тысяча девятьсот тридцать седьмой год — год, в котором исполняется двадцатилетие Великой пролетарской революции в СССР. Это год введения Сталинской Конституции, на страницах которой записан блистательный итог величественных побед социализма в нашей стране, побед нового общественного строя, обеспечивающего подлинную демократию и счастливую жизнь миллионам трудящихся.

Вместе с тем, тысяча девятьсот тридцать седьмой год — год наиболее яростной, ничем неприкрытой агрессии международного фашизма против всего прогрессивного и демократического, год чудовищных преступлений германского и итальянского фашизма в Испании, год неприкрытой подготовки Германией и Японией новой империалистической войны, в первую очередь войны против социалистического государства, против Советского союза.

Обанкротившись в своей внутренней политике ограбления и закабаления трудящихся масс, потерпев крах в попытках путем жесточайшего белого террора раздавить революционное пролетарское движение, теряясь и зверея перед фактом грозных успехов единого антифашистского и антивоенного фронта в крупнейших странах мира, фашистские заправилы пытаются на путях военной авантюры разрешить все свои непреодолимые трудности, за счет порабощения народа укрепить фашистскую диктатуру. В этом стремлении им оказывает непосредственную помощь действующая по найму фашистских разведок преступная банда троцкистско-зиновьевских шпионов, диверсантов и террористов.

Советский народ в международный праздник трудящихся 1 мая демонстрирует свою сплоченность вокруг великой коммунистической партии и советского правительства, свою боевую готовность дать жестокий отпор фашистскому врагу, свою твердую решимость покончить раз и навсегда с бандой троцкистских изменников родине.

Наша партия, весь советский народ получили новое могучее оружие в борьбе за развитие и укрепление социалистического строя, за укрепление обороны нашей родины. Это оружие — решения последнего пленума ЦК ВКП(б), дающие точные и конкретные указания в деле перестройки партийно-политической работы, указывающие меры ликвидации последствий вредительской деятельности германо-японских троцкистских агентов. Это оружие — доклад товарища Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников».

Охватывая основные проблемы социалистического строительства, давая исчерпывающий анализ крупнейших недостатков нашей работы, указывая пути преодоления этих недостатков, решения пленума ЦК ВКП(б) и доклад товарища Сталина представляют собою документы исключительного значения как для марксистско-ленинской теории, так и для практической работы нашей партии.

Доклад товарища Сталина, охватывая весь круг вопросов, обсуждавшихся на пленуме ЦК ВКП(б), дает глубокий марксистско-ленинский анализ переживаемого нами периода, выпукло оттеняя все его особенности.

Этот доклад — яркий образец большевистской мысли, анализирующий с точки зрения марксизма-ленинизма всю совокупность разнообразных фактов и процессов внутри страны и вне ее, мысли, бесстрашно вскрывающей наши недостатки для того, чтобы преодолеть и ликвидировать их.

С огромной широтой и полнотой в докладе товарища Сталина показаны основные факты из области международного положения СССР, охарактеризовано лицо современного троцкизма, давно превратившегося из политического течения в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банду заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств. В докладе исчерпывающе показаны причины и корни недостатков нашей работы, причины возникновения в наших рядах идиотской болезни политической беспечности, забывчивости, благодушия и политической слепоты.

«Чем объяснить, — говорит товарищ Сталин, — что наши руководящие товарищи, имеющие богатый опыт борьбы со всякого рода антипартийными и антисоветскими течениями, оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть

настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску?»

С большой силой напоминает товарищ Сталин о тех фактах, которые забыли или которых не заметили многие наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и убаюканы нашими несомненными успехами: о капиталистическом окружении, постоянно засылающем в наши тылы шпионов и диверсантов, в частности, троцкистских агентов, наемников международных охранок; о разнице между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем; о разнице между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами и промпартийцами, обманывавшими наших людей технически, и троцкистами, двурушнически втирающимися в доверие и обманывающими политически под прикрытием партбилета.

Забвение этих фактов, распространение среди части партийных товарищей гнилых и ложных теорий, разоблаченных в докладе товарища Сталина, культивируемая некоторыми руководителями атмосфера зазнайства и самодовольства, парадных манифестаций наших успехов и шумливых самовосхвалений — все это привело многих членов партии и руководителей к политической слепоте, к идиотской болезни беспечности и благодушия.

Между тем, жестокий и беспощадный капиталистический враг отнюдь не собирается складывать оружия; наоборот, фашистские страны лихорадочно готовятся к войне, к нападению на Советский союз, бешено вооружаясь и стремясь всеми средствами проникнуть в наши тылы, насаждая здесь шпионско-вредительские и диверсионные группки. В этих условиях растленные и оголтелые троцкистско-зиновьевские бандиты и их правые пособники оказались находкой для разведывательных органов фашистских государств. Злобно ненавидящие советский народ, готовые на любую подлость, на любое преступление, эти двурушники, прикрывающиеся партбилетом, являются наиболее «подходящими» людьми для гнусной изменнической работы, оплачиваемой германской и японской разведками.

Не головотяпски-наплевательское отношение к факту капиталистического окружения нужно нам, а неусыпная бдительность в отношении врага, постоянная готовность отразить его нападение и разоблачить гнусную работу его агентов, политическая настороженность во всей практической работе.

Не дискуссии с троцкистами, давно переставшими быть идейными людьми, давно превратившимися в разбойников с большой дороги, агентов фашистских охранок, нужны нам, а выкорчевывание всех их змеиных гнезд, полный разгром и ликвидация этой безыдейной и беспринципной банды наемных убийц, вредителей и диверсантов.

Чтобы разоблачить маскирующегося и двурушничающего врага, чтобы разгромить его и выкорчевать его змеиные гнезда, нам нужно острое политическое чутье, настоящая политическая прозорливость и революционная бдительность, умение разглядеть подлинное лицо врага, как бы хорошо он ни маскировался.

О необходимости пронизать всю работу наших партийных, государственных и общественных организаций неусыпной революционной бдительностью Центральный комитет нашей партии неоднократно предупреждал всех руководителей, всех членов партии. Революционной бдительности — этому неотъемлемому свойству каждого большевика — постоянно, на множестве конкретных фактов учили нас Ленин и Сталин. Но, как оказалось на деле, наши успехи убаюкали многих партийных товарищей, создали у них те настроения, которые приводят к политической беспечности и слепоте.

«Успехи и достижения — дело, конечно, великое. Наши успехи в области социалистического строительства действительно огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, мало искушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Неудивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и, как следствие всего этого, — появляется политическая слепота» (Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников).

Именно вследствие политической слепоты и ослабления большевистской бдительности некоторые наши руководящие товарищи как в центре, так и на местах, как указывает товарищ Сталин, «не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты».

Товарищ Сталин со всей силой вскрыл серьезные недостатки в работе наших организаций. Вместе с тем, он ясно и четко указал пути и способы их преодоления, пути и способы борьбы против идиотской болезни беспечности. Он развернул программу работы по ликвидации последствий гнусной подрывной деятельности врагов народа, указал мероприятия, необходимые для того, чтобы разгромить врага, ликвидировать троцкистских и иных двурушников, создать условия, при которых они не могли бы больше проникать в наши ряды и вести вредительскую и шпионскую работу.

Всегда помнить о капиталистическом окружении, засылающем к нам своих наемников — троцкистских агентов; беспощадно разить эту банду шпионов, вредителей и диверсантов, выкорчевывая до конца их змеиные гнезда, по-революционному расправляясь с изменниками родине; вооружить наши кадры большевизмом, политически воспитывая и просвещая наших людей, закаляя их большевистскую бдительность, ликвидируя политическую беспечность и доверчивость, нанося сокрушительные удары по гнилым теориям, притупляющим политическое чутье и размагничивающим работников,— вот основная сущность тех мероприятий, ко-

торые должны быть безотлагательно реализованы партией и советским государством.

Политическое воспитание кадров, большевистская закалка их, тщательный подбор их, постоянная проверка и контроль — центральная задача партийной работы и работы всего государственного аппарата.

«Необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтинских времен, новым лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду» (Сталин).

Этот новый лозунг партии определяет основное звено всей нашей работы. Задача большевистского воспитания кадров требует широчайшего развертывания критики и самокритики, раскрытия всех и всяческих недостатков работы, борьбы с благодушием и самоуспокоенностью. Руководителям партийных и советских организаций следует крепко запомнить указания товарища Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) о спасительной силе самокритики для наших людей, о необходимости соединить проверку и контроль всех работников сверху, со стороны руководителей, с контролем снизу, со стороны народа.

Руководители и все работники прокуратуры сверху донизу должны, засучив рукава, безотлагательно взяться за реализацию решений пленума ЦК ВКП(б) и указаний товарища Сталина в нашей практической работе.

Факты свидетельствуют о том, что в прокурорский аппарат проникло также немало подлых врагов народа, особенно на Украине, в Азово-Черноморском крае. Гнусная «работа» Михайликов, Бенедиктовых, Петренко и прочих троцкистско-зиновьевских мерзавцев была возможна лишь вследствие политической слепоты, притупления бдительности многих руководителей и отсутствия самокритики среди работников прокуратуры.

Неумение увидеть и правильно оценить эволюцию троцкизма и, в соответствии с этим, неумение «во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с троцкистами по-новому, более решительно» (Сталин), характеризует работу многих руководителей прокуратуры. За последнее время вскрыто немало фактов формально-бюрократического, чиновничьего подхода работников прокуратуры к задачам борьбы с врагами народа. Таковы, например, «подвиги» чиновников из Курской облпрокуратуры, считающих возможным по формально-бюрократическим мотивам освобождать из мест заключения контрреволюционеров.

Факты преступной политической слепоты бывшего прокурора АЧК Драгунского, бывшего прокурора Курской области Заславского и других сигнализируют о серьезном ослаблении бдительности во многих звеньях прокурорского аппарата. Из этих фактов должны быть сделаны выводы всеми работниками прокуратуры. Большевистская бдительность — вот то качество, без которого нет и не может быть настоящей прокурорской работы, отвечающей требованиям, поставленным перед нами партией и правительством.

Особенно нетерпимым в новых условиях, созданных введением Сталинской Конституции, является неумение поставить со всей остротой вопросы о нарушениях местными органами революционной законности, характерное для работы многих прокуратур. Эта своеобразная модификация той семейственности, «артельности», которую разоблачил товарищ Сталин в своем заключительном слове на пленуме ЦК ВКП(б), приводит к тому, что прокуроры проходят мимо вопиющих нарушений советского закона, приносящих прямой политический вред и играющих на-руку врагам. С этим злом надо покончить со всей решительностью.

Работа по подбору, большевистскому воспитанию и политическому просвещению кадров в большинстве прокуратур поставлена из рук вон плохо. Нет систематического изучения кадров, их постоянной проверки и инструктажа на практической работе, постоянной заботы об их политическом росте и закалке. Никуда не годится тот прокурор края, области, республики, который не изучает лично подчиненных ему прокуроров, не контролирует их сам, выезжая в районы, не собирает их у себя для систематической политической информации и практического инструктажа, не обеспечивает им реальную возможность политической и юридической учебы.

Развертывание большевистской критики и самокритики в органах прокуратуры, укрепление связи прокуратуры с общественностью, усиление живого руководства местами, использование всех возможностей переподготовки кадров (заочная учеба, методические и иные совещания), систематический созыв периферийных работников для политической информации и конкретного инструктажа — все эти мероприятия непосредственно вытекают из задачи преодоления серьезных недостатков нашей работы.

Решения пленума ЦК ВКП(б) и указания доклада товарища Сталина должны быть тщательно изучены всеми работниками прокурорской системы как важнейшие документы партии, как прямое руководство к действию.

Честная, самоотверженная, не жалеющая усилий и не боящаяся трудностей, чуждая зазнайства и благодушия, пронизанная революционной бдительностью и ответственностью работа по реализации этих решений на практике является единственной предпосылкой нашего дальнейшего движения вперед. Пусть каждый работник прокуратуры помнит о своей ответственности в этой борьбе, помнит слова товарища Сталина: «И когда мы разделаемся с этой идиотской болезнью, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом».

Пусть каждый из нас помнит об ответственнейшей задаче — очищения нашей страны от наемников фашизма.

Демонстрируя в этом году в день 1 мая в рядах трудящихся нашей великой и могучей родины, работники прокуратуры заявляют о своей решимости покончить с крупнейшими недостатками своей работы, о готовности наносить беспощадные удары врагам народа, о безграничной преданности идеям коммунизма и партии Ленина—Сталина.

с/з 5-37

О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников

ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б)

3—5 МАРТА 1937 г.

Товарищи!

Из докладов и прений по ним, заслушанных на Пленуме, видно, что мы имеем здесь дело со следующими тремя основными фактами.

Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты.

Таковы три бесспорных факта, естественно вытекающих из докладов и прений по ним.

I

Политическая беспечность

Чем объяснить, что наши руководящие товарищи, имеющие богатый опыт борьбы со всякого рода антипартийными и антисоветскими течениями, оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску?

Можно ли утверждать, что вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, действующих на территории СССР, может являться для нас чем-либо неожиданным и небывалым? Нет, нельзя этого утверждать. Об этом говорят вредительские акты в разных отраслях народного хозяйства за последние 10 лет, начиная с шахтинского периода, зафиксированные в официальных документах.

Можно ли утверждать, что за последнее время не было у нас каких-либо предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний насчет вредительской, шпионской или террористической деятельности троцкистско-зиновьевских агентов фашизма? Нет, нельзя этого утверждать. Такие сигналы были, и большевики не имеют права забывать о них.

Злодейское убийство товарища Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящим о том, что враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца, для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации.

Судебный процесс «Ленинградского центра», равно как судебный процесс «Зиновьева—Каменева», дал новое обоснование урокам, вытекающим из факта злодейского убийства товарища Кирова.

Судебный процесс «Зиновьевско-троцкистского блока» расширил уроки предыдущих процессов, показав воочию, что зиновьевцы и троцкисты объединяют вокруг себя все враждебные буржуазные элементы, что они превратились в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру германской полицейской охранки, что двурушничество и маскировка являются единственным средством зиновьевцев и троцкистов для проникновения в наши организации, что бдительность и политическая прозорливость представляют наиболее верное средство для предотвращения такого проникновения, для ликвидации зиновьевско-троцкистской шайки.

Центральный Комитет ВКП(б) в своем закрытом письме от 18 января 1935 года по поводу злодейского убийства товарища Кирова решительно предостерегал партийные организации от политического благодушия и обывательского ротозейства. В закрытом письме сказано:

> «Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто-бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрыжкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайние средства, как единственные средства обреченных в их борьбе с советской властью. Надо помнить это и быть бдительным».

В своем закрытом письме от 29 июля 1936 года по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского

блока Центральный Комитет ВКП(б) вновь призывал партийные организации к максимальной бдительности, к умению распознавать врагов народа, как бы хорошо они ни были замаскированы. В закрытом письме сказано:

«Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны, — шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани, — все наши партийные организации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован».

Значит, сигналы и предупреждения были.

К чему призывали эти сигналы и предупреждения?

Они призывали к тому, чтобы ликвидировать слабость партийно-организационной работы и превратить партию в неприступную крепость, куда не мог бы проникнуть ни один двурушник.

Они призывали к тому, чтобы покончить с недооценкой партийно-политической работы и сделать решительный поворот в сторону всемерного усиления такой работы, в сторону усиления политической бдительности.

И что же? Факты показали, что сигналы и предупреждения воспринимались нашими товарищами более чем туго.

Об этом красноречиво говорят всем известные факты из области кампании по проверке и обмену партийных документов.

Чем объяснить, что эти предостережения и сигналы не возымели должного действия?

Чем объяснить, что наши партийные товарищи, несмотря на их опыт борьбы с антисоветскими элементами, несмотря на целый ряд предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний, оказались политически близорукими перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов народа?

Может быть наши партийные товарищи стали хуже, чем они были раньше, стали менее сознательными и дисциплинированными? Нет, конечно, нет!

Может быть они стали перерождаться? Опять же нет! Такое предположение лишено всякого основания.

Так в чем же дело? Откуда такое ротозейство, беспечность, благодушие, слепота?

Дело в том, что наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и колоссальными успехами на фронте хозяйственного строительства, забыли просто о некоторых очень важных фактах, о которых большевики не имеют права забывать. Они забыли об одном основном факте из области международного положения СССР и не заметили двух очень важных фактов, имеющих прямое отношение к нынешним вредителям, шпионам, диверсантам и убийцам, прикрывающимся партийным билетом и маскирующимся под большевика.

II

Капиталистическое окружение

Что это за факты, о которых забыли или которых просто не заметили наши партийные товарищи?

Они забыли о том, что советская власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств. Они забыли, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения. У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это за штука — капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае — подорвать его мощь и ослабить его.

Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь он именно и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом.

Взять, например, буржуазные государства. Наивные люди могут подумать, что между ними существуют исключительно добрые отношения, как между государствами однотипными. Но так могут думать только наивные люди. На самом деле отношения между ними более чем далеки от добрососедских отношений. Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушение на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия. Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские шпионы и дивер-

санты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Обо всем этом забыли наши партийные товарищи и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох.

Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полицейской охранки оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью.

III
Современный троцкизм

Далее. Ведя борьбу с троцкистскими агентами, наши партийные товарищи не заметили, проглядели, что нынешний троцкизм уже не тот, чем он был, скажем, лет 7—8 тому назад, что троцкизм и троцкисты претерпели за это время серьезную эволюцию, в корне изменившую лицо троцкизма, что ввиду этого и борьба с троцкизмом, методы борьбы с ним должны быть изменены в корне. Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств.

Что такое политическое течение в рабочем классе? Политическое течение в рабочем классе — это такая группа или партия, которая имеет свою определенную политическую физиономию, платформу, программу, которая не прячет и не может прятать своих взглядов от рабочего класса, а наоборот, пропагандирует свои взгляды открыто и честно, на глазах у рабочего класса, которая не боится показать свое политическое лицо рабочему классу, не боится демонстрировать своих действительных целей и задач перед рабочим классом, а наоборот, с открытым забралом идет в рабочий класс для того, чтобы убедить его в правоте своих взглядов. Троцкизм в прошлом, лет 7—8 тому назад, был одним из таких политических течений в рабочем классе, правда, антиленинским и потому глубоко ошибочным, но все же политическим течением.

Можно ли сказать, что нынешний троцкизм, троцкизм, скажем, 1936 года, является политическим течением в рабочем классе? Нет, нельзя этого говорить. Почему? Потому, что современные троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть ему свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что, если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их, как людей чуждых, и прогонит их от себя. Этим, собственно, и объясняется, что основным методом троцкистской работы является теперь не открытая и честная пропаганда своих взглядов в рабочем классе, а маскировка своих взглядов, подобострастное и подхалимское восхваление взглядов своих противников, фарисейское и фальшивое втаптывание в грязь своих собственных взглядов.

На судебном процессе 1936 года, если вспомните, Каменев и Зиновьев решительно отрицали наличие у них какой-либо политической платформы. У них была полная возможность развернуть на судебном процессе свою политическую платформу. Однако они этого не сделали, заявив, что у них нет никакой политической платформы. Не может быть сомнения, что оба они лгали, отрицая наличие у них платформы. Теперь даже слепые видят, что у них была своя политическая платформа. Но почему они отрицали наличие у них какой-либо политической платформы? Потому что они боялись открыть свое подлинное политическое лицо, они боялись продемонстрировать свою действительную платформу реставрации капитализма в СССР, опасаясь, что такая платформа вызовет в рабочем классе отвращение.

На судебном процессе в 1937 году Пятаков, Радек и Сокольников стали на другой путь. Они не отрицали наличия политической платформы у троцкистов и зиновьевцев. Они признали наличие у них определенной политической платформы, признали и развернули ее в своих показаниях. Но развернули ее не для того, чтобы призвать рабочий класс, призвать народ к поддержке троцкистской платформы, а для того, чтобы проклясть и заклеймить ее, как платформу антинародную и антипролетарскую. Реставрация капитализма, ликвидация колхозов и совхозов, восстановление системы эксплоатации, союз с фашистскими силами Германии и Японии для приближения войны с Советским Союзом, борьба за войну и против политики мира, территориальное расчленение Советского Союза с отдачей Украины немцам, а Приморья — японцам, подготовка военного поражения Советского Союза в случае нападения на него враждебных государств и, как средство достижения этих задач, — вредительство, диверсия, индивидуальный террор против руководителей советской власти, шпионаж в пользу японо-немецких фашистских сил, — такова развернутая Пятаковым, Радеком и Сокольниковым политическая платформа нынешнего троцкизма. Понятно, что такую платформу не могли не прятать троцкисты от народа, от рабочего класса. И они прятали ее не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но даже от руководящей троцкистской верхушки, состоявшей из небольшой кучки

людей в 30—40 человек. Когда Радек и Пятаков потребовали от Троцкого разрешения на созыв маленькой конференции троцкистов в 30—40 человек для информации о характере этой платформы, Троцкий запретил им это, сказав, что нецелесообразно говорить о действительном характере платформы даже маленькой кучке троцкистов, так как такая «операция» может вызвать раскол.

«Политические деятели», прячущие свои взгляды, свою платформу не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но и от руководящей верхушки троцкистов, — такова физиономия современного троцкизма.

Но из этого вытекает, что современный троцкизм нельзя уже называть политическим течением в рабочем классе.

Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств.

Таков неоспоримый результат эволюции троцкизма за последние 7—8 лет.

Такова разница между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем.

Ошибка наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили этой глубокой разницы между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем. Они не заметили, что троцкисты давно уже перестали быть идейными людьми, что троцкисты давно уже превратились в разбойников с большой дороги, способных на любую гадость, способных на все мерзкое вплоть до шпионажа и прямой измены своей родине, лишь бы напакостить советскому государству и советской власти. Они не заметили этого и не сумели поэтому во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с троцкистами по-новому, более решительно.

Вот почему мерзости троцкистов за последние годы явились для некоторых наших партийных товарищей полной неожиданностью.

Дальше. Наконец, наши партийные товарищи не заметили того, что между нынешними вредителями и диверсантами, среди которых троцкистские агенты фашизма играют довольно активную роль, с одной стороны, и вредителями и диверсантами времен шахтинского периода, с другой стороны, имеется существенная разница.

Во-первых. Шахтинцы и промпартийцы были открыто чуждыми нам людьми. Это были большей частью бывшие владельцы предприятий, бывшие управляющие при старых хозяевах, бывшие компаньоны старых акционерных обществ, либо просто старые буржуазные специалисты, открыто враждебные нам политически. Никто из наших людей не сомневался в подлинности политического лица этих господ. Да и сами шахтинцы не скрывали своего неприязненного отношения к советскому строю. Нельзя то же самое сказать о нынешних вредителях и диверсантах, о троцкистах. Нынешние вредители и диверсанты, троцкисты, — это большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане, — стало быть, люди формально не чужие. Если старые вредители шли против наших людей, то новые вредители, наоборот, лебезят перед нашими людьми, восхваляют наших людей, подхалимничают перед ними для того, чтобы втереться в доверие. Разница, как видите, существенная.

Во-вторых. Сила шахтинцев и промпартийцев состояла в том, что они обладали в большей или меньшей степени необходимыми техническими знаниями, в то время, как наши люди, не имевшие таких знаний, вынуждены были учиться у них. Это обстоятельство давало вредителям шахтинского периода большое преимущество, давало им возможность вредить свободно и беспрепятственно, давало им возможность обманывать наших людей технически. Не то с нынешними вредителями, с троцкистами. У нынешних вредителей нет никаких технических преимуществ по отношению к нашим людям. Наоборот, технически наши люди более подготовлены, чем нынешние вредители, чем троцкисты. За время от шахтинского периода до наших дней у нас выросли десятки тысяч настоящих технически подкованных большевистских кадров. Можно было бы назвать тысячи и десятки тысяч технически выросших большевистских руководителей, в сравнении с которыми все эти Пятаковы и Лившицы, Шестовы и Богуславские, Мураловы и Дробнисы являются пустыми болтунами и приготовишками с точки зрения технической подготовки. В чем же в таком случае состоит сила современных вредителей, троцкистов? Их сила состоит в партийном билете, в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет дает им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организации. Их преимущество состоит в том, что, имея партийные билеты и прикидываясь друзьями советской власти, они обманывали наших людей политически, злоупотребляли доверием, вредили втихомолку и открывали наши государственные секреты врагам Советского Союза. «Преимущество» сомнительное по своей политической и моральной ценности, но все же «преимущество». Этим «преимуществом» и объясняется, собственно, то обстоятельство, что троцкистские вредители, как люди с партбилетом, имеющие доступ во все места наших учреждений и организаций, оказались прямой находкой для разведывательных органов иностранных государств.

Ошибка некоторых наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили, не поняли всей этой разницы между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами и троцкистами, и, не заметив этого, не сумели во-время перестроиться для того, чтобы повести борьбу с новыми вредителями по-новому.

IV

Теневые стороны хозяйственных успехов

Таковы основные факты из области нашего международного и внутреннего положения, о которых забыли или которых не заметили многие наши партийные товарищи.

Вот почему наши люди оказались застигнутыми врасплох событиями последних лет по части вредительства и диверсий.

Могут спросить: но почему наши люди не заметили всего этого, почему они забыли обо всем этом?

Откуда взялись все эти забывчивость, слепота, беспечность, благодушие?

Не есть ли это органический порок в работе наших людей?

Нет, это не органический порок. Это — временное явление, которое может быть быстро ликвидировано при наличии некоторых усилий со стороны наших людей.

В чем же тогда дело?

Дело в том, что наши партийные товарищи за последние годы были всецело поглощены хозяйственной работой, они были до крайности увлечены хозяйственными успехами и, будучи увлечены всем этим делом, — забыли обо всем другом, забросили все остальное.

Дело в том, что, будучи увлечены хозяйственными успехами, они стали видеть в этом деле начало и конец всего, а на такие дела, как международное положение Советского Союза, капиталистическое окружение, усиление политической работы партии, борьба с вредительством и т. п. — не стали просто обращать внимания, полагая, что все эти вопросы представляют второстепенное или даже третьестепенное дело.

Успехи и достижения — дело, конечно, великое. Наши успехи в области социалистического строительства действительно огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, мало искушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Неудивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и, как следствие всего этого, — появляется политическая слепота.

Тут я должен сказать несколько слов об опасностях, связанных с успехами, об опасностях, связанных с достижениями.

Об опасностях, связанных с трудностями, мы знаем по опыту. Вот уже несколько лет ведем борьбу с такого рода опасностями и, надо сказать, не без успеха. Опасности, связанные с трудностями, у людей нестойких порождают нередко настроения уныния, неверия в свои силы, настроения пессимизма. И, наоборот, там, где дело идет о том, чтобы побороть опасности, проистекающие из трудностей, люди закаляются в этой борьбе и выходят из борьбы действительно твердокаменными большевиками. Такова природа опасностей, связанных с трудностями. Таковы результаты преодоления трудностей.

Но есть другого рода опасности, опасности, связанные с успехами, опасности, связанные с достижениями. Да, да, товарищи, опасности, связанные с успехами, с достижениями. Опасности эти состоят в том, что у людей, мало искушенных в политике и не очень много видавших, обстановка успехов — успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение планов за перевыполнением, — порождает настроение беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почить на лаврах.

Неудивительно, что в этой одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных манифестаций и шумливых самовосхвалений люди забывают о некоторых существенных фактах, имеющих первостепенное значение для судеб нашей страны, люди начинают не замечать таких неприятных фактов, как капиталистическое окружение, новые формы вредительства, опасности, связанные с нашими успехами и т. п. Капиталистическое окружение? Да это же чепуха! Какое значение может иметь какое-то капиталистическое окружение, если мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Новые формы вредительства, борьба с троцкизмом? Все это пустяки! Какое значение могут иметь все эти мелочи, когда мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Партийный устав, выборность парторганов, отчетность партийных руководителей перед партийной массой? Да есть ли во всем этом нужда? Стоит ли вообще возиться с этими мелочами, если хозяйство у нас растет, а материальное положение рабочих и крестьян все более и более улучшается? Пустяки все это! Планы перевыполняем, партия у нас неплохая, ЦК партии тоже неплохой, — какого рожна еще нам нужно? Странные люди сидят там в Москве, в ЦК партии: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают...

Вот вам наглядный пример того, как легко и «просто» заражаются политической слепотой некоторые наши неопытные товарищи в результате головокружительного увлечения хозяйственными успехами.

Таковы опасности, связанные с успехами, с достижениями.

Таковы причины того, что наши партийные товарищи, увлекшись хозяйственными успехами, забыли о фактах международного и внутреннего характера, имеющих существенное значение для Советского Союза, и не заметили целого ряда опасностей, окружающих нашу страну.

Таковы корни нашей беспечности, забывчивости, благодушия, политической слепоты.

Таковы корни недостатков нашей хозяйственной и партийной работы.

V

Наши задачи

Как ликвидировать эти недостатки нашей работы?

Что нужно сделать для этого?

Необходимо осуществить следующие мероприятия.

1) Необходимо прежде всего повернуть внимание наших партийных товарищей, увязающих в «текущих вопросах» по линии того или иного ведомства, — в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера.

2) Необходимо поднять политическую работу нашей партии на должную высоту, поста-

вив во главу угла задачу политического просвещения и большевистской закалки партийных, советских и хозяйственных кадров.

3) Необходимо разъяснять нашим партийным товарищам, что хозяйственные успехи, значение которых бесспорно очень велико и которых мы будем добиваться и впредь, изо дня в день, из года в год, — все же не исчерпывают всего дела нашего социалистического строительства.

Разъяснять, что теневые стороны, связанные с хозяйственными успехами и выражающиеся в самодовольстве, беспечности, в притуплении политического чутья, могут быть ликвидированы лишь в том случае, если хозяйственные успехи сочетаются с успехами партийного строительства и развернутой политической работы нашей партии.

Разъяснять, что сами хозяйственные успехи, их прочность и длительность целиком и полностью зависят от успехов партийно-организационной и партийно-политической работы, что без этого условия хозяйственные успехи могут оказаться построенными на песке.

4) Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза.

Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение, — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства.

Разъяснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов.

5) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-вредительской и шпионской работы иностранных разведывательных органов, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем классе, что они давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов.

Разъяснить, что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома.

6) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам разницу между современными вредителями и вредителями шахтинского периода, разъяснить, что если вредители шахтинского периода обманывали наших людей на технике, используя их техническую отсталость, то современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним, как к членам партии, используя политическую беспечность наших людей.

Необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтинских времен, новым лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду.

Могут спросить: разве нельзя было лет десять тому назад, в период шахтинских времен, дать сразу оба лозунга, и первый лозунг об овладении техникой, и второй лозунг о политическом воспитании кадров? Нет, нельзя было. Так у нас дела не делаются в большевистской партии. В поворотные моменты революционного движения всегда выдвигается один какой-либо основной лозунг, как узловой, для того, чтобы, ухватившись за него, вытянуть через него всю цепь. Ленин так учил нас: найдите основное звено в цепи нашей работы, ухватитесь за него и вытягивайте его для того, чтобы через него вытянуть всю цепь и итти вперед. История революционного движения показывает, что эта тактика является единственно правильной тактикой. В шахтинский период слабость наших людей состояла в их технической отсталости. Не политические, а технические вопросы составляли тогда для нас слабое место. Что касается наших политических отношений к тогдашним вредителям, то они были совершенно ясны, как отношения большевиков к политически чуждым людям. Эту нашу техническую слабость мы ликвидировали тем, что дали лозунг об овладении техникой и воспитали за истекший период десятки и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров. Другое дело теперь, когда мы имеем уже технически подкованные большевистские кадры и когда в роли вредителей выступают не открыто чуждые люди, не имеющие к тому же никаких технических преимуществ в сравнении с нашими людьми, а люди, обладающие партийным билетом и пользующиеся всеми правами членов партии. Теперь слабость наших людей составляет не техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы. Теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно заполучившим партийный билет.

Такова коренная разница между узловым вопросом в деле борьбы за кадры в период шахтинских времен и узловым вопросом настоящего периода.

Вот почему мы не могли и не должны были давать лет десять тому назад сразу оба лозунга, и лозунг об овладении техникой, и лозунг о политическом воспитании кадров.

Вот почему старый лозунг об овладении техникой необходимо теперь дополнить новым лозунгом об овладении большевизмом, о политическом воспитании кадров и ликвидации нашей политической беспечности.

7) Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным.

Это — не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплоататорских классов, тем скорее будут они итти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР неодиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки.

Так учит нас история. Так учит нас ленинизм.

Необходимо помнить все это и быть начеку.

8) Необходимо разбить и отбросить прочь другую гнилую теорию, говорящую о том, что не может быть будто бы вредителем тот, кто не всегда вредит и кто хоть иногда показывает успехи в своей работе.

Эта странная теория изобличает наивность ее авторов. Ни один вредитель не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу.

Я думаю, что вопрос этот ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

9) Необходимо разбить и отбросить прочь третью гнилую теорию, говорящую о том, что систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на-нет вредительство и результаты вредительства.

Подобная теория может преследовать лишь одну цель: пощекотать ведомственное самолюбие наших работников, успокоить их и ослабить их борьбу с вредительством.

Что значит — «систематическое выполнение наших хозяйственных планов»?

Во-первых, доказано, что все наши хозяйственные планы являются заниженными, ибо они не учитывают огромных резервов и возможностей, таящихся в недрах нашего народного хозяйства.

Во-вторых, суммарное выполнение хозяйственных планов по наркоматам в целом еще не значит, что по некоторым очень важным отраслям так же выполняются планы. Наоборот, факты говорят, что целый ряд наркоматов, выполнивших и даже перевыполнивших годовые хозяйственные планы, систематически не выполняет планов по некоторым очень важным отраслям народного хозяйства.

В-третьих, не может быть сомнения в том, что если бы вредители не были разоблачены и выброшены вон, с выполнением хозяйственных планов дело обстояло бы куда хуже, о чем следовало бы помнить близоруким авторам разбираемой теории.

В-четвертых, вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны. Допустим, что мы стали бы убаюкивать себя гнилой теорией о «систематическом выполнении хозяйственных планов» и не трогали бы вредителей. Представляют ли авторы этой гнилой теории, какой колоссальный вред нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства под сенью гнилой теории о «систематическом выполнении хозяйственных планов».

Не ясно ли, что теория о «систематическом выполнении хозяйственных планов» есть теория, выгодная для вредителей?

10) Необходимо разбить и отбросить прочь четвертую гнилую теорию, говорящую о том, что стахановское движение является будто бы основным средством ликвидации вредительства.

Эта теория выдумана для того, чтобы под шумок болтовни о стахановцах и стахановском движении отвести удар от вредителей.

Тов. Молотов в своем докладе демонстрировал целый ряд фактов, говорящих о том, как троцкистские и не-троцкистские вредители в Кузбассе и Донбассе, злоупотребляя доверием наших политически беспечных товарищей, систематически водили за нос стахановцев, ставили им палки в колеса, искусственно создавали целый ряд препятствий для их успешной работы и добились, наконец, того, что расстроили их работу. Что могут сделать одни лишь стахановцы, если вредительское ведение капитального строительства, скажем, в Донбассе привело к разрыву между подготовительными работами по добыче угля, которые отстают от темпов, и всеми другими работами? Не ясно ли, что само стахановское движение нуждается в реальной помощи с нашей стороны против всех и всяких махинаций вредителей для того, чтобы двинуть вперед дело и выполнить свою великую миссию? Не ясно ли, что борьба с вредительством, борьба за ликвидацию вредительства, обуздание вредительства является условием, необходимым для того, чтобы стахановское движение могло развернуться во всю ширь?

Я думаю, что вопрос этот так же ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

11) Необходимо разбить и отбросить прочь пятую гнилую теорию, говорящую о том, что у троцкистских вредителей нет будто бы больше резервов, что они добирают будто бы свои последние кадры.

Это неверно, товарищи. Такую теорию могли выдумать только наивные люди. У троцкистских вредителей есть свои резервы. Они состоят прежде всего из остатков разбитых

эксплоататорских классов в СССР. Они состоят из целого ряда групп и организаций за пределами СССР, враждебных Советскому Союзу.

Взять, например, троцкистский контрреволюционный IV интернационал, состоящий на две трети из шпионов и диверсантов. Чем это не резерв? Разве не ясно, что этот шпионский интернационал будет выделять кадры для шпионско-вредительской работы троцкистов?

Или еще, взять, например, группу пройдохи Шефло в Норвегии, приютившую у себя обершпиона Троцкого и помогавшую ему пакостить Советскому Союзу. Чем эта группа не резерв? Кто может отрицать, что эта контрреволюционная группа будет и впредь оказывать услуги троцкистским шпионам и вредителям?

Или еще, взять, например, другую группу такого же пройдохи, как Шефло, группу Суварина во Франции. Чем она не резерв? Разве можно отрицать, что эта группа пройдох также будет помогать троцкистам в их шпионско-вредительской работе против Советского Союза?

А все эти господа из Германии, всякие там Рут Фишеры, Масловы, Урбансы, продавшие душу и тело фашистам,—чем они не резерв для троцкистской шпионско-вредительской работы?

Или, например, известная орда писателей из Америки во главе с известным жуликом Истменом, все эти разбойники пера, которые тем и живут, что клевещут на рабочий класс СССР,—чем они не резерв для троцкизма?

Нет, надо отбросить прочь гнилую теорию о том, что троцкисты добирают будто бы последние кадры.

12) Наконец, необходимо разбить и отбросить прочь еще одну гнилую теорию, говорящую о том, что так как нас, большевиков, много, а вредителей мало, так как нас, большевиков, поддерживают десятки миллионов людей, а троцкистских вредителей лишь единицы и десятки, то мы, большевики, могли бы и не обращать внимания на какую-то кучку вредителей.

Это неверно, товарищи. Эта более чем странная теория придумана для того, чтобы утешить некоторых наших руководящих товарищей, провалившихся на работе ввиду их неумения бороться с вредительством, и усыпить их бдительность, дать им спокойно спать.

Что троцкистских вредителей поддерживают единицы, а большевиков десятки миллионов людей—это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что вредители не могут нанести нашему делу серьезнейший вред. Для того, чтобы напакостить и навредить, для этого вовсе не требуется большое количество людей. Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется может быть несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни.

Стало быть, нельзя утешать себя тем, что нас много, а их, троцкистских вредителей, мало.

Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах.

Так обстоит дело с вопросом о том, как ликвидировать недостатки нашей работы, общие для всех наших организаций, как хозяйственных и советских, так и административных и партийных.

Таковы меры, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки.

Что касается специально партийных организаций и недостатков в их работе, то о мерах ликвидации этих недостатков достаточно подробно говорится в представляемом на ваше усмотрение проекте резолюции. Я думаю, поэтому, что нет необходимости распространяться здесь об этой стороне дела.

Хотелось бы только сказать несколько слов по вопросу о политической подготовке и усовершенствовании наших партийных кадров.

Я думаю, что если бы мы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры, снизу до верху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач.

Как обстоит дело с руководящим составом нашей партии?

В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал,—генералитет нашей партии.

Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это—наше партийное офицерство.

Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство.

Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти кадры свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров,—вот задача.

Что требуется для этого?

Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям, от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских партийных организаций, подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями. Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и во-время выдвигать, чтобы они не перестаивали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящете.

Далее. Для партийного обучения и переподготовки секретарей ячеек необходимо создать в каждом областном центре четырехмесячные «Партийные курсы». На эти курсы надо направлять секретарей всех первичных пар-

тийных организаций (ячеек), а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место,—их заместителей и наиболее способных членов первичных парторганизаций.

Дальше. Для политической переподготовки первых секретарей районных организаций необходимо создать по СССР, скажем, в 10-ти наиболее важных центрах, восьмимесячные «Ленинские курсы». На эти курсы следует направлять первых секретарей районных и окружных партийных организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место,—их заместителей и наиболее способных членов районных и окружных организаций.

Дальше. Для идеологической переподготовки и политического усовершенствования секретарей городских организаций необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячные «Курсы по истории и политике партии». На эти курсы следует направлять первых или вторых секретарей городских организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место,—наиболее способных членов городских организаций.

Наконец, необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячное «Совещание по вопросам внутренней и международной политики». Сюда надо направлять первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо и это должно быть сделано.

Я кончаю, товарищи.

Мы изложили таким образом основные недостатки нашей работы, как те, которые общи для всех наших организаций, хозяйственных, административных, партийных, так и те, которые свойственны лишь специально партийным организациям, недостатки, используемые врагами рабочего класса для своей диверсионно-вредительской и шпионско-террористической работы.

Мы наметили, далее, основные мероприятия, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки и обезвредить диверсионно-вредительские и шпионско-террористические вылазки троцкистско-фашистских агентов иностранных разведывательных органов.

Спрашивается, можем ли осуществить все эти мероприятия, есть ли у нас для этого все необходимые возможности?

Безусловно, можем. Можем, так как у нас есть в нашем распоряжении все средства, необходимые для того, чтобы осуществить эти мероприятия.

Чего же нехватает у нас?

Нехватает только одного: готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость.

В этом загвоздка.

Но неужели мы не сумеем разделаться с этой смешной и идиотской болезнью, мы, которые свергли капитализм, построили в основном социализм и подняли великое знамя мирового коммунизма?

У нас нет оснований сомневаться в том, что безусловно разделаемся с ней, если, конечно, захотим этого. Разделаемся не просто, а по-большевистски, по-настоящему.

И когда мы разделаемся с этой идиотской болезнью, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом. (Аплодисменты).

Заключительное слово

Товарищи!

Я говорил в своем докладе об основных вопросах обсуждаемого дела. Прения показали, что у нас имеется теперь полная ясность, имеется понимание задач и есть готовность ликвидировать недостатки нашей работы. Но прения показали также, что есть некоторые конкретные вопросы нашей организационно-политической практики, по которым нет еще у нас вполне ясного понимания. Таких вопросов я насчитал семь.

Разрешите сказать несколько слов об этих вопросах.

1) Теперь, надо полагать, все поняли, осознали, что чрезмерное увлечение хозяйственными кампаниями и хозяйственными успехами при недооценке и забвении партийно-политических вопросов—ведет к тупику. Необходимо, стало быть, повернуть внимание работников в сторону партийно-политических вопросов с тем, чтобы успехи хозяйственные сочетались и шли рядом с успехами партийно-политической работы.

Как практически осуществить задачу усиления партийно-политической работы, задачу освобождения партийных организаций от хозяйственных мелочей? Как видно из прений, некоторые товарищи склонны делать из этого неправильный вывод о том, что теперь придется будто бы отойти вовсе от хозяйственной работы. По крайней мере были голоса: ну, теперь, слава богу, освободимся от хозяйственных дел, теперь можно заняться и партийно-политической работой. Правилен ли этот вывод? Нет, неправилен. Когда наши партийные товарищи, увлекаясь хозяйственными успехами, отходили от политики, это была крайность, стоившая нам больших жертв. Если теперь некоторые наши товарищи, берясь за усиление партийно-политической работы, вздумают отойти от хозяйства, то это будет другая крайность, которая будет нам стоить не меньших жертв. Нельзя шарахаться от одной крайности к другой. Нельзя отделять политику от хозяйства. Мы не можем уйти от хозяйства так же, как не можем уйти от политики. Для удобства изучения люди обычно отделяют методологически вопросы хозяйства от вопросов политики. Но это делается лишь методологически, искусственно, только для удобства изучения. В жизни, наоборот, на практике политика и хозяйство неотделимы. Они существуют вместе и действуют вместе. И тот, кто думает в нашей практической работе отделить хозяйство от политики, усилить хозяйственную ра-

боту ценой умаления политической работы или, наоборот, усилить политическую работу ценой умаления хозяйственной работы, — тот обязательно попадает в тупик.

Смысл известного пункта проекта резолюции об освобождении партийных организаций от хозяйственных мелочей и усилении партийно-политической работы состоит не в том, чтобы отойти от хозяйственной работы и хозяйственного руководства, а только лишь в том, чтобы не допускать больше практики подмены и обезличения хозяйственных органов, в том числе и особенно земельных органов, нашими партийными организациями. Необходимо, стало быть, усвоить метод большевистского руководства хозяйственными органами, состоящий в том, чтобы систематически помогать этим органам, систематически укреплять их и руководить хозяйством не помимо этих органов, а через них. Нужно дать хозяйственным органам и прежде всего земельным органам лучших людей, нужно укомплектовать эти органы новыми лучшими работниками, способными выполнять возложенные на них задачи. Только после того, как будет проделана эта работа, можно будет рассчитывать на то, что партийные организации будут полностью освобождены от хозяйственных мелочей. Понятно, что дело это серьезное и требует известного времени. Но пока это не сделано, партийным организациям придется и впредь, на определенно короткий срок, заниматься вплотную сельскохозяйственными делами со всеми их мелочами, пахотой, севом, уборкой и т. д.

2) Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родине. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений.

Но вот вопрос: как практически осуществить задачу разгрома и выкорчевывания японо-германских агентов троцкизма? Значит ли это, что надо бить и выкорчевывать не только действительных троцкистов, но и тех, которые когда-то колебались в сторону троцкизма, а потом, давно уже, отошли от троцкизма, не только тех, которые действительно являются троцкистскими агентами вредительства, но и тех, которые имели когда-то случай пройти по улице, по которой когда-то проходил тот или иной троцкист? По крайней мере такие голоса раздавались здесь на пленуме. Можно ли считать такое толкование резолюции правильным? Нет, нельзя считать правильным. В этом вопросе, как и во всех других вопросах, необходим индивидуальный, дифференцированный подход. Нельзя стричь всех под одну гребенку. Такой огульный подход может только повредить делу борьбы с действительными троцкистскими вредителями и шпионами.

Среди наших ответственных товарищей имеется некоторое количество бывших троцкистов, которые давно уже отошли от троцкизма и ведут борьбу с троцкизмом не хуже, а лучше некоторых наших уважаемых товарищей, не имевших случая колебаться в сторону троцкизма. Было бы глупо опорачивать теперь таких товарищей.

Среди наших товарищей есть и такие, которые идеологически стояли всегда против троцкизма, но, несмотря на это, поддерживали личную связь с отдельными троцкистами, которую они не замедлили ликвидировать, как только стала для них ясной практическая физиономия троцкизма. Не хорошо, конечно, что они прервали свою личную приятельскую связь с отдельными троцкистами не сразу, а с опозданием. Но было бы глупо валить таких товарищей в одну кучу с троцкистами.

3) Что значит — правильно подбирать работников и правильно расставлять их на работе?

Это значит подбирать работников, во-первых, по политическому признаку, т. е. заслуживают ли они политического доверия и, во-вторых, по деловому признаку, т. е. пригодны ли они для такой-то конкретной работы.

Это значит не превращать деловой подход в деляческий подход, когда люди интересуются деловыми качествами работников, но не интересуются их политической физиономией.

Это значит не превращать политический подход в единственный и исчерпывающий подход, когда люди интересуются политической физиономией работников, но не интересуются их деловыми качествами.

Можно ли сказать, что это большевистское правило выполняется нашими партийными товарищами? К сожалению, нельзя этого сказать. Здесь на пленуме уже говорили об этом. Но не сказали всего. Дело в том, что это испытанное правило нарушается в нашей практике сплошь и рядом и при том самым грубым образом. Чаще всего подбирают работников не по объективным признакам, а по признакам случайным, субъективным, обывательски-мещанским. Подбирают чаще всего так называемых знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей, мастеров по восхвалению своих шефов — безотносительно к их политической и деловой пригодности.

Понятно, что вместо руководящей группы ответственных работников получается семейка близких людей, артель, члены которой стараются жить в мире, не обижать друг друга, не выносить сора из избы, восхвалять друг друга и время от времени посылать в центр пустопорожние и тошнотворные рапорта об успехах.

Не трудно понять, что в такой семейственной обстановке не может быть места ни для критики недостатков работы, ни для самокритики руководителей работы.

Понятно, что такая семейственная обстановка создает благоприятную среду для выращивания подхалимов, людей, лишенных чувства своего достоинства и потому не имеющих ничего общего с большевизмом.

Взять, например, товарищей Мирзояна и Вайнова. Первый из них является секретарем краевой партийной организации Казахстана, второй — секретарем Ярославской областной партийной организации. Эти люди в нашей среде — не последние работники. А как они подбирают работников? Первый перетащил с собой в Казахстан из Азербайджана и Урала, где он раньше работал, 30—40 «своих» людей и расставил их на ответственные посты в Казахстане. Второй перетащил с собой в Ярославль из Донбасса, где он раньше работал,

свыше десятка тоже «своих» людей и расставил их тоже на ответственные посты. Есть, стало быть, своя артель у товарища Мирзояна. Есть она и у товарища Вайнова. Разве нельзя было подобрать работников из местных людей, руководствуясь известным большевистским правилом о подборе и расстановке людей? Конечно, можно было бы. Почему же они этого не сделали? Потому, что большевистское правило подбора работников исключает возможность обывательски-мещанского подхода, исключает возможность подбора работников по признакам семейственности и артельности. Кроме того, подбирая в качестве работников лично преданных людей, эти товарищи хотели, видимо, создать для себя обстановку некоторой независимости как в отношении местных людей, так и в отношении ЦК партии. Допустим, что товарищи Мирзоян и Вайнов в силу тех или иных обстоятельств будут переведены из места нынешней их работы в какие-либо другие места. Как они должны поступать в таком случае в отношении своих «хвостов»? Неужели им придется снова перетаскивать их в новые места своей работы?

Вот к какому абсурду приводит нарушение большевистского правила о правильном подборе и расстановке работников.

4) Что значит—проверять работников, проверять исполнение заданий?

Проверять работников, это значит проверять их не по их обещаниям и декларациям, а по результатам их работы.

Проверять исполнение заданий, это значит проверять их не только в канцелярии и не только по формальным отчетам, но прежде всего проверять их на месте работы по фактическим результатам исполнения.

Нужна ли вообще такая проверка? Безусловно, нужна. Нужна, во-первых, потому, что только такая проверка дает возможность распознать работника, определить его действительные качества. Нужна, во-вторых, потому, что только такая проверка дает возможность определить достоинства и недостатки исполнительского аппарата. Нужна, в-третьих, потому, что только такая проверка дает возможность определить достоинства и недостатки самих заданий.

Некоторые товарищи думают, что проверять людей можно только сверху, когда руководители проверяют руководимых по результатам их работы. Это неверно. Проверка сверху, конечно, нужна, как одна из действительных мер проверки людей и проверки исполнения заданий. Но проверка сверху далеко еще не исчерпывает всего дела проверки. Существует еще другого рода проверка, проверка снизу, когда массы, когда руководимые проверяют руководителей, отмечают их ошибки и указывают пути их исправления. Этого рода проверка является одним из самых действительных способов проверки людей.

Партийные массы проверяют своих руководителей на активах, на конференциях, на съездах путем заслушивания их отчетов, путем критики недостатков, наконец, путем избрания или неизбрания в руководящие органы тех или иных руководящих товарищей. Точное проведение демократического централизма в партии, как этого требует устав нашей партии, безусловная выборность партийных органов, право выставления и отвода кандидатов, закрытое голосование, свобода критики и самокритики,—все эти и подобные им мероприятия необходимо провести в жизнь для того, между прочим, чтобы облегчить проверку и контроль руководителей партии со стороны партийных масс.

Беспартийные массы проверяют своих хозяйственных, профессионалистских и иных руководителей на беспартийных активах, на массовых совещаниях всякого рода, где они заслушивают отчеты своих руководителей, критикуют недостатки и намечают пути их исправления.

Наконец, народ проверяет руководителей страны во время выборов в органы власти Советского Союза путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Задача состоит в том, чтобы соединить проверку сверху с проверкой снизу.

5) Что значит—обучать кадры на их собственных ошибках?

Ленин учил, что добросовестное вскрытие ошибок партии, изучение причин, породивших эти ошибки, и намечение путей, необходимых для исправления этих ошибок, является одним из вернейших средств правильного обучения и воспитания партийных кадров, правильного обучения и воспитания рабочего класса и трудящихся масс. Ленин говорит:

> «Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею на деле ее обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку—вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это—воспитание и обучение класса, а затем и массы».

Это значит, что обязанностью большевиков является не замазывание своих ошибок, не увиливание от вопроса об их ошибках, как это бывает у нас часто, а честное и открытое признание своих ошибок, честное и открытое намечение путей для исправления этих ошибок, честное и открытое исправление своих ошибок.

Я бы не сказал, чтобы многие из наших товарищей с удовольствием пошли на это дело. Но большевики, если они действительно хотят быть большевиками, должны найти в себе мужество открыто признать свои ошибки, вскрыть их причины, наметить пути их исправления и тем помочь партии дать кадрам правильное обучение и правильное политическое воспитание. Ибо только на этом пути, только в обстановке открытой и честной самокритики можно воспитать действительно большевистские кадры, можно воспитать действительных большевистских лидеров.

Два примера, демонстрирующие правильность положения Ленина.

Взять, например, наши ошибки с колхозным строительством. Вы помните, должно быть, 1930 год, когда наши партийные товарищи думали разрешить сложнейший вопрос перевода крестьянства на колхозное строительство в какие-нибудь 3—4 месяца и когда Центральный Комитет партии оказался вынужденным осадить увлекающихся товарищей. Это был один из самых опасных периодов в жизни на-

шей партии. Ошибка состояла в том, что наши партийные товарищи забыли о добровольности колхозного строительства, забыли, что нельзя переводить крестьян на колхозный путь путем административного нажима, забыли, что колхозное строительство требует не нескольких месяцев, а нескольких лет тщательной и продуманной работы. Они забыли об этом и не хотели признавать своих ошибок. Вы помните, должно быть, что указание ЦК о головокружении от успехов и о том, чтобы наши товарищи на местах не забегали вперед, игнорируя реальную обстановку, — было встречено в штыки. Но это не удержало ЦК от того, чтобы пойти против течения и повернуть наших партийных товарищей на правильный путь. И что же? Теперь ясно для всех, что партия добилась своего, повернув наших партийных товарищей на правильный путь. Сейчас у нас имеются десятки тысяч великолепных кадров из крестьян по колхозному строительству и колхозному руководству. Эти кадры обучались и воспитались на ошибках 1930 года. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Другой пример уже из области промышленного строительства. Я имею в виду наши ошибки в период шахтинского вредительства. Наши ошибки состояли в том, что мы не учитывали всей опасности технической отсталости наших кадров в промышленности, мы мирились с этой отсталостью и думали развернуть широкое социалистическое промышленное строительство при помощи враждебно настроенных специалистов, обрекая наши хозяйственные кадры на роль плохих комиссаров при буржуазных специалистах. Вы помните, должно быть, как неохотно признавали тогда наши хозяйственные кадры свои ошибки, как неохотно признавали они свою техническую отсталость и до чего туго усваивали они лозунг—«овладеть техникой». И что же? Факты показывают, что лозунг «овладеть техникой» возымел свое действие и дал свои благие результаты. Теперь у нас имеются десятки и сотни тысяч великолепных большевистских хозяйственных кадров, уже овладевших техникой и двигающих вперед нашу промышленность. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия спасовала перед упорством хозяйственников, не желавших признать свою техническую отсталость, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Некоторые товарищи говорят, что нецелесообразно говорить открыто о своих ошибках, так как открытое признание своих ошибок может быть расценено нашими врагами, как наша слабость, и может быть использовано ими. Это пустяки, товарищи, сущие пустяки. Открытое признание наших ошибок и честное их исправление, наоборот, может лишь усилить нашу партию, поднять авторитет нашей партии в глазах рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, поднять силу и мощь нашего государства. А это главное. Были бы с нами рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, а все остальное приложится.

Другие товарищи говорят, что открытое признание наших ошибок может привести не к обучению и укреплению наших кадров, а к их ослаблению и расстройству, что мы должны щадить и беречь свои кадры, что мы должны щадить их самолюбие и спокойствие. Для этого они предлагают замазывать ошибки наших товарищей, ослабить силу критики, а еще лучше—пройти мимо этих ошибок. Такая установка является не только в корне неправильной, но и в высшей степени опасной, опасной прежде всего для кадров, которые хотят «щадить» и «беречь». Щадить и сохранить кадры при помощи замазывания их ошибок, — это значит наверняка погубить эти самые кадры. Мы бы наверняка загубили свои колхозные большевистские кадры, если бы не вскрыли ошибок 1930 года и не обучили их на этих ошибках. Мы бы наверняка загубили свои промышленные большевистские кадры, если бы мы не вскрыли ошибок наших товарищей в период шахтинского вредительства и не обучили наши промышленные кадры на этих ошибках. Кто думает щадить самолюбие наших кадров путем замазывания их ошибок, тот губит и кадры, и самолюбие кадров, ибо он замазыванием их ошибок облегчает повторение новых, может быть более серьезных ошибок, которые, надо полагать, приведут к полному провалу кадров в ущерб их «самолюбию» и «спокойствию».

6) Ленин учил нас не только учить массы, но и учиться у масс.

Что это значит?

Это значит, что мы, руководители, не должны зазнаваться и должны понимать, что, если мы являемся членами ЦК или наркомами, то это еще не значит, что мы обладаем всеми знаниями, необходимыми для того, чтобы правильно руководить. Чин сам по себе не дает знаний и опыта. Звание—тем более.

Это значит, что одного лишь нашего опыта, опыта руководителей недостаточно для того, чтобы правильно руководить, что необходимо, стало быть, дополнять свой опыт, опыт руководителей, опытом масс, опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом народа.

Это значит, ни на минуту не ослаблять, а тем более не разрывать наших связей с массами.

Это значит, наконец, чутко прислушиваться к голосу масс, к голосу рядовых членов партии, к голосу так называемых «маленьких людей», к голосу народа.

Что значит правильно руководить?

Это вовсе не значит сидеть в канцелярии и строчить директивы.

Правильно руководить—это значит:

во-первых, найти правильное решение вопроса, а правильное решение невозможно найти без учета опыта масс, которые на своей собственной спине испытывают результаты нашего руководства;

во-вторых, организовать исполнение правильного решения, чего, однако, нельзя сделать без прямой помощи со стороны масс;

в-третьих, организовать проверку исполнения этого решения, чего, опять-таки, невозможно сделать без прямой помощи масс.

Мы, руководители, видим вещи, события, людей только с одной стороны, я бы сказал—сверху, наше поле зрения, стало быть, более или менее ограничено. Массы, наоборот, видят вещи, события, людей с другой стороны, я бы сказал—снизу, их поле зрения тоже, стало

быть, в известной степени ограничено. Чтобы получить правильное решение вопроса, надо объединить эти два опыта. Только в таком случае руководство будет правильным.

Вот что значит не только учить массы, но и учиться у масс.

Два примера, демонстрирующие правильность этого положения Ленина.

Это было несколько лет тому назад. Мы, члены ЦК, обсуждали вопрос об улучшении положения в Донбассе. Проект мероприятий, представленный Наркомтяжем, был явно неудовлетворительный. Трижды возвращали проект в Наркомтяж. Трижды получали из Наркомтяжа все разные проекты. И все же нельзя было признать их удовлетворительными. Наконец, мы решили вызвать из Донбасса несколько рабочих и рядовых хозяйственных и профессиональных работников. Три дня беседовали с этими товарищами. И все мы, члены ЦК, должны были признать, что только они, эти рядовые работники, эти «маленькие люди» сумели подсказать нам правильное решение. Вы помните должно быть известное решение ЦК и Совнаркома о мерах усиления добычи угля в Донбассе. Так вот это решение ЦК и Совнаркома, которое признано всеми нашими товарищами правильным и даже знаменитым решением, подсказали нам простые люди из низов.

Другой пример. Я имею в виду пример с тов. Николаенко. Кто такая Николаенко? Николаенко—это рядовой член партии. Она — обыкновенный «маленький человек». Целый год она подавала сигналы о неблагополучии в партийной организации в Киеве, разоблачала семейственность, мещанско-обывательский подход к работникам, зажим самокритики, засилье троцкистских вредителей. От нее отмахивались, как от назойливой мухи. Наконец, чтобы отбиться от нее, взяли и исключили ее из партии. Ни Киевская организация, ни ЦК КП(б)У не помогли ей добиться правды. Только вмешательство Центрального Комитета партии помогло распутать этот запутанный узел. А что выяснилось после разбора дела? Выяснилось, что Николаенко была права, а Киевская организация была неправа. Ни больше, ни меньше. А ведь кто такая Николаенко? Она, конечно, не член ЦК, она не нарком, она не секретарь Киевской областной организации, она даже не секретарь какой-либо ячейки, она только простой рядовой член партии.

Как видите, простые люди оказываются иногда куда ближе к истине, чем некоторые высокие учреждения.

Можно было бы привести еще десятки и сотни таких примеров.

Выходит таким образом, что для руководства нашим делом одного лишь нашего опыта, опыта руководителей, далеко еще недостаточно. Для того, чтобы правильно руководить, необходимо опыт руководителей дополнить опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом трудящихся, опытом так называемых «маленьких людей».

А когда это возможно?

Это возможно лишь в том случае, если руководители связаны с массами теснейшим образом, если они связаны с партийными массами, с рабочим классом, с крестьянством, с трудовой интеллигенцией.

Связь с массами, укрепление этой связи, готовность прислушиваться к голосу масс,—вот в чем сила и непобедимость большевистского руководства.

Можно признать как правило, что пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они будут непобедимыми. И наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, чтобы они лишились всякой силы и превратились в пустышку.

У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой—Антей, который был, как повествует мифология, сыном Посейдона—бога морей и Геи—богини земли. Он питал особую привязанность к матери своей, которая его родила, вскормила и воспитала. Не было такого героя, которого бы он не победил—этот Антей. Он считался непобедимым героем. В чем состояла его сила? Она состояла в том, что каждый раз, когда ему в борьбе с противником приходилось туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая родила и вскормила его, и получал новую силу. Но у него было все-таки свое слабое место — это опасность быть каким-либо образом оторванным от земли. Враги учитывали эту его слабость и подкарауливали его. И вот нашелся враг, который использовал эту его слабость и победил его. Это был Геркулес. Но как он его победил? Он оторвал его от земли, поднял на воздух, отнял у него возможность прикоснуться к земле и задушил его таким образом в воздухе.

Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми.

В этом ключ непобедимости большевистского руководства.

7) Наконец, еще один вопрос. Я имею в виду вопрос о формальном и бездушно-бюрократическом отношении некоторых наших партийных товарищей к судьбе отдельных членов партии, к вопросу об исключении из партии членов партии, или к вопросу о восстановлении исключенных в правах членов партии. Дело в том, что некоторые наши партийные руководители страдают отсутствием внимания к людям, к членам партии, к работникам. Более того, они не изучают членов партии, не знают чем они живут и как они растут, не знают вообще работников. Поэтому у них нет индивидуального подхода к членам партии, к работникам партии. И именно потому, что у них нет индивидуального подхода при оценке членов партии и партийных работников, они обычно действуют наобум: либо хвалят их огулом, без меры, либо избивают их также огулом и без меры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч. Такие руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь об «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что партия у нас двухмиллионная и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но так могут под-

ходить к членам партии лишь люди, по сути дела, глубоко антипартийные.

В результате такого бездушного отношения к людям, к членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии, а троцкистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото троцкистского вредительства.

Сами по себе троцкисты никогда не представляли большой силы в нашей партии. Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 году. Это был настоящий партийный референдум. Из 854 тысяч членов партии голосовало тогда 730 тысяч членов партии. Из них за большевиков, за Центральный Комитет партии против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов—4 тысячи членов партии, то-есть около полпроцента, и воздержалось 2 600 членов партии. Не приняло участия в голосовании 123 тысячи членов партии. Не приняли они участия либо потому, что были в отъезде, либо потому, что были в сменах. Если к 4 тысячам, голосовавших за троцкистов, прибавить всех воздержавшихся, — полагая, что они тоже сочувствовали троцкистам, — и если к этой сумме прибавить не полпроцента не участвовавших в голосовании, как это следовало бы сделать по правилу, а пять процентов не участвовавших, то-есть около 6 тысяч членов партии, то получится около 12 тысяч членов партии, сочувствовавших так или иначе троцкизму. Вот вам вся сила господ троцкистов. Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил. И если, несмотря на это, троцкистские вредители все же имеют кое-какие резервы около нашей партии, то это потому, что неправильная политика некоторых наших товарищей по вопросу об исключении из партии и восстановлении исключенных, бездушное отношение некоторых наших товарищей к судьбе отдельных членов партии и отдельных работников искусственно плодят количество недовольных и озлобленных и создают, таким образом, троцкистам эти резервы.

Исключают большей частью за так называемую пассивность. Что такое пассивность? Считают, оказывается, что ежели член партии не усвоил программу партии, то он пассивен и подлежит исключению. Но это же неправильно, товарищи. Нельзя же так буквоедски толковать устав нашей партии. Чтобы усвоить программу партии, надо быть настоящим марксистом, проверенным и теоретически подготовленным марксистом. Я не знаю, много ли найдется у нас членов партии, которые уже усвоили нашу программу, стали настоящими марксистами, теоретически подготовленными и проверенными. Если итти дальше по этому пути, то нам пришлось бы оставить в партии только интеллигентов и вообще людей ученых. Кому нужна такая партия? У нас имеется проверенная и выдержавшая все испытания ленинская формула о членстве в партии. По этой формуле членом партии считается тот, кто признает программу партии, платит членские взносы и работает в одной из ее организаций. Обратите внимание: в ленинской формуле говорится не об усвоении программы, а о признании программы. Это две совершенно различные вещи. Нечего и доказывать, что прав здесь Ленин, а не наши партийные товарищи, всуе болтающие об усвоении программы. Оно и понятно. Если бы партия исходила из того, что членами партии могут быть только такие товарищи, которые уже усвоили программу и стали теоретически подготовленными марксистами, то она не создавала бы в партии тысячи партийных кружков, сотни партийных школ, где членов партии обучают марксизму и помогают им усвоить нашу программу. Совершенно ясно, что если партия организует такие школы и кружки среди членов партии, то это потому, что она знает, что члены партии не успели еще усвоить партийную программу, не успели еще стать теоретически подготовленными марксистами.

Стало быть, чтобы выправить нашу политику по вопросу о членстве в партии и об исключении из партии, необходимо покончить с нынешним головотяпским толкованием вопроса о пассивности.

Но у нас есть еще другая погрешность в этой области. Дело в том, что наши товарищи не признают середины между двумя крайностями. Стоит рабочему, члену партии слегка провиниться, опоздать раз—два на партийное собрание, не заплатить почему-либо членских взносов, чтобы его мигом выкинули вон из партии. Не интересуются степенью его провинности, причиной неявки на собрание, причиной неплатежа членских взносов. Бюрократизм в этих вопросах прямо невиданный. Не трудно понять, что именно в результате такой бездушной политики оказались выброшенными из партии замечательные кадровые рабочие, великолепные стахановцы. А разве нельзя было, раньше чем исключить из партии, сделать предупреждение, если это не действует—поставить на вид или вынести выговор, а если и это не действует—поставить срок для исправления или, в крайнем случае, перевести в кандидаты, но не исключать с маху из партии? Конечно, можно было. Но для этого требуется внимательное отношение к людям, к членам партии, к судьбе членов партии. А этого-то именно и нехватает у некоторых наших товарищей.

Пора, товарищи, давно пора покончить с этим безобразием. (Аплодисменты.)

Ф/д 5-37

В. М. МОЛОТОВ

Наши задачи в борьбе с троцкистскими и иными вредителями, диверсантами и шпионами

1. Воспитание кадров

Начну с первого вопроса — с вопроса о воспитании кадров.

В свое время мы сумели сделать нужные выводы из шахтинского дела. Шахтинское дело показало, что мы находились в слишком большой зависимости от старых, буржуазных специалистов, чуждых советскому строю. Оно показало, насколько мы были слабы по части большевистских кадров, овладевших техникой и производством. Уроки шахтинского вредительства мы использовали для того, чтобы поставить вопрос о воспитании хозяйственно-технических кадров на новые рельсы.

С 1928 года, к которому относится дело шахтинских вредителей, мы начали перестройку всего технического образования. Тогда партия прямо сказала, что больше нельзя мириться с технической отсталостью наших хозяйственных кадров. Задача создания большевистских технических кадров, задача овладения техникой была поставлена перед большевиками как одна из самых главных и неотложных.

Товарищ Сталин в начале 1931 года на совещании хозяйственников говорил:

«Надо признать, к стыду нашему, что и среди нас, большевиков, есть не мало таких, которые руководят путем подписывания бумаг. А вот, чтобы вникать в дело, овладеть техникой, стать хозяином дела,— на этот счет — ни-ни.

Как могло случиться, что мы, большевики, проделавшие три революции, вышедшие с победой из жестокой гражданской войны, разрешившие крупнейшую задачу создания промышленности, повернувшие крестьянство на путь социализма, — как могло случиться, что в деле руководства производством мы пасуем перед бумажкой?

Причина тут заключается в том, что подписывать бумагу легче, чем руководить производством. И вот многие хозяйственники пошли по этой линии наименьшего сопротивления».

Дальше тов. Сталин говорил о шахтинском деле как о первом важном сигнале насчет недопустимой отсталости наших хозяйственников в техническом отношении:

«Сама жизнь не раз сигнализировала нам о неблагополучии в этом деле. Шахтинское дело было первым сигналом. Шахтинское дело показало, что у парторганизаций и профсоюзов не хватило революционной бдительности. Оно показало, что наши хозяйственники безобразно отстали в техническом отношении, что некоторые старые инженеры и техники, работая бесконтрольно, легче скатываются на путь вредительства, тем более, что их непрерывно донимают «предложениями» враги из-за границы. Второй сигнал — процесс «Промпартии».

Товарищ Сталин так разъяснял уроки шахтинского вредительства:

«Как могло случиться, что вредительство приняло такие широкие размеры? Кто виноват в этом? Мы в этом виноваты. Если бы мы дело руководства хозяйством поставили иначе, если бы мы гораздо раньше перешли к изучению техники дела, к овладению техникой, если бы мы почаще и толково вмешивались в руководство хозяйством, — вредителям не удалось бы так много навредить».

В этой речи тов. Сталин сформулировал и новые задачи, вставшие перед нами в период реконструкции:

«Пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство. Пора усвоить другую, новую, соответствующую нынешнему периоду установку: вмешиваться во все. Если ты директор завода — вмешивайся во все дела, вникай во все, не упускай ничего, учись и еще раз учись. Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все».

Лозунг об овладении техникой стал в центре задач партии и рабочего класса, и это дало громадные положительные результаты. Не желая этого, шахтинские вредители ускорили создание кадров красных специалистов, ускорили перестройку нашего технического образования.

Приведу некоторые цифры по тяжелой промышленности. Сравним положение по предприятиям НКТП в 1930 и 1936 гг.

В 1930 году на тысячу рабочих в предприятиях НКТП приходилось 20 инженеров, а в 1936 году — уже 33 инженера. Если взять инженеров, техников и мастеров вместе, то получается рост с 68 до 105 на тысячу рабочих. В каменноугольной промышленности за тот же период количество инженеров возросло с 4 до 9, а в химической — с 33 до 52 на тысячу рабочих, занятых в производстве.

Что рост новых технических кадров промышленности шел в значительной мере за счет коммунистов, видно из следующих фактов.

За три года — с 1933 по 1936 — количество коммунистов возросло с 9 до 24% среди общего количества главных инженеров шахт, по которым имеется соответствующий учет. В химической промышленности количество коммунистов среди главных инженеров предприятий за тот же период возросло с 20 до 28 процентов.

Индустриальные вузы в 1928 году выпускали всего около 9 тысяч человек. В 1936 году выпуск из этих вузов поднялся до 36 тысяч, т. е. увеличился за этот срок в 4 раза. Общее количество учащихся во втузах НКТП с 1930 года, когда оно составляло 57,5 тысячи человек, поднялось в 1936 году до 108,6 тысячи человек, т. е. увеличилось за 6 лет пример

но в два раза. За этот же период количество учащихся в техникумах НКТП увеличилось с 42,7 тысячи до 80 тысяч человек.

За последние годы развернулась техучеба рабочих, занятых в производстве. От ⅔ до ¾ рабочих тяжелой промышленности охвачены техучебой в различного рода школах и курсах. Техучеба неуклонно развертывается и в других отраслях промышленности.

Все это говорит о том, что в деле подготовки хозяйственно-технических кадров, в создании новых кадров квалифицированных промышленных работников вообще за последние годы сделано громадное дело.

Теперь мы уже не так слабы в техническом отношении, как это было в период шахтинского дела и в период «Промпартии». Мы многое сделали для того, чтобы провести в жизнь лозунг об овладении техникой и производством. Мы имеем теперь свои, советские, хозяйственно-технические кадры, в основном овладевшие своим делом. Их уже немало, они твердо стоят на ногах.

Однако надо признать, что проведение задачи овладения техникой проходило во многих случаях однобоко, с ущербом для большевистского воспитания кадров. Овладев техникой, многие наши работники отстали в своем политическом развитии от современных, более сложных политических задач.

Узкое делячество, ограничение кругозора узко-хозяйственными рамками, отрыв от партийно-политических задач и порожденная всем этим политическая близорукость стали уделом многих наших работников хозяйственного фронта. Вместо повышения большевистской бдительности многие работники промышленности и транспорта политически отстали, попали в русло обывательского благодушия, политической беспечности. Надо признать, что, увлекшись успехами и перевыполнением планов, многие из наших товарищей хозяйственников, да и не только хозяйственников, отдали большую дань самоуспокоенности и самодовольству, которые столь чужды большевистским качествам.

Партия выдвинула лозунг — «Большевики должны овладеть техникой». Кажется, понятно, что дело шло об овладении техникой большевиками, что партия призывала хозяйственников овладеть техникой так, как это полагается большевикам. На деле зачастую получалось так, что, овладевая техникой, наши товарищи забывали о своих большевистских обязанностях и политически шли не вперед, а назад. Этим воспользовался враг, чтобы не только зло посмеяться над политической близорукостью некоторых, даже очень крупных наших работников, но чтобы нанести государству немалый ущерб. У нас нередко получалось, что овладение техникой шло вместе с ослаблением большевистских качеств работника. Нам же требуется овладение техникой в полном смысле этого слова с дальнейшим усилением большевистских качеств наших кадров.

Из этого видно, какие требования мы должны предъявлять к нашим хозяйственным кадрам. Остановлюсь на этом подробнее.

Понятно, что, во-первых, к числу таких требований относится знание своего дела, иначе говоря полное овладение техникой, производством и всем порученным делом, как это требуется для настоящего руководителя. Ни о каком ослаблении этого требования к нашим руководящим кадрам не может быть и речи. Напротив, уроки вредительства, диверсий и шпионажа троцкистской и иностранной агентуры, не раз водившей за нос наших хозяйственных руководителей, подчеркивают необходимость дальнейшей упорной борьбы за овладение техникой. Тот, кто еще не знает по-настоящему порученной работы, тот должен изучать дело, вникать в него, учиться работать. Учиться не только у друзей, но и у врагов, не только внутри страны, но и за границей — у всех, у кого можно, чтобы овладеть своим делом по-настоящему в полном смысле слова. Без серьезного знания своего дела сейчас не может быть настоящего руководителя ни в одной области работы.

Способность к самокритике, развитие этой способности — таково второе требование к нашим кадрам, которое нужно решительно подчеркнуть в связи с уроками вредительства троцкистов. Без развития этой способности, без действительной самокритики не может быть настоящего движения наших кадров вперед. Без развития способности к самокритике нельзя мечтать о достижении задачи догнать и перегнать передовые по технике капиталистические страны. Мы проводим техническую реконструкцию всего народного хозяйства, мы хотим внедрить и внедряем новую технику, передовые производственные методы, высшие современные производственные нормы. Мы движемся по этому пути вперед, но еще во многом отстаем от передовых по технике капиталистических стран. Чтобы быстрее овладеть всеми достижениями современной техники, мы должны подвергнуть нашу работу, наши достижения и успехи тщательной проверке, серьезной критике. Нельзя успокаиваться на имеющихся успехах, надо доискиваться причин, по которым мы еще во многих случаях далеко отстаем от передовых в технико-производственном отношении иностранных государств, от достигнутого ими уровня производительности труда, от достигнутых ими производственных норм и качества работы.

Без самокритики, без развития способности к настоящей самокритике нельзя двигаться вперед. В наших условиях это особенно важно. В наших условиях идет быстрый рост новых технических кадров, есть немало людей, способных и желающих своей инициативой, практическим опытом и знаниями помочь делу. Надо воспитывать в наших работниках чуткость и уменье прислушиваться к сигналам, идущим снизу, со стороны рядовых работников и техников. Надо добиться того, чтобы руководитель относился к этим сигналам не по-чиновничьи бездушно, не по-сановному высокомерно. Нужна внимательность даже тогда, когда сигнал идет из чуждой среды и по чуждым нам мотивам. Если мы разовьем эту способность, способность по-большевистски вникать в эти сигналы, подвергать проверке любое, иногда кажущееся абсолютно проверенным положение в своей работе, тогда мы быстрее будем исправлять наши недостатки и предупредим происки многих вредителей и диверсантов. Ослабление же самокритики, неспособность к ее развитию ведут к бюрократизации и окостенению, что легко использовывают

наши враги в своих антисоветских целях, в целях вредительства и диверсионно-шпионской работы. Чем больше мы разовьем наше уменье разбираться в недостатках своей работы, умение отличать положительное и творческое от формально-бюрократического, тем быстрее наши кадры будут расти как настоящие большевистские организаторы и тем быстрее народное хозяйство нашей страны догонит и перегонит передовые современные показатели в технике, в производстве и в других областях. Когда мы соединим такие качества, как знание дела и способность к самокритике, мы расчистим наш путь от всяких вредителей и обеспечим достижение любых современных технических и производственных показателей.

Честность в отношении к государству — таково еще одно качество хозяйственно-технических кадров, которое мы должны всемерно воспитывать и укреплять. В нашей стране, где основные хозяйственные и культурные ценности принадлежат государству, осуществляющему волю трудящихся, где, с другой стороны, многие руководители проявляют беззаботность насчет борьбы с ворами и казнокрадами и где так еще сильны мелкобуржуазные, или, иначе говоря, хищнического-анархические, привычки у работников госаппарата — никак нельзя считать зазорным напоминать о необходимости воспитания наших кадров в духе действительной добросовестности и честности в отношении государства. Между тем об этом снова и снова приходится говорить, так как у нас немало фактов надувательства государства, иногда, к нашему стыду, проводимого с поощрения руководителей, в том числе и партийных руководителей. Одни приписки угледобычи в Донбассе что значат! Сколько мы ни осуждали за это, сколько ни отдавали под суд, а и теперь еще не выкорчевали многих жульничеств с припиской добычи угля на шахтах Донбасса и в других районах. Разве среди наших руководителей нет таких работников, которые смотрят сквозь пальцы на приписку угледобычи, которые подписывают, чтобы приукрасить свое положение перед вышестоящими органами, неправильные рапорта об окончании строек и о выполнении производственных планов раньше действительного их выполнения? Для того чтобы поскорее выдвинуться, покрасоваться хотя бы на момент, иной раз и неплохие организаторы-хозяйственники идут на фальшь, на обман государства. А уж вокруг таких руководителей-карьеристов ищите кучу подхалимов и холуев, за спину которых так удобно прятаться всяким вредителям-мерзавцам. В наших условиях ослабление трудовой дисциплины на предприятиях и в учреждениях на-руку только злейшим врагам трудящихся. В наших условиях потворство обману государства со стороны руководителей учреждений и предприятий, хотя бы для того, чтобы отрапортовать и похвастаться «успехами», или просто мягкотелость в этих делах — щель, в которую просовывают свою предательскую лапу диверсант, вредитель и шпион, которые ведь так нуждаются в «расположении» наших руководителей, чтобы пакостить государству. Без серьезной и постоянной борьбы за воспитание наших кадров в духе честного отношения к государству нельзя обеспечить успеха в решении великих задач социализма, нельзя покончить с хищническими, мелко-буржуазными пережитками в сознании людей.

Мы должны поднимать знание дела, способность к самокритике, честность в отношении к государству у наших хозяйственных и инженерно-технических кадров. Мы должны развивать все эти качества у наших работников.

Но особенно нам необходимо поднять бдительность к врагу, преодолеть политическую близорукость и привить всем нашим руководителям настоящее большевистское понимание их обязанностей.

Без усиления этого качества ни о каком серьезном воспитании советских кадров не может быть и речи. Когда партия выдвинула лозунг «Большевики должны овладеть техникой», она требовала, чтобы большевики овладели еще одним оружием, оружием передовой техники. А как этот лозунг проводился на деле? На деле, двигаясь вперед в области техники, многие товарищи беззаботно отнеслись к своим политическим обязанностям, оторвались от политики, отдались позорной беспечности в отношении к врагу. Конечно, дело нелегкое — справиться одновременно с обеими задачами: расти в овладении техникой и в овладении большевизмом. Но если ты большевик, то не должен подменять одну задачу другой или, по крайней мере, должен нагнать замеченное упущение. Уроки, о которых мы сейчас говорим, достаточно поучительны, чтобы признать, что во многих случаях у нас этого не вышло. Эти уроки требуют от нас того, чтобы мы исправили этот крупный недостаток, чтобы мы не противопоставляли овладение техникой овладению большевизмом, а добивались бы того, чтобы вместе с овладением техникой наши кадры росли в своей большевистской сознательности.

В резолюции Пленума ЦК ВКП(б) говорится:

«Пленум ЦК ВКП(б) не может пройти мимо того нежелательного явления, что само выявление и разоблачение троцкистских диверсантов, после того как диверсионная работа троцкистов стала очевидной, происходило при пассивности ряда органов промышленности и транспорта. Разоблачали троцкистов обычно органы НКВД и отдельные члены партии — добровольцы. Сами же органы промышленности и в некоторой степени также транспорта не проявляли при этом ни активности, ни тем более инициативы. Более того, некоторые органы промышленности даже тормозили это дело».

Правильно ли это указание или неправильно? Правильно ли, что наши хозяйственники не помогали разоблачению вредительства, а иногда даже тормозили его? Да, правильно. Этого не оспоришь.

Мы имеем громадные успехи в хозяйственном и культурном строительстве, но растут и наши политические задачи. Нам приходится считаться и с тем фактом, что наш классовый враг прибегает к новым, более хитрым, более замаскированным методам борьбы. От наших руководителей требуется умение распознать и разоблачить эти новые маневры врага. Для этого необходимо расширить политический кругозор наших кадров, привить им зоркость к врагу, чем бы он ни маскировался. Только в этом случае, только с этими большевистскими качествами наши хозяйственники и другие

работники будут достойны имени настоящих руководителей.

Многочисленные факты разоблаченного вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов говорят о том, что нужные большевистские качества у наших хозяйственно-технических кадров во многих случаях сейчас отсутствуют. Поэтому у нас расплодилось немало вредителей, диверсантов и шпионов. Поэтому наши работники плохо распознают троцкистов и иных двурушников. Пора всерьез взяться за борьбу с этими позорными явлениями.

Приведу примеры того, как в некоторых случаях нам удавалось сорвать намерения троцкистских вредителей. Возьму для примера вопросы химии, где благодаря вмешательству тов. Орджоникидзе был сорван ряд крупных вредительских планов.

В серно-кислотной промышленности троцкистские вредители всячески старались снизить производственные мощности заводов. Они усиленно доказывали, что мощность этих заводов не обеспечивает выполнения намеченного плана производства серной кислоты. После проверки оказалось, что путем интенсификации производственного процесса можно дать на действующем оборудовании серной кислоты на 60 проц. больше того, что намечалось. Благодаря этому уже на 1937 год серно-кислотным заводам оказалось возможным дать производственный план, значительно превышающий называвшуюся ранее «производственную мощность заводов», хотя работы по интенсификации еще не закончены. Надо продолжить работу по разоблачению вредительских дел в этой отрасли промышленности, и мы добьемся дальнейших успехов.

Вот другой пример. По другой отрасли промышленности Главоргхимпром НКТП для удвоения производственной мощности промышленности потребовал капиталовложений не больше и не меньше как 1300 миллионов рублей. И здесь поставленная тов. Орджоникидзе задача интенсификации производства на заводах позволила решить дело иначе. Проведенная уже работа по этим заводам дала возможность установить, что для удвоения мощности требуется не 1300 миллионов рублей, а 350 миллионов рублей, — вероятно, и того меньше. И в этом деле вредительские планы с их бесчестно-рваческими требованиями в отношении к государству были разоблачены.

Примеры с серно-кислотной и другими отраслями промышленности, имеющими большое значение для обороны страны, достаточно поучительны. На этих примерах видно, как зарвавшиеся вредители получили отпор от руководства наркомата. Но и в этих случаях нам не удалось своевременно вскрыть вредительства и вредителей. Вредительские планы в данном случае были опрокинуты, но организация вредителей во главе с Ратайчаком и другими оставалась до недавнего времени неразоблаченной.

Всем известна борьба с так называемым «предельчеством» в НКПС. Троцкистские вредители в НКПС пытались прикрыть свою антигосударственную работу наукой и техническими соображениями, доказывая невозможность дальнейшего роста погрузки на железнодорожном транспорте без новых больших капиталовложений. Планы вредителей-«предельщиков», как известно, были сорваны. Тов. Каганович успешно развернул борьбу с «предельщиками» в НКПС, и, как известно, это дало большие положительные результаты. Псевдо-научные и псевдо-технические возражения вредителей-«предельщиков» были разгромлены практическими успехами железнодорожного транспорта. Этим было сделано большое дело для государства. Но все дело в том, что вредители в НКПС сидели не только в плановых органах, проповедывавших «теорию пределов». После разгрома «предельщиков» троцкистская вредительская организация в НКПС осталась существовать и продолжала свое предательское дело, особенно изощряясь в устройстве аварий и крушений. Это нам лишнее напоминание о необходимости развернуть борьбу с вредительством и вредителями до конца.

Разумеется, разоблачение вредителей лежит прежде всего на органах Наркомвнудела. Но нельзя всю ответственность за разоблачение вредителей взваливать на органы Наркомвнудела. Для чего-нибудь сидят же руководители в своих организациях, получают же они сигналы от работников своего аппарата, должны же они хоть иногда почувствовать опасность со стороны врага, когда враг ведет подкопы!

Поняли ли наши хозяйственные руководители теперь свои большевистские обязанности в борьбе с вредителями, диверсантами и шпионами — вот в чем главный вопрос. Это еще надо доказать. Это необходимо доказать каждому руководителю на своем посту, на своей работе. Без этого нельзя поднять политическое воспитание кадров, усилить бдительность и уменье бороться с врагом. Руководители обязаны, по крайней мере теперь, когда многие факты уже вскрыты, объяснить своим работникам, где они ошиблись, кто допустил эти упущения, почему произошли эти факты. Как иначе можно заставить людей задуматься над своими недостатками, как иначе расширить политический кругозор работников, если мы не будем их учить этому на конкретных примерах, на конкретных ошибках и недостатках работы.

Некоторые думают отговориться признанием «некоторых недостатков» в «некоторых звеньях». Но такие речи не стоят ни гроша. Руководитель, у которого вскрыты крупные недостатки, опасные вредители, наличие важных фактов политической беспечности, должен честно, на конкретных примерах, объяснить своим работникам, своему активу причины этих явлений. Только так можно предупредить новые провалы и новые подкопы врагов. Без этого нельзя говорить о большевистском воспитании кадров, без этого руководитель — не руководитель, а бюрократ, сановник, что хотите, но не большевистский представитель на ответственном посту.

Нам предстоит большая практическая работа по ликвидации вредительства. Насколько успешно справимся мы с этой задачей, будет зависеть от того, сумеем ли мы по-большевистски подойти к этому важному вопросу. Есть большая опасность, что некоторые наши хозяйственники еще плохо учли уроки вредительства, еще не освободились от политической беспечности и относятся к этому делу поверхностно, несерьезно.

Приведу теперь пару таких примеров, из которых видно, что разоблачение фактов вредительства — дело непростое.

Типичным в этом отношении можно считать положение с оловом. В течение длительного времени многие наши хорошие намерения вредители в оловянной промышленности проваливали с треском. Мы нуждаемся в олове, тратим большие средства для его импорта, поэтому, казалось, Наркомтяжпром должен был бы добиться правильной организации этого дела и покончить с позорными рассуждениями всяких вредителей и хвостистов об отсутствии залежей олова в СССР. Но, к нашему стыду, нам до сих пор не удавалось этого сделать. Года три тому назад, вопреки главку, пришлось отдать под суд руководство соответствующего треста и некоторых других работников, явно срывавших это дело. Но произведенное обновление личного состава в оловянной промышленности к существенному улучшению не привело. Пятакову удалось посадить в Главникельолово, которому подчинена оловянная промышленность, вредителя с партийным билетом — Языкова, и мы все еще остаемся с жалким производством олова в стране. Тем не менее не подлежит сомнению, что теперь, приняв меры к очистке оловянной промышленности от вредителей и учтя недавний урок, мы быстро двинем эту работу вперед.

Другим примером не разоблаченного до конца вредительства можно считать «Уралвагонстрой». Дело идет о крупнейшем вагоностроительном заводе, который должен в ближайшие годы давать главную массу вагонов современного типа. Во главе этого строительства в течение ряда лет стоял активнейший вредитель Марьясин, причем секретарем партийного комитета на «Уралвагонстрое» был также вредитель-троцкист Шалико-Окуджава. Несколько месяцев как эти вредители разоблачены. Казалось, надо было из этого извлечь соответствующие уроки. Насколько мы сумели это сделать, — видно из следующего.

В феврале этого года по поручению Наркомтяжпрома для проверки вредительских дел на «Уралвагонстрое» выезжала специальная авторитетная комиссия. Во главе этой комиссии были поставлены такие товарищи, как начальник Главстройпрома тов. Гинзбург и кандидат в члены ЦК ВКП(б) тов. Павлуновский. К каким же выводам пришла эта комиссия? Комиссия так сформулировала общие свои выводы по «Уралвагонстрою»: «Ознакомление с Уралвагонзаводом привело нас к твердому убеждению, что вредительская работа Пятакова и Марьясина на стройке не получила большого развития».

Оказывается, вредительство в «Уралвагонстрое» «не получило большого развития». Комиссия пытается обосновать эти свои выводы, сведя недостатки в строительстве к некоторым перерасходам и к отставанию в строительстве подсобного хозяйства. Но политическая близорукость комиссии совершенно очевидна. Даже прежних показаний вредителя Марьясина было достаточно для того, чтобы понять, что комиссия Гинзбурга — Павлуновского смазала фактическое положение дела на стройке. Достаточно сказать, что эта комиссия не привела ни одного факта вредительства на стройке. Получается, что матерый вредитель Марьясин вместе с другим вредителем Окуджавой сами на себя наклеветали. Между тем, пока комиссия ездила на Урал, Марьясин дал новые показания, где более конкретно указывает, в чем заключалась его вредительская работа на стройке. Он указывает при этом на целый ряд фактов вредительства в «Уралвагонстрое», которые прошли мимо глаз уважаемой комиссии. После этого, товарищи из Наркомтяжпрома, не следует ли признать, что нужно посерьезнее проверять вредительские дела разных Марьясиных и признать, что некоторые проверочные комиссии склонны слишком поверхностно относиться к своим задачам.

Факт с проверочной комиссией по «Уралвагонстрою» говорит о том, что, несмотря на все уроки, мы очень туго перестраиваемся, продолжаем страдать неумением распознавать врага, проявляем и теперь избыток политической близорукости.

Наркомтяжпром, должно быть, еще разберется в этом деле более серьезно, но сейчас важно сделать урок из работы этой комиссии для ликвидации последствий вредительства в целом. Работа этой комиссии показала, насколько недостаточно было поставлено политическое воспитание хозяйственников, даже когда мы имеем дело с крупнейшими представителями тяжелой промышленности. Даже такие крупные работники, как Павлуновский и Гинзбург, проверяя работу вредителей на месте, не нашли нужным указать хотя бы на один факт вредительства. Даже они свели все дело к мелким недочетам, не заметив вредительства. А ведь это дает тон, и плохой тон, другим работникам промышленности.

Очевидно, даже в Наркомтяжпроме, не говоря уже о Наркомлегпроме, Наркомпищепроме, Наркомлесе и других наркоматах, в отношении политического понимания разоблаченных фактов вредительства дело обстоит далеко не благополучно. Факты показывают, что о наличии политической бдительности в отношении врага говорить рано. Наши практические работники во многих случаях так политически отстали, политический кругозор их так замкнулся, что они нелегко разбираются даже в очевидных политических фактах. Из результатов работы комиссии Наркомтяжпрома надо извлечь урок для всей нашей работы: у нас нет должной бдительности к врагу, надо поднять дело большевистского воспитания кадров.

Мы запустили дело политического воспитания хозяйственников. Теперь мы должны поднять их политическую бдительность, расширить их политический кругозор, привить и усилить их большевистские качества. Задача усиления политического воспитания хозяйственных кадров — актуальнейшая задача дня.

Усиление большевистской бдительности — важнейшее условие ускорения дальнейшего роста всего социалистического строительства.

2. Подбор работников

Второй вопрос, значение которого в связи с уроками вредительства нельзя преувеличить, — это подбор работников. И в этом отношении перед нами вскрылись теперь большие недостатки нашей работы, с которыми следует серьезно считаться.

Начну с вопроса об отношении к бывшим троцкистам. Теперь можно ждать в некоторых

случаях шарахания из одной крайности в другую: от беспечности в отношении троцкистов-вредителей к огульному походу против бывших троцкистов. Этого нельзя допустить. Мы частенько слышим теперь такой вопрос: значит, нельзя иметь дела с бывшими троцкистами? Значит, надо снимать с постов всех бывших троцкистов? Такой огульный подход и в этом случае, конечно, неправилен. Мы не можем считать ошибкой всякое назначение бывшего троцкиста на ответственный пост. Мы не можем отказаться от использования на ответственной работе бывшего троцкиста только за одно то, что когда-то, во время оно, он выступал против партийной линии. Надо разобраться и серьезно разобраться в этом деле, прежде чем отказаться от использования его на той или иной работе в данный момент. Помогая таким товарищам окончательно изжить их прошлые ошибки, проверяя их на работе, под контролем партийной организации, мы выполняем нужное для партии дело. Но мы ни в коем случае не можем считать правильным такое положение, когда, назначая бывшего троцкиста или кого бы то ни было другого, мы не умеем организовать должного контроля за его работой. Это уж наша вина, вина руководителей, если мы не умеем на деле проверять, должным образом контролировать работу бывших троцкистов и других работников.

Но среди наших людей есть и такие, которые рассуждают на этот счет совсем неправильно. Они готовы одним махом признать прошлую борьбу троцкистов с партией несущественным делом для данного момента. Они готовы использовать всех бывших троцкистов без разбора, так как, видите ли, без них не обойдешься, что уж просто смехотворно. Нельзя не признать, что в этом сказывается совершенно небольшевистское отношение к делу, что это обывательский аполитицизм, вкорне чуждый большевизму. В этом нельзя не видеть попытки отмахнуться от одной из самых важных обязанностей руководителя — от обязанности серьезно заниматься расстановкой и подбором работников. Заниматься этим делом, конечно, не так просто, как кажется тем товарищам, которые перепоручают это дело кому попало из своего аппарата. Надо знать своих работников, надо следить за их работой, проверять их работу, критиковать отстающих и смещать неспособных и обюрократившихся, замечать новых, растущих работников и активно помогать их выдвижению.

Большевистский подход к делу требует умения проверять работников с учетом их деловых и политических качеств. Нельзя проверять работников просто по анкетам об их прошлой деятельности. Это — не настоящая проверка. Нельзя руководствоваться случайными воспоминаниями и справками об их прежней работе. Так легко можно подвести дело. Недопустимо решать вопрос о пригодности работника по личным привязанностям и симпатиям. Тогда от подхалимства прямо некуда будет деваться. Неправильно также судить о работниках по рапортам, хотя бы и по рапортам о перевыполнении планов. Критерием в подборе работников должны быть как их деловые, так и их политические качества, о которых руководитель должен знать,—знать не по наслышке и не по бумажкам, а всерьез, на основе повседневного наблюдения за работой и на основе постоянной проверки работы этих людей. Только такой подбор работников можно считать большевистским отношением к делу.

Тогда мы покончим с такими фактами, которые иначе, как позорными, назвать нельзя. Приведу пример.

Бывший главный инженер Осиновского рудника в Кузбассе, вредитель Ежов, показывал о работе тогдашнего главного инженера «Кузбассугля», вредителя Строилова, следующее:

«Техническую политику в «Кузбассугле» безраздельно творит Строилов, и расстановка основных инженерных кадров проводится им же. Он выживает советских специалистов и окружает себя инженерством старой формации, беспрекословно ему подчиняющимся».

Нельзя сказать, чтобы такие факты служили к украшению хозяйственных руководителей, отвечавших за «Кузбассуголь». Но ведь это только один из очень многих фактов, показывающих, как опасно выпускать подбор работников из рук руководителя, как опасно по-чиновничьи отмахиваться от этого дела.

Пора признать, что руководитель отвечает за подбор работников. Какого бы высокого звания и чина не был человек, но если он неспособен заметить вредителей, работающих под носом, и даже не хочет вникать в такие вопросы, — он не руководитель, а канцелярист, пустой чиновник. Никто не застрахован от того, что к нему не прокрадется, под той или иной личиной, враг и прямой предатель, — ошибки, конечно, возможны. Но если ты допустишь в своем окружении сплошную гниль, если окружишь себя всякими чуждыми и подозрительными людьми, если ты сам не проявишь инициативы в борьбе с этим окружением, то как же можно снять с тебя ответственность за беспечность, за неразборчивость, за политическую близорукость? Не так легко разгадать врага-двурушника, прикрывающегося личиной преданности, а иногда и прошлыми заслугами. Но мы должны понять, что руководитель должен развивать в себе те качества, которые необходимы для распознавания врага. Кто из руководителей не заботится о развитии этих качеств, не развивает в себе способности распознавать все и всякие приемы врагов, в том числе приемы самых ловких в приспособленчестве и двурушничестве предателей, тот отмахивается от одной из основных большевистских обязанностей.

Кто не знает, что нам приходится использовать на работе и людей, враждебных советской власти? Мы и от этого отказываться не можем. Есть люди из буржуазных специалистов, которые под хорошим контролем, при должной бдительности руководителей, могут приносить и приносят немалую пользу государству. Для того чтобы предупредить возможные в этом случае ошибки, руководители должны по существу вникать в их работу, следить за соответствующими сигналами об их работе, проверять всеми доступными средствами действительный характер их работы, изобретать новые средства проверки, где не хватает старых.

Напомню на этот счет замечательные слова Ленина. В статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин специально учил этому коммунистов. Там он непосредственно говорил о работниках

РКИ, но по существу эти указания относятся ко всем нам, ко всем руководителям. Ленин говорил тогда:

«...им придется подготовлять себя к работам, которые я не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле, не скажу — мошенников, но в роде того, и придумыванием особых ухищрений для того, чтобы прикрыть свои походы, подходы и т. п.

Если в западно-европейских учреждениях подобные предложения вызвали бы неслыханное негодование, чувство нравственного возмущения и т. д., то я надеюсь, что мы еще недостаточно обюрократились, чтобы быть способными на это... У нас еще так недавно построена советская республика и навалена такая куча всякого хлама, что обидеться при мысли о том, что среди этого хлама можно производить раскопки при помощи некоторых хитростей, при помощи разведок, направленных иногда на довольно отдаленные источники или довольно кружным путем, едва ли придет кому-либо в голову, а если и придет, то можно быть уверенным, что над таким человеком мы все от души посмеемся».

Ленин говорил дальше так:

«Если я писал выше о том, что мы должны учиться и учиться в институтах по высшей организации труда и т. п., то это отнюдь не значит, что я понимаю это «учение» сколько-нибудь по-школьному, или чтобы я ограничивался мыслью об учении только по-школьному. Я надеюсь, что ни один настоящий революционер не заподозрит меня в том, что я под «учением» в этом случае отказался понять какую-нибудь полушутливую проделку, какую-нибудь хитрость, какую-нибудь каверзу или нечто в этом роде. Я знаю, что в западно-европейском чинном и серьезном государстве эта мысль вызвала бы действительно ужас, и ни один порядочный чиновник не согласился бы даже допустить ее к обсуждению. Но я надеюсь, что мы еще недостаточно обюрократились, и что у нас ничего, кроме веселья, обсуждение этой мысли не вызывает.

В самом деле, почему не соединить приятное с полезным? Почему не воспользоваться какой-нибудь шутливой или полушутливой проделкой для того, чтобы накрыть что-нибудь смешное, что-нибудь вредное, что-нибудь полусмешное, полувредное и т. д.?»

Вот как учил Ленин проверять работников, когда дело идет об охране интересов государства, о защите интересов трудящихся. Чтобы разоблачить врага или полуврага, чтобы разоблачить что-нибудь «вредное» или «полувредное», Ленин советовал прибегать к «хитростям», к «разведкам», к «каверзам», к «проделкам». Если бы мы эти указания Ленина серьезно использовали в нашей работе, мы многих вредителей разоблачили бы раньше, мы не допустили бы ряда диверсий, подкопов и шпионских вылазок на заводах, в шахтах, на железных дорогах. По крайней мере на будущее мы должны учесть эти советы Ленина так, как полагается большевикам.

Мы нередко слышим от ответственных товарищей, что работников им дает партия, партийная организация. Этим хотят сказать, что так называемый «ответственный работник» не отвечает за подбор работников своего аппарата, что если эти работники плохи или оказались прямо врагами, то ответственность будто бы несет не непосредственный руководитель, а партийная организация, пославшая работника. Такие речи, пожалуй, можно еще понять со стороны тех беспартийных, для которых партия — чужое дело. Коммунисты не могут так говорить: партийная организация, конечно, несет ответственность за коммуниста и за тех, кого она направляет на ту или иную работу, но это не значит, что кому бы то ни было дано право пачкать имя партии.

Наоборот, нашей первейшей обязанностью, обязанностью руководителей, является обязанность проверять на работе присланных партийной организацией работников. Направляя работника, партийная организация требует правильного его использования, проверки его способностей на деле, контроля за его работой. Обязанность руководителя во-время предупредить партийную организацию о недостатках, а тем более о преступлениях тех, кто непосредственно работает у данного руководителя. Но мы что-то не встречаемся с таким положением, что, скажем, руководитель-хозяйственник разоблачил того или иного вредителя, а партийная организация его защищает. На деле мы имеем обыкновенно обратное. Даже после разоблачения вредителя, и несмотря на законное требование партийной организации заменить его честным работником, хозяйственники нередко выступают защитниками чуждых людей, проявляя то и дело обывательскую неразборчивость, политическую слепоту. Разве это не верно?

Мы немало награждаем хозяйственников орденами, прославляем их успехи. Будем это делать и дальше. Но у нас есть такие люди, которые охотно приписывают себе все успехи предприятия или целой отрасли промышленности, но считают себя свободными от ответственности за грубые политические ошибки в своей работе, за беззаботность и слепоту в отношении вредителей. Поэтому приходится напомнить нашим руководителям не только об их моральной и юридической ответственности за проявление политической близорукости, но надо прямо сказать таким людям, что они ставят себя в положение, когда за их спиной троцкистские и иные вредители издеваются над их беспомощностью, насмехаются над их политической близорукостью. Хоть бы этот злорадный смех врага заставил некоторых погрязших в беспечности руководителей взяться за ум, построже проверять ответственные участки своей работы, побдительнее смотреть за работой своего аппарата!

Уроки разоблаченной вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистской шайки подчеркивают необходимость выдвижения на руководящие посты политически проверенных, честных в отношении к государству работников. Там, где слабы наши кадры, мы должны решительнее выдвигать политически проверенных, хотя и недостаточно подготовленных, но способных и желающих учиться работников. Таких людей немало. Их можно и должно научить работать, поднять их деловую квалификацию.

Руководитель должен уметь подобрать своих основных работников, проверять их работу,

помогать им исправлять недостатки в работе, содействовать их политическому развитию. Руководитель, не занимающийся подбором основных работников или не умеющий по-большевистски подойти к этому делу, — не руководитель, а пустой канцелярист или болтун. У нас много недостатков в подборе работников потому, что многие руководители пренебрегают этим делом, забывая о своей политической ответственности, забывая о том, что проверка, особенно политическая проверка, и расстановка работников с учетом не только деловых, но и политических качеств — важнейшее дело каждого руководителя-большевика.

Руководитель отвечает за свои кадры. Руководителя надо проверять, прежде всего, по уменью расставить работников, по уменью подбирать кадры с учетом как деловых, так и политических их качеств. Мы не извлечем должных уроков из разоблаченной диверсионно-шпионско-вредительской работы троцкистской банды, если не добьемся серьезного улучшения в подборе работников в наших хозорганах и на предприятиях, если наши руководители не поймут своей серьезной ответственности за это дело. Улучшив же организацию этого дела, мы еще быстрее будем шагать вперед во всех областях социалистического строительства.

Поднять ответственность руководителей за подбор работников — вот еще один важный вывод из уроков вредительства.

3. Метод руководства

Наконец, третий вопрос — о методах руководства.

За последние годы этому вопросу партия уделяла исключительное внимание. Напомню в первую очередь о постановлениях Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О работе угольной промышленности Донбасса» и «О работе железнодорожного транспорта», относящихся к лету 1933 года.

В постановлении о Донбассе, дела которого тогда были очень плохи, СНК СССР и ЦК ВКП(б) сказали, что:

«... главной причиной этого позорного движения назад является все еще неизжитый, окончательно обанкротившийся канцелярско-бюрократический метод руководства угольной промышленностью, начиная от шахты и кончая Главным топливным управлением Народного Комиссариата Тяжелой Промышленности».

В постановлении о железнодорожном транспорте ЦК ВКП(б) и СНК СССР сказали, что считают:

«...главной причиной совершенно неудовлетворительной работы железных дорог недостатки руководства, недостатки организационного характера, все еще неизжитый, окончательно обанкротившийся канцелярско-бюрократический метод руководства железными дорогами, начиная от районов и дирекций и кончая центральными управлениями НКПС».

В этих решениях партии и правительства удар был направлен по канцеляроко-бюрократическим методам в работе хозорганов. В преодолении бюрократизма в аппарате промышленности и транспорта партия видела главную задачу подъема их работы. Жизнь целиком подтвердила правильность этой установки. Каждый серьезный шаг в преодолении бюрократизма в наших хозорганизациях давал нам серьезные успехи. Мы видели это не только на примере угольной промышленности и железнодорожного транспорта.

Важным моментом в улучшении метода хозяйственной работы за последние годы была борьба с так называемой «функционалкой».

Одно время в функциональном построении аппарата наши хозорганы зашли слишком далеко. Недостаток практического опыта и знаний пытались заменить созданием многочисленных, не склеенных между собой функциональных органов. В результате нередко создавался сложнейший бюрократический аппарат с запутанными взаимоотношениями его частей, с многочисленными, параллельно работающими органами, путающимися друг у друга в ногах. Такой аппарат не может не плодить бюрократическую безответственность и избыток бюрократических извращений. Не только в учреждениях, но и в промышленных предприятиях «функционалка» принесла нам немало вреда.

Так, несколько лет назад в хлопчатобумажной промышленности занялись, было, упразднением таких профессий, как ткачество, с заменой ткачей и ткачих неквалифицированными рабочими, выполняющими отдельные упрощенные производственные функции, на которые разбили работу по ткачеству. Это «новшество» в текстильной промышленности кое-кому из наших товарищей понравилось. На проведении этого дела сложился своего рода союз вредителей и головотяпов. Хорошо, что мы быстро исправили эту нелепость.

Партия развернула решительную борьбу с раздутой функциональной системой во всех отраслях и, несомненно, сделала это правильно.

В связи с фактами разоблаченной диверсионно-шпионско-вредительской работы троцкистских и других элементов вскрылись многие недостатки нашего хозяйственного аппарата.

Так, теперь ясно, что троцкистские вредители, диверсанты и шпионы во многом использовали в своих преступных интересах существующие в наших хозорганах бюрократические извращения принципа единоначалия. Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) говорит по этому поводу:

«Бюрократические извращения принципа единоначалия, сводящиеся к тому, что многие хозяйственные руководители считают себя на основании единоначалия совершенно свободными от контроля общественного мнения масс и рядовых хозяйственных работников, не прислушиваются к голосу хозяйственно-производственного актива, не считают нужным опереться на этот актив, отрываются от актива и тем самым лишают себя поддержки актива в деле выявления и ликвидации недостатков и прорех, используемых врагами для их диверсионной работы».

Это очень важное указание. Не может быть никакой борьбы с канцелярско-бюрократическими методами, если мы будем проходить мимо таких извращений принципа единоначалия.

В целях коренного улучшения хозяйственного руководства партия указывает на производственно-хозяйственные активы как на важнейшую опору руководителей. Хозяйственное руководство настолько усложнилось, обязанности хозяйственных руководителей настолько расширились, что справиться с этим делом без помощи актива, без его поддержки нельзя. Хорошие хозяйственники и теперь знают об этом и видят в активах свою верную опору.

Мы за твердое проведение принципа единоначалия, но мы не можем мириться с таким пониманием этого принципа, когда руководитель противопоставляет себя остальным своим работникам, когда он считает себя свободным от общественного контроля масс и рядовых хозяйственников, отрывается и пренебрегает активом вместо того, чтобы в поддержке актива видеть свою основную опору. Поднять активы в хозорганах и на предприятиях, привлечь туда не только партийных, но и беспартийных активистов — одна из важнейших задач улучшения нашей хозяйственной работы, одна из верных гарантий дальнейших серьезных успехов. Кто из руководителей не поймет этой большевистской установки, тот окажется в хвосте событий, окажется в плену отсталых и обюрократившихся. Хозяйственно-производственные активы помогут нам быстрее двинуть всю работу вперед, они вскроют многие прорехи, помогут разоблачению и устранению троцкистских и иных вредителей. Эти активы правильно поступят, если не пощадят некоторых дутых авторитетов, но также и выдвинут немало новых людей, способных двигать дело по-большевистски. Громить троцкистов и иных вредителей и выдвигать новых, способных, преданных работников советской власти — это две стороны одной и той же задачи.

Наши хозяйственники справятся с этой задачей, если почаще будут вспоминать указание товарища Сталина о том, что требуется для того, чтобы наладить руководство по-новому. Среди других указаний товарищ Сталин на летнем совещании хозяйственников в 1931 году подчеркивал такое:

> «Требуется, далее, чтобы председатели объединений и их заместители почаще объезжали заводы, подольше оставались там для работы, получше знакомились с заводскими работниками и не только учили местных людей, но и учились у них. Думать, что можно руководить теперь из канцелярии, сидя в конторе, вдали от заводов, — значит заблуждаться. Чтобы руководить заводами, надо почаще общаться с работниками предприятий, надо поддерживать с ними живую связь».

Пора понять, что без развития самокритики и критики мы не добьемся серьезных результатов в борьбе с бюрократическими извращениями. Против злоупотреблений в этом деле у нас достаточно средств. Но развитие критики со стороны масс и рядовых хозяйственных работников не успело еще сделать сколько-нибудь существенных новых завоеваний, а уже некоторые товарищи готовы бить отбой.

Перед самым Пленумом ЦК ВКП(б) на имя т. Орджоникидзе поступило письмо директора Днепропетровского металлургического завода т. Бирмана. Вот как начинается это письмо т. Бирмана:

> «Положение, создающееся особенно в последнее время здесь в Днепропетровске, вынуждает меня обратиться к Вам, как к старшему товарищу, как к члену Политбюро, за указаниями и за содействием.
>
> Мне кажется, что директиву высших партийных инстанций о всемерном развертывании критики и самокритики здесь в Днепропетровске в некоторых отношениях поняли неправильно. Иностранное слово «критика» здесь часто путают с русским словом «трепаться». Я полагаю, что директива партии направлена на то, чтобы путем добросовестной критики выявить действительных врагов, вскрыть действительные недостатки. Здесь же многие поняли так, что надо во что бы то ни стало обливать грязью друг друга, но в первую очередь определенную категорию руководящих работников.
>
> Этой определенной категорией руководящих работников и являются в первую очередь хозяйственники, директора крупных заводов, которые, как по мановению таинственной волшебной палочки, сделались центральной мишенью этой части самокритики. Установлено, что одной из основных причин всего того, что произошло, является забвение партийными организациями партийной работы. Однако в выступлениях немалого количества партийных работников на только что состоявшемся трехдневном заседании областного партийного актива вместо действительной самокритики получилось так, что причиной всех бед являются хозяйственники».

Нельзя отрицать права тов. Бирмана защищаться от неправильной критики. Видимо, он имеет известные основания критиковать выступления некоторых партийных работников.

Из письма видно, что некоторые партийные работники Днепропетровска пытаются направить критику односторонне — против руководства завода, против хозяйственников. С этим никак нельзя согласиться. Но тов. Бирман впадает в другую односторонность: он считает неправильным все недостатки валить на хозяйственных работников, но, к сожалению, сам не хочет говорить о недостатках у хозяйственников и видит недостатки только у партийных работников. Это неправильная, не наша установка. Это однобокая, ведомственная установка, которую мы не можем поддержать.

Мы за то, чтобы всячески помогать нашим хозяйственникам в их работе, не сваливать на них чужую вину, но и не замазывать их недостатки. Кажется, теперь после разоблачения такого количества вредителей, диверсантов и шпионов в хозаппарате, которых мы проморгали, очень своевременно покритиковать наших хозяйственников, чтобы поднять их работу, улучшить методы их работы. Но это не значит, что нужно обходить недостатки, промахи и ошибки партийных работников, партийных руководителей. И тех и других надо критиковать, исправляя их ошибки. Открывшиеся язвы в нашем аппарате, где укрывались троцкистские и иные агенты иностранных контрразведок, достаточно говорят о том, что имеется немало недостатков в работе как хозяйственных, так и партийных работников. Нам надо всем подтянуться в работе, в хозяйственной и в партийной, да и в профсою-

ной, о которой мало говорят, но вовсе не потому, что там дело обстоит хорошо.

Теперь о проверке исполнения. Надо прямо сказать: пусть лучше будет поменьше распоряжений, поменьше бумажной «оперативности», но побольше проверки исполнения принятых решений и распоряжений. Между тем по части организации проверки исполнения у нас много грехов.

Недавно мы имели поучительный пример с Наркомлесом.

Осенью Центральный комитет собрал совещание лесозаготовителей для улучшения этого дела. Это как раз совпало с назначением т. Иванова наркомом лесной промышленности. На совещании вскрылось много недостатков. Один из них особенно бросился в глаза. Оказалось, что руководящие работники Наркомлеса не знают или не помнят, — не знаю, что лучше, — о важнейших решениях партии и правительства, относящихся к их работе. Так, на совещании долго обсуждался вопрос о договорах с колхозами по обеспечению лесозаготовителей рабочей силой. При этом лесозаготовители робко подходили к вопросу о необходимости заключать договора не с колхозами в целом, как делалось обыкновенно, а с отдельными колхозниками. Только к концу совещания удалось выяснить, что этот вопрос, вопрос о целесообразности заключения договоров с отдельными колхозниками, был положительно разрешен партией и правительством еще в начале прошлого года. Оказалось, что товарищи лесники забыли об этом решении, а между тем оно имеет первостепенное значение для перехода лесозаготовок от старых, полукустарных методов работы через колхозы к индустриальным методам с опорой на свои постоянные квалифицированные кадры. Можно ли ждать серьезного улучшения работы лесозаготовителей, если они будут «забывать» о том, что имеет решающее значение в их работе? Но если так быстро «забываются» важнейшие решения, то о какой проверке исполнения можно здесь говорить? А ведь это лишь один из многих показателей беспечности и безответственности хозяйственных руководителей.

Возьмем дальше положение в Наркомсовхозов. Недавно в Совнарком и Комиссию советского контроля поступило письмо от заместителя наркома, начальника политуправления Наркомсовхозов, тов. Сомса. Зам. наркома тов. Сомс писал следующее:

«Из Центрального планово-финансового отдела Наркомсовхозов арестованы НКВД за участие в контрреволюционной троцкистской работе Преображенский — зам. начальника ЦПФО тов. Майстрового и одновременно являющегося начальником сектора сводного планирования; парторг группы ЦПФО — Бармин и Пущин (беспартийный) — начальник группы зерносовхозов».

Написано это не совсем грамотно и просто не особенно понятно, но тов. Сомс делает из этих слов вывод, что

«можно полагать, что в ЦПФО Наркомсовхозов за время работы вышеуказанных антисоветских лиц велась вредительская работа по созданию тяжелого финансового состояния совхозов» и дальше:

«Я прошу Вас назначить специальную ревизию состояния работы и дел ЦПФО Наркомсовхозов для проверки возможной вредительской работы в области финансов Наркомсовхозов со стороны Преображенского, Бармина, Пущина и других работников».

Вместо того чтобы заместителю наркома самому, вместе с наркомом, взяться за очищение своего аппарата, тов. Сомс хочет навалить это дело на других. Такое отношение к своим обязанностям весьма пахнет безответственностью. Непонятно также и благодушное поведение наркома тов. Калмановича, который вообще отмалчивается в таких случаях. Не пора ли им, наркому и его заместителям, самим заняться чисткой своего аппарата? Для чего же они там сидят?

Коммунистам-руководителям пора понять, что они отвечают за свой аппарат, за уменье его проверять и направлять работу по назначению. Нельзя сваливать обязанность по проверке аппарата на Наркомвнудел или на Комиссию советского контроля или на какие-либо другие органы. Так могут поступать безответственные чиновники, но не большевики, которым дорого дело, которые не ленятся в работе, которые имеют связь со своим активом.

Для улучшения методов хозяйственной работы имеет большое значение еще одно указание Пленума ЦК, где говорится о необходимости обеспечить предприятия техническими правилами и инструкциями.

За последние годы наши заводы и фабрики во многом переоборудованы и построены заново. Работать по старинке уже нельзя. Надо, чтобы в производственной жизни был строгий порядок, чтобы были технические правила и инструкции в цехах, чтобы эти правила и инструкции хорошо знали соответствующие работники, чтобы их инструктировали инженеры в повседневной работе, чтобы вся эта работа проверялась директором и его помощниками. В наших предприятиях много новых станков, машин, технического оборудования и проч. С этим новым оборудованием нельзя работать без знания соответствующих технических правил и инструкций, без повседневного живого инструктажа рабочих в проведении этих правил и инструкций, без серьезной организации этого дела. Только некультурным отношением к производству можно объяснить пренебрежение этим делом.

Надо помнить также о том, что наши враги — троцкистские и иные вредители пользуются каждым беспорядком, чтобы мешать производству, пакостить рабочему классу. И здесь нужно помнить об указаниях Ленина, как надо бороться с саботажниками и вредителями. Еще в 1919 году в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» Ленин писал о саботажниках и всяких врагах советской власти:

«С этими врагами трудящихся, с помещиками, капиталистами, саботажниками, белыми, надо быть беспощадным.

А чтобы уметь ловить их, надо быть искусным, осторожным, сознательным, надо внимательнейшим образом следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов Советской власти. Помещики и капиталисты сильны не только своими знаниями и своим

опытом, не только помощью богатейших стран мира, но также и силой привычки и темноты широких масс, которые хотят жить «по старинке», и не понимают необходимости соблюдать строго и добросовестно законы Советской власти.

Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся...»

Из этого видно, что полезно почаще напоминать указания Ленина о том, как нам нужно работать.

Когда мы сумеем по-настоящему опереться на активы в предприятиях и в учреждениях, наше руководство поднимется на новую, более высокую ступень, и работа пойдет гораздо успешнее. От улучшения метода руководства теперь зависит очень многое. Мы должны считаться с большими недостатками, с большими бюрократическими наслоениями в нашем хозяйственном руководстве, как с фактом. Но у нас есть могучее орудие поднятия дела хозяйственного руководства, каким не располагает и не может располагать ни одна страна, никакая власть, кроме советской власти. Надо ликвидировать бюрократические извращения в руководстве, поднять эту борьбу, по-большевистски взявшись за организацию хозяйственно-производственных активов.

* * *

Итак, на уроках вредительства, диверсий и шпионажа троцкистской и иностранной агентуры мы должны научиться тому, как преодолеть вскрывшиеся серьезные недостатки в деле воспитания работников, в подборе кадров, в методах хозяйственного руководства. Без настойчивой работы по большевистскому воспитанию хозяйственно-технических кадров, без серьезного улучшения этого дела мы не справимся с новыми задачами, мы не выкорчуем до конца троцкистских и иных врагов народа. Без решительной борьбы с обывательски-беспринципным отношением к подбору работников, без поднятия этого дела на более высокий политический уровень наши руководители не могут считаться настоящими большевистскими руководителями, стоящими на уровне современных задач. Без жестокой критики бюрократической безответственности и канцелярщины в методах работы, как бы сие ни задевало те или иные раздутые авторитеты, нельзя двигаться вперед, как это полагается стране социализма, как это полагается большевикам. К главным условиям наших успехов мы должны отнести укрепление большевистских качеств наших руководителей, обеспечение большевистского отношения к делу воспитания наших кадров. Это должны понять наши хозяйственники, да и не только хозяйственники.

Теперь нередко можно встретиться с таким рассуждением: разговоры о вредительстве сильно раздуты, если бы вредительство действительно представляло крупное значение, то у нас не было бы тех успехов, которыми мы гордимся. Успехи нашей промышленности, дескать, говорят о том, что вредительство кем-то раздуто.

Такое рассуждение, конечно, грубая ошибка, ошибка политической близорукости. Факты говорят о другом. Вредительство причинило нам немало ущербов, замазывать этот неприятный факт легкомысленно, глупо.

Чтобы понять уроки вредительства, надо дать отпор и такого рода рассуждениям. Обывательски настроенные хозяйственники говорят иногда так: у нас разоблачают вредительство, а между тем планы мы выполняем. И в самом деле, у нас есть целые отрасли промышленности, во главе которых стояли в течение ряда лет троцкисты-вредители, а заводы все же выполняли производственные планы. Даже химический главк НКТП, во главе которого стоял Ратайчак, перевыполнил свой план и за 1935 г. и за 1936 г. Значит ли это, что Ратайчак — не Ратайчак, вредитель — не вредитель, троцкист — не троцкист? Конечно, не значит. Это значит, что и вредители не могут заниматься только вредительством, потому что тогда они не уцелеют. Это значит, дальше, что на деле выполнение наших планов зависит от всего коллектива рабочих, служащих и инженеров, о которых, конечно, нельзя сказать, что они заодно с вредителями. Наконец, это значит, что многие наши планы занижены. Когда мы основательно выкорчуем троцкистско-вредительские группы в промышленности, мы наверняка будем двигаться вперед еще быстрее, чем это было. Значит, фальшивый аргумент о перевыполнении планов, выдвигаемый для того, чтобы смазать вредительские дела, нельзя защищать, а надо разоблачать, как и всякую другую фальшивку.

С другой стороны, многие работники пытаются теперь сваливать все свои грехи на вредителей. Где что-нибудь плохо, будут говорить — вредитель виноват. Некоторым работникам, из числа беспомощных, это покажется очень удобным. Найдутся бюрократы, которые таким приемом попытаются отвести удар от себя. Но с этим никак нельзя мириться. Таким попыткам надо противопоставить серьезную проверку фактов, уменье безусловно отделить ошибки от вредительства. Только в этом случае мы поставим на свое место бюрократов и очистим наши организации от вредителей и диверсантов всех мастей.

Есть и такие горе-руководители, которые в свое время не умели бороться за разоблачение вредителей, а теперь проявляют неспособность понять свои обязанности в отношении ликвидации последствий разоблаченного вредительства. Как можно иначе понять тех товарищей, которые готовы теперь свести всю борьбу за ликвидацию последствий вредительства к разговорам о развитии стахановского движения. Слов нет, без стахановцев мы не мыслим дальнейшего движения нашей промышленности вперед. Но нельзя же свои политические и деловые грешки сваливать на стахановцев, нельзя прятаться за их спину. Лучше почестному признать свои промахи и недостатки и по-большевистски их исправить, ликвидировать до конца. Что стахановцы — молодцы и свою задачу выполняют неплохо, это известно каждому. Но что многие руководители по своей политической беспечности проспали вредителей, а теперь пытаются отговориться хорошими словами о стахановцах — это тоже

правда. Мы не должны пройти мимо этой ошибки хотя бы уже по одному тому, что она может нанести большой ущерб и самому стахановскому движению. Нельзя же забывать о том, что успехи стахановского движения в очень большой мере зависят от работы руководителя цеха, предприятия и вышестоящих органов. Чтобы обеспечить дальнейшие успехи стахановского движения, мы должны не на словах, а на деле позаботиться об улучшении методов работы наших хозяйственных руководителей, о ликвидации прорех в хозяйственном руководстве. Без этого дела не поправишь.

Возьмем хотя бы Донбасс, которому принадлежит инициатива в стахановском движении. Разве не ясно, что теперешний провал угольной промышленности Донбасса лежит не на ответственности стахановцев, которые готовы делать свое дело не хуже, чем раньше, а на ответственности тех руководителей, которые подводят нас сейчас с выполнением производственной программы. Как ни печально, а в Донбассе январь и февраль 1937 года дали меньше угля, чем январь и февраль 1936 года. Разве в этом виноваты стахановцы? Разве кто-нибудь обвиняет Донбасс в том, что там перевелись рабочие-стахановцы? Об этом не может быть и речи. Но что наши хозяйственные руководители в Донбассе не справились со своей задачей, что они не сумели обеспечить должную организацию производства и стахановского движения, что они не сумели использовать подъем стахановского движения для дальнейшего продвижения вперед и даже покатились назад — это ясно, это бесспорно. Значит, нельзя хозяйственным руководителям прятаться за спину стахановцев, а лучше смелее вскрыть недостатки руководства и поскорее поправить дело.

Успехи социалистического строительства были бы еще крупнее, если бы мы лучше боролись с недостатками в нашей хозяйственной работе, если бы мы лучше воспитывали наши кадры, лучше организовали подбор работников, решительнее искореняли канцелярско-бюрократические элементы в хозяйственной работе.

К буржуазным вредителям, диверсантам и шпионам перешли отщепенцы партии — троцкисты и правые. Но они не больше как догнивающие отбросы буржуазного общества. В наши ряды вливаются все новые тысячи высококвалифицированных и преданных советской власти специалистов. Рост армии стахановцев отражает великий подъем всего рабочего класса.

Насколько сильно наши успехи зависят от нас самих, от нашего желания поднять работу, мы знаем по многим примерам. Один из самых ярких среди них — подъем черной металлургии за последние годы. Благодаря исключительному вниманию тов. Орджоникидзе, черная металлургия не только выполнила вторую пятилетку в четыре года, но дала такие технические показатели по домнам и мартенам, которые превзошли наметки пятилетки. Наши домны с начала первой пятилетки улучшили свой коэффициент использования больше чем на 70%. Съем стали с квадратного метра площади пода в мартенах увеличился за этот же срок на 56%.

Во всей промышленности рост производительности труда идет теперь быстрее, чем в прошлые годы; освоение новой техники стало двигаться быстрее — вот залог наших новых великих успехов.

Надо помнить, однако, что задачу догнать и перегнать передовые по технике капиталистические страны мы еще не осуществили. Нам никак нельзя зазнаваться. Придется еще много поработать, чтобы добиться выполнения этой задачи. Выкорчевывание вредителей, диверсантов, шпионов и прочей мерзости из промышленности и из всего государственного аппарата — одна из важнейших предпосылок ускорения этого дела.

Вредительско-диверсионно-шпионская деятельность троцкистов и всех их союзников свидетельствует о том, что на открытую борьбу с советской властью они уже не могут итти вследствие своей слабости. По темным дорожкам двурушничества они ходят не потому, что не хотели бы открытого нападения на социализм и его строителей, а потому, что силы социалистического строя несоизмеримо больше того, что они могут им противопоставить. Они боятся света и потому живут, как двурушники, прикрываясь личиной лойяльности и даже преданности советской власти.

Но тот факт, что в течение ряда лет они могли незамеченными вести свою предательски-подрывную работу в промышленности и во многих других органах, на ответственнейших постах, показывает, насколько сильны в нашей среде опасное самоуспокоение и политическая беспечность. Нельзя мириться с такой политической близорукостью, с такой опасной беспечностью особенно со стороны тех, кто призван на руководящие посты. В таких случаях боязнь критики и неспособность к самокритике — преступление. Пока есть хоть один двурушник-вредитель в нашей среде, нельзя забывать об опасности, нельзя успокаиваться, нельзя утешаться тем, что массы за нами. Мы потеряли бы право называться большевиками, если бы не сделали этих выводов из новых, чреватых опасностями приемов борьбы двурушников.

Разоблачение вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов подчеркнуло остроту и серьезность борьбы между капитализмом и социализмом в наше время. Враг идет на все средства борьбы с социализмом. Вчерашние колебания неустойчивых коммунистов перешли уже в акты вредительства, диверсий и шпионажа по сговору с фашистами, в их угоду. Мы обязаны ответить ударом на удар, громить везде на своем пути отряды этих лазутчиков и подрывников из лагеря фашизма. Мы знаем, что это отвечает интересам и желанию не только трудящихся нашей страны, но и рабочих всего мира. Вчера еще мы не допускали, что наши противники из бывших коммунистов докатились до последней черты, что они пойдут на любую измену и предательство в отношении своей родины. Сегодня, после стольких разоблачений, мы знаем их подлинное лицо. Острота форм борьбы говорит о безнадежности дела наших врагов и об их отчаянии, но также о том, что мы должны еще больше повысить революционную бдительность, социалистическую организованность, большевистскую сознательность. Тогда разоблачение подлой ра-

боты троцкистских, бухаринских и иных групп послужит дальнейшему укреплению нашего строя и обеспечит еще большие победы социализма в нашей стране.

Нечему удивляться, что некоторые из вчерашних наших попутчиков ушли в лагерь врага, превратились в агентуру фашизма, стали бандитами контрреволюции. Мы все еще единственная социалистическая страна в кольце капиталистических держав. Наши успехи велики, но именно они все больше озлобляют классового врага, видящего в них приближение своей гибели. Буржуазия, занимающая господствующее положение во всех странах, кроме СССР, вовсе не собирается добровольно сдать свои позиции и уступить власть рабочим.

Она находит еще немало средств для того, чтобы держать в покорности себе и в страхе перед своим могуществом тех, кто пропитан буржуазными предрассудками и заражен неверием в революционные силы трудящихся. А таких немало, особенно среди мелкой буржуазии.

Перебежки из революционного лагеря к врагу давно известны рабочим. Их немало знает история борьбы за социализм. Приближение новых крупных революционных событий, опорой которых являются успехи социализма в СССР, поднимает во всех странах дух среди рабочих, рвущихся к освобождению, но и порождает панику у людей, пропитанных буржуазными предрассудками и неверием в силы рабочего класса. Перебежки троцкистов и бухаринцев в лагерь буржуазии, превращение их в банду вредителей, диверсантов, убийц и шпионов говорят именно об этом.

От нас ушли те, кто неспособен к борьбе с буржуазией, кто предпочитает связать свою судьбу с капитализмом, а не с рабочим классом. Мы должны радоваться тому, что разоблачили врага в момент, когда идет подготовка к новым боям, еще до начала этих боев. Мы должны торопиться доделать это дело, не откладывая его и не проявляя колебаний.

Советский союз соревнуется с капиталистической системой. Борьба приобретает все более крупный масштаб. О остроте ее свидетельствуют многие меры, которые капиталистические страны принимают в подготовке новых войн. Вредительские шайки всех этих троцкистов и прочих — один из активнейших отрядов в этой подготовке. Забывать об этом, предаваться беспечности — значит забывать о своем первейшем долге перед народом, перед трудящимися.

Чтобы победить в этом соревновании, мы должны неуклонно итти вперед, мы должны мерить наши успехи не меркой довоенной России, а современными мерками. Пока есть время, мы должны использовать каждый момент для того, чтобы подтянуться на слабых участках, чтобы достичь производительности труда и технических норм наиболее развитых капиталистических стран. Надо еще сильнее вовлекать во всю нашу работу широкую массу трудящихся, рядовых работников, активы. Надо поднять большевистское воспитание кадров и по-большевистски поставить подбор работников во всех организациях. Надо считаться с тем, что враг идет теперь на все, использует любые приемы борьбы, лезет во все щели; враг использует и наш партийный билет, чтобы обмануть нас, прокрасться туда, куда он не имеет иного доступа. Личину коммуниста враг принимает для того, чтобы забраться на руководящие посты, видя, что все руководство, во всех отраслях, находится в руках коммунистов. Разоблачение и изгнание врага из действующей армии строителей социализма, усиление нашей армии, подъем ее сил — гарантия новых успехов.

Поэтому каждый из нас должен помнить о священной обязанности коммуниста, развивать свою большевистскую зоркость, поднимать большевистскую сознательность кадров. Главное теперь зависит от нас — большевиков. Насколько мы, большевики, поймем свои задачи и сделаем нужные выводы, большевистские выводы, — настолько ускорится наше движение вперед.

А. ВЫШИНСКИЙ

К положению на фронте правовой теории

I

В арсенале борьбы и побед трудящихся нашей великой родины одно из почетных мест принадлежит советскому праву. Оно было и остается могучим оружием революционной борьбы за социализм. На протяжении почти двадцати лет своего существования советские законы служили и служат инструментом подавления врагов трудящегося народа, воспитания неустойчивых членов общества, укрепления государственной и общественной дисциплины. Социалистическое государство рабочих и крестьян высоко держит знамя революционного правопорядка в обстановке, когда в ряде стран фашистская буржуазия затоптала в грязь и кровь самое понятие права и законности.

Понятно, какое громадное значение имеет овладение марксистско-ленинской теорией права для практических работников, призванных осуществлять стоящие перед советским государством задачи. Понятно также, какое значение имеет теоретическая разработка как общих, так и специальных проблем советского права. Между тем, едва ли найдется другой участок теоретического фронта, столь отсталый и засоренный всяким лжемарксистским, антинаучным гнильем и хламом, как область правовых наук.

В своем историческом выступлении на конференции аграрников-марксистов (1929 г.) товарищ Сталин разоблачил отсталость нашей теоретической мысли в области экономики, подчеркнув, что теоретическая мысль «не поспевает» за нашими практическими успехами, что «мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли».

Товарищ Сталин обращал тогда наше внимание на то, что «в нашей общественно-политической жизни имеют хождение различные бур-

жуазные и мелко-буржуазные теории по вопросам нашей экономики», засоряющие головы и не встречающие должного отпора.

И товарищ Сталин спрашивал: «Разве трудно понять, что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами».

Нужно сказать, что кое-кому это, действительно, было и остается непонятным. Этим в значительной степени следует объяснить недостаточность нашей борьбы с этими «теориями», приобретшими, говоря словами товарища Сталина, прочность предрассудков на ряде участков нашего теоретического фронта и, в частности и в особенности, на правовом участке этого фронта.

В самом деле, едва ли найдется еще другая такая отсталая, такая засоренная всяким лжемарксистским, антинаучным гнильем и хламом область теории, чем область права.

Едва ли в какой-либо другой области так долго и так беззастенчиво «имели хождение», да еще и сейчас продолжают иметь хождение, «теории» и «теорийки», пропитанные ядом грубейших извращений учения Маркса—Ленина—Сталина о государстве и праве.

Здесь — в области и так называемой общей теории права, и в теории отдельных, частных правовых дисциплин (государственного права, гражданского, уголовного, трудового, земельного и других прав) — можно найти представителей разнообразных направлений, течений, оттенков, взглядов, значительная часть которых не только не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, хотя и упорно прикрывается его именем, но представляет собой грубую фальсификацию нашеи науки, грубые извращения принципов и основных положений марксизма-ленинизма.

Для доказательства правильности этого утверждения достаточно указать на «работы», пользовавшиеся в свое время широким «хождением», таких «марксистов», как, например, проф. Гойхбарг («Хозяйственное право» «Пролетариат и право» и др.), проф. Рейснер («Право. Наше право, чужое право, общее право), Ильинский, Магеровский, Разумовский, Архипов и др., перепевавших на советский лад буржуазные теории психологистов, нормативистов, всех этих Петражицких, Кнаппов, Дюги, Карнеров и пр. и т. п.

На этом участке долгое время орудовал разоблаченный ныне двурушник Пашуканис. В течение ряда последних лет он бесконтрольно хозяйничал в Институте советского строительства и права. Призванный быть руководящим центром научной мысли в области теории государства и права, институт этот в руках Пашуканиса и его сподручных стал пристанищем для многих врагов народа. Здесь подвизались такие матерые троцкистские двурушники, как Дзенис, Ашрафьян, Доценко, Старовойтов и др.

Пашуканис и его приспешники превратили советский научно-исследовательский институт в хлев, где процветали отвратительные нравы семейственности и групповщины. Неугодные и неудобные работники отшивались, вся работа была монополизирована «артелью» тесно спаянных людей. Зажим самокритики, подхалимство, взаимное восхваление, взаимная амнистия при разоблачении чьих-либо ошибок, «вождизм» — все это свило себе здесь пышное гнездо. Многократные сигналы партийной печати о неблагополучии на фронте теории права оставались без результата. Этому способствовало отсутствие большевистской бдительности у правовиков-коммунистов

Вредительская работа в области правовых дисциплин проводилась Пашуканисом и его сподручными довольно тонко. Эти люди неоднократно признавались в своих ошибках, но только для того, чтобы продолжать проповедь лжемарксистских, антиленинских взглядов в более прикрытой форме. Их «научная» деятельность была направлена к тому, чтобы всячески задерживать развитие правовых дисциплин, чтобы дискредитировать и разрушать советскую правовую науку.

Отступая под огнем критики с одной ступеньки на другую, они в различных формах проповедывали антипартийные, вредительские «теории» отмирания государства и права. Разоружить рабочий класс перед лицом его врагов, подорвать государственную мощь социализма — такова была цель этих попыток. Учащейся молодежи, растущим кадрам внушалось нигилистическое отношение к советскому праву. Это в одинаковой степени относится как к области общей теории права, так и к отдельным, частным правовым дисциплинам (государственное, гражданское, уголовное, трудовое, земельное и другие права).

Лженаучные позиции Пашуканиса и его группы переплетались с реставраторскими «теориями» троцкизма и правых (в особенности с антиленинскими взглядами Бухарина). Истоки ликвидаторских «теорий» Пашуканиса и его компании — в авгиевых конюшнях опошления и извращения марксизма меньшевистскими теоретиками II Интернационала. Все это прикрывалось громкими словами о критике буржуазной науки права, шумом и громом словесных заклинаний. На деле же систематически протаскивалась буржуазно-реставраторская, троцкистско-бухаринская контрабанда. «Методологический центр», как величали свою «артель» Пашуканис и его сподручные, на словах выступая против буржуазных теорий и их носителей на советской почве, на деле продолжал ту же линию извращения марксизма, которую с первых лет советской власти проводили буржуазные и меньшевистские юристы, рьяные последователи Петражицкого, Кнаппа, Дюги, Реннера и т. п.

Поэтому, чтобы добраться до корней извращений марксизма-ленинизма Пашуканисом и его школкой, необходимо хотя бы в самых общих чертах восстановить в памяти те антимарксистские теории права, которые имели хождение в первые годы пролетарской революции.

II

Тогда большевистские кадры правовиков были чрезвычайно малочисленны. Пользуясь этим, буржуазные профессора, в ранней юности отдавшие дань «легальному марксизму», и меньшевистские юристы выступали с пухлыми книгами, полными самых беспардонных подделок марксизма. Особенно оживилась их деятельность с переходом к нэпу, когда во всех областях стали наблюдаться попытки возрождения буржуазной идеологии.

У каждого из этих «марксистов» был свой «учитель» из числа махровых буржуазных

ученых. В духе этих учителей «ученики» и обрабатывали в меру своих сил марксизм-ленинизм, выдавая результаты такой «обработки» за марксистско-ленинскую теорию права. Старый меньшевик Гойхбарг восхвалял Карла Реннера, махист и богдановец проф. Рейснер хвалил Кнаппа и Петражицкого. Буржуазная апологетика в применении к вопросам советского права давала отвратительные плоды. Любопытно, что нередко самые махровые выводы выступали под оболочкой якобы «левых» фраз.

Еще в 1923 г. проф. Гойхбарг писал об «антиправовой пропаганде», как одной из наиболее важных задач органов советской юстиции, призывая к прямому походу против права — буржуазного ли, советского ли, это ученый профессор не пояснял... — против права вообще.

Этот ученый муж в одной из своих многочисленных, к сожалению, книг писал буквально следующее: «Всякий сознательный пролетарий знает в настоящее время или по крайней мере сотни раз слышал, что религия — опиум для народа. Но редко кто, мне кажется, сознает, что право — еще более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа...» («Основы частного имущественного права», 1924 г.).

Под маркой социалистической Академии общественных наук и Народного комиссариата юстиции сей откровенный меньшевистский теоретик провозглашал отличие буржуазного строя от социалистического в том, что — «храм буржуазного владычества — законодательство и его фетиш — закон; храм пролетарского и социалистического мирового строя — управление, а его богослужение — труд».

Совмещая должность профессора права с должностью члена коллегии Народного комиссариата юстиции РСФСР, проф. Гойхбарг с упоением цитирует Дюги, Вильсона и Реннера, с легким сердцем выбрасывал из арсенала пролетарского государства закон и право как буржуазную ветошь, как «опиум», как вредный — «буржуазный пережиток», как идею, которая служит интересам эксплоататорского класса...

С Гойхбаргом перекликался проф. Рейснер. В 1925 г. он в одном из своих «трудов» недоуменно восклицает: «...Мы так и не знаем, нужно ли нам право, в какой степени оно нам нужно, и можно ли мириться с тем, что мы почему-то пролетарскую диктатуру и классовый интерес перекрашиваем в какие-то загадочные правовые образы и формы» [1].

Запутавшись в вопросе о соотношении диктатуры пролетариата и права, проф. Рейснер пришел к простому отрицанию возможности использования права как революционного оружия в руках советского государства.

«Перед революцией, — писал он, — я думал, что право могло бы быть использовано нами как революционное оружие. В настоящее время, при наличности новой экономической политики и замедления мировой революции, я склонен стать на противоположную точку зрения».

И дальше: «Если право не «опиум для народа», то, во всяком случае, довольно опасное снадобье, обладающее в горячем состоянии свойствами взрывчатого вещества, а в холодном — всеми признаками крепкого, иногда слишком крепкого, клея или замазки» [1].

Боязнь революционных качеств советского права (свойств «взрывчатого вещества») и отрицание громадной организующей роли советского закона и советского права в процессе социалистического строительства — вот чем характеризуются буржуазно-меньшевистские позиции Рейснера, Гойхбарга и им подобных.

Ленин в 1922 г. на XI съезде РКП(б) говорил, что «простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов» (т. XXVII, стр. 255), подчеркивая тем самым громадное организующее значение советской, социалистической законности и советского права в целом. Ленин на IV сессии ВЦИК говорил о первом советском кодексе законов о труде, установившем в законодательном порядке восьмичасовой рабочий день, как о громадном завоевании советской власти, а о таких законах, как декрет о земле, говорил, что их изданием мы обеспечили союз крестьянина с рабочим (т. XXVII, стр. 319). Ленин и Сталин энергично отстаивали идею единой законности во всей федерации, не «калужской» или «казанской», а единой всероссийской и даже единой «для всей федерации советских республик» (т. XXVII, стр. 298). А «марксисты» типа Рейснера и Гойхбарга засоряли головы читателей гнилыми, антиленинскими «теориями» о советском праве, как «опиуме», как «опасном снадобье», отрицая, таким образом, его значение, пользу и необходимость в борьбе трудящихся против эксплоататоров.

Когда же эти «ученые» все же оказывались вынужденными обращаться к анализу советского права, они договаривались до таких чудовищных нелепостей, печатание которых можно объяснить только исключительной беспечностью издателей в отношении марксистско-ленинской теории, их невежеством или прямой враждебностью делу ленинизма.

В качестве образца грубейших извращений ленинско-сталинского учения о праве можно сослаться на «теорию» того же Рейснера, определявшего право вообще как «право интуитивное», как форму «сознания», как «комплекс ощущений». Проф. Рейснер стоит на позициях Маха — Авенариуса — Богданова, подменяя марксизм-ленинизм махизмом, подменяя материализм и материалистическую диалектику идеализмом, и притом в форме одной из самых реакционных и обскурантских его разновидностей.

По проф. Рейснеру, право — компромисс между классами. «Всякая система права... есть компромисс, образованный из идеологических обрывков самых различных классовых идей, есть пестрая ткань, которая создана на основе правовых требований и воззрений самых различных общественных классов».

Так пишет проф. Рейснер, выдавая эту антиленинскую чепуху за марксизм, за последнее слово науки права.

Марксизм-ленинизм учит, что право «есть только возведенная в закон воля класса». По Рейснеру, право — куча «идеологических обрывков» различных классов.

---

[1] М. Рейснер, Право. Наше право, чужое право, общее право, стр. 34.

[1] Там же, стр. 35.

Марксизм-ленинизм учит, что «каждая борющаяся партия (а следовательно, и класс — А. В.) должна свои притязания формулировать в своей программе в виде правовых требований». По Рейснеру, система права — это «пестрая ткань», созданная «на основе правовых требований и воззрений самых различных общественных классов...»

Исходя из этих абсолютно ошибочных, вредных, антимарксистских и лженаучных взглядов, проф. Рейснер пришел к представлению о советском праве как о компромиссном праве, как о праве «умиротворения и примирения». Проф. Рейснер договорился до того, что изобразил советское право как право, в состав которого включено «на началах союза» право крестьянское и на основах «терпимости и компромисса» — право буржуазное.

По проф. Рейснеру, советское право — «триединое право»: пролетарское, крестьянское и буржуазное с господствующим положением в этой, с позволения сказать, системе пролетарского права...

Немудрено, что проф. Рейснер видит в советском праве опасность превращения в реакционную силу, способную парализовать успехи борьбы за социализм.

Проф. Рейснер писал буквально следующее: «В рамках наших условий право есть громадный аппарат умиротворения и примирения, который делает возможной наличность диктатуры пролетариата в крупно- и мелко-капиталистическом окружении, как во внутренних, так и внешних отражениях, но, с другой стороны, то же право может стать реакционной силой, которая закрепит переходный период в его нэповской форме сверх всякой действительной необходимости, даст простор буржуазному праву в объеме, который может нанести серьезный ущерб пролетарскому интересу и этим или замедлит ход «врастания» в коммунистическое общество или сделает необходимой новую революцию для освобождения пролетариата от незаметно въевшихся буржуазных сетей» (цит. соч.).

Так, по Рейснеру, выходит, что: 1) советское право «умиротворяет и примиряет» борющиеся классы и 2) спасает пролетарскую диктатуру от крушения под напором «крупно- и мелко-капиталистического окружения». В этом проф. Рейснер видит положительную сторону советского права. Но советское право «рискует» стать реакционной силой, нанести ущерб «пролетарскому интересу», замедлить ход «врастания» (?!) в коммунистическое общество и привести даже к какой-то еще «новой революции» (?!). Это — отрицательная сторона советского права.

Это откровение Рейснера чрезвычайно характерно. Оно показывает тесную связь и переплетение буржуазно-меньшевистских концепций права с контрреволюционной троцкистской клеветой насчет «перерождения» советского государства, «третьей революции» и т. п.

Горе-теоретики типа Гойхбарга и Рейснера некоторое время безнаказанно проповедывали буржуазно-апологетическую галиматью. Их клевета на советское право не встречала отпора. Проповедники всевозможных буржуазных идеологий беспрепятственно извращали и искажали действительное содержание советского права, его подлинную сущность, роль и значение в пролетарской революции и социалистическом строительстве.

Этими извращениями они причинили немало вреда делу социализма, воспитывая своеобразный «правовой нигилизм», дискредитируя советское право и советские законы, выбивая из рук пролетариата это сильное и острое оружие его классовой борьбы...

III

В истории советского права видное место принадлежит П. И. Стучка, с именем которого связаны первые шаги организации советской юстиции и рождение первых декретов о суде.

П. И. Стучка немало сделал для пропаганды революционной роли советского права, для разработки основ советского государственного и гражданского права. Ему принадлежит значительная заслуга в разработке ряда правовых проблем в духе марксизма-ленинизма и в борьбе за утверждение марксистско-ленинского понимания советского права как выражения воли рабочего класса, записанной в законах советского государства. Его борьба против буржуазно-меньшевистских юристов сохранила свое значение до наших дней.

И тем не менее, в его работах имеется ряд серьезных ошибок, антиленинских положений, дающих извращенное представление о существе и значении советского права в эпоху социализма.

Так, П. И. Стучка, говоря о «пролетарском праве» как о праве переходного периода, утверждал, что в период пролетарской диктатуры или социалистического общества «взаимоотношения людей, социальный порядок будут регулироваться не принуждением, а сознательной доброй волей трудящихся, то есть всего нового общества»[1].

Это прямо противоречит марксистско-ленинскому учению о государстве и праве.

Ленин писал: «Если мы не анархисты, мы должны принять необходимость государства, то есть принуждения для перехода от капитализма к социализму» (т. XXII, стр. 462). Он подчеркивал, что «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» (т. XXI, стр. 438).

Сталин учит, что «революционная законность нашего времени направлена своим острием не против крайностей военного коммунизма, которых давно уже нет в природе, а против воров и вредителей в общественном хозяйстве...»[2].

Марксизм-ленинизм представляет себе, таким образом, регулирование «социального порядка» переходного времени не только при помощи «доброй воли трудящихся», как ошибочно думал Стучка, но и при помощи принуждения.

Были у П. И. Стучка и другие ошибки, мешавшие ему правильно понимать сущность советского права и пути его развития. Так, он утверждал, что «у нас уже трудно становится провести резкую грань между правом и техникой», что «одно переходит в другое», что «мы весь первый период (пролетарской революции — А. В.) жили почти без законов». Далее,

---

[1] П. Стучка, 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права, стр. 24.

[2] И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 509.

он выставлял в корне ошибочный тезис об отжирании в советском государстве противопоставления права и обязанности.

Новая Конституция СССР прямо разграничивает права и обязанности. Мы наказываем по всей справедливости и строгости советских законов за нарушение обязанностей. Но никому не придет в голову наказывать кого-либо за неиспользование того или другого своего права!..

Разоблачая антимарксистское утверждение Пашуканиса, что право является лишь специфической формой отношений товаровладельцев, обособленных носителей частных интересов, П. И. Стучка сам впадал в грубые ошибки. Наше право периода новой экономической политики он прямо объявлял буржуазным, утверждая, что мы попросту «произвели рецепцию, заимствование буржуазного права».

П. И. Стучка видит в советском Гражданском кодексе такой же, говоря его словами, «автомат» для опосредствования спроса и предложения, каким является буржуазный гражданский кодекс. Наш Гражданский кодекс т. Стучка считает «реализуемой через куплю-продажу формой опосредствования «общественного обмена веществ». Все отличие нашего Гражданского кодекса от буржуазного Гражданского кодекса т. Стучка видит в том, что у нас «врезывается новый момент: социалистическая плановость» («Курс советского гражданского процесса», ч. I, стр. 73).

Указание на плановость, однако, не меняет дела, так как основная ошибка т. Стучка заключается в сведении советского гражданского права к сфере производства и обмена. Но как быть в таком случае с той частью гражданского права, которое регулирует брачные и семейные отношения? Или и эти отношения также должны регулироваться с точки зрения «социалистической плановости?» Ясно, что гражданское право охватывает сферу отношений более широкую, чем только отношения обмена (как думает Пашуканис) или даже только отношения производства и обмена (как неправильно думал Стучка).

В этой точке зрения несомненная связь и родство «теории» П. И. Стучка с «теорией» Пашуканиса. Не даром т. Стучка расхваливает вредительскую книжку Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» на все голоса, кощунственно ставя его имя рядом с именами Маркса, Энгельса, Ленина («Революционная роль советского права», стр. 96).

Советское гражданское право и советский гражданский кодекс т. Стучка характеризует как в основном буржуазные явления.

Наше право периода новой экономической политики т. Стучка прямо объявляет буржуазным, утверждая, что мы попросту «произвели рецепцию, заимствование буржуазного права».

Наши новые (и, скажем здесь же, первые) кодексы т. Стучка рассматривает как результат «уступок буржуазному праву», как «вехи отступления», повторяя, таким образом, антиленинские измышления Зиновьева—Бухарина, перенося троцкистско-зиновьевские установки в область теории права.

Но сам П. И. Стучка в своей книжке «Революционная роль советского права» писал о том, что ему при помощи товарищей удалось дать новую, революционно-диалектическую концепцию гражданского права вообще и нашего, советского, в особенности.

Надо в пояснение приводимой выше цитаты сказать, что одним из вопросов, связанных с этой «новой, революционно-диалектической концепцией», было выделение в особую отрасль права так называемого хозяйственно-административного или, как впоследствии его стали называть, хозяйственного права (см. курс «Советского хозяйственного права», Институт советского строительства и права Комакадемии, 1935, авторы — Гинцбург, Амфитеатров, Костельцев). Это «хозяйственное» право своими корнями уходит в гнилую вредительскую теорию Пашуканиса, во вредительскую работу возглавлявшегося им указанного выше института.

Основное в этом хозяйственном административном праве «сводилось к раскалыванию советского права, регулирующего хозяйственные отношения, на два «права»: гражданское—для отношений между государственными органами и частными лицами и для отношений частных лиц (граждан) между собой и «хозяйственное» — для отношений внутри государственного или социалистического сектора.

Говоря о содержании административно-хозяйственного права, т. Стучка писал, что эта область права регулирует «хозяйственные отношения социалистического сектора, тогда как частно-хозяйственное или гражданское (частное тоже) право регулирует имущественные отношения, главным образом, сектора частных собственников и отчасти междусекторные отношения» («Курс советского гражданского права», ч. III, стр. 10).

Тов. Стучка при этом пояснил, что различие между этими двумя «правами» заключается в том, что первое отличается плановым характером, а второе—определяется «анархическим характером свободы конкуренции», лежащей в основе этих отношений. Между этими секторами (а следовательно, и между этими «правами» — А. В.) происходит борьба, в которой «один сектор стремится уничтожить другой»...

Очевидно, то же должно происходить и с «правами», из которых одно право должно «стремиться уничтожить другое»...

Вот до каких пределов доходит путаница у т. Стучка, вплотную, по сути вещей, подошедшего к «теории» «своего» и «чужого» права проф. Рейснера.

П. И. Стучка в подкрепление этой глубоко ошибочной своей позиции утверждает, что «купля-продажа никогда не будет социалистической», что «купля-продажа есть буржуазный институт, а социализм купли и продажи не признает. Он признает только прямое снабжение». А посему—вывод: «Надо выделить в особый кодекс то, что уже относится просто к регулированию отношений социалистического сектора, а не к гражданскому праву» («ЕСЮ», 1929, № 9/10). Здесь все перепутано, начиная со смазывания ленинского лозунга «учитесь торговать» и кончая игнорированием известных решений по вопросу о нэпе и социализме XIV партсъезда нашей партии.

Гордо провозглашенная т. Стучка «новая, революционно-диалектическая концепция» свелась к правооппортунистической «теории» «двухсекторного права», к противопоставлению интересов социалистического хозяйства инте-

ресам социалистического человека, к недооценке гражданского права как права, регулирующего, утверждающего и охраняющего личные и имущественные интересы трудящихся, граждан СССР, строителей социализма.

Это — грубое извращение учения Маркса — Ленина — Сталина о социализме, о месте и роли личности в социалистическом обществе.

«... Социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того,—социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 602).

Этими указаниями товарища Сталина определяется и путь развития советского гражданского права и стоящие перед нами в этой области задачи—задачи развития и укрепления советского гражданского права.

П. И. Стучка и его последователи (Амфитеатров, Гинцбург и др.), наоборот, видели эту задачу в «упрощении и сужении действий чисто гражданских отношений» (Стучка). Отсюда—игнорирование задач, связанных с осуществлением личной собственности граждан, как важнейших задач советского гражданского права.

Отсюда утверждение разных авторов-цивилистов об отмирании гражданского права (Братусь), об отмирании категории юридического лица (Гинцбург), сведение советского гражданского права к хозяйственному (см. указанный выше двухтомник), а этого последнего—к вопросам управления хозяйством и т. д. и т. п.

В такой постановке проблемы советского гражданского права фактически ликвидируется советское гражданское право.

Пашуканисы и Доценки — внутри СССР, Нуссбаумы и Гедеманы—по ту сторону наших границ делают, по сути вещей, одно, общее им всем дело,—дело врагов социализма, пытающихся подорвать наше право—один из лучших рычагов пролетарской диктатуры и советского государства.

IV

Появление книжки Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» в 1924 г. было встречено подавляющим большинством наших «ученых» юристов весьма благожелательно.

Резолюция I всесоюзного съезда марксистов-государственников (1930 г.) по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана прямо объявляла Пашуканиса «виднейшим представителем марксистско-ленинской теории права».

Резолюция эта утверждала, что «работа Пашуканиса вооружила против буржуазно-юридического мировоззрения, препятствуя протаскиванию в советскую теорию и практику отдельных его элементов под видом невинных технических приемов».

П. И. Стучка также без меры расхваливал эту, как он говорил, «прекрасную работу», не замечая содержащихся в ней грубейших извращений и опошлений марксизма-ленинизма.

Ряд молодых советских юристов буквально захлебывался от восторга перед «заслугами» Пашуканиса в области советского права.

Основная идея книжки Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» выражена в краткой формуле, объявляющей право формой буржуазного общества, «формой общения эгоистических, обособленных субъектов, носителей автономного частного интереса или идеальных собственников».

Рассматривая право исключительно как буржуазную категорию, субъекта права—то есть носителя, обладателя права—как товаровладельца, а правовые отношения как отношения товаровладельцев, частных собственников, Пашуканис все правовые понятия и в советском обществе выводил из характера товарно-денежного, капиталистического хозяйства. Отсюда Пашуканис приходил к утверждению, что право в наиболее развитом виде возможно только в буржуазном обществе.

«... Я утверждал,—писал он, — и продолжаю утверждать, что наиболее развитое, всестороннее и законченное правовое опосредствование порождается отношениями товаропроизводителей; что, следовательно, всякая общая теория права... есть одностороннее, абстрагированное от всех прочих условий описание отношений людей, выступающих на рынке в роли товаровладельцев» (стр. 10).

Нетрудно открыть корни этой враждебной марксизму концепции. Пашуканис пришел к большевикам после долголетнего пребывания в меньшевистской партии. Он принес с собой груз меньшевистского псевдомарксизма.

Его в корне антимарксистская и антиреволюционная теория права, которую он продолжал исповедывать до последнего времени, лишь слегка перекрашивая ее фасад, типична для меньшевистской идеологии. Она целиком вытекает из того извращения и опошления марксизма, которое связано с именами Гильфердинга и Реннера. Заменяя Маркса Махом и Кантом, эти господа развили насквозь идеалистическую теорию права, связанную с идеалистической же ревизией марксизма в области политической экономии. Пашуканис рабски повторял своих меньшевистских учителей. Так он попал в унисон с Бухариным, также занимавшимся перепевами теоретических откровений Богданова и Гильфердинга.

Пашуканис объявлял советское право буржуазной категорией, присущей социалистическому обществу в том же виде, как и капитализму. Но если наше право—буржуазное право, то, очевидно, юридическая сущность его не изменилась, изменилась лишь его «социальная функция», выражаясь словами Карнера—Реннера. Выходит, таким образом, что буржуазное право «переросло» в социалистическое право... Это совершенно в духе Гильфердингов, Карнеров и Адлеров, утверждающих возможность эволюционного превращения капитализма в социализм.

Что касается Бухарина, то сам Пашуканис вынужден был признать влияние его «закона трудовых затрат». Приравнение закона движения нашей экономики к социализму, к закону стоимости, лежащему в основе капиталистического хозяйства, тесно связано у Пашуканиса с приравнением советского права к буржуазному праву. В правовой науке Пашуканис протаскивал подлую троцкистскую клевету на советский хозяйственный и политический строй.

Пашуканис утверждал, что правовые формы не могут развиваться в условиях пролетарской

диктатуры «в сторону наполнения их социалистическим содержанием», что «они неспособны вместить это содержание и должны будут отмирать по мере его реализации».

Извращая действительные взгляды Маркса, он утверждал далее, что «переход к развернутому коммунизму Маркс представлял себе, следовательно, не как переход к новым формам права, но как отмирание юридической формы вообще, как освобождение от этого наследия буржуазной эпохи, которому суждено пережить самое буржуазию» (стр. 25).

Пашуканис прямо отрицал возможность замены буржуазного права «категориями пролетарского права», утверждая, что «отмирание категорий буржуазного права в этих условиях (то есть при переходе к развернутому социализму—А. В.) будет означать отмирание права вообще, то есть постепенное исчезновение юридического момента в отношении (отношениях—А. В.) людей».

Этот «юридический момент» Пашуканис объявлял также исключительной принадлежностью буржуазного общества, в котором-де этот «момент» в социальных отношениях и достигает якобы «полной определенности». Это абсолютно неверно.

Достаточно напомнить о том, как фашизм расправился со всеми и всякими «юридическими моментами» и «правовыми категориями», чтобы стала ясна чудовищная нелепость подобного рода утверждений.

Фашистская буржуазия превосходно обходится без «юридических моментов», превратив закон и право в их противоположность. Наоборот, социалистическое общество рабочих и крестьян закрепляет в законе при помощи «юридических моментов» свои социалистические победы, в своей Конституции запечатлевая завоеванное и добытое в борьбе с классовыми врагами.

У Пашуканиса же все наоборот... Уже побитый на I съезде марксистов-государственников (1930 г.), Пашуканис продолжал отстаивать свои вредительские взгляды, договариваясь до такой глупости, как утверждение, что «буржуазное право» есть «не только отражение или выражение определенного уровня развития экономики, оно есть средство в руках пролетариата для дальнейшего развития производительных сил, для строительства социализма» (!).

Грубо извращая мысли Маркса — Ленина о том, что при социализме «буржуазное право» «отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота» (Ленин, т. XXI, стр. 427—441), Пашуканис право советского государства объявил просто буржуазным правом, приписав этому буржуазному праву роль орудия борьбы за социализм...

Эту «теорию» Пашуканис упорно защищал и как редактор «Советского государства» на протяжении ряда лет.

В 1934 г. эту же мысль повторил В. Комаров (один из редакторов «Советского государства») в статье под громким заглавием «Основные вопросы теории советского права». В этой статье можно прочесть, что «буржуазное право в кавычках не пустышка, о которой можно забыть. Оно является орудием строительства социализма» («Советское государство», № 1, стр. 43). Это—буквальное повторение Пашуканиса.

В 1936 г. в статье «Государство и право при социализме» Пашуканис вновь, как и в 1932 г. и в 1929 г., пытается оправдать свое отрицательное отношение к проблеме построения системы советского социалистического права.

В этой статье Пашуканис всю разницу между социализмом и социализмом и коммунизмом видит только в способе распределения, забывая, что этим разница далеко не исчерпывается и что в этой «разнице» известную роль играет и государство и право, и такие правовые институты, как Конституция, кодексы, суды...

В этой статье Пашуканис продолжал утверждать невозможность в предшествующее нынешней эпохе время построения системы социалистического права, исходя из того, что «это был период революционной ломки старых производственных отношений» и что «советское право должно обладать максимальной подвижностью и гибкостью, в особенности на этапе развернутого социалистического наступления» («Советское государство», 1936, № 3), а следовательно, не может быть речи о системе советского права.

В этой статье Пашуканис вновь, как и в предыдущие годы, оправдывает всякого рода жульническими ссылками свое отрицательное отношение к построению системы советского социалистического права («Советское государство», 1936, № 3).

Однако ясно, что Пашуканис просто уходит от ответа на вопрос о том, что представляет собой советское право, каково его содержание, цели, методы как права, отличного от буржуазного права.

Отрицая социалистический характер советского права, Пашуканис выбрасывает вон и советские законы, советские кодексы.

«Возьмете ли вы Гражданский кодекс, Земельный кодекс или Трудовой кодекс,—говорит он,—все они, как кодексы, сейчас уже не могут применяться»...

Ни для кого не ново, что многое в этих кодексах, изданных в 1922—1923 гг., устарело и требует изменения. Но Пашуканис отвергает их целиком, вследствие того что они якобы «были рассчитаны на сосуществование и борьбу капиталистических и социалистических секторов».

Это грубое извращение природы наших кодексов.

Пашуканис извращает содержание нашей законодательной политики в период нэпа. Гражданский кодекс и другие кодексы этой эпохи вовсе не представляли собой «рецепции» аналогичных буржуазных кодексов, не развязывали мелкобуржуазной рыночной стихии. Эти кодексы, отражая особенности эпохи, были направлены на защиту интересов трудящихся, на укрепление социализма.

В 1922 г. Ленин писал Курскому, тогдашнему наркому юстиции: «Идет подготовка нового гражданского законодательства. НКЮст «плывет по течению»,—я это вижу. А он обязан бороться против течения. Не перенимать (вернее, не дать себя надувать тупоумным и буржуазным юристам, как перенимают) старое буржуазное понятие о гражданском праве, и

создать новое... гражданское право, новое отношение к «частным» договорам... и т. д.»

В том же 1922 г. в другой записке Курскому Ленин писал: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государства... Отсюда расширить применение государственного вмешательства в «частно-правовые» отношения, расширить право государства отменять «частные» договоры, применять не corpus juris romani к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание, показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как надо делать с умом и энергией» (т. XXIX, стр. 419).

Выступая в октябре 1922 г. на IV сессии ВЦИК по поводу принятого тогда сессией Гражданского кодекса, Ленин говорил: «Мы и здесь старались соблюсти грани между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребление нэпом, которое во всех государствах легально, и которое мы легализовать не хотим» (т. XXVII, стр. 319).

По Ленину, Гражданский кодекс был направлен против «злоупотребления нэпом, которое во всех государствах легально», то есть против буржуазных принципов и буржуазного содержания гражданских кодексов капиталистических стран.

А по Пашуканису, в советском Гражданском кодексе все дело сводилось к «сосуществованию социалистических и капиталистических секторов».

Разница немалая. Немалое и извращение ленинских взглядов на наше гражданское право...

Пашуканис, даже «самокритикуя» свои установки, не стеснялся писать про наше право, что «оно есть или по крайней мере должно быть совокупностью таких форм, смысл которых доступен и понятен каждому трудящемуся и, следовательно, в основе его системы должна лежать политическая классовая цель» и т. д.

Подчеркнутые мною слова выдают действительные, подлинные взгляды Пашуканиса, этого проповедника буржуазной реставрации в нашем праве...

В области уголовного права и процесса «теория» Пашуканиса приводила к отрицанию этого права и процесса. Пашуканис, например, утверждал, что превращение наказания «из возмездия и воздаяния в целесообразную меру защиты общества и исправления при успешном разрешении этой задачи «делают излишним судебные процессы и судебные приговоры».

Что из этого следует? Одно из двух: или наше наказание остается «возмездием и воздаянием» или нам надлежит стать на путь ликвидации судов и судебных процессов.

«Tertium non datur»—третьего не дано. Для Пашуканиса путь «развития» советского права и суда представляется именно таким — путем ликвидации и того и другого. Если это еще не произошло, то, как думает Пашуканис, в этом виновата лишь сила живучести у нас буржуазных пережитков.

V

Пашуканис и его школка проводили ликвидаторскую, вредительскую линию как в области общей теории права, так и в отношении частных правовых дисциплин. Эта сторона их деятельности особенно пагубно отразилась на постановке правового образования, на подготовке кадров юристов.

В области трудового права ликвидаторская линия выразилась в ограничении сферы этого предмета трудовыми отношениями рабочих и служащих. В области государственного права ликвидаторская политика проводилась совершенно неприкрыто. Правовые вопросы колхозного движения совершенно не разрабатывались в течение ряда последних лет, то есть как раз в тот период, когда победа колхозного строя поставила множество практических актуальных проблем. Легко понять, как подобная ликвидаторская практика отразилась на постановке преподавания в вузах.

Особенно поучительны плоды ликвидаторской политики Пашуканиса и иже с ним, как это мы уже видели выше, в области гражданского права. Само это название исчезло за последние годы из правовой литературы, из учебных пособий, из учебных программ и планов. Гражданское право было заменено так называемым хозяйственным правом.

Составители курса хозяйственного права (Амфитеатров, Костельцев, Доценко, Гинцбург и др.) ограничили сферу своего предмета исключительно рамками отношений внутри обобществленного советского хозяйства. И в этих пределах они подменили плохо перевренными экономическими рассуждениями какой-либо анализ правовых форм.

Подмена гражданского права так называемым «хозяйственным» правом—ценная услуга врагам коммунизма, клеветникам, рассказывающим небылицы о коммунизме, якобы подавляющем личность и не признающем никаких иных категорий, кроме как общество, хозяйство, производство.

Пашуканис и его школка делали с величайшей наглостью дело врагов социализма, пытающихся подорвать наше право — один из мощных рычагов диктатуры рабочего класса и советского государства.

Необходим полный разгром троцкистско-бухаринских вредительских «теорий» на правовом фронте. Необходимо решительное разоблачение всех антипартийных взглядов и представлений, долго проповедывавшихся в правовой литературе и учебных заведениях. Только тогда наука о советском социалистическом праве расцветет и достигнет того уровня, которого требует наша замечательная действительность.

Б. МАНЬКОВСКИЙ

Против антимарксистских теорий в уголовном праве[1]

I

Сталинская Конституция с исключительной силой показала огромное революционное значение закона в социалистическом государстве. Советский закон есть выражение воли широчайших народных масс страны победившего социализма, и с нигилистическим отношением к советскому закону нужно вести решительную борьбу. Товарищ Сталин поэтому на VIII съезде советов со всей остротой подчеркнул, что «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было».

В борьбе за укрепление социалистического закона перед теорией советского права стоят огромные задачи. Однако теория советского права была засорена контрреволюционными «теориями» Пашуканиса и лжемарксистской ученостью. Советское уголовное право квалифицировалось либо как «типично буржуазное уголовное право», либо что в советском праве есть «элементы буржуазной уголовно-правовой формы», что является замаскированной формой отрицания советского уголовного права как права социалистического.

Тов. Юдин в статье «Против пошлости, путаницы и ревизионизма на правовом фронте» вскрыл крупнейший прорыв на фронте теории советского права. Пашуканис отрицал качественное отличие советского права от буржуазного права. Выхолащивая классовое содержание права, Пашуканис рассматривал советское право как иррациональную и мистифицирующую категорию, которая препятствует действительно целесообразному построению репрессии. Институты советского права отождествлялись с институтами буржуазного права. «Итак следует иметь в виду,—писал Пашуканис,—что мораль, право и государство суть формы буржуазного общества. Если пролетариат вынужден ими пользоваться, то это вовсе не обозначает возможности дальнейшего развития этих форм в сторону наполнения их социалистическим содержанием. Они не способны вместить это содержание и должны будут отмирать по мере его реализации. Но тем не менее, в настоящую переходную эпоху пролетариат необходимо должен использовать в своем классовом интересе эти унаследованные от буржуазного общества формы и тем самым исчерпать их до конца».

Решительно возражая против трактовки Стучкой советского права как права пролетарского, Пашуканис указывает, что «другое возражение против выдвигаемого нами понимания задач общей теории права состоит в том, что абстракции, лежащие в основе анализа, признаются присущими только буржуазному праву. Пролетарское право,—говорят нам,—должно найти себе иные обобщающие понятия, поиски которых и должны составить задачу марксистской теории права.

Это возражение представляется на первый взгляд весьма серьезным, однако оно покоится на недоразумениях. Требуя для пролетарского права своих новых обобщающих понятий, это направление является как будто революционным par excellence. Однако оно на деле прокламирует бессмертные формы права, ибо оно стремится вырвать эту форму из тех определенных исторических условий, которые обеспечили ей полный расцвет, и объявить ее способной к постоянному обновлению».

Таким образом советское право может быть только буржуазным правом, и всякая попытка рассматривать советское право как право пролетарское ведет, оказывается, к утверждению бессмертия правовой формы. Эти клеветнические утверждения Пашуканиса нужны для того, чтобы «теоретически» обосновать отказ от изучения социалистического права. Социалистическое уголовное законодательство, по Пашуканису, насквозь пронизано принципом возмездия и принципиально уголовный кодекс ничем не отличается от законодательства буржуазных государств. «Уголовный кодекс, — пишет Пашуканис, — сам по себе и та судебная процедура, для которой он создан, пропитаны насквозь юридическим началом эквивалентности, воздаяния. В самом деле, что представляет собой всякая часть всякого уголовного кодекса (в том числе и нашего) с ее понятиями пособничества, соучастия, покушения, приготовления и т. д., как не способ более точного взвешивания виновности? Что представляет собой разграничение умысла и неосторожности, как не разграничение степеней виновности? Какой смысл имеет понятие невменяемости, если не существует понятия виновности? Наконец, зачем нужна вся Особенная часть кодекса, если дело идет только о мерах социальной (классовой) защиты?» Контрреволюционно-реставраторская сущность этих положений Пашуканиса очевидна. Все институты социалистического уголовного права отождествляются с институтами буржуазного уголовного права. Неслучайно, исходя из «теории» Пашуканиса, троцкист Старосельский открыто выступил с термидорианскими положениями в журнале «Революция права», где писал, что «приходится заключить, что мы имеем с формальной стороны такой же типичный кодекс, такое же уголовное право, какие имеются в буржуазных государствах». Глубоко прав т. Юдин, когда он указывает, что «теория врастания буржуазного права в социализм есть не что иное, как теория врастания буржуазного государства в социализм»[1].

Выводя право из меновых отношений, Пашуканис приходит также к отрицанию возможности создания системы советского права. «У нас есть система пролетарской политики, но нам не нужно никакой юридической системы пролетарского права». «У нас есть система пролетарской политики, на нее должно быть ориентировано право. Мы когда-то хотели так

---

[1] Статья первая.

[1] П. Юдин, Против путаницы, пошлости и ревизионизма («Правда» от 20 января 1937 г.).

ставить преподавание, что, например, курс земельного права заменяли курсом земельной политики и права, потому что право у нас самостоятельной, законченной роли играть не может». Как известно, вредительство Пашуканиса на правовом фронте выразилось, в частности, в том, что в наших юридических вузах преподавание права было заменено изложением социологических схем. Это резко снижало юридическую подготовку судебных кадров и вело к отказу от изучения системы социалистического права и, в частности, системы социалистического уголовного права.

Наконец, в 1936 г., после ряда выступлений т. Юдина в «Большевике» об антипартийной сущности «теории» Пашуканиса, последний делает вынужденное заявление, что сейчас советское право стало правом социалистическим. «На данном этапе, — писал Пашуканис, — победа социализма, ликвидация многоукладности нашей экономики это вовсе не начало какого-то отмирания права, а наступление того периода, когда содержанием советского социалистического права и в городе и в деревне стали однотипные социалистические производственные отношения». Следовательно, по своему содержанию, существу советское право только с победой социализма стало правом социалистическим. Отсюда неизбежно вытекает вывод, что на прежних этапах диктатуры рабочего класса советское право было не вполне социалистическим. Так протаскиваемая Пашуканисом оссовщина в праве маскировалась марксистской фразеологией [1].

Отрицание Пашуканисом социалистического уголовного права связано с контрреволюционной троцкистской теорией о невозможности построения социализма в одной стране.

В работах Ленина и Сталина мы находим исчерпывающий ответ о существе советского права. Проблема советского права ставилась в прямую связь с природой Советского государства. Источником советского права, по Ленину и Сталину, является социалистическая собственность и диктатура рабочего класса.

Ленин с гениальной глубиной показал, что диктатура рабочего класса является новым типом государства. На всех этапах своего развития Советское государство по своему содержанию являлось социалистическим государством. «Не было еще, — писал Ленин, — кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение «Социалистическая советская республика» означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими» [1]. Далее Ленин неоднократно подчеркивает, что с введением новой экономической политики существо рабочего государства не изменяется, но меняются методы и формы социалистического строительства.

«Новая экономическая политика, — писал Ленин, — вносит ряд существенных изменений в положение пролетариата... Подавляющая масса средств производства в области промышленности и транспорта остается в руках пролетарского государства. Вместе с национализацией земли это обстоятельство показывает, что новая экономическая политика не изменяет существа рабочего государства, изменяя, однако, существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строющимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом на почве удовлетворения через рынок многомиллионного крестьянства» [2].

Эти указания Ленина имеют громадное значение для уяснения существа советского уголовного права. На всех этапах социалистического строительства советское уголовное право является правом социалистическим, хотя меняются формы и методы борьбы с действиями, опасными социалистическому строительству, на различных стадиях его развития.

Ленин и Сталин в своих работах неоднократно указывают на революционную роль социалистической уголовной репрессии.

Ленин еще до Октябрьской революции, останавливаясь на возникновении советов в 1905 г., отмечает с гениальной прозорливостью значение советов как формы диктатуры пролетариата.

Ленин указывает, что в ходе создания советов народ творит новое революционное право.

«Описанные нами, — пишет Ленин, — органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было, исходящей. Неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть, — это и есть диктатура...

На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот основное отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти...

Вы спросите, может быть, г. Бланк или г. Кизеветтер, зачем же тут «диктатура», зачем «насилие»? Разве же огромная масса нуждается в насилии против горстки, разве десятки и сотни миллионов могут быть диктаторами над тысячей, над десятком тысяч?..

Вы забываете, что новая власть не с неба сваливается, а вырастает, возникает наряду со старой, против старой власти, в борьбе против нее. Без насилий по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников...

---

[1] Составленный под руководством Пашуканиса план работ ИССП Академии наук на 1937 г. намечал для научной разработки тему «Советское социалистическое право», где давалось следующее обоснование: «Показать роль права в условиях победившего социализма как одного из орудий организации социалистического общества, его политической и хозяйственной жизни, создания новой дисциплины и регулирования общественных отношений». Обобщив высказывания классиков марксизма, практику законодательного регулирования, показать социалистическое право как стройную систему, созданную в результате победы социализма. Таким образом и здесь протаскивается клеветническая оценка советского права как права, которое только сейчас стало правом социалистическим.

[1] Ленин, т. XXVI, стр. 322.
[2] Ленин, т. XXVII, стр. 147.

Вот видите, г. Бланк и г. Кизеветтер: когда Аврамов с казаками истязает Спиридонову, это есть военно-полицейская диктатура над народом. Когда революционный... народ применяет насилие к Аврамову и Аврамовым, это есть диктатура революционного народа...

Далее, во взятом нами примере мы видим диктатуру именно народа, ибо народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право»[1].

Ленин, следовательно, еще в 1906 г. показал, что революционный народ в борьбе с эксплоататорами творит и новый тип государства — советы и новый тип права — революционное право. Однако ленинское наследство крайне недостаточно изучалось советскими правовиками. Враги народа сознательно извращали марксистско-ленинские принципы советского права. Ревизионисты отрывали право от государства и отказывались видеть в советском праве новый тип права.

Ленин рассматривал советское право как право принципиально отличное от буржуазного права и по содержанию и по форме.

В своих указаниях Наркомюсту о выработке советских кодексов Ленин беспощадно бичует всякие попытки перенесения буржуазного права в советское законодательство.

«Идет подготовка, — пишет Ленин, — нового гражданского законодательства. НКЮст плывет по течению, я это вижу. А он обязан бороться против течения. Не перенимать (вернее не дать себя надувать тупоумным и буржуазным юристам, как перенимают) старое понятие о гражданском праве, а создавать новое гражданское право, новое отношение к «частным» договорам и т. д.»[2].

В записке к Курскому (февраль 1922 г.) Ленин еще раз подчеркивает, что в советских гражданских правоотношениях нужно руководствоваться не буржуазным законодательством, а нашим революционным правосознанием, и что «мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»[3]. Недавно в «Большевике» опубликовано письмо Ленина к В. М. Молотову (написанное еще 22 февраля 1922 г.), где Ленин страстно бичует раболепие перед буржуазно-правовой формой.

«Обращаю внимание на то, что вчера в Совнаркоме совершенно изгадили, как мне сообщает т. Горбунов, гражданский кодекс. Именно те предостережения, которые я делал в письме Курскому, оказываются непринятыми во внимание. Предписать Президиуму ВЦИК рассмотреть это дело в духе моих указаний в письме к Курскому. Ни в каком случае не утверждать без вторичного внесения в Политбюро с моим предварительным заключением. Создать немедленно комиссию из трех юристов, за которых можно ручаться, что они правильно понимают дело и сумеют формулировать необходимые поправки и дополнения, и этой комиссии поручить в небольшой срок представить в Политбюро проект изменений и дополнений. Главной задачей комиссии признать: полностью обеспечить интересы пролетарского государства с точки зрения возможности контролировать... все без изъятия частные предприятия и отменять все договоры и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы. Не рабское подражание буржуазному гражданскому праву, а ряд ограничений его в духе наших законов, без стеснения хозяйственной или торговой работы»[1].

Таким образом Ленин неоднократно подчеркивает необходимость разработки социалистического права, которое принципиально отлично от буржуазного права по содержанию и по форме.

Особенно часто извращались указания Маркса и Ленина о «буржуазном праве» при социализме. Ведь совершенно очевидно, что «буржуазное право» при социализме и есть советское социалистическое право. В нашей же юридической литературе неоднократно отмечалось, что «буржуазное право» при социализме качественно не отличается от буржуазного права без кавычек (Берман и другие).

Товарищ Сталин поднимает на новую ступень развитие марксизма-ленинизма также и по вопросу о революционной роли советского закона, о революционной роли советского социалистического права. В работах товарища Сталина гениально вскрывается революционная роль советского закона, социалистический характер уголовной репрессии на всех этапах диктатуры рабочего класса.

Следовательно, и Ленин, и Сталин в своих работах, поднимая на новый уровень развитие марксизма, дают развернутую теоретическую систему социалистического права, подчеркивая, что источником советского социалистического права является диктатура рабочего класса и социалистическая собственность.

II

Трактовка Пашуканисом советского права как права буржуазного оказала сильное влияние на работы советских правовиков. Конечно, делать отсюда вывод, что весь уголовно-правовой теоретический фронт сводится к «теории» Пашуканиса, было бы грубейшей ошибкой. Но отрицать влияние «теории» Пашуканиса на работы по уголовному праву было бы замазыванием ошибок, допущенных на уголовно-правовом фронте. Поэтому политически ошибочным было бы считать, что «теория» Пашуканиса для советских криминалистов служила «для отталкивания», после чего все развитие теории советского уголовного права шло независимо от «концепции» Пашуканиса; или только «брызги» «теории» Пашуканиса, как ядом, поразили отдельные участки уголовно-правового фронта. В действительности дело обстоит гораздо серьезнее.

Ведь довольно долгий период времени «теория» Пашуканиса пропагандировалась как единственная марксистская теория.

В журнале «Революция права», который редактировался Пашуканисом, о самом Пашуканисе писалось, что им дан марксистский ана-

[1] Ленин, т. IX, стр. 117—119. Разрядка моя. — Б. М.

[2] Ленин, т. XXIX. стр. 419.

[3] Там же.

[1] «Большевик», 1937, № 2, стр. 62. Разрядка моя. — Б. М.

лиз правовых категорий, и результаты «социологического» анализа этих категорий «в течение каких-нибудь 5 лет получили почти всеобщее признание в нашей юридической литературе,—случай, не имеющий прецедента в истории идеалистической юриспруденции»[1]. В том же журнале писалось, что «единственно марксистской и единственно революционной теорией остается теория Е. Пашуканиса, которая только одна может дать действительно научное и марксистское и диалектически последовательное обоснование необходимости коренной реформы уголовного права»[2].

Не случайно поэтому проект УК 1930 г. весьма значительно отражает влияние «теории» Пашуканиса. В обоснование принципов проекта УК 1930 г. ведь прямо указывалось т. Булатовым, что «выдвинутое в работах Комакадемии марксистское понимание специфической связи буржуазной формы права с гегемонией ценностных рыночных отношений и частного производства показывает с очевидностью и необходимость права на данном этапе, когда качественные изменения происходят в самом социально-экономическом базисе»[3]. Причем дальше в этой статье т. Булатов признает, что советское уголовное право является буржуазным уголовным правом. «Уголовный кодекс 1922 г., лишь незначительно измененный в 1926 г., дал совершенно новое по содержанию уголовное право, невиданное до Октябрьской революции,—уголовное право пролетарского государства». И для подтверждения своих взглядов Булатов приводит, далее, следующую выдержку из введения к проекту УК 1930 г.: Но, «изменив классовое содержание права, он не сумел сразу освободиться от унаследованных буржуазных форм. Отражая еще не изжитые товарные отношения капиталистического порядка, он усвоил от буржуазных кодексов принцип взвешивания мер репрессии «соответственно содеянному», принцип пропорциональной «дозировки» этих мер, и лишение свободы в качестве основной меры репрессии, отмериваемой согласно тем же началам».

На каком уровне стоял теоретический правовой фронт в этот период и насколько сказалось влияние «теории» Пашуканиса в советском уголовном праве, видно из того, что в тезисах к I съезду марксистов-государственников, составленных секцией уголовной политики б. Комакадемии, указывались следующие «спорные» проблемы марксистской теории уголовного права:

«Положение осложняется еще и тем, что в лагере теоретиков-марксистов в области теории уголовного права существует также ряд неясностей и спорных проблем, неразрешенность или недостаточная разрешенность которых приводит к спорам при разрешении ряда практических вопросов, что, конечно, отнюдь не способствует скорейшему проведению реформы. К числу этих спорных проблем относятся, в частности, такие кардинальные проблемы, как вопросы: 1) о существе права переходного периода вообще, какое это право — буржуазное или пролетарское по форме; 2) о связи правовых отношений с меновыми отношениями или отношениями производства и т. д. Все это заставляет нас при определении основных вех реформы начинать с основных и исходных теоретических проблем».

Таким образом «спорной» оказалась проблема, является ли советское уголовное право правом социалистическим. В связи с начавшейся критикой меновой концепции Пашуканиса, хотя и совершенно недостаточной, указанные тезисы пытаются занять промежуточное положение, и по существу остаются на позиции отрицания социалистического уголовного права. Так мы читаем:

«Диалектическое соотношение формы и содержания на различных этапах пролетарской революции различно. Использование определенных элементов буржуазной формы права на определенных этапах для тех же целей конечного уничтожения всякого классового господства имеет место в советском праве. Нельзя поэтому говорить ни о том, что советское право—буржуазное право по существу или по форме, ни о том, что оно—полная антитеза буржуазного права по форме, или так называемое «пролетарское право»[1].

Здесь по существу «Три проекта реформы УК» в замаскированной форме сохраняют прежний тезис, что советское уголовное право по форме является правом буржуазным. В особенности это видно на трусливой «теорийке» так называемых «элементов буржуазно-правовой формы» в советском уголовном праве.

Перед I съездом марксистов-государственников Пашуканис вместо прежней формулировки советского права как буржуазного права пишет несколько осторожнее (очевидно, по методу Пятакова, вредительство нужно проводить в более тонкой форме): для выяснения вопроса о форме советского права нужно «проявить очень много диалектической тонкости, диалектики революционного подхода для того, чтобы всегда конкретно ответить на вопрос, что именно остается или сохраняется от буржуазной формы права на данном этапе и что отходит и отошло в прошлое». В резолюции по докладу Пашуканиса на I съезде марксистов-государственников все же протаскивается целиком прежний тезис о буржуазной форме советского права: «Единство советского права со стороны его классового существа и цели не снимает проблемы сохранения буржуазной формы права после пролетарской революции»[2]. В резолюции, однако, отмечается, что отрицание в советском праве наличия пережитков («элементов») буржуазной формы права представляет собой «левый» загиб. Совершенно очевидно, что Пашуканис свою контрреволюционную «концепцию» начал маскировать более тонко, ибо ее вредительская сущность весьма сильно бросалась в глаза.

Однако советские криминалисты не разоблачили новый маневр классового врага и некри-

---

[1] Булатов, Юридическая логика, «Революция права», 1928, № 6, стр. 90.

[2] «Революция права», 1929, № 5, стр. 18.

[3] Булатов, Проблемы реконструкции уголовного права («Советское государство и революция права», 1930, № 2, стр. 66).

[1] «Три проекта реформы УК», 1931, стр. 13.

[2] «Сов. гос. и рев. права», 1931, № 3, стр. 150.

тически пошли за этой «теорийкой» «элементов буржуазно-правовой реформы». Поэтому, с одной стороны, советское уголовное право не признается правом социалистическим и, с другой стороны — прямо не говорится, что оно является правом буржуазным по форме. «Теория» «элементов буржуазно-правовой формы» в советском уголовном праве чрезвычайно тесно связана с «теорией», что в советском уголовном праве «формальная правильность все больше и больше будет оттесняться правильностью по существу. Все больше и больше будет выветриваться буржуазная форма права...»[1]. Это «выветривание» буржуазно-правовой формы советского уголовного права приводит к выводу о все большем преодолении «элементов буржуазно-правовой формы» в советском уголовном праве. После I съезда марксистов-государственников эти «теорийки» получили широкое хождение в работах советских криминалистов. Так, в книге Волкова «Уголовная политика эпохи промышленного капитализма» говорится об элементах буржуазно-правовой формы в УК 1922 и 1926 гг.[2].

То же самое повторяется Волковым и в 1935 г.[3].

В какой мере наш теоретический фронт был засорен антимарксистской ученостью, видно из того, что даже в работе Крыленко «Ленин о суде», специально построенной на ленинских материалах, вопрос о социалистическом праве также не поставлен. И больше того, даже отрицание системы социалистического права иногда рассматривалось как выражение творческого характера советского права[4]. Неудивительно поэтому, что основные вопросы социалистического уголовного права не были подвергнуты надлежащей теоретической разработке, что привело к крупнейшему прорыву на фронте социалистического уголовного права.

III

В вопросе об отмирании социалистического уголовного права ревизионисты исходили из контрреволюционной теории об отмирании государства и права с самого начала Октябрьской революции. «Следовательно, мы видим,— писал Пашуканис, — что Ленин говорит об отмирании (государства—Б. М.), которое начинается после захвата власти». Отсюда и советское право в переходный период постепенно «выветривается», отмирает. В переходный период идет процесс отмирания советского права как буржуазного права.

«Отмирание категорий, — пишет Пашуканис (именно категорий, а не тех или иных предписаний), — буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права, так же как отмирание категорий стоимости капитала, прибыли и т. д. при переходе к развернутому социализму не будет означать появления новых пролетарских категорий стоимости капитала, ренты и т. д.

Отмирание категорий буржуазного права в этих условиях будет означать отмирание права вообще, то есть постепенное исчезновение юридического момента в отношении людей. Переход к развернутому коммунизму Маркс представлял себе, следовательно, не как переход к новым формам права, но как отмирание юридической формы вообще, как освобождение от этого наследия буржуазной эпохи, которому суждено пережить самое буржуазию».

Отсюда, по Пашуканису, и советское уголовное право будет в переходный период постепенно преодолеваться, отмирать по мере преодоления меновых отношений. Эта реставраторская «теория», отрицающая качественное отличие советского уголовного права от буржуазного права как права социалистического, стремилась к размагничиванию, к ослаблению органов репрессии диктатуры рабочего класса. Фальсифицируя взгляды Маркса и Ленина по вопросу об отмирании права, Пашуканис писал:

«Понятие преступления и наказания, как это ясно из всего вышеизложенного, суть необходимейшие определения правовой формы, от которых можно будет освободиться лишь тогда, когда начнется отмирание юридической надстройки вообще. И поскольку мы на деле, а не в декларациях только, начнем изживать эти понятия и обходиться без них, — это будет лучшим симптомом того, что перед нами, наконец, раздвигаются узкие горизонты буржуазного права».

Эти реставраторские «теории» Пашуканиса об отрицании социалистического уголовного права, о путях отмирания советского уголовного права смыкаются, с одной стороны, с контрреволюционными «теориями» троцкизма о невозможности построения социализма в одной стране и, с другой стороны — с реставраторской бухаринской «концепцией» об отмирании государства и суда, в связи с якобы плавным затуханием классовой борьбы в переходный период.

Эти антипартийные «теории» об отмирании советского государства и права в переходный период нашли свое отражение в работах по советскому уголовному праву. Так, Эстрин в учебнике «Советское уголовное право» пишет: «Развивая и поднимая на новую высоту учение Маркса и Энгельса о государстве, о пролетарской революции и о построении социализма, Ленин показал в «Государстве и революции», что лишь с ликвидацией классов, с построением бесклассового социалистического общества создаются условия для отмирания государственной власти и государства вообще и что этот процесс «отмирания» государства заканчивается со вступлением в высшую фазу коммунизма»[1]. Отмирание советского государства, по Эстрину, происходит на первой фазе коммунизма, и этот процесс отмирания заканчивается лишь на высшей фазе комму-

---

[1] Булатов, Проблемы реконструкции уголовного права («Сов. гос. и рев. права», 1930, № 2).

[2] Волков, Уголовная политика эпохи промышленного капитализма, 1933, стр. 87.

[3] Волков, Наказание в советском уголовном праве («Проблемы уголовной политики», кн. I, стр. 40).

[4] Крыленко, Проект Уголовного кодекса СССР («Проблемы уголовной политики», кн. I, стр. 6).

[1] А. Я. Эстрин, Советское уголовное право, 1935, стр. 30. (Разрядка моя. — Б. М.).

низма. В этой работе т. Эстрин допускает ряд правооппортунистических и троцкистских «установок». Недопустимым извращением взглядов марксизма-ленинизма Эстриным является утверждение, что с выполнением второй пятилетки уголовная политика будет осуществляться в «особом смысле», что о политике здесь в точном смысле слова говорить не приходится.

«Возникает, впрочем, вопрос, — пишет Эстрин, — можно ли говорить об «уголовной политике»... в условиях бесклассового социалистического общества: ведь «отношения между классами», в прямом смысле слова, в бесклассовом социалистическом обществе мы уже, вообще говоря, иметь не будем. На этот вопрос должен быть дан утвердительный ответ. Довольно длительное время в применении к бесклассовому обществу, находящемуся в первой фазе коммунизма, правильным будет употреблять термин «политика» вообще и «уголовная политика» в частности (хотя и с оговоркой, что это в определенных отношениях уже не есть политика в точном смысле слова)... «Эти утверждения Эстрина рвут с марксизмом-ленинизмом и извращают ленинские указания в духе реставраторских теорий Бухарина и контрреволюционного троцкизма. Эстрин приводит высказывание Ленина, что диктатура пролетариата есть отмирающее государство и что на известной ступени советское государство можно назвать неполитическим государством. Но Эстрин замалчивает, что здесь у Ленина речь идет об отмирании диктатуры рабочего класса на второй фазе коммунизма, что процесс отмирания государства зависит от быстроты развития высшей фазы коммунизма.

Контрреволюционная сущность всех «теорий» об отмирании советского государства блестяще разоблачена товарищем Сталиным, который в своем докладе об итогах первой пятилетки говорил следующее:

«Сильная и мощная диктатура пролетариата, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять впрах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации.

Некоторые товарищи поняли тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства, как оправдание лени и благодушия, оправдание контрреволюционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти. Нечего и говорить, что такие люди не могут иметь ничего общего с нашей партией. Это — перерожденцы, либо двурушники, которых надо гнать вон из партии. Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено»[1].

На Чрезвычайном VIII съезде советов товарищ Сталин в докладе о проекте новой Конституции СССР с исчерпывающей ясностью дал ответ врагам трудящихся нашей социалистической родины, что советское государство, в результате величайших побед социализма, еще больше будет усилено и укреплено.

«Я должен признать, — говорил товарищ Сталин, — что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение коммунистической партии СССР»[1].

***

Грубейшие извращения марксизма-ленинизма допущены и в вопросе о природе преступления в буржуазном обществе и при диктатуре пролетариата. Так, общеуголовные преступления в буржуазном обществе в моей статье «Маркс, Энгельс и уголовная политика в эпоху пролетарской диктатуры» (сб. «Классовая борьба и преступность на современном этапе», 1933) рассматриваются как зачаточная форма классовой борьбы, чем смазывается значение так называемых политических преступлений как формы классовой борьбы. Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что общеуголовные преступления есть форма стихийного протеста одиночки против отношений капиталистического общества. По этому вопросу выступал в печати враг народа Ашрафьян, который в двух своих работах защищал принципиально две различные точки зрения (причем не оговаривая, какую же из них он считает ошибочной): общеуголовные преступления в капиталистическом обществе не являются формой классовой борьбы, а во второй своей работе защищает прямо противоположную точку зрения, что общеуголовные преступления есть низшая форма классовой борьбы. В моей статье подчеркивается беспринципность позиции Ашрафьяна, тем не менее я некритически воспринимаю ту точку зрения, что общеуголовные преступления есть низшая форма классовой борьбы; в моей статье, далее, дается совершенно недостаточная критика троцкизма. Хотя подчеркивается, что троцкизм есть передовой отряд международной контрреволюции, тем не менее указания о том, что троцкисты не хотят понять успехов социалистического строительства, — глубоко политически ошибочны. Чрезмерно широко в статье также приводятся и выдержки из работ Каутского и других источников, что также недопустимо. Помимо этого в моей статье допущено упрощенчество в трактовке преступления в переходный период. Так, я пишу, что в переходный период преступление есть форма классовой борьбы. Отсюда может быть сделан политически ошибочный вывод, что в каждом отдельном случае преступление есть форма классовой борьбы. Трактовка преступления в переходный период как формы классовой борьбы разделялась всей секцией уголовной политики б. Комакадемии. Так, в программе о советской уголовной и исправительно-трудовой политике, изданной в 1933 г. под ред. т. Крыленко и с предисловием т. Волкова, во 2-й теме говорится следующее: «Преступление и репрессия как формы классовой борьбы в переходный период» (стр. 21). Нужно отметить, что в нашей юридической литературе этот вопрос еще не нашел надлежащего

[1] И. Сталин, Итоги первой пятилетки, Партиздат, 1933, стр. 36—37.

[1] И. Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, Партиздат, 1936, стр. 30.

теоретического освещения на основе работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Антипартийные «теории» в уголовном праве оказали также значительное влияние и на судебную практику. Пренебрежительное отношение к социалистическому закону, к советскому уголовному праву как к праву буржуазному весьма отрицательно сказалось в судебной практике. Недостаточная теоретическая вооруженность судебных работников связана с тем прорывом на теоретическом фронте, который сейчас вскрыт. Отсутствие учебников по уголовному праву, научного комментария к Уголовному кодексу, монографий по отдельным институтам социалистического уголовного права тормозят поднятие и судебной практики на ту высоту, которая сейчас необходима в свете Сталинской Конституции победившего социализма. Ведь не так давно руководящими теоретическими работниками уголовно-правового фронта высказывались в печати соображения о том, что отказ в проекте УК 1930 г. от целого ряда институтов, требующих высокой юридической подготовки, дает возможность полностью орабочить состав судей. Так, мы читаем:

«Не нужно забывать и того, что радикальное упрощение Уголовного кодекса, отказ от формально-юридических понятий, для овладения которыми требуется специальная подготовка, сильнейшим образом будут способствовать полному орабочению суда, превращению его на 100% в выборный орган низовых пролетарских коллективов. В этом именно и лежит та незаменимая гарантия, которую дает и может дать трудящимся только одно государство — государство пролетариата»[1].

Не случайно, что при такой установке в подготовке кадров мы до сих пор не имеем учебников по уголовному праву.

Пренебрежительное отношение к советскому закону в судебной практике и по сегодня дает себя весьма болезненно чувствовать. Нередко низкое качество судебных приговоров и весьма слабое знание советского законодательства говорят весьма красноречиво о результатах пренебрежительного отношения к закону в судебной практике, которое даже нашло свое выражение в формуле «Минимум формы — максимум классового существа» (см. резолюции II всероссийского совещания судебно-прокурорских работников 1929 г.).

Сталинская Конституция, поднимающая на невиданную высоту авторитет советского суда и социалистической законности, предъявляет огромные требования к повышению уровня работы органов юстиции. Это вызывает также особо повышенные требования к теоретической разработке социалистического уголовного права.

Февральский пленум ЦК партии дает образец, как нужно развертывать большевистскую самокритику. Важнейшей задачей является ликвидация политической беспечности и на фронте теории уголовного права, которая не дала возможности во-время выкорчевать вредительские «теории» на правовом фронте.

Ликвидируя политическую беспечность, групповщину, семейственность, развертывая большевистскую самокритику, мы ликвидируем тот крупный политический прорыв, который имеем на фронте права, и выполним те задачи, которые ставят перед нами партия и правительство.

В. МЕНЬШАГИН

Должностные преступления по проекту Уголовного кодекса

Товарищ Сталин в своем докладе «О проекте Конституции СССР» сказал, что «стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было». Стабильность законов — это устойчивость, это точность и ясность советских законов, являющихся могучим орудием социалистического государства рабочих и крестьян в борьбе за коммунизм.

Стабильность законов о должностных преступлениях предполагает создание таких устойчивых и точных законов, которые были бы прежде всего направлены против тех государственных служащих, которые нарушают и подрывают государственную дисциплину, против тех должностных лиц, про которых товарищ Сталин сказал: «Это те самые люди, которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают таким образом основы партийной и государственной дисциплины».

Стабильность законов о должностных преступлениях означает и создание таких точных и упорядоченных законов, которые были бы направлены против всех и всяких бюрократов, «зазнавшихся вельмож» и преступных элементов и классовых врагов, пролезших в советский государственный аппарат.

Наконец, стабильность законов о должностных преступлениях предполагает и наличие таких законов, которые беспощадно обрушивались бы на тех зарвавшихся чиновников, которые попирают советские законы, которые нарушают запечатленные в Сталинской Конституции права и свободы всех граждан и которые не понимают, что защита этих прав является одной из основных функций советского государственного аппарата.

Имеющийся в действующем Уголовном кодексе РСФСР (а также и в кодексах других союзных республик) раздел о должностных преступлениях в значительной своей части устарел и не может полностью отвечать всем вышеуказанным задачам борьбы с должностными преступлениями в настоящее время. Применение же этого технически весьма несовершенного раздела Уголовного кодекса на практике, в последние годы, сплошь и рядом приводило к различного рода искривлениям политики борьбы с должностными преступлениями и в частности к массовому осуждению

---

[1] Статья С. Булатова «Проблемы реконструкции уголовного права», журнал «Советское государство и революция права», 1930, № 2, стр. 87.

должностные преступления и часто даже тогда, когда бороться за укрепление государственной дисциплины можно было бы мерами не уголовно-репрессивного порядка.

Проект нового Уголовного кодекса СССР и его раздел о должностных преступлениях должны отвечать всем вышеуказанным задачам борьбы с должностными преступлениями, а также создать наиболее рациональную и эффективную практику в этой области.

Лишь под этим углом зрения и должен рассматриваться и оцениваться раздел о должностных преступлениях проекта нового Уголовного кодекса.

Переходя к анализу должностных преступлений по проекту УК, остановимся прежде всего на системе должностных преступлений по проекту. Будучи помещенной в IV разделе УК, вслед за разделом, посвященном преступлениям против неприкосновенности личности и других гарантированных Конституцией СССР прав граждан, глава о должностных преступлениях значительно меньше по своему объему (по количеству статей) по сравнению с аналогичной главой действующего УК. Если в действующем УК глава о должностных преступлениях включает 14 статей, трактующих отдельные составы должностных преступлений, то по проекту предусмотрено лишь 10 статей, причем две из них (первая и вторая статьи) посвящены общим вопросам о должностных преступлениях. Первая статья содержит определение должностного преступления и вторая — определение должностного лица. Таким образом глава о должностных преступлениях по проекту предусматривает лишь восемь конкретных составов преступлений. Значительное уменьшение перечня должностных преступлений в проекте получилось в результате: во-первых, исключения из главы отдельных составов и перенесения их в другие разделы УК (так, состав растраты перенесен в первый раздел УК, в главу о преступлениях против социалистической собственности); во-вторых, в результате исключения вовсе из УК целого ряда составов должностных преступлений, имеющихся в действующем УК (так, исключены вовсе из УК состав злоупотребления властью — ст. 109 УК РСФСР, состав ст. 111-а УК РСФСР—содействие организации лжекооперативов, состав ст. 112 УК РСФСР — квалифицированные виды злоупотребления властью и, наконец, состав ст. 119 УК РСФСР — провокация взятки); в-третьих, уменьшение количества составов достигнуто в результате объединения в проекте УК нескольких составов в одну статью (так, объединены в одну статью состав получения взятки и дача взятки, объединены составы ст. 114 УК и ст. 115 УК). Правда, в отношении ныне действующей ст. 111 УК проект пошел в обратном направлении и разделил ее на две самостоятельные статьи (бездействие власти и халатное отношение к службе).

Вся глава о должностных преступлениях по проекту выглядит следующим образом:

1-я статья главы — определение должностного преступления;

2-я статья главы — определение должностного лица;

3-я статья главы — превышение власти;

4-я » » — неправосудие;

5-я » » — бездействие власти;

6-я статья главы — халатное отношение к службе;

7-я статья главы — взятка;

8-я » » — служебный подлог и обман государства;

9-я статья главы — разглашение сведений;

10-я » » — дискредитация власти.

Необходимо, однако, указать, что в главу о должностных преступлениях проект включил далеко не все должностные преступления, имеющиеся в проекте УК. Так, целый ряд преступлений, предусмотренных проектом в главе о преступлениях против основных прав граждан, как-то: воспрепятствование гражданам СССР пользоваться избирательными правами, нарушение законов, регулирующих прием на работу и увольнение с работы, отказ в приеме на работу женщины по мотивам ее беременности, нарушение законов о социальном обеспечении и другие, являются по существу должностными преступлениями, поскольку все указанные преступления, как правило, совершаются должностными лицами с использованием своего служебного положения в госаппарате. Доказательством этого могут служить недавно опубликованные в передовой «Правды»[1] случаи грубейшего нарушения избирательных прав трудящихся должностными лицами в Архангельске, когда вместо избрания трудящимися нового районного совета городской совет выделил часть депутатов из соседнего районного совета и таким образом сформировал новый состав. Или другой случай, когда директор работьковского спиртозавода Курской области приказом по заводу грубейшим образом нарушил советское законодательство о труде, и тому подобные случаи.

Все эти по существу должностные преступления проектом, однако, включены в другой раздел УК.

Обращаясь непосредственно к содержанию статей, включенных проектом в главу о должностных преступлениях, остановимся прежде всего на двух первых статьях, дающих определение должностного преступления и определение должностного лица. Нужно приветствовать попытку составителей проекта УК дать в Уголовном кодексе определение должностного преступления.

Действующий УК РСФСР, как известно, не содержит специальной статьи о понятии должностного преступления. Этот дефект действующего УК на практике приводил сплошь и рядом к слишком расширительному и неправильному пониманию должностного преступления. Правда, роль родовой статьи о должностных преступлениях в УК РСФСР до известной степени выполняла ст. 109 УК, дающая описание злоупотребления властью. Однако громоздкая формулировка ст. 109 УК с огромным количеством нанизанных в ней признаков мало способствовала ясному представлению о сущности должностного преступления.

Определение должностного преступления, даваемое проектом УК, бесспорно имеет целый ряд положительных моментов. Для показа последних необходимо привести текст определения должностного преступления по проекту.

«Нарушение должностными лицами в их служебной деятельности государственной дисциплины и социалистической законности, бюро-

[1] «Правда» от 1 марта 1937 г.

кратическое отношение к нуждам граждан, если эти действия причинили значительный ущерб государственным или общественным учреждениям или отдельным гражданам, а равно злоупотребление служебным положением в корыстных или личных целях»—таково определение должностного преступления по проекту УК. Если сравнить приведенное определение со ст. 109 УК РСФСР, то сразу же бросятся в глаза огромные преимущества определения должностного преступления по проекту УК. Должностное преступление по ст. 109 УК — это действия должностного лица, которые «не вызывались соображениями служебной необходимости»... и далее идет речь о тех результатах, которые эти действия причинили. Такое описание должностных преступлений как действий, не вызывавшихся служебной необходимостью, носит формальный характер. Какова же сущность этих действий, содержание их? На эти вопросы ст. 109 УК ответа не дает. Вместо такого расплывчатого понятия должностного преступления проект УК дает достаточно конкретное и, самое главное, по существу определение должностного преступления... Должностное преступление — это такое действие должностного лица, которое нарушает государственную дисциплину и социалистическую законность или же выражается в бюрократическом отношении к нуждам трудящихся. Таким определением достигаются две цели: дается определение по существу и ограничивается в значительной мере понятие должностного преступления.

Но обратимся к каждому из даваемых проектом признаков должностного преступления.

Первый признак — это нарушение государственной дисциплины. Советское общество победившего социализма — самое организованное из всех существовавших в истории и существующих сейчас обществ. Государственная дисциплина есть основа организованности. Она является непременным условием разрешения ответственнейших задач, стоящих перед Советской страной. Целый ряд должностных преступлений, как-то: халатное отношение к службе, бездействие власти, разглашение сведений должностными лицами и другие являются типичными нарушениями этой государственной дисциплины, типичным проявлением расхлябанности, неорганизованности. Недисциплинированность же и расхлябанность должностных лиц представляют большую опасность, ибо эти моменты могут лишь благоприятствовать классовым врагам, пользующимся малейшей щелью, малейшим ослаблением бдительности и организованности, чтобы вредить делу социализма. Первым из признаков, содержащихся в определении должностного преступления по проекту УК, — нарушение государственной дисциплины — является таким образом одним из наиболее существеннейших признаков должностного преступления.

Второй важный признак должностного преступления, на который указывается в проекте, — это нарушение социалистической законности. Вряд ли нужно доказывать, какое огромнейшее значение имеет особенно теперь, с принятием Сталинской Конституции, точное и неуклонное соблюдение советских законов. К сожалению, у нас еще немало случаев грубого нарушения социалистической законности и нарушения ее должностными лицами. Необоснованные обыски и аресты, незаконное наложение штрафов, незаконное снятие с работы, зажимы самокритики, издание собственных законов или «дополнение» утвержденных правительством законов и т. п. — вот многочисленные примеры нарушения должностными лицами социалистической законности, дающие составы наиболее опасных из должностных преступлений — превышения власти, неправосудия и др. Вот почему, нам кажется, и этот второй признак (нарушение социалистической законности) совершенно правильно проектом включен в определение должностного преступления.

Третий признак должностного преступления по проекту — бюрократическое отношение к нуждам граждан. Бюрократизм в наших условиях —огромное зло. Коммунистическая партия и советская власть с первых же дней пролетарской революции вели и ведут борьбу с бюрократизмом. Победа социализма уничтожила экономические корни бюрократизма. Однако у нас в государственных учреждениях еще немало служащих, которые еще продолжают работать бюрократическими методами. Особенно часты случаи бюрократического отношения к нуждам трудящихся. Бюрократизм и волокита — весьма характернейшие элементы целого ряда должностных преступлений — бездействия власти, небрежного отношения к своему служебному долгу и т. п.

Таким образом в первой половине определения проект дает в основном наиболее типичные и характерные признаки должностных преступлений. В этой части определения, нам кажется, необходимо только добавить еще один признак: «нарушение должностным лицом конституционных прав трудящихся». Правда, в определении должностного преступления, даваемого проектом УК, это охватывается понятием нарушения социалистической законности, но в настоящее время нарушение должностным лицом прав трудящихся, присвоенных им Сталинской Конституцией, является настолько опасным, что фиксировать этот момент в качестве признака должностного преступления, нам кажется, необходимо. Несмотря на то что в проекте имеется специальный раздел о преступлениях против основных прав граждан, часть преступлений, связанных с нарушением должностными лицами гарантированных Сталинской Конституцией прав трудящихся, безусловно, должны будут квалифицироваться по разделу о должностных преступлениях. Например, нарушение должностным лицом ст. 127 УК Конституции о неприкосновенности личности должно будет квалифицироваться и по проекту или по статье о неправосудии или по статье о превышении власти, т. е. по должностным преступлениям. В силу этого указанный нами выше признак должен найти свое место в определении должностного преступления.

Обращаясь ко второй половине определения должностного преступления по проекту («а равно и злоупотребление своим служебным положением в корыстных или иных личных целях»), следует подчеркнуть правильность выделения проектом этой особой группы должностных преступлений в самом определении должностного преступления. Такие преступления, как взятка, служебный корыстный подлог и другие, являются типичными корыстны-

ми должностными преступлениями и полностью охватываются понятием должностного преступления, даваемым во второй части статьи о должностном преступлении. Имея в виду, что эти корыстные должностные преступления в настоящее время не являются типичными для всей массы должностных преступлений, проект правильно отводит им второе место в статье о понятии должностного преступления.

Анализируя определение должностного преступления по проекту, необходимо указать на наличие в проекте попытки дать более четкое разграничение должностного преступления от дисциплинарного проступка, чего нет в действующем УК.

Нарушение государственной дисциплины и социалистической законности, бюрократическое отношение к нуждам трудящихся дает состав должностного преступления лишь в случаях, когда эти действия причинили значительный ущерб (подчеркнуто нами — В. М.) государственным или общественным учреждениям или отдельным гражданам.

Вторая часть статьи об определении должностного преступления специально оговаривает это положение: «Нарушение служебной государственной дисциплины, не содержащее указанных выше признаков (имеется в виду причинение значительного ущерба), караются в дисциплинарном или административном порядке.» Не совсем лишь понятно, почему во второй части этой статьи упоминается лишь о нарушении государственной дисциплины. А нарушения социалистической законности и бюрократическое отношение к нуждам трудящихся, если эти действия не причинили значительного ущерба, разве не будут рассматриваться проектом как дисциплинарные проступки? Здесь должна быть внесена полная ясность.

Наконец, необходимо отметить еще один, очень важный и положительный момент в определении должностного преступления по проекту УК. В связи с тем, что проект из главы о должностных преступлениях вовсе исключает составы, предусмотренные действующей в настоящее время ст. 112 УК РСФСР, в новом УК упраздняется вся та сложная, громоздкая, а главное и путаная система должностных преступлений, которая имеется в действующем УК. Как известно, сейчас по крайней мере в УК РСФСР предусматриваются следующие категории должностных преступлений в зависимости от их тяжести, простые (обычные) должностные преступления (ст. ст. 109, 110, 111 УК), квалифицированные должностные преступления (ч. 1 ст. 112 УК), незначительные должностные преступления (ч. 2 ст. 112 УК) и, наконец, дисциплинарные должностные проступки (примечание 1 к ст. 112 УК). В практике эта система создавала невероятную путаницу и положение отнюдь не спасали многочисленные разъяснения, циркуляры и директивы по этому вопросу. Взамен этой системы проект предусматривает весьма простое деление на должностные преступления и должностные проступки.

Как уже указывалось выше, вслед за статьей, дающей определение должностного преступления, проект помещает статью, посвященную понятию должностного лица.

Но если определение должностного преступления имеет целый ряд положительных моментов, то этого отнюдь нельзя сказать про статью, дающую определение должностного лица. Проект по сравнению с действующим УК в определение должностного лица не внес каких-либо принципиальных и существенных изменений. Достаточно обратиться к тексту статьи проекта о должностном лице, чтобы убедиться в этом.

«Должностным лицом признается тот, кто занимает постоянную или временную должность в государственном учреждении или предприятии, а равно в общественной организации, на которую возложены законом определенные обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственно-административных, профессиональных и других общегосударственных задач», — вот текстуальное определение должностного лица в проекте УК. Если не считать некоторых редакционных изменений, проект полностью воспроизводит определение должностного лица, имеющееся в примечании к ст. 109 УК РСФСР. Столь широкое понятие должностного лица по действующему УК способствовало, как известно, на практике многочисленным и значительным искривлениям политики борьбы с должностными преступлениями. Эти искривления выражались в совершенно незаконном привлечении к уголовной ответственности за должностные преступления недолжностных лиц, как-то: колхозников, колхозных доярок, технических служащих и других, которые ни в коей мере должностными лицами не являются. Такая практика приводила к огромному проценту осужденных за должностные преступления. И не удивительно, что для устранения этих дефектов потребовалось издание специальных циркуляров, суживавших понятие должностного лица. Так, например, НКЮ в своем постановлении от 27 мая 1936 г. предлагал по ст. 111 УК привлекать лишь следующих лиц: а) несущих постоянную или временную работу, связанную с правами административного характера (подчеркнуто нами—В. М.) в государственных и хозяйственных учреждениях и предприятиях, б) ведущих административную работу (подчеркнуто нами — В. М.) на выборных или замещаемых по найму должностях в профсоюзах, кооперативных или иных общественных организациях. Таким образом сама жизнь и практика подсказывали о необходимости уточнения и главное сужения понятия должностного лица. К сожалению, в этом отношении проект не сделал шага вперед по сравнению с действующим УК.

Необходимо указать и еще на один пробел в проекте в связи со статьей о должностном лице. Как известно, советская теория уголовного права и судебная практика разрешают положительно вопрос о соучастии частных лиц в должностных преступлениях. Однако в действующем УК РСФСР нет прямых указаний по этому вопросу. Отсутствие такого указания в законе приводит иногда на практике и даже в теории к отрицанию возможности привлечения частных лиц за соучастие в должностных преступлениях и чаще всего за соучастие в отдельных должностных преступлениях. Нам кажется, следовало бы к статье, дающей в проекте определение должностного лица, добавить примечание на подобие примечания к ст. 193 УК РСФСР о том, что «соучастие в должностных преступлениях лиц, не

упомянутых в данной статье (имеется в виду статья о должностном лице — В. М.), влечет за собой ответственность по соответствующим статьям о должностных преступлениях». Закон должен быть четким и ясным; в этом одна из гарантий стабильности закона.

Перечень конкретных составов должностных преступлений по проекту начинается с превышения власти. Как уже указывалось выше, конкретный состав злоупотребления властью (ст. 109 УК РСФСР) исключен вовсе из нового УК. Целесообразность исключения из нового УК этого состава преступления вызывает большие сомнения. Правда, существующая судебная практика слишком злоупотребляла и злоупотребляет статьей 109 УК РСФСР,[1] квалифицируя по этой статье ряд других должностных преступлений, как-то: должностную халатность, растрату, служебный подлог, взятку и другие преступления. Однако из этого нельзя делать вывода об исключении из УК этого отдельного состава преступления. В самом деле, как нужно будет по новому УК квалифицировать злоупотребление властью должностного лица с корыстною целью, когда это злоупотребление не будет охватываться ни понятием подлога, ни понятием взятки? Как превышение властью? Такое злоупотребление с корыстной целью может быть и лишено признаков превышения власти. Более того, и нарушение государственной дисциплины и социалистической законности и бюрократическое отношение к нуждам трудящихся может быть совершено не только в форме превышения власти, бездействия власти и халатного отношения к службе или неправосудия, а и в форме злоупотребления властью. И в этом случае возникают серьезные затруднения в смысле квалификации состава преступления. Можно было бы не спорить по поводу исключения из нового УК состава злоупотребления властью, если бы проект расширил понятие превышения власти, включив в него и элементы злоупотребления властью. Так между прочим сделал в свое время Уголовный кодекс Белоруссии ССР (не включил в УК состав злоупотребления властью, но несколько расширил понятие превышения власти). Однако, как мы увидим ниже, проект УК оставляет состав превышения власти в том же виде, в каком он дан в действующем УК. К тому же следует сказать, что тот же Белорусский УК, не включивший в 1928 г. в УК состав злоупотребления властью, в дальнейшем (в 1935 г.) принужден был дополнительно ввести этот состав в свой УК. Повидимому, затруднения, встретившиеся в судебной практике в связи с отсутствием состава злоупотребления властью, заставили исправить ошибку, допущенную УК БССР. Думаем, что пример этот весьма поучителен.

В статье о превышении власти (в ч. 1) проект воспроизводит буквально текст ч. 1 ст. 110 УК: «Превышение власти или служебных полномочий, т. е. совершение действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий представленных законом совершившему их, при наличии признаков, предусмотренных ст. 165 настоящего кодекса» (имеется в виду статья, дающая определение должностного преступления). Ссылка этой статьи проекта, как впрочем и статей о бездействии власти и о халатном отношении к службе, на признаки, указанные в статье, дающей определение должностного преступления, не совсем ясна. На какие признаки ссылаются статьи о превышении власти и другие статьи главы о должностных преступлениях? Только ли на признаки, относящиеся к нарушению государственной дисциплины и социалистической законности и бюрократическому отношению к нуждам трудящихся, то есть на причинение значительного ущерба государственным или общественным учреждениям или отдельным гражданам, или же здесь имеются в виду и признаки, относящиеся и ко второй половине статьи об определении должностного преступления (говорящей о злоупотреблении власти), то есть признаки корысти или личной заинтересованности.

Часть вторая статьи о превышении власти также почти полностью воспроизводит редакцию ч. 2 ст. 110 УК РСФСР с тем лишь изменением, что к слову «насилием» добавляется «физическим». Ограничение случаев квалифицированных видов превышения власти применением только физического насилия непонятно. А если будет иметь место угроза, запугивание (психическое насилие) при превышении должностным лицом власти, разве это не будет квалифицированным видом превышения власти? В свете задач создания особого уважения к достоинству личности в СССР, вытекающих из Сталинской Конституции, непонятно введение проектом указанного выше ограничения понятия квалифицированного вида превышения власти, Наказание за превышение власти предполагается то же, что и в ст. 110 УК РСФСР.

Вслед за превышением власти проект УК помещает статью о неправосудии. Нам кажется совершенно правильным и принципиально весьма важным помещение этой статьи на одно из первых мест в главе о должностных преступлениях. Преступления, предусмотренные этой статьей, посягают на одно из важнейших прав гражданина СССР, провозглашенных Сталинской Конституцией,—на неприкосновенность личности (ст. 127 Конституции), и с этой точки зрения этот вид должностного преступления является наиболее опасным и отводимое ему проектом место лишь подчеркивает это обстоятельство. Сам состав преступления (неправосудие) представляет огромнейший интерес и является по существу новым составом в проекте УК. В этой статье проекта находят свое отражение положения Сталинской Конституции, устанавливающие для граждан полную гарантию от всякого административного произвола, от всякого посягательства на неприкосновенность личности. В основу статьи о неправосудии авторами проекта положена ст. 114 УК РСФСР о вынесении судьями неправосудного приговора. Однако состав ст. 114 УК РСФСР подвергнут в проекте столь существеннейшим и принципиальным изменениям, что правильнее говорить не об изменениях, а о создании нового состава. Текст этой одной из важнейших статей главы должностных преступлений гласит:

«Вынесение судьей заведомо неправосудного приговора или решения, а также вынесение судьей, прокурором, следователем или иными

[1] См. по этому вопросу статью автора в журнале «Социалистическая законность» за 1937 г. № 1.

органами расследования заведомо неправильных постановлений о возбуждении или прекращении уголовных дел или заведомо незаконных определений об аресте, приводе или других мерах государственного принуждения карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок не ниже двух лет» (первая часть статьи о неправосудии).

Если в настоящее время ст. 114 УК РСФСР предусматривает в качестве объективных свойств состава преступления лишь постановление судьями неправосудного приговора, то проект УК объективные свойства состава неправосудия значительно расширяет. Сюда входят и такие действия, как вынесение судьей, прокурором или иными органами расследования заведомо неправильных постановлений о возбуждении или прекращении уголовных дел, а также вынесение заведомо незаконных определений об аресте, приводе и других мерах государственного принуждения. И если о незаконном приводе и об аресте имелись указания в ст. 115 действующего УК, то о вынесении неправильных постановлений, о возбуждении или прекращении уголовных дел в УК нет вовсе упоминаний. По вполне понятным причинам расширяется и круг субъектов состава неправосудия по проекту. Если по действующему УК в качестве субъекта преступления, предусмотренного ст. 114 УК РСФСР, могли быть только судьи, то теперь, по проекту УК, субъектами неправосудия могут быть и прокуроры, и следователи, и всякие другие работники органов расследования. И еще один весьма важный момент, который необходимо отметить в отношении статьи о неправосудии. Ст. 114 УК, как известно, предполагает состав преступления лишь при непременном условии наличия у судьи, выносящего неправосудный приговор, корыстной или иной личной заинтересованности. При отсутствии этого признака исключается состав неправосудия и лишь в отдельных случаях и, кстати сказать, на практике встречавшихся весьма и весьма редко, здесь могла наступить уголовная ответственность по ст. 109 УК РСФСР или по ст. 110 УК. Проект УК в статье о неправосудии этот признак (корысти или личной заинтересованности) исключает. Для состава неправосудия по проекту требуется лишь сознание у субъекта неправосудности приговора или решения, сознание незаконности постановления о возбуждении или прекращении уголовного дела или, наконец, сознания неправильности определения об аресте и других мерах государственного принуждения.

Наказание за неправосудие предполагается по проекту довольно суровое — лишение свободы на срок не ниже двух лет. Но дело не только, конечно, в наказании. Самый факт наличия такого состава, как неправосудие, в УК будет иметь колоссальное значение в смысле общепревентивного воздействия на судебно-следственных работников. Не меньшее значение имеет и вторая часть статьи о неправосудии: «Принуждение незаконными мерами к даче показаний при допросе обвиняемых или свидетелей или искусственное создание должностным лицом неправильных доказательств обвинения» караются тем же наказанием, что и преступления, предусмотренные первой частью статьи о неправосудии. Эта статья гарантирует проведение расследования в строгих рамках революционной законности и на основе лишь действующего Уголовно-процессуального кодекса. И эта часть статьи о неправосудии, как видно из ее текста, значительно расширена по сравнению с действующим УК, в котором нет среди должностных преступлений упоминания об искусственном создании должностным лицом неправильных доказательств обвинения. Это нововведение проекта УК еще раз подчеркивает создание советскими законами максимальных гарантий неприкосновенности личности граждан СССР.

Вслед за статьей о неправосудии в проекте помещены статья о бездействии власти и статья о халатном отношении к службе. Ст. 111 УК РСФСР в проекте таким образом расчленяется на две самостоятельные статьи. Это расчленение, однако, не носит характера механистического отделения бездействия власти от халатного отношения к служебным обязанностям, а имеет сугубо принципиальный характер. Бездействие власти конструируется по проекту совершенно иначе, чем по ст. 111 УК РСФСР. Если по действующему УК за бездействие может нести уголовную ответственность всякое должностное лицо, то субъектами этого преступления, по проекту, может быть только узкий круг должностных лиц, только представители власти. Сам текст статьи (в проекте) о бездействии власти достаточно ясно свидетельствует об этом: «Бездействие власти, то есть невыполнение представителем власти (подчеркнуто нами — В. М.) в его служебной деятельности требований закона, а также постановлений и распоряжений правительственных органов при наличии признаков, предусмотренных ст. 165 настоящего кодекса» (имеется в виду статья об определении должностного преступления — В. М.).

Сужение понятия бездействия власти как преступления, по проекту, достигается и сужением объективных свойств состава бездействия власти. Если в ст. 111 УК говорится о бездействии власти как о невыполнении должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, то проект вместо этого формального и весьма широкого понятия бездействия власти говорит лишь о таком бездействии представления власти, которое выразилось лишь в невыполнении требований закона или постановлений и распоряжений правительственных органов. При этом нужно иметь в виду, что и в этих случаях, по проекту, наступает уголовная ответственность лишь в случаях наличия признаков, указанных в статье, дающей понятие должностного преступления.

Такое значительное сужение понятия бездействия власти, проводимое проектом, следует, безусловно, признать правильным, так как оно создает гарантии против многочисленных в настоящее время случаев совершенно нецелесообразного привлечения к уголовной ответственности за всякое бездействие как должностного, так и недолжностного лица. Нам думается, что при таком ограничении состава бездействия станут уже невозможными случаи (приводившиеся в свое время т. Вышинским) привлечения к уголовной ответственности кухарки, не посолившей колхозный обед, или колхозника, у которого в городе, куда он приехал по поручению колхоза, украли лошадь.

Не нужно забывать, как правильно отмечает т. Вышинский[1], что «уголовный суд—это крайнее средство, последнее средство воздействия».

Говоря о бездействии власти, по проекту УК, следует отметить также и тот положительный факт, что в противовес ст. 111 УК РСФСР, предусматривающей наказание только в виде лишения свободы, проект в качестве санкции за бездействие власти допускает (при смягчающих обстоятельствах) и исправительно-трудовые работы или арест.

В статье о халатном отношении к службе, следующей за бездействием власти, проект дословно воспроизводит текст ст. 111 УК РСФСР в той ее части, где говорится о халатном отношении к службе. При этом халатное отношение как преступление, по проекту, рассматривается так же, как и бездействие власти, лишь в случаях причинения значительного ущерба государственным или общественным учреждениям или отдельным гражданам.

Следует отметить, что и по этому преступлению проект значительно снижает наказание по сравнению с действующим УК. Халатное отношение к службе карается, по проекту, арестом или исправительно-трудовыми работами и лишь при отягчающих обстоятельствах лишением свободы до трех лет.

Как видим, проект УК последователен в смысле снижения наказания за бескорыстные должностные преступления, какими являются обычно бездействие власти и халатное отношение к службе.

Совершенно иначе проект подходит к наказанию за корыстные должностные преступления и в частности к наказанию за получение взятки. Но остановимся прежде на структуре статьи проекта о взяточничестве. Авторы проекта, исключив статью о провокации взятки—ст. 119 УК РСФСР, сделали, как нам кажется, совершенно правильно. Статья о провокации взятки, имевшая особое значение в период волны взяточничества, в 1924—1925 гг., и сыгравшая определенную роль в деле предупреждения наиболее уродливых форм борьбы со взяточничеством, в настоящее время потеряла свое практическое значение и, как правило, почти не встречается в судебной практике.

Далее, объединив в одну статью получение взятки и дачу взятки, проект также поступил правильно, так как и получение взятки и дача взятки по существу являются одним преступлением, хотя и преступлением двусторонним.

Наконец, проект реконструировал статью о взятке в смысле сокращения формулировок составов о взятке. Так, вместо громоздкой редакции ст. 117 УК проект так формулирует состав получения взятки: «Получение должностным лицом взятки за выполнение или невыполнение какого-либо действия по службе». Несмотря на краткость формулировки, здесь все основные элементы состава получения взятки даны. Такой же краткостью формулировок отличаются и последующие части статьи о взятке (ч. 2 — о квалифицированных видах получения взятки, ч. 3 — о даче взятки и ч. 4 — об условиях освобождения от уголовной ответственности взяткодателя). Поскольку в приведенных выше частях статьи о взятке ничего особенного по сравнению с действующим УК (ч. 2 ст. 117 и ст. 118 УК) не имеется, остановимся лишь на наказании за взятку по проекту.

Наказание за получение взятки проект в значительной мере усиливает. Так, если по действующему УК получение взятки наказывается лишением свободы до двух лет, то по проекту — на срок до пяти лет. За квалифицированный же вид взятки проект вводит наказание в виде лишения свободы на срок не ниже пяти лет. Характерно, однако, что за дачу взятки проект наказание снижает. Если по действующему УК за это преступление предусмотрена санкция — лишение свободы на срок до пяти лет, то по проекту — лишение свободы только до трех лет.

Вслед за взяткой проект помещает статью о служебном подлоге и обмане государства. Новшеством этого состава в проекте УК является введение наказуемости наряду с подлогом «умышленного обмана государства путем дачи должностным лицом ложных сведений о работе учреждения или предприятия».

Затруднения, встречавшиеся в судебной практике, с квалификацией случаев так называемого очковтирательства, т. е. составления ложных, прикрашенных отчетов руководителями государственных предприятий об их работе (например, дутые цифры выполнения промфинплана, преувеличение о ходе заготовок и т. п.) проектом УК, в связи с расширением состава о подлоге устраняются. Редакция статьи проекта о служебном подлоге исключает указание на корыстные мотивы, и это нововведение проекта вызывает сомнения. Вряд ли можно считать подлог без наличия корыстных мотивов всегда должностным преступлением. Нам кажется, было бы более правильным ввести признак корыстных мотивов или личной заинтересованности в части, касающейся служебного подлога.

Состав разглашения должностным лицом сведений, по проекту, воспроизводится полностью по действующей ст. 121 УК, а потому мы на нем и не останавливаемся.

Глава о должностных преступлениях в проекте заканчивается составом о дискредитации власти. По сравнению с действующим УК (со ст. 113) состав дискредитации власти в проекте средактирован значительно лучше. Прежде всего уточнен субъект преступления. В проекте говорится о действиях представителей власти (разрядка наша — В. М.), а не должностного лица, как это имеет место в ст. 113 УК РСФСР. Кроме того, статья о дискредитации власти, по проекту, предусматривает подрыв авторитета и достоинства не только тех органов власти, представителем которых должностное лицо является (ст. 110 УК), но и других органов власти.

Заканчивая анализ главы о должностных преступлениях, по проекту УК, нужно, как нам кажется, сделать следующие выводы.

Глава о должностных преступлениях, несмотря на то, что она, как впрочем и весь УК, является лишь предварительным проектом, все же уже и сейчас имеет ряд преимуществ по сравнению с действующим УК. Эти преимущества следующие:

1. Проект значительно сокращает объем понятия должностного преступления, что будет способствовать изживанию в практике массо-

[1] А. Я. Вышинский, Речь товарища Сталина 4 мая и задачи советской юстиции.

вых осуждений за незначительные должностные проступки.

2. Проект взамен расплывчатых и отчасти формальных определений должностных преступлений, имеющихся в действующем УК, дает определения по существу, наполняя эти определения конкретным содержанием, что, безусловно, создаст более ясное представление как о должностном преступлении вообще, так и об отдельных видах должностных преступлений в частности.

3. Проект упраздняет сложную и весьма путанную систему деления должностных преступлений по действующему УК по степени их тяжести, заменяя ее простым делением на должностные преступления и должностные проступки.

4. Проект, вводя по существу новый состав неправосудия, поднимает на особую высоту защиту неприкосновенности личности в СССР.

5. Проект, снижая наказания за бескорыстные преступления, повышает, как правило, наказание за корыстные преступления.

6. Проект исключает из главы о должностных преступлениях ряд составов, отживших в настоящее время и потерявших практическое значение.

7. Проект взамен громоздких и малопонятных формулировок статей вводит четкие и краткие формулировки.

Несмотря, однако, на все эти положительные моменты, проекту присущ и целый ряд существенных дефектов:

1. Проект не уточнил и не сузил, как следовало бы, объем понятия должностного лица, а лишь воспроизвел в этой части полностью редакцию действующего УК.

2. Проект не дает достаточно четкого разграничения должностного преступления от должностного проступка.

3. Проект исключил вовсе самостоятельный и отдельный состав преступления — злоупотребления властью, что создаст определенные затруднения в судебной практике.

4. Проект неосновательно расширил понятие должностного подлога как преступления.

При устранении указанных выше дефектов, при окончательной разработке проекта, глава о должностных преступлениях нового УК позволит, как нам кажется, в будущем наиболее рационально и эффективно организовать дело борьбы с должностными преступлениями.

М. ЧЕЛЬЦОВ

О судебном языке

(Беглые заметки)

«Язык не может быть отделен от своей социальной среды так же, как растение не может быть оторвано от свойственной ему среды климатической».

ЛАФАРГ

«Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

ПУШКИН

1

Уже с момента Февральской революции 1917 г., но, конечно, главным образом со времени Великой пролетарской революции, наш социально-политический обиход обогатился множеством новых слов, которые лингвистически оформляли новые политические и экономические понятия и формулы. Первые декреты-призывы «Временного рабоче-крестьянского правительства», передававшиеся по радио «всем, всем, всем», несли в широкие массы трудящихся эти слова, не всегда, может быть, до конца понятные для всех, но близкие и волнующие своим революционным духом, доходчивые по эмоциональной насыщенности тех фраз, в которые они входили. Революционная фразеология скоро стала достоянием миллионных масс: на фронте, в городских совдепах, в глухих деревнях, в газетах, школах, в суде зазвучали новые слова, соответствующие новым понятиям, а также слова старые, но наполненные новым содержанием. Появились и те сокращения, против которых больше десяти лет, то оживляясь, то затихая, ведется борьба и со стороны серьезных лингвистов, ополчающихся против засорения языка чрезмерным количеством ненужных и непонятных условных обозначений, и со стороны неумолимых к новшествам языка пуристов, по-обывательски брюжжащих не только по поводу «промвоздуха» или «семзерна», но даже и по адресу «совнаркома» и «колхоза»[1].

2

Суд с его широкой аудиторией, вырастающей в особо значительных процессах, с помощью газет и радио до объема десятков

[1] «Возможно, что многие ненавидят в новых словах только новые идеи и учреждения», — говорил М. Ж. Шенье, выступая на защиту слов, ставших опальными во Франции после реставрации Бурбонов. Цитирую по работе П. Лафарга, Язык и революция, М.—Л. 1930, стр. 71.

миллионов людей, находясь под языковым влиянием законодательного и газетного материала, сам, в свою очередь, является источником распространения новых идей и слов. Как на пример, укажу на слова алименты, алиментщица, которые получили свое широкое распространение через суд.

Поэтому вопрос о языке суда, языке судебных прений, судебных актов, и, прежде всего, о языке приговоров может представлять и более широкий лингвистический и культурный интерес, чем профессиональный интерес работников суда в повышении качества своей работы.

Но, конечно, первостепенный интерес общественного порядка имеет судебный язык и, прежде всего, язык приговора, в связи с выполнением судом его политически-воспитательной задачи.

От того, что́ и как говорят в суде стороны — обвинитель и защитник, — а главное судьи, от того, что́ и как от имени республики провозглашено в приговоре, зависит отношение к суду широкой общественности и, в первую очередь, непосредственно воспринимающей процесс аудитории.

М. И. Калинин в речи на праздновании 10-летия Верховного суда СССР отметил огромное значение такой формулировки приговора, которая была бы убедительной для аудитории, разделялась ее большинством.

И здесь, конечно, «как» не отделимо от «что», словесная оболочка приговора от его содержания.

«Совершенно ясно, что... смесь юридических терминов, безграмотно соединенных слов и незаконченных фраз не может быть понята не только ни одним колхозником, но и ни одним работником юстиции, не исключая и самих авторов приговора. Характерно, что приговоры такого рода по большей части проявляют претензию на «ученость», пользуются высокопарными и непонятными выражениями и, само собой разумеется, совершенно недопустимы» [1].

3

Только что приведенная цитата ставит в отношении языка суда вопрос, который в отношении языка повседневной прессы был предметом дискуссии уже в 1923—1924 гг. В ней выдвигался острый тезис о непонятности газетного языка. Некоторые авторы в «Правде», очевидно, в приступе самокритики выдвинули следующее положение: «Язык, на котором говорит масса, у нас принято считать простонародным наречием, «жаргоном». К нему наши литераторы относятся свысока. Подлинно народные слова и выражения... не допускаются в статьях и речах... Нам и в голову не приходит, что по всей справедливости настоящий-то загадочный «арго» для огромнейшего большинства населения и есть наш так называемый «литературный язык», выработанный ничтожным привилегированным меньшинством (дворянская интеллигенция)». «Трагично то, что вы, рабкоры, пишете, как мы... Простой человек в разговоре не употребляет придаточных предложений, так в разговоре не говорят, не говорят ни в деревне, ни на заводе. Ясно, что и статья должна быть без придаточных предложений: простые фразы, простые предложения, по возможности короткие... Перед вами несколько десятков миллионов читателей и десяток редакций. Скажите, кого же легче повернуть на правильный путь? Кто мне скажет, что легче: расправиться с миллионом читателей или с несколькими борзописцами? По-моему, борзописцев повернуть легче, а массу повернуть гораздо труднее» [1].

Совершенно, мне кажется, правильно возражал против этого провозглашения принципа «упрощенчества» специалист-лингвист Г. Винокур: «Язык — не только свидетель, он есть и орудие культуры, поскольку он является совершеннейшим средством человеческого общения. С ростом социальной культуры усовершенствуется и язык, который вынужден приспособляться к новым культурным задачам, к новым понятиям... Когда, в силу каких-либо исторических причин, возникает новое социальное понятие, лексикология обогащается новым словом, нужным для обозначения этого понятия, ранее неизвестного, а потому в языке и незафиксированного (разрядка моя—М. Ч.)... Чего же стоит их жажда (выше цитированных авторов—М. Ч.) примитивного, неприспособленного к отображению нынешней социально-культурной действительности, не знающего большинства из новых культурных понятий, крестьянского «простого» языка» [2].

Правда, суд стоит здесь в несколько иных условиях, чем газета. По сгущенной конкретности тем судебных дел, по всей обстановке их рассмотрения, наконец, и по тому недостаточно высокому общекультурному уровню, который характеризовал основную массу народных судей и в 1923 и в 1933 гг., суду гораздо меньше грозила опасность оторваться от широких масс из-за непонятной для них литературности приговоров.

Но, конечно, выдвинутый газетными работниками вопрос о снижении языка до уровня развития десятков миллионов должен быть принципиально решен отрицательно и в отношении суда и его приговоров.

Приговор, прежде всего, — политически заостренный волевой акт органа власти, а не обывательский рассказ о случившемся событии. Приговор должен давать четкую политическую оценку рассмотренных в процессе фактов.

Представим на одну минуту, что суд изложил приговор языком рассказов Зощенко, и нам станет ясной вся недопустимость такого «снижения» стиля.

«Приговор должен быть написан ясно, простым языком, но в то же время каждое слово в нем должно быть взвешено, каждая формулировка обдумана», — говорит уже цитированное инструктивное письмо.

А ясность и простота языка вовсе не равнозначущи с его бедностью и тем более с нарочитым обеднением, якобы рассчитанным

[1] Из Инструктивного письма «О судебном приговоре», разосланного Верховным судом и Прокурором СССР 13 августа 1934 г.

[1] Цитирую по книге Г. Винокура, Культура языка, М., 1925, стр. 109—111.

[2] Цит. соч., стр. 112—113.

на всеобщую доступность. Прозрачна, ясна и проста золотая речь Пушкина. Очень просты по построению и лишены всяких вычуров статьи и речи Ленина и Сталина. Но те и другие в своей простоте совершенны по форме и по выбору лексического материала и никогда не обеднены нарочитым стремлением опуститься до уровня понимания масс, предполагаемых неграмотными. Наоборот, они как бы обращены к читателю и слушателю, могущему и желающему сделать необходимое иногда интеллектуальное усилие, чтобы овладеть всем богатством этой простоты.

Только такая простота может быть образцом, приближение к которому хоть в малой мере должно стать задачей как работников нашей прессы, так и работников нашего суда.

4

Трудно переносить шаблоны и трафареты даже в газете, где они обусловлены самою техникой газетного дела и, как уверяют специалисты и доказывает ежедневная практика, почти неустранимы. Но совершенно нетерпимы эти трафаретные формулы в приговоре. Приговор всегда воспринимается и не может не восприниматься всеми слушающими и читающими его как творческий акт суда, возникший в результате непосредственного восприятия и оценки обстоятельств дела, всегда конкретных, живых.

Не раз уже цитированное инструктивное письмо Верховного суда и Прокурора СССР совершенно правильно указывает, что «политическая заостренность приговора должна выражаться не в общих фразах, не в высокопарных отвлеченных рассуждениях, а в правильной оценке фактических обстоятельств данного дела».

К сожалению, до сих пор не изжита практика некоторых судей давать специальную «политическую шапку» приговора, обычно состоящую как раз из типичных газетных шаблонов, при этом нередко неграмотно изложенных. В лучшем случае при грамотном их изложении они кажутся чем-то лишним, искусственно притянутым; но при неграмотном изложении они производят эффект прямо противоположный желаемому, вызывая недоумение, досаду, насмешку, но только не уважение к провозглашаемому от имени республики приговору.

Вот пример (середины 1936 г.), в котором прямо-таки издевательски звучит делаемое народным судом противопоставление: с одной стороны — социализм, построенный в СССР, с другой — продажа Иоселем Гольдштейном 4 килограммов пшена, 3 кусков мыла, 3 селедок и полкило хлеба, — всего на сумму 14 руб.

Описав эту продажу, приговор говорит: «Переходя к избранию меры соцзащиты к подсудимому Гольдштейну, суд нашел, что предъявленное ему обвинение заслуживает внимания в то время, когда партия и правительство и все трудящиеся Советского союза заканчивают построение бесклассового социалистического общества, когда уничтожили остатки нэпа, когда в основном ликвидировали разницу между городом и деревней и сейчас особое внимание обращено на сельскую советскую кооперацию, чтобы удовлетворить нужды колхозников, чтоб торговать культурно, в это время находятся остатки нэпа в лице подсудимого Гольдштейна и под маркой советской кооперации делают темные дела, закупают на базаре разный товар и с.-х. продукты под видом для заготовок яиц и продают этот товар и с.-х. продукты под видом на квартире за деньги и по повышенным ценам».

Приведенные тирады — образцы того, что Ленин называл «политической трескотней»[1].

Поучительно сравнить с этими наполненными «политической трескотней» писаниями суровую простоту и сдержанность языка, которым написан приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу антисоветского троцкистского центра.

Ни одного напыщенного выражения, ни одного лишнего слова, никаких «политических шапок», но эта самая скупость усиливает впечатление, производимое описанием организации и разворачивания вредительско-диверсионной, шпионской и террористической деятельности троцкистов. Каждый трудящийся, читающий этот приговор, с предельной ясностью видит, каковы были планы Троцкого и его союзников и что грозило Стране советов в случае прихода к власти троцкистского правительства в результате поражения Советского союза в войне с иностранными агрессорами. Таким образом политическая заостренность приговора и его максимальный воспитательный эффект, повышение революционной бдительности всех трудящихся достигается здесь предельной сжатостью и простотой описания самых тяжких преступлений. Приговор Верховного суда, отражая волю миллионов трудящихся, всего советского народа, прост и выразителем как язык этого народа, и чужд всякого искусственного повышения тона, ложного пафоса.

5

Очень нередко наши судебные работники грешат таким «повышением тона», дурной литературщиной в самом описании событий и поступков. Чем менее социально-опасно данное деяние, тем менее, конечно, оправдан повышенный тон описания, и этот контраст опять-таки производит комический эффект, нежелательный для автора.

Народный следователь одного из районов Московской области летом 1936 г. пишет обвинительное заключение по ч. 2 ст. 146 УК.

Обстоятельства дела можно изложить, как это и сделал впоследствии народный суд, в 10—15 строчках: муж плохо жил с женой, несколько раз расходился и вновь сходился с ней, издеваясь и даже нанося ей побои.

Но, упиваясь своим красноречием, следователь посвящает описанию издевательств две большого формата страницы текста, напечатанного через один интервал.

Вот отрывок из этого произведения:

«В конце 1935 г. в бытность гр. Г. (жены) на 4-м месяце беременности, последняя однажды придя в комнату, увидела гр. П. (мужа) и с ним посторонюю женщину некую Е. Тогда Г., убедившись в причине, послужив-

[1] «Чрезмерно уделяется место политической агитации на старые темы — политической трескотне» (т. XV, стр. 482).

шей к обострению семейного положения, предложила посторонней женщине удалиться из ее комнаты, назвав ее проституткой.

...Следствием также установлено, что гр-н П., находясь в близком знакомстве с другой женщиной гр. Е., не питая к Г. чувство любви, а при наличии только оставшихся у него к Г. чувств «сожаления», все же использовал гр. Г. в период всех этих скандалов для удовлетворения своих половых страстей, продолжая и после издевательства над ней использовать ее для половых актов. П. после вышеуказанных издевательств, с появлением ребенка у Г. от П., не пренебрегая и тем, что снова путем обмана Г., в преданности ей, принося цветы в родильный приют, где находилась Г. и впоследствие на квартиру к ее матери, создает искусственно нормальный образ жизни с Г., тем самым вводя в заблуждение Г., стараясь загладить прежнее безобразие с его стороны.

...Обманув вторично в преданности Г., П. снова обостряет отношения и, опять-таки не порывая связи с гр-кой Е., с первого мая 1936 г. переходит окончательно к гр-ке Е. для совместного сожительства... Г., истерически плача, бессильна была что-либо сделать, как только кричать».

Автор не прочь и от психологического анализа:

«Что же касается моральных болей, наносимых П. своими издевательскими поступками над ней, то это подтверждается показаниями самого П., где он говорит: «физических побоев я гр-ке Г. не производил», в то же время умалчивая о моральных болях».

И прокурор своею подписью утверждает это повествование «высокого штиля», и небольшой грамотности, оно оглашается затем на суде, и, по удостоверению одного очевидца, в публике вместо выражения сочувствия к потерпевшей то и дело раздается смех. Если бы следователь присутствовал при таком восприятии красот его языка, авторское самолюбие его, вероятно, было бы уязвлено.

Недавно мы читали в приговоре по делу о краже из магазина потребительского общества, что «обвиняемые простерли свою хищническую работу, граничащую с контрреволюционной диверсионной деятельностью, и вглубь и вширь». Фактически это «вширь» обозначало, что два приказчика сперва украли несколько десятков пачек папирос в одном отделе магазина, а затем, расхрабрившись, вынесли боченок с сельдями из другого отдела, но на этом ввиду обнаружения их преступная деятельность и оборвалась. Что значит «вглубь», — расшифровать по материалам дела не удалось.

Судьи, правда, применили к обвиняемым не закон 7 августа 1932 г., так что в данном случае словесные громы не привели к судебной ошибке, но отрицательный эффект подобной «политической» оценки деяния в приговоре для нас несомненен.

6

Нередко в наших судебных документах противоположная особенность стиля — «снижение» его, причем в отдельных случаях это снижение приводит к тому, что документы кажутся взятыми не из судебных дел, а из сборника рассказов Зощенко. Это как раз тот язык, о котором мы говорили выше, принципиально отвергая его: он не соответствует достоинству суда и значению исходящих от него приговоров.

В качестве примера привожу обвинительное заключение по делу о растрате С. и Т. 3500 руб. в одном из кооперативов Оренбургской области. Привожу две короткие выдержки:

«...они растратили всего на сумму 3500 руб. Весь капитал и х о г о сельпо составлял 7000 руб., следовательно на 50% он б ы л л ю б е з н о присвоен Завмагом и Пред. сельпо н а п а я х. Т. сфабриковал документ на 1835 р., а С. п о л ю б е з н о с т и подписал его. Также печать этой расписки еще раз подтверждает и х у семейную связь и гарантийную ответственность за кооперативные «д е н е ж к и».

Может быть, сторонники опрощения языка одобряют подобные «словесные коленца», но мне лично за ними чудится обывательская ухмылка зощенковского мещанина, а не серьезность судебного акта.

В промышленном районе Челябинской области в сентябре 1936 г. судят старого рабочего. Обвинение тяжкое — убийство жены. Несомненно, что трудящиеся собрались на процесс. Что же они услышали? Какими словами суд описал преступление и выразил свое отношение к нему?

«Суд установил, что подсудимый Уткин на протяжении порядочного времени занимается пьянкой и на почве опьяненного состояния всюду возникали брани со своей женой Уткиной и наносил побои. 22/VIII 1936 г. с 5 ч. вечера до поздней ночи Уткин со своими друзьями занимался выпивкой и после опьянения Уткин проводил своих друзей, взошел в квартиру, достал из полевой сумки финский нож, подошел к своей жене Уткиной, п р о и з в е л в з м а х и н а н е с н о ж е м у д а р в о б л а с т и п р е д п л е ч е ц а г р у д н о й ч а с т и, в п о с л е д с т в и и у ш е л в к о м н а т у и л е г с п а т ь, а ж е н а У т к и н а о т с м е р т е л ь н о г о в ы б е ж а л а н а к о р е д о р и ч е р е з н е с к о л ь к о в р е м е н и и з т е к л а к р о в ь ю, п о с л е д о в а л а с м е р т ь».

Все. Уткину суд дал 10 лет лишения свободы, а всем присутствующим — приговор, слушая который, не знаешь, плакать или смеяться.

Иной раз самое содержание дела по бытовым преступлениям принуждает суд описывать сцены, более близкие к комедии, чем к трагедии. Но характер преступления не может изменять отношения суда к словесному оформлению приговора. Оно должно оставаться прежде всего серьезным. И от судьи требуется чрезвычайно большое внимание. Мало еще, чтобы в приговоре не было того зубоскальства, которое мы отметили выше в обвинительном заключении по делу о «любезном присвоении» двумя кооперативами 3500 руб. Иной раз один неграмотный оборот, неловкое словоупотребление достаточны для того, чтобы испортить надлежащий эффект приговора.

Вот пример. Народный суд Песковского района Воронежской области, описывая в приговоре действия гр. С., обвиняемого по ч. 1 ст. 73 и ч. 2 ст. 74 УК, говорит так: «обви-

няемый С. «при отказе (в пособии) ругался нецензурными словами и пытался ударять кулаком по столу и чернильницами бросаться в директора МТС в момент служебных обязанностей. Кроме того всех руководителей района называл дураками и бюрократами, где ничего не обосновано».

Первые два из подчеркнутых выражений производят комическое впечатление неудачным и невполне грамотным словосочетанием. Но заключительная фраза, в которой суд как будто принимает на себя защиту незаслуженно обиженных районных руководителей, именно из-за этих последних слов о необоснованности обозвания дураками звучит прямо-таки убийственно и может вызвать неприятный в суде хохот.

7

Нельзя не отметить третьего очень распространенного недочета словесного оформления наших судебных актов. Это — злоупотребление тем, что можно назвать канцеляризмами: оборотами речи не литературными, а выработанными в старых дореволюционных канцеляриях. Этот недочет речи не является исключительным свойством судебных органов; он одинаково характерен почти для всех советских учреждений. Можно спорить о причинах этого явления, но несомненно, что сыграли здесь свою роль и те бесчисленные столоначальники, письмоводители и секретари, которые достались советской власти по наследству от старого режима и в первые годы революции заполнили все губернские и уездные учреждения и стали для своих комиссаров и председателей тщательно выписывать на новые темы те же «исходящие» и «входящие» с их обязательными «коими», «каковыми», «таковыми» и «тем паче»[1].

Эти старые столоначальники и секретари в большинстве своем выбыли уже из строя, но стиль их, к сожалению, пережил их. И сейчас еще мы читаем в повестках, протоколах и постановлениях: «имеет быть», «согласно распоряжения», «вопреки указаний». Эти же канцеляризмы бытуют в наших приговорах: «согласно заявления потерпевшего»..., «вопреки многочисленных предписаний вышестоящих организаций»..., «использовывая свой авторитет представителя центра»..., «несмотря на придание наркоматом особо-сугубого значения своевременному проведению кампании»..., «путем непринятия никаких мер противодействия ревизионная комиссия встала на путь содействия растрат и расхищений».

Эти канцеляризмы или грешат против правил литературного языка («согласно чему» или «с чем», но не «чего»; «вопреки чему»; «содействие растратам», а не «растрат»), или отягчают речь нанизыванием ряда отглагольных существительных, или вводят особенности провинциального, в частности южного говора, как, например, слово «использовывая», вместо «используя»[1]. Вообще приговоры нередко грешат провинциализмами. Если слова «иха», «иху» сравнительно редкий провинциализм, то употребление «ихнего» вместо «их», «чего» вместо «что» — явление постоянное; «потерпевший сказал ему чего-то, а на это обвиняемый ударил его по голове»; «на вопрос, «чего вы хотите получить», М. решительно отказался от предложенной ему взятки». Не редко употребление слова «хужее» в значении «хуже» и т. д. и т. п.

Несколько лет назад повсеместное распространение так называемых блатных слов захватило и суд. Обвинительные заключения и приговоры употребляли, как всем понятные слова, не требующие ни разъяснений, ни ковычек, «малину», «бузу», «уркаганов», «тихую» и пр.

Движение против этой «блатизации языка», возглавленное партийными и комсомольскими работниками[2], принесло большую пользу в смысле очищения языка наших книг и газет. Не прошло оно и мимо судебного языка. В просмотренных мною приговорах 1936 — 1937 гг. мне не довелось встретить «блатной музыки», хотя отдельные судебные работники указывали, что и сейчас кое-где в судебных актах попадаются слова воровского жаргона.

8

Несколько замечаний об иностранных словах и словах новых, в частности о сокращениях.

Как указано выше, мы считаем ошибочной тенденцию снижения литературного языка приговора. Отсюда ясна наша позиция в отношении иностранных слов. Слова, выражающие новые понятия, вводимые в наш социально-политический обиход, вполне уместны в приговоре суда. Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу контрреволюционного троцкистского центра может быть и в этом отношении примером. Он говорит о диверсии, о шпионаже, пораженческой агитации, террористических актах, о содействии иностранным агрессорам. Но было бы смешно требовать, чтобы Верховный суд выбросил из приговора эти иностранные слова только потому, что не все трудящиеся их понимают. Слова эти частью стали терминами нашего кодекса, частью твердо вошли в политический словарь передовых слоев населения, и нет сомнения, что глубокий интерес трудящихся к

---

[1] О языковом воздействии многочисленных канцелярий говорит Селищев, Язык революционной эпохи, М, 1928, стр. 59 и сл.

[1] Это слово очень условно можно относить к канцеляризмам. Во всяком случае оно стало повседневно употребляться в канцеляриях и приговорах после революции. В двух решениях по алиментным делам мы нашли выражения: «Ответчик содерживает на своем иждивении», «ответчик отказался содерживать ребенка», того же южного происхождения.

[2] Е. Ярославский еще в 1925 г. говорил о необходимости решительно бороться против того, что среди нашей молодежи некоммунистичным, некомсомольским объявляется отвращение к циничным выражениям, к распущенности в языке, к похабщине («Комсомольская правда», 1925, № 162). Ср. ст. Н. Марковского «За культуру комсомольского языка» («Молодой Большевик», 1926, № 15—16).

этому процессу обеспечит полное усвоение всех непонятных терминов. Быстрое же общее повышение культурного уровня в СССР лишает всяких оснований разговоры об опасности употребления иностранных слов вообще. Иной вопрос, нужно ли употреблять их без толку и меры в тех случаях, когда русский язык имеет соответствующие однозначущие слова. По этому вопросу давно уже сделал указание Ленин: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты, или недостатки или пробелы?.. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности? Не пора ли объявить войну коверканию русского языка?»[1]. К этой выразительной цитате добавить нечего.

Вопрос о новых словах тесно примыкает, но не совпадает с вопросом об иностранных словах.

Современное языковедение твердо установило, что язык как продукт и орудие общества отражает борьбу классов и смены их в руководстве культурным творчеством нации, отражает экономические сдвиги, лежащие в основе этих смен. И чем сильнее ломка социальная и политическая, тем сильнее и ломка языка[2]. Поэтому тот наплыв новых слов, о котором мы говорили в первых строчках наших заметок, вовсе не особенность Октябрьской революции.

Развитие языка, его пополнение новыми словами (и параллельное очищение от обветшавших слов) идет непрестанно. И в истории русского языка были периоды трудного усвоения греческих церковных слов (XVI в.), и слов западноевропейских, выражающих отвлеченные и технические понятия (XVIII в.), в период проникновения в книжный язык слов, принесенных «разночинцами» сороковых годов, и слов и словечек молодой русской буржуазии (семидесятые годы).

И в каждый период истории языка мы встречаемся и с протестами представителей «старого языка» против новшеств, и с теми же кличками «птичий язык», «обезьяний язык» по адресу нового языка. Протестовал Гончаров, протестовал Лев Толстой, как до них протестовали безыменные дворяне, обращавшиеся в редакции журналов с воплями о непонятности новых слов.

В петровскую эпоху в толковых словарях объяснялось значение слов «монета», «матрос» («карабельный солдат»), «металл», «история», как сейчас объясняются: «федерация», «республика», «коммунизм».

Та же история языковедения показывает, что, по мере усвоения новых форм культуры, «ломка» языка теряет свой острый характер, язык узаконяет одни и отбрасывает другие неологизмы (новые слова) и в итоге неизменно обогащается.

Ясно, что Октябрьская революция — пролетарская и социалистическая — вызвала особенно резкую ломку языка: наряду с выбрасыванием ряда слов ввиду их определенной классово враждебной окраски (например, замена «министра» «комиссаром»)[1], появилось множество новых слов, отвечающих новым понятиям (назову хотя бы слова «выдвиженец», «субботник», столь раздражающие пуристов); появились и особенно ненавистные последним «искусственные слова», т. е. различные сокращения.

Совершенно очевидно, что многие новые слова этого типа прочно вошли в обиход русского языка. В виде примера назовем: «колхоз», «комсомол», «совнарком» и «нарком», «завком», «Госплан», «Донбасс», «рабкор», «нэп», «ЦИК», «Цека», «Чека», как и сокращения иного типа — «СССР» и «РСФСР». Многие из этих слов стали склоняться по падежам: «в колхозе», «преследование рабкоров», «в эпоху нэпа», от них образовались новые слова с точным содержанием: чека — чекист, комсомол — комсомолец, комсомольский, колхоз — колхозный, колхозник, рабкор — рабкоровское (движение), нэп — нэпман, нэповский (дух). Иные из них уже заимствуются в иностранные языки: в современных французских, да и не только французских, газетах мы встречаемся с «комсомолом» и «колхозом».

Было бы нелепостью возражать против употребления этих полных смысла, выразительных слов в судебных актах.

«Сокращения наши, поскольку они только не плодятся наспех, без разбора, ко всякому удобному и неудобному случаю, будучи замкнуты в кругу понятий из сферы государственной, политической и экономической жизни, есть составная часть современного русского языка и выполняют в составе этого языка свою культурную функцию»[2].

Но, учитывая назначение судебных актов, мы можем выдвинуть определенные ограничения.

Во всех актах, рассчитанных на широкую публику, нельзя злоупотреблять сокращенными буквенными названиями, смысл которых известен узкому кругу лиц, вроде АКВ, ОДВФ, МАПП, ММИ, или столь же малопопулярными сокращениями по начальным звукам, как ГИМН, ЮП, ЮЖОПС, ЦУМОР, ОЛЯ, ЛИЯ, которые непонятны и подают только повод к сомнительным остротам.

Не могут служить украшением судебных актов и бесчисленные сокращенные слова, образованные из начальных слогов, сокращенные без нужды и толку. Все эти словечки, как «трудбат», «физмат», «стенгаз», «жургаз», «шкраб», «зампомзав», «едсельхозналог», «главбум», «облотнароб», употребляемые в массе, действительно превращали наш язык в «птичий язык».

Между тем, в недавних по времени приговорах мы встретили еще и «х/п кампании», и

---

[1] Ленин, т. 24, стр. 662.

[2] Ср. Шор, О «порче» русского языка

[1] Советские юристы вспомнят, вероятно, что на 3 сессии ВЦИК IX созыва при обсуждении вопроса о введении прокуратуры было выдвинуто возражение против самого слова «прокурор», ассоциировавшегося у революционеров с мрачными страницами истории самодержавия, и было предложено присвоить новому должностному лицу имя «укрепзак». Слово «адвокат» до последнего времени было официально упразднено.

[2] Винокур, ук. соч., стр. 126—127.

даже «полхозк-нии», и «райдирорганы», и «детдомовцы» (в смысле «работники детского дома»), и «подшефчасть», и «собесовщину», и «нарзасов», и «судиспов».

Очень трудно, конечно, говорить о каких-то твердых правилах, по которым можно было бы решить годится или не годится данное сокращенное слово для употребления в судебных актах.

В начале этих заметок мы поставили прекрасное суждение Пушкина по этому вопросу. Чувство соразмерности и сообразности — вот в чем состоит истинный вкус, а не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота. А это чувство можно развить в себе только путем упорной работы со словом и над словом, путем чтения политической литературы и художественных произведений и в первую очередь того же Пушкина и других классиков.

Возможно, что критические замечания, сделанные выше, будут расценены как непонимание условий, в которых работают наши судебные работники. Они — представители нового класса, выходцы из ранее угнетенных рабочих и крестьянских масс, им негде и некогда было научиться тонкостям литературного языка. Достаточно, чтобы они правильно проводили политику господствующего класса.

Я думаю, что такие возражения должны быть отведены. Рабочий класс России, ставший в СССР у власти, проделал под руководством коммунистической партии огромный путь. Он овладел техникой и выдвинул тысячи и десятки тысяч своих специалистов — инженеров, агрономов, врачей — новую советскую интеллигенцию. Наши судьи прежде всего политические работники. В качестве таковых они повседневно следят за политическими событиями, читают газеты, работают над партийными и советскими директивами по разнообразнейшим вопросам, относящимся к жизни страны, изучают законы, циркуляры и директивные письма НКЮ, Верховного суда и Прокурора СССР.

Материалы, которые дают все эти источники, вполне достаточны для того, чтобы при условии постоянной работы над собой поднять уровень своей грамотности и языковой культуры, выучиться говорить и писать хорошим русским языком.

Я считаю бесспорным, что судьи и следователи, которые писали приведенные мною как иллюстрации языковых ошибок документы, не умеют и устно выражать свою мысль в связанной и легко усваиваемой слушателями форме. А какой же политический работник — судья, прокурор и следователь — не является естественным агитатором и культурным работником в своем районе?

Судебные работники должны овладеть языком. Если они этого еще не сделали, то не потому, что не могут, а потому, что об этом мало думали и на местах и в центре. Центр издавал, правда, директивы, вроде цитированного мною инструктивного письма, в котором указывалось, что «с безграмотностью в составлении приговоров необходимо бороться самым решительным образом, настойчиво добиваться полного устранения (неграмотных) приговоров». Но составители письма тут же должны были констатировать: «Кассационные инстанции сплошь и рядом не придают должного значения этим недостаткам, исходя из того соображения, что форма не важна, важно содержание. В действительности же одно неотделимо от другого».

Сейчас наступило время для реализации этих указаний. Граждане СССР вправе требовать, чтобы в относящихся к ним судебных документах не было ничего лишнего, было бы все необходимое, чтобы не надо было ломать голову над вопросом, что́ хотел сказать суд, чтобы серьезность формы обвинительного заключения и приговора отвечала важному значению этих актов.

Задача Наркомюста — учесть это требование при подготовке новых кадров. Задача нынешних судебных работников — поднять свою языковую культуру, чтобы их устные выступления и письменные процессуальные акты не только по содержанию, но и по форме были достойны социалистического суда.

С. ГОЛУНСКИЙ

Методика расследования дел об убийствах

При расследовании дел об убийствах задачей органов расследования является установление следующих основных положений: 1) факт насильственной смерти; 2) причина смерти; 3) время наступления смерти; 4) место, где совершено убийство; 5) способ, которым оно совершено; 6) личность убитого; 7) личность убийцы; 8) мотивы убийства; 9) участие в совершении преступления других лиц, кроме физического исполнителя.

Каждый из этих девяти вопросов имеет очень важное значение, причем они связаны между собой таким образом, что выяснение одного вопроса ведет часто к выяснению другого. Нельзя сказать раз и навсегда, в какой последовательности должно происходить выяснение этих вопросов. Та последовательность, в которой эти вопросы изложены выше, является наиболее обычной, но отнюдь не обязательной. Иногда ключом ко всему делу является вопрос о том, где совершено убийство, когда оно совершено; очень часто преступление раскрывается путем исследования возможных мотивов убийства.

Но как бы ни складывались обстоятельства того или иного дела, расследование всегда (за исключением отдельных крайне редких случаев) начинается с осмотра места преступления, или вернее места обнаружения трупа[1]. Осмотр производится по общим правилам

---

[1] Существенными особенностями отличается расследование дел о предполагаемом убийстве при отсутствии трупа. Об этих особенностях будет сказано ниже.

осмотра места преступления[1], отличаясь, однако, целым рядом существенных особенностей.

Прежде всего необходимо особо подчеркнуть, что если вообще по всем делам, по которым применяется осмотр места преступления, это следственное действие имеет очень важное значение, то по делам об убийствах значение его исключительно велико.

Можно без преувеличения сказать, что по этим делам осмотр места преступления является в подавляющем большинстве случаев основным, решающим следственным действием. Правильно и своевременно произведенный осмотр места преступления дает такие указания, которые не могут быть получены никаким другим способом, и обеспечивает следователю[2], во-первых, возможность наметить вполне обоснованные версии, которые он сможет положить в основу плана расследования, а во-вторых, возможность при дальнейшем расследовании критически подходить к оценке показаний свидетелей и обвиняемых.

Успех всякого осмотра места преступления в значительной степени зависит от того, насколько сохранена в неприкосновенности обстановка места преступления. Но по делам об убийствах и это общее правило уголовной тактики приобретает исключительно важное значение. Так, например, если кто-нибудь на месте кражи со взломом повернет на 90° оставленное взломщиком орудие взлома, это изменение обстановки в большинстве случаев не создаст непреодолимых затруднений для расследования. Если же кто-нибудь повернет таким же образом револьвер, лежащий около обнаруженного трупа, это может в корне изменить выводы следователя по вопросу о том, имело ли в данном случае место убийство или самоубийство, и направить все следствие на ложный путь. Поэтому прежде чем приступить к осмотру места обнаружения трупа особенно важно тщательно выяснить, какие изменения были внесены в обстановку этого места после обнаружения трупа[3]. Следователь должен всегда тщательно расспросить об этом всех, кто находился за это время около места обнаружения трупа, сделать себе заметки обо всех изменениях обстановки, которые будут таким образом выявлены, а после осмотра зафиксировать эти данные в протоколах допроса тех лиц, которые знают, кто и что изменил в обстановке места осмотра.

Другой особенностью осмотра по делам об убийствах является специальный характер основных объектов осмотра. Такие важнейшие следы преступления, как раны на трупе, кровяные пятна и т. п., могут быть правильно оценены только судебно-медицинским экспертом. Самая поза, в которой лежит труп, может очень многое сказать эксперту о причинах смерти. Так, например, если на снежной равнине обнаружен труп, лежащий на спине с разбросанными в разные стороны руками и ногами, эксперт по одному взгляду на позу трупа скажет, что смерть произошла не от замерзания.

Поэтому следует признать крайне желательным, чтобы судебно-медицинский эксперт привлекался не только для вскрытия трупа, но и для участия в самом осмотре места преступления.

Последовательность, в которой следует производить осмотр, определяется следователем в зависимости от конкретных особенностей местности, подлежащей осмотру. Но в большинстве случаев лучше такая последовательность:

1) Бегло обойти всю местность, прилегающую к тому месту, где лежит труп (конечно, принимая все меры, чтобы не уничтожить при этом каких-либо следов).

Во время этого обхода следователь должен определить границы осмотра, порядок, в котором всего удобнее производить осмотр, и постараться принять меры к сохранению тех следов, которые могут быть легко стерты (закрыть опрокинутым ведром след ноги, положить на двух кирпичах доску через кровяную лужу, чтобы ее не растоптали, и т. п.); после этого сфотографировать общий вид места преступления.

2) Произвести тщательный статический осмотр трупа и сфотографировать его.

3) Произвести тщательный статический осмотр пространства вокруг трупа (на 2—3 метра в каждую сторону).

4) Затем либо продолжать статический осмотр, постепенно удаляясь от трупа, либо начать статический осмотр с периферии, постепенно возвращаясь к трупу. Снять план осмотренной местности.

5) Произвести динамический осмотр трупа и снять с него дактилоскопические отпечатки.

6) Произвести динамический осмотр остальных существенных для дела следов преступления, отмеченных при статическом осмотре, изъять и соответственным образом зафиксировать вещественные доказательства.

7) Составить протоколы осмотра трупа и места его обнаружения.

Существенной частью всей этой работы является осмотр самого трупа[1]. При осмотре трупа следователь преследует прежде всего цель — определить причину смерти и время наступления смерти.

Обстоятельный ответ на оба эти вопроса должна дать судебно-медицинская экспертиза, но уже при первоначальном осмотре трупа следователь должен иметь в виду оба эти вопроса.

При статическом осмотре трупа следователь прежде всего тщательно изучает позу, в которой лежит труп. Ни в каком случае недопустимо довольствоваться при этом общим впечатлением, которое получается у следователя при беглом взгляде на труп. Следователь должен, не прикасаясь к трупу, осмотреть по

---

[1] См. «Криминалистика» под ред. А. Я. Вышинского, 1935, кн. 1, стр. 169—190.

[2] Под термином «следователь» в настоящей статье понимается всякое лицо, производящее расследование, независимо от его служебного положения.

[3] Само собой разумеется, что самой первой заботой следователя должно быть установление наступления смерти. Если потерпевший проявляет еще признаки жизни, следователь прежде всего должен принять все меры к тому, чтобы обеспечить ему необходимую медицинскую помощь.

[1] Лучшее руководство по этому вопросу книга Бокариуса, «Народный осмотр трупа на месте происшествия».

очереди положение головы, рук, туловища и ног трупа и сделать в своем блок-ноте заметки о положении каждой из этих частей тела убитого.

Затем, в том же порядке следует осмотреть, также не прикасаясь к трупу, всю одетую на нем одежду. Некоторые следователи думают, что осмотр одежды относится к стадии динамического осмотра.

Это верно в том смысле, что только при динамическом осмотре может быть подробно исследована каждая отдельная часть надетых на трупе белья и одежды.

Но только при статическом осмотре трупа можно отметить тот или иной беспорядок в одежде, который может иметь значение для дела. Например, поднятые кверху юбки у убитой женщины дают основание предполагать изнасилование, задравшиеся вверх штанины брюк или полы пиджака дают основание предполагать, что труп перетаскивали за ноги с одного места на другое, и т. п.

Все эти особенности изгладятся, как только труп будет сдвинут с места, почему и необходимо тщательно изучить их в стадии статического осмотра.

После осмотра одежды надо осмотреть все следы и предметы, находящиеся в непосредственной близости к трупу, отмечая при этом их положение по отношению к трупу. Это в особенности важно, если около трупа лежит орудие, которым была причинена смерть: нож, револьвер и т. п. Если такой предмет около трупа имеется, необходимо тщательно определить его положение не только по отношению к трупу вообще, но и по отношению к рукам трупа в частности, тщательно отметить, в каком направлении обращена рукоятка, в каком дуло или лезвие, точно измерить расстояние, отделяющее это орудие от ближайшей к нему части трупа и от рук трупа. Если около трупа оказывается гильза от автоматического пистолета (браунинг, маузер и т. п.), нужно с такой же тщательностью определить ее положение в отношении трупа и измерить расстояние, отделяющее ее от определенных частей трупа по крайней мере по двум линиям (напр., от левого виска на расстоянии 20 см, от левого плеча на расстоянии 30 см). Это дает возможность в любой момент восстановить точное положение данного предмета по отношению к трупу.

Все эти данные имеют решающее значение при решении вопроса о том, убийство или самоубийство имело место в данном случае.

Из других следов, которые могут оказаться на месте преступления, особое значение имеют кровяные пятна. Эти пятна, имеющие форму брызг, капель, луж и потоков крови, дают следователю богатый материал для восстановления обстановки, при которой было совершено преступление.

В объеме журнальной статьи нет возможности подробно описать все особенности каждого из указанных видов кровяных пятен[1], но необходимо подчеркнуть, что все такие пятна, их форма, размеры, места, где они находятся и т. д., должны быть тщательно изучены следователем, отмечены на плане местности и описаны в протоколе осмотра.

Отсутствие кровяных пятен, если повреждения на трупе такого рода, что они должны были бы вызвать кровотечение, также должно быть особо оговорено в протоколе осмотра. Это дает основания предполагать, что убийство было совершено где-либо в другом месте, и труп уже после наступления смерти, когда кровотечение прекратилось, был перенесен туда, где он был впоследствии обнаружен.

Иногда отсутствие кровяных пятен объясняется тем, что помещение, где произошло убийство, было вымыто с целью скрыть следы преступления. Если есть основания предполагать это, следователь должен искать следов крови под различными прикрытиями, где они могли остаться незамеченными лицами, производившими уборку комнаты. Так, например, по одному делу о террористическом акте следствие имело все основания предполагать, что убийство было совершено в доме кулака Х. Однако при самом тщательном осмотре этого дела никаких следов крови не оказалось.

Тогда следователь приподнял плинтус, к которому были прикреплены края досок, составлявших пол комнаты. Под плинтусом была обнаружена бурая грязь.

При исследовании этой грязи химико-микроскопическая экспертиза с несомненностью установила наличие в ней человеческой крови.

Таким же образом следы крови могут быть обнаружены под различными тяжелыми предметами: под шкафами, под комодами, под ножками столов и т. п.

Само собою разумеется, что обнаруживаемые на месте преступления следы ног и следы пальцев рук имеют по делам об убийствах исключительно важное значение. Они служат не только для сопоставления их со следами ног и с дактилоскопическими отпечатками подозреваемого, но и для того, чтобы уяснить себе, как передвигался преступник на месте преступления, что он там делал. Дело в том, что уже при осмотре места преступления следователь может получить ценные указания на мотивы убийства, которые помогут ему направить расследование по правильному пути.

При каждом осмотре места преступления по делам об убийствах нужно поставить перед собой вопрос, не было ли убийство совершено с целью грабежа, и если да, то что именно было похищено. Проверка наличия ценных вещей, которые убитый должен был иметь при себе, осмотр всякого рода хранилищ, которые могли привлечь внимание грабителя, поиски отпечатков пальцев на этих хранилищах и проверка целости их содержимого, безусловно, обязательны при всяком осмотре места убийства.

След ног и отпечатки пальцев могут также помочь следователю разрешить очень важный вопрос: каким путем убийца проник в то место, где убийство было совершено, и как он оттуда ушел. Этот вопрос следователь всегда должен иметь в виду при осмотре и искать на него ответ. Он должен тщательно осмотреть все запоры, двери и окна, пол перед дверью, землю под окнами для того, чтобы выяснить, нет ли в этих местах следов

[1] Подробные данные по этому вопросу можно найти в указанной книге Бокариуса, а также в кн. I курса «Криминалистика», изд. Института уголовной политики, под редакцией А. Я. Вышинского.

ног, отпечатков пальцев или каких-либо повреждений, которые указывали бы на насильственное проникновение в данное помещение.

Если следы ног и пальцев рук хорошо сохранились и если следователь с достаточным вниманием изучит эти следы, он очень часто получит возможность воспроизвести всю картину преступления со всеми подробностями. Какие поразительные результаты могут быть таким образом получены, показывает следующий случай, имевший место в 1926 г. в Северокавказском крае.

В одном селе ранней весной было совершено убийство гр. У. Убитый был найден на дорожке своего сада. Так как сад был огорожен и сразу же после обнаружения трупа были приняты меры охраны места преступления, следы ног на влажной земле хорошо сохранились.

Через некоторое время следователь обнаружил ряд косвенных улик, указывавших как на убийцу на гр. Х. Однако эти улики сами по себе не были достаточно убедительны, чтобы только на основании их одних можно было предать Х. суду. Сличение следов, сделанных обувью, отобранной у Х., со следами на месте преступления показало только приблизительное совпадение размеров этих следов, но мелкие особенности следов (неровность краев подошвы, царапины, выступающие гвозди на подошве и т. п.) не совпадали. Совпадение же размера следов само по себе ничего не говорит, так как ясно, что два разных человека, носящие ботинки одного и того же номера, оставят одинаковые по размеру следы.

Тем не менее следователь на основании имевшихся у него косвенных улик предъявил Х. обвинение в убийстве. Х. не только не признал себя виновным, но совершенно уверенно заявил, что в этот день он был в городе, расположенном в 80 км от места преступления, и указал двух свидетелей, которые, по его словам, могли это подтвердить.

В ответ на это следователь сказал ему: «Ничего подобного. Вы перелезли через забор около старой березы и некоторое время простояли, спрятавшись за стволом этой березы, очевидно, чтобы убедиться, что вас никто не видит. Затем вы на четвереньках переползли через грядки к кустам акации около дорожки, сидели там, ожидая вашу жертву, и даже выкурили две папиросы. Когда У. вышел из дома и, идя по дорожке, прошел то место, где вы были спрятаны, вы прыгнули на него сзади, свалили его с ног и вонзили ему нож в затылок. Затем вы бегом напрямик вернулись к той же березе, перелезли через забор и убежали».

Х., выслушав эти слова следователя, с недоумением произнес: «Но кто же мог меня видеть? Ведь я был твердо уверен, что в саду тогда никого не было». После этого ему, конечно, не оставалось ничего другого, как сознаться в убийстве.

Х. был прав. В саду никого не было и никто его не видел. Все, что говорил следователь, он знал только потому, что тщательно изучил все следы на месте преступления. Х., предвидя возможность того, что против него возникнет подозрение, подготовил себе алиби, заранее договорившись с двумя своими приятелями, что они подтвердят это алиби. Если бы не тщательное изучение следователем следов ног, преступление, вероятно, осталось бы нераскрытым.

Случай этот, конечно, исключительный. Только при очень благоприятных условиях есть возможность с такой точностью и полнотой восстановить по следам каждое движение преступника на месте преступления. Но и при отсутствии таких благоприятных условий тщательное изучение следов на месте преступления очень часто дает следователю, помимо других преимуществ, возможность заметить целый ряд несообразностей в показаниях свидетелей и подозреваемых, если эти показания в чем-либо не соответствуют действительности, и, наоборот, убедиться на основе объективных данных осмотра в правильности этих показаний, если они правильны.

Очень важное значение имеет обнаружение оружия, которым было совершено убийство, или следов действия этого оружия. В практике известно множество случаев, когда убийства были раскрыты только по найденному на месте преступления оружию убийства. Ножи, топоры и т. п. предметы, служащие оружием убийства, сплошь и рядом имеют на себе отпечатки пальцев и различные другие индивидуальные признаки, помогающие обнаружить их владельца. Так, в одном случае убийства топором имевшийся на топоре знак, являвшийся своего рода «фабричной маркой» кустаря-кузнеца, который его изготовил, дал возможность найти сначала кузнеца, изготовившего топор, а через него и владельца этого топора, который и оказался убийцей. В другом случае обнаружение около трупа сапожного ножа, которым были нанесены раны, дало следователю основание направить следствие в сторону выявления лиц, занимавшихся сапожным ремеслом, которые могли бы быть виновниками преступления; в третьем случае орудием преступления был крупный нож, который несколько свидетелей сразу же опознали как принадлежащий бригадной кухарке той колхозной бригады, в которой было совершено убийство. Убийцей оказался муж этой кухарки. Поэтому обнаружение орудия преступления имеет по делам об убийстве исключительно важное значение.

Надо различать два случая:

1) орудие преступления оказывается непосредственно около трупа и сразу бросается в глаза при осмотре;

2) орудия преступления в непосредственной близости от трупа не оказывается.

Первый из этих случаев имеет место как в случае самоубийства, или в случае когда убийца сознательно создает обстановку, которая должна навести на мысль о самоубийстве, или когда вследствие сильного душевного волнения убийца сразу же после совершения преступления бежит, бросая орудие убийства, или, наконец, в тех случаях, когда убийца считает, что орудие преступления не может явиться уликой против него (при убийстве палкой, камнем или предметом, принадлежащим самому убитому).

Кроме того, бывают случаи, когда оружие, найденное около трупа, ошибочно принимается за орудие преступления. Так, например, в 1932 г. в Кабардино-Балкарской области около трупа с огнестрельной раной в голове был

обнаружен револьвер системы наган с двумя выстреленными патронами. Рана также была причинена пулей револьвера той же системы. Дальнейшее следствие, однако, доказало, что пуля, причинившая смерть, была выпущена из другого револьвера; убитый, как было потом установлено, отстреливался от нападавших, и его револьвер и был обнаружен около трупа. Таким образом сам по себе факт нахождения около трупа оружия, сходного с тем, которым должны были быть причинены имеющиеся на трупе повреждения, еще не доказывает, что это то самое оружие, которым эти повреждения были нанесены. Ответ на этот вопрос, если речь идет о холодном оружии, должна дать судебно-медицинская экспертиза. Если же речь идет об огнестрельном оружии — криминалистическая экспертиза пуль и гильз, если они будут обнаружены.

Основная задача следователя, если предмет, который есть основания считать орудием преступления, находится в непосредственной близости от трупа, заключается, как было указано выше, в том, чтобы как можно точнее установить положение этого предмета относительно трупа. Надо иметь в виду, что при самоубийстве оружие остается зажатым в руке трупа только в сравнительно редких случаях, главным образом при ранениях в мозг, вызывающих мгновенное окоченение трупа. В большинстве случаев самоубийца роняет оружие. Автоматические пистолеты (браунинг, маузер и т. п.) при падении на пол часто производят при этом выстрел и отскакивают в сторону. Это может создать иногда обстановку, способную ввести следователя в заблуждение.

Наоборот, убийцы, желающие придать своей жертве вид человека, покончившего самоубийством, обычно или прямо вкладывают оружие в его правую руку или кладут его рядом с этой рукой.

Поэтому во всех этих случаях громадное значение, помимо точного установления положения оружия относительно трупа, приобретает обнаружение на этом оружии отпечатков пальцев.

Если же в непосредственной близости от трупа нет предмета, который мог бы быть орудием преступления, следователь должен искать этот предмет. Для этого, прежде всего, нужно по характеру повреждений, имеющихся на трупе, составить себе приблизительное представление о характере того орудия, которым эти повреждения могли быть причинены. Ответить на этот вопрос не так легко, не так просто отличить огнестрельную рану от колотой, рубленую рану от резаной, рану, причиненную острым орудием, от раны, причиненной тупым орудием. Ганс Гросс в своем руководстве для судебных следователей описывает следующий случай: при драке в трактире один из дерущихся, обладавший геркулесовой силой, схватил большой стол и ударил этим столом по головам нескольких своих противников одновременно. В результате получились повреждения самого разнообразного вида. У одного из пострадавших рана на голове была совершенно ровной, как от сабельного удара.

Дать окончательный ответ на вопрос о том, каким орудием были причинены раны, дело судебно-медицинского эксперта, но крайне желательно, чтобы следователь имел достаточный судебно-медицинский опыт, чтобы составить себе хотя бы приблизительное представление о том, какого рода предмет ему надо искать.

Составив себе примерное представление о характере орудия преступления, следователь приступает к поискам этого орудия. Надо иметь в виду, что в большинстве случаев убийцы уносят к себе домой орудие преступления только в том случае, когда оно представляет известную ценность (огнестрельное оружие и т. п.).

В остальных случаях убийца всегда стремится поскорее отделаться от орудия преступления, в котором он справедливо усматривает серьезную улику против себя. Очень часто убийца уже на пути от места преступления бросает это орудие, стараясь выбрать для этого такое место, где его трудно будет найти. Орудия преступления часто находят в расположенных вблизи от места преступления колодцах, прудах, ямах, оврагах и т. п.

В тех случаях, когда по характеру повреждений на трупе нет оснований предполагать, что убийца унесет орудие преступления к себе домой (например, в большинстве случаев убийств, совершенных тупыми орудиями), следователь должен осмотреть все окрестности того места, где было совершено убийство, и поискать таких мест, которые убийца мог бы выбрать для того, чтобы бросить орудие преступления. Если такие места окажутся, их необходимо обыскать. Обнаружение орудия преступления в этих случаях, помимо указанных выше преимуществ, важно еще и потому, что оно дает следователю некоторое указание на то, в какую сторону направился преступник.

Особый характер имеет орудие преступления в тех случаях, когда труп найден повешенным.

Таким орудием в этих случаях является петля. Для следствия крайне важно, во-первых, положение петли на шее трупа. Дело в том, что положение это различно в случаях самоповешения и в случаях повешения другим лицом.

Убийства путем повешения совершаются сравнительно редко. В большинстве случаев, когда обнаружен висящий труп, имеет место либо самоубийство, либо повешение уже убитого (или во всяком случае приведенного в бессознательное состояние) человека, для того чтобы создать видимость самоубийства.

Задача следователя заключается в том, чтобы суметь различить эти два случая. Положение петли на шее трупа, характер оставленной петлей на шее трупа так называемой странгуляционной борозды имеет в этом отношении решающее значение.

И то и другое должно быть детально описано в протоколе осмотра.

Очень важное значение имеет в этих случаях самая петля. При снятии повешенного трупа никогда нельзя развязывать петлю. Кусок веревки, на котором висел труп, вместе с петлей должен быть целиком приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.

Дело в том, что у людей разных профессий, которым часто приходится иметь дело с веревками (моряки, пожарные и т. п.), есть специфические способы завязывания узлов,

свойственные только данной профессии. Криминалистическая экспертиза часто может дать по такой петле указания, какой из таких специфических способов завязывания узлов был в данном случае применен. В криминалистической литературе описаны случаи, когда убийства были раскрыты именно таким путем.

Если веревка, на которой висит труп, перекинута через какой-нибудь деревянный предмет (через балку, через ветвь дерева и т. п.), то следователь обязательно должен осмотреть в лупу волокна древесины на том месте, по которому проходила веревка. Если сначала была привязана веревка, а затем на нее был повешен человек (как всегда бывает при самоубийствах), то эти волокна будут отогнуты давлением веревки вниз. Если же, наоборот, сначала была надета на человека петля, а потом тело его было поднято вверх, так что сук дерева, балка и т. п. играли роль блока (как бывает в большинстве случаев при убийствах), то волокна древесины будут отогнуты вверх. Этот признак имеет иногда решающее значение.

Если убийство было совершено огнестрельным оружием, то найти самое оружие на месте преступления удается сравнительно редко. Огнестрельное оружие убийца обычно уносит с собой. Поэтому в этих случаях задача следователя сводится к обнаружению тех следов действия этого оружия, которые должны быть на месте преступления.

Эти следы могут дать возможность ответить на следующие вопросы:

1) Из какого именно оружия (какой системы, какого калибра) был произведен выстрел?

2) С какого расстояния был произведен выстрел?

3) Каково было направление выстрела?

Кроме того, пуля (при стрельбе из нарезного оружия) и гильза (при стрельбе из автоматических ружей и револьверов) могут дать эксперту по оружию возможность установить индивидуальные признаки того оружия, из которого был произведен выстрел. По особенностям следов нарезов на пуле, по особенностям следов от удара ударником по пистону эксперт часто может точно сказать, была ли пуля, найденная на месте преступления, из того самого оружия, которое отобрано у подозреваемого.

В объеме настоящей статьи нет возможности дать подробно описания всех следов действия огнестрельного оружия и способов их исследования[1]. Необходимо только указать, что во всех случаях убийства, совершенного огнестрельным оружием, следователь должен искать следующие следы:

1) пулю или дробь, которыми оружие было заряжено;

2) гильзу (при стрельбе из автоматических ружей и револьверов), или пыжи (при стрельбе из гладкоствольных охотничьих ружей);

3) следов ожога, копоти, внедрившихся порошков около места попадания пули (эти следы имеют громадное значение для определения расстояния, с которого был произведен выстрел);

4) повреждения всякого рода, причиненные снарядом. Сюда относятся не только повреждения на трупе, но и все повреждения, причиненные снарядом по пути его полета (например, отверстия, пробитые в стекле окна, и т. п.). Эти следы особенно важны для определения направления выстрела.

Обнаружив эти следы, следователь должен подробно описать в протоколе осмотра их вид и местонахождение, отметить местонахождение этих следов на плане и сфотографировать их. То, что возможно, надо приобщить к делу в качестве вещественных доказательств. Обязательно должны быть приобщены к делу пуля или дробь, пыж и гильза. При выстреле через окно должно быть приобщено к делу и пробитое стекло. Для этого стекло наклеивается на лист твердого картона, причем выпавшие осколки вставляются на место, после чего стекло вынимается вместе с приклеенным к нему картоном.

Перед тем, как вынуть стекло, надо отметить путем наклейки на угол стекла куска бумаги с надписью, какая сторона стекла была обращена к окну внутрь комнаты, какая — наружу. Это очень важно, если впоследствии возникает вопрос, не был ли выстрел произведен изнутри комнаты.

Производя осмотр места преступления, следователь должен стараться выяснить, когда было совершено убийство. Как уже было сказано, ценные указания по этому поводу может дать судебно-медицинский эксперт по степени развития на трупе так называемых трупных явлений. Но и сам следователь при осмотре места преступления может найти ряд следов, которые могут дать ему важные указания по этому вопросу.

Если в месте, где находится труп, есть часы (висячие часы или часы-будильник в комнате, карманные часы или часы-браслет на трупе), следователь всегда должен удостовериться, идут они или нет. Если часы идут, то следователь должен взять эти часы и, отнюдь не трогая завода, проследить за тем, когда они остановятся. Любой часовщик скажет после этого следователю, когда эти часы были последний раз заведены. Это даст следователю возможность предполагать, что убийство было совершено во всяком случае после этого момента[1].

Если же часы стоят, то следователь также должен отметить в протоколе осмотра, какой час показывают стрелки, а затем вызвать эксперта — часовщика и выяснить причину остановки. Иногда случается, что причина остановки часов находится в прямой связи с убийством (например, опрокидывание будильника во время борьбы убитого с убийцей, погружение карманных часов в воду при утоплении и т. п.). В этом случае положение стрелок прямо покажет время, когда убийство было совершено.

Но помимо часов целый ряд других обстоятельств могут дать следователю косвенные указания о времени, когда было совершено убийство.

---

[1] См. по этому вопросу «Криминалистика», изд. Института уголовной политики, под ред. А. Я. Вышинского, кн. 1, стр. 75—84.

[1] В практике известны, правда, случаи, когда убийца, после совершения убийства, заводил часы убитого, но такие случаи — крайне редки.

Постелены или не постелены на ночь кровати. Одет или раздет убитый. Насколько сгорела свеча или сколько выгорело керосина в лампе и т. д. Вопросы могут быть всегда разрешены при осмотре места преступления, а разрешение этих вопросов дает важные указания относительно времени, когда убийство было совершено.

Так как, по возможности точное, определение момента совершения убийства имеет очень важное значение при расследовании дела, следователь всегда должен иметь этот вопрос в виду при осмотре места обнаружения трупа и всеми способами искать на него ответа.

Указанные обстоятельства отнюдь не исчерпывают собой всего, что может быть обнаружено при осмотре места обнаружения трупа.

Самые ничтожные на первый взгляд следы и предметы могут повести к раскрытию преступления. Вот примеры нескольких таких случаев.

Ганс Гросс описывает следующий случай: на мосту через реку раздался выстрел. Прибежавшие туда сразу же после выстрела люди нашли на середине моста труп владельца фабрики с огнестрельной раной в голове. Никакого оружия около него не было. Ворот рубашки был разорван. Бумажника при трупе не оказалось.

Все это дало основание предполагать убийство с целью грабежа. По подозрению в совершении этого убийства был задержан бродяга, которого незадолго до этого видели около моста.

Неизвестно, какова была бы судьба этого бродяги, если бы следователь не обратил внимания на царапину на перилах моста. Труп лежал на середине моста, и с первого взгляда эта царапина не имела ровно никакого отношения к делу. Однако следователь исследовал дно реки под тем местом, где была царапина, и извлек со дна револьвер, к рукоятке которого была привязана длинная веревка с грузом на другом конце.

Оказалось, что разорившийся фабрикант решил покончить жизнь самоубийством, но, чтобы не лишать семьи права на получение страховой суммы за его жизнь, решил симулировать убийство. Выбросив бумажник и разорвав на себе рубашку, он привязал к револьверу веревку с грузом, перебросил конец веревки с грузом через перила моста и выстрелил себе в висок.

Понятно, что привязанный к веревке груз увлек за собой револьвер на дно реки.

Произведенными экспериментами было установлено, что при таком расположении веревки и револьвера последний, падая в реку, зацеплялся за перила, оставлял на них царапины, подобные той, которая была обнаружена при первоначальном осмотре места обнаружения трупа.

В Киеве был случай, когда убийство было раскрыто благодаря стружкам карандаша, который убийца очинил на месте преступления.

Убийство одной женщины в Москве удалось раскрыть потому, что в пепельницах на месте преступления были обнаружены обрывки записок, которыми убийцы переписывались между собой, сговариваясь в присутствии своей жертвы, каким образом совершить убийство.

В целом ряде случаев убийцу удавалось обнаружить по клоку волос, по оторванной пуговице, по клочку материи, зажатых в руке убитого.

Перечислить все предметы такого рода, которые могут быть обнаружены при осмотре, нет возможности. Следователь, производя осмотр места обнаружения трупа, должен обращать внимание и отмечать в протоколе осмотра всякий предмет, не являющийся обычной принадлежностью того места, где производится осмотр, всякое изменение в обычной обстановке этого места: передвинутое на необычное место кресло, переставленную лампу и т. п.

Закончив статический осмотр, засняв план осмотренной местности, сделав необходимые фотоснимки, слепки со следов ног и т. п., следователь приступает к производству динамического осмотра, в первую очередь динамического осмотра трупа. Вопрос о наружном осмотре и о судебно-медицинском вскрытии трупа будет освещен в специальной статье.

Н. АЛЕКСАНДРОВ

Право на труд и социалистическое правовое регулирование труда

1

Сталинская Конституция закрепила величайший исторический факт осуществления в основном социалистического общества в СССР.

В условиях победившего социализма впервые в истории созданы необходимые предпосылки для действительного развития личности.

Социалистическое общество «мы построили не для ущемления личной свободы, а для того, чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной» [1].

Вот почему Сталинская Конституция — основной закон социалистического общества — посвящает специальный раздел правам и обязанностям граждан СССР.

Первое место в системе прав, гарантируемых Сталинской Конституцией гражданам, занимает право на труд.

Право на труд является основным правом граждан социалистического государства рабочих и крестьян. «Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплоатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищеты, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище,

[1] Сталин, Беседа с г-ном Рой Говардом.

хлеб»[1]. Обеспечением права на труд для граждан СССР создано реальное условие для подлинной, настоящей свободы.

Капиталистическая система хозяйства отнимает у трудящегося даже право на подневольный труд, отнимает то, чем фактически обладали раб и крепостной. «Существование раба обеспечено личной выгодой владельца; у крепостного есть, по крайней мере, кусок земли, которым он живет: оба они гарантированы, по меньшей мере, от голодной смерти; пролетарий же предоставлен исключительно себе самому и в то же время не в состоянии найти такого приложения своим силам, чтобы на них можно было рассчитывать...»[2].

Буржуазные историки обычно видят только одну сторону исторического процесса превращения производителя в наемного рабочего — это освобождение производителя от крепостной и цеховой зависимости. «Но имеется и другая сторона, состоявшая в том, что освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями»[3].

Экспроприированный крестьянин и ремесленник получают от буржуазных конституций и буржуазных гражданских кодексов одно право — «отдавать в наем свои услуги», то есть право продавать свою рабочую силу.

Право купли-продажи рабочей силы является стержнем капиталистического правового регулирования труда. Превращению рабочей силы в своеобразную разновидность товара соответствует включение буржуазными гражданскими кодексами трудового договора в общую систему меновых имущественных сделок.

Стремление буржуазно-либеральной юриспруденции отграничить наем труда от имущественных сделок и тем самым отделить регулирование наемного труда от системы буржуазного гражданского права в особую отрасль права (так называемое «трудовое право») выражают попытки создать представления о том, что современный буржуазный правопорядок якобы ограждает «человеческую личность от превращения в пассивное средство для чужих целей»[4].

Но и право продавать свою рабочую силу является для пролетария только лишь формальным правом. Капиталистическая система хозяйства и конституции буржуазных государств никогда не гарантируют рабочему фактическую покупку его рабочей силы. «Создание относительного перенаселения или промышленной запасной армии» Маркс называет «первым словом» производимого капитализмом «приспособления» численности рабочих к потребностям капитала в самовозрастании[5].

[1] Сталин, Беседа с г-ном Рой Говардом.
[2] Энгельс, Положение рабочего класса в Англии (Маркс и Энгельс, т. III, стр. 408).
[3] Маркс, Капитал, т. I, стр. 614.
[4] Л. С. Таль, Трудовой договор. Цивилистическое исследование, 1913, стр. 35.
[5] Маркс, Капитал, т. I. стр. 51.

Безработица является необходимой составной частью капиталистического механизма. Чем дальше развивается крупная капиталистическая индустрия, тем большим колебаниям подвергается спрос на рабочую силу в зависимости от кризисов и периодов подъема промышленности. Капиталистическое производство «не могло бы существовать, если бы не было избыточного населения (т. е. превышающего средний спрос капитализма на рабочих)...»[1].

Охраняемая буржуазным правопорядком «свобода собственности» для мелкой буржуазии и крестьян означает «свободу продавать задавленную могущественной конкуренцией крупного капитала и крупного землевладения мелкую собственность именно этим магнатом капитала»[2]. Так, по меткому выражению Энгельса, «свобода собственности» для мелкой буржуазии и крестьян превращается в «свободу от собственности». Лишаемые капиталистической конкуренцией своей мелкой собственности крестьяне и другие слои мелкой буржуазии переходят в ряды пролетариата.

Если развитие капитализма всегда непрерывно увеличивало безработицу, принимавшую особенно большие размеры в период экономических кризисов, то общий кризис капиталистической системы отличается наиболее значительным ростом безработицы.

Для современного общего кризиса капитализма характерно наличие «миллионных армий безработных, превратившихся из резервных в постоянные армии безработных»[3].

Основоположники марксизма резко критиковали реформистские пожелания об осуществлении права на труд в условиях сохранения капиталистической системы.

Сравнивая речи французских мелкобуржуазных демократов 1848 г. о праве на труд французского рабочего и речи крестьян-трудовиков во второй Думе о праве на труд русского крестьянина, В. И. Ленин прежде всего отмечал, что «и то и другое, несомненно, декламация буржуазного демократа, смутно выражающая действительное историческое содержание борьбы»[4].

Требование права на труд французского рабочего XIX в. выражало пожелание обновить все мелкое производство на началах кооперации при сохранении капиталистической собственности. В действительности же «за правом на труд стоит власть над капиталом, а за властью над капиталом — присвоение средств производства, подчинение наемного труда, капитала и их взаимоотношения»[5].

Иначе говоря, осуществление права на труд может быть следствием уничтожения капиталистической собственности и присвоения средств производства обществом. «Право на труд в буржуазном смысле (т. е. право на труд, мыслимое при сохранении капиталистической собственности, — Н. А.) есть

[1] Ленин, т. II, стр. 46 (подчеркнуто В. И. Лениным).
[2] Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 259.
[3] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 494.
[4] Ленин, т. XI, стр. 473.
[5] Маркс, Классовая борьба во Франции.

бессмыслица, жалкое благочестивое пожелание...» [1].

Вот почему В. И. Ленин указывал, что «в праве на труд французского мещанина и крестьянина нет ничего, кроме ложной социалистической теории» [2].

Декламация же о праве на труд русских трудовиков смутно выражала действительные задачи русской буржуазной революции, которая по объективным условиям была возможна в России XX в. Право на труд русского крестьянина XX в. выражало пожелание обновить мелкое земледельческое производство на национализированной земле. Поэтому В. И. Ленин считал, что в «праве на труд» русского крестьянина XX в. есть, кроме ложной социалистической теории, реальное буржуазное содержание [3].

Однако, несмотря на реальное буржуазное содержание, требование русских трудовиков о праве на труд не переставало быть «декламацией». Даже осуществление отмены частной собственности на землю все равно не гарантировало бы в условиях капиталистической системы хозяйства русскому крестьянину права на труд, как не изменила бы капиталистического пути развития деревни, при котором для основных масс крестьянства неизбежны разорение и переход в ряды пролетариата.

II

Великая октябрьская социалистическая революция открыла возможности уничтожения безработицы на базе социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Обеспечение права на труд, как и все достижения социалистического строительства, не наступает стихийно, самотеком, после взятия власти рабочим классом в свои руки, а завоевывается в труднейшей, упорной, героической борьбе против внешних и внутренних сил контрреволюции, против наследия капиталистического прошлого в экономике и классовой структуре общества.

«Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную донельзя их грабительской, преступной и тягчайшей войной, страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиста» [4].

В первые годы своего существования советская республика с разрушенным хозяйством, окруженная кольцом белых армий и интервентов, была поставлена перед угрозой того, что «безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь все силы для беспощадно строгой экономии потребления, правильности распределения» [5]. Это был период, когда В. И. Ленин писал, что «безработица свирепствует все более грозно» [6].

Страна советов под руководством большевистской партии Ленина — Сталина победоносно вышла из трудностей гражданской войны и приступила к восстановлению народного хозяйства.

Уже в годы восстановления народного хозяйства была полностью ликвидирована безработица среди квалифицированных рабочих, но цифра безработных все же достигала миллиона за счет притока лиц неквалифицированного труда из деревни, где продолжало преобладать мелкотоварное хозяйство.

При переходе к социалистической реконструкции народного хозяйства, наряду с развертыванием строительства новых предприятий, большую роль в сокращении безработицы сыграл перевод предприятий на 7-часовой рабочий день (с 1927 г.) и повышение коэфициента сменности в промышленности.

Решающее значение в борьбе за право на труд и уничтожение безработицы имели уже первые годы первой сталинской пятилетки.

Если в процессе восстановления народного хозяйства не было уже безработицы среди квалифицированных кадров, то в период социалистической реконструкции промышленности спрос на эти кадры принял огромные размеры. С другой стороны, массовый поворот крестьян в сторону колхозов приостановил самотек рабочей силы из деревни.

Уже в своем докладе на XVI партсъезде (июнь 1930 г.) товарищ Сталин отмечал, что «биржи труда не удовлетворяют спроса наших предприятий на рабочую силу процентов на 80».

Остатки безработицы в первой половине 1930 г. объяснялись исключительно тем, что органы НКТ не сумели в необходимой мере развернуть подготовку квалифицированных рабочих для хотя бы частичного удовлетворения огромных потребностей растущей социалистической промышленности в кадрах.

«Ясно, во всяком случае, что эти безработные не составляют ни резервной, ни тем более постоянной армии нашей промышленности», — отмечал в 1930 г. в докладе на XVI партсъезде товарищ Сталин.

Знаменательной исторической вехой в борьбе за право на труд является постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г., констатировавшее что «огромный успех социалистической индустриализации страны и быстрый темп колхозного и совхозного строительства привели к полной ликвидации безработицы в Советском союзе и потребовали дополнительных сотен тысяч рабочих» [1].

Это же постановление крепко ударило по бюрократическим извращениям правых отщепенцев в органах НКТ в вопросах разрешения проблемы кадров и борьбы с фиктивной «безработицей», а также наметило целую систему мероприятий по обеспечению народного хозяйства рабочей силой (подготовка новых кадров, повышение квалификации и т. д.).

Исторические указания товарища Сталина об организованном наборе рабочей силы (речь на совещании хозяйственников в июне 1931 г.) уже исходят из факта осуществления в СССР права на труд.

«Раньше обычно рабочие сами шли на заводы, на фабрики, был, стало быть, некий

---

[1] Маркс, Классовая борьба во Франции.
[2] Ленин, т. XI, стр. 473.
[3] Там же.
[4] Ленин, т. XXIII, стр. 27.
[5] Там же, стр. 27—28.
[6] Там же, стр. 30.

[1] «Правда» 22 октября 1930 г.

самотек в этом деле. А самотек этот вытекал из того, что была безработица, было расслоение в деревне, была нищета, был страх голода, который гнал людей из деревни в город... Обстановка теперь изменилась в корне... Во-первых, мы ликвидировали безработицу, — стало быть, мы уничтожили ту силу, которая давила на «рынок труда». Во-вторых, мы подорвали в корне расслоение в деревне, — стало быть преодолели ту самую массовую нищету, которая гнала крестьянина из деревни в город... Значит, от «политики» самотека надо перейти к политике организованного набора рабочих для промышленности[1].

III

Завоеванное в результате развернутого социалистического наступления по всему фронту право на труд Сталинская Конституция закрепляет в качестве одного из основных устоев социалистического государства рабочих и крестьян. Равное с мужчиной право на труд Конституция закрепляет за женщинами.

При всем этом Конституция «не просто провозглашает право на труд, но и обеспечивает его законодательным закреплением факта отсутствия кризисов в советском обществе, факта уничтожения безработицы»[2].

Конституция закрепляет право на труд для всех граждан СССР. «Советское общество состоит, как известно, из двух классов, из рабочих и крестьян». Хотя грани между этими классами стираются, поскольку рабочий класс СССР уже не пролетариат в прямом смысле слова, а крестьянство, в массе своей вошедшее в колхозы, уже не старое крестьянство, но остатки классовых различий еще сохраняются. Эти различия, связанные с особенностями двух форм социалистической собственности, не могут не проявляться и в формах осуществления права на труд.

Рабочий класс СССР и вошедшее в своей основной массе в колхозы крестьянство объединены социалистической системой хозяйства.

«Но находясь в одной общей системе социалистического хозяйства, рабочий класс связан своим трудом с государственной социалистической собственностью (всенародным достоянием), а колхозное крестьянство — с кооперативно-колхозной собственностью, принадлежащей отдельным колхозам и колхозно-кооперативным объединениям»[3].

Конкретное отношение, содержанием которого является выполнение работником определенного рода работы в данном советском государственном предприятии с оплатой по количеству и качеству труда, устанавливается трудовым договором.

Социалистический трудовой договор служит той формой связи между конкретным рабочим и социалистическим государством (в лице администрации конкретных государственных предприятий), посредством которой устанавливаются и закрепляются определенное место, характер и объем участия работника в общем социалистическом труде и соответствующее этому участию вознаграждение.

Социалистический трудовой договор призван оформлять и закреплять индивидуально-конкретное осуществление права на труд на базе государственной формы социалистической собственности.

Участие работника в социалистическом труде, основанном на кооперативно-колхозной форме собственности, предполагает наличие колхозно-правового отношения, в силу которого данный гражданин вместе с другими членами данного колхоза (или кооперативного объединения) участвует в совместном осуществлении права колхозно-кооперативной собственности[1]. Такое колхозно-правовое отношение между конкретным колхозником и коллективом данного колхоза устанавливается, оформляется и закрепляется актом вступления в члены колхоза.

Из членства в колхозе вытекают конкретные права и обязанности крестьянина по участию в колхозном труде.

Для крестьян, труд которых в большинстве случаев связан с кооперативно-колхозной собственностью, формой осуществления права на труд является членство в колхозе.

С особенностями форм осуществления права на труд связаны различия в методах правового регулирования труда рабочих и правового регулирования колхозного труда.

Труд колхозного крестьянства регулируется самими колхозниками в порядке внутриколхозных актов (правила внутреннего распорядка, постановления общего собрания, постановления правления, указания бригадира, назначаемого правлением артели) на основе Устава сельхозартели.

Нахождение колхозов в общей системе социалистического хозяйства выражается и в том, что основные указания к внутриколхозному регулированию труда даются государством. Примерный устав сельхозартели является законом социалистического государства.

Однако государственное руководство колхозами отнюдь не подменяет внутриколхозного регулирования. Обратное положение противоречило бы природе колхозно-кооперативной социалистической собственности, закрепленной в Конституции. Колхозно-кооперативная собственность является собственностью отдельных колхозов и кооперативных объединений, следовательно, и труд, организуемый на базе этой собственности, должен регулироваться самими колхозами и кооперативными объ-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 449.

[2] Сталин, Доклад о проекте Конституции Союза ССР, стр. 21.

[3] Молотов, Конституция социализма, Партиздат, 1936, стр. 33—34. (подчеркнуто мною — Н. А.).

[1] Только в строго ограниченных случаях для работ, не могущих быть выполненными в силу квалифицированных требований или непредвиденной срочности трудом членов колхоза, допускается привлечение к труду в колхозе нечленов данного колхоза, т. е. в порядке трудового договора (ср. § 12 утв. СНК СССР и ЦК ВКП(б) Примерного устава сельхозартели).

единениями на основе руководящих указаний социалистического государства рабочих и крестьян.

Труд рабочих и служащих регулируется Кодексом законов о труде и дополняющим его трудовым законодательством. В Кодексе законов о труде установлены «Основы рабочего законодательства» (Ленин), рабочего не только в смысле классовой природы (как и все законодательство государства диктатуры рабочего класса), но в смысле объекта регулирования — труд рабочих и служащих.

«Рабочее законодательство» социалистического государства вместе с постановлениями о труде в Сталинском уставе сельхозартели (и в Положении о промысловой кооперации) образуют органически единую систему советского социалистического трудового права[1].

Сталинская Конституция, закрепляя право всех граждан СССР на труд, устанавливает общую для всех обязанность трудиться и право на вознаграждение по труду.

Общие принципы социалистического правового регулирования труда находят различные преломления, смотря по тому, имеем ли мы дело с государственными предприятиями последовательно-социалистического типа, или с предприятиями кооперативно-колхозными. Единство принципов социалистической организации труда не устраняет различий, вытекающих из различий двух форм социалистической собственности: государственной и кооперативно-колхозной. Эти различия, в частности, выражены в диференциации единой системы советского социалистического трудового права на «рабочее законодательство» и внутриколхозное регулирование труда на основе Сталинского устава сельхозартели.

IV

«Новая Конституция не есть программа будущего. Это — завоевания, это — итоги многолетней борьбы. Отсюда из этих совершенно правильных предпосылок недальновидные люди могут сделать вывод, что в стиле и методах государственной работы ничего не изменилось. Это неправильный вывод. Дело заключается в том, чтобы каждый гражданин полностью использовал все права, которые ему предоставлены... чтобы повсеместно... было обеспечено, гарантировано, на деле осуществлялось все, что завоевано и записано в новой Конституции»[2].

Отсюда ясно, что как Сталинская Конституция в целом, так и, в частности, ст. 118 Конституции о праве на труд ставят новые задачи перед советским социалистическим правом.

Эти задачи состоят не только в охране общих условий реализации права на труд (господство социалистической собственности и т. д.), но и в организации осуществления права на труд в каждом конкретном случае.

В свете задач охраны права на труд для нашего колхозного права особо возрастает значение главы V Устава сельхозартели, где закреплены основные вопросы членства в колхозе.

Борьба с незаконными исключениями из колхоза, с незаконными отказами в приеме в колхоз должна занимать одно из главных мест в осуществлении социалистической законности в области земельно-колхозных отношений.

Особое значение приобретает трудовой договор как форма реализации права на труд. Это обязывает, наряду с надзором за выполнением трудовых договоров, особо усилить контроль над их заключением, над порядком приема на работу.

Необходима решительная борьба с бюрократическими извращениями в практике приема на работу, которые в какой-либо мере ограничивают трудящихся в осуществлении права на труд.

Характерным с этой точки зрения является постановление ЦИК Союза ССР от 5 октября 1936 г. об уголовной ответственности за отказ в приеме на работу женщин по мотивам беременности[1].

Против бюрократических извращений в приеме на работу направлено и утвержденное СНК СССР постановление III пленума Комиссии советского контроля о недопустимости отказов в приеме на работу по таким мотивам, как социальное происхождение, судимость в прошлом, осуждение родителей или родственников и т. п., поскольку это не предусмотрено специальными законами[2].

Осужденные Комиссией советского контроля случаи отказа в приеме на работу по формальным мотивам обычно являлись результатом подмены большевистской бдительности фальшивой самостраховкой.

Бюрократические посягательства на обеспечение трудящихся СССР правом на труд выражались в таких формах, как посылки «секретных» характеристик для перехода работника на другую работу. Упомянутое выше постановление Комиссии советского контроля запрещает посылку «секретных» характеристик и допускает лишь выдачу открытых характеристик.

Для борьбы с незаконными ограничениями в праве на труд имеет важное значение указание Комиссии советского контроля о том, что взыскания в виде лишения права занимать ответственные должности или запрещения работать в той или иной местности, могут налагаться только по решению высших правительственных органов, а запрещение на определенный срок работы в системе данного ведомства может применяться только по решению наркома в случаях, предусмотренных законом.

В связи с этими решениями Комиссии советского контроля вызывается необходимость уточнения постановления ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. (СЗ № 60) в части о злостных дезорганизаторах производства. Уже на современном этапе воспитания социалистической дисциплины труда необходимость в такой мере, как лишение права на полгода работы в промышленности и на транспорте, может иметь место в самых исключительных

---

[1] См. мою статью «Против антипартийных извращений в понимании категории советского трудового права» в журнале «Соц. законность» № 3 за 1937 г.

[2] Передовая «Правды» от 8 декабря 1936 г.

[1] СЗ 1936 г.

[2] СЗ 1936 г.

случаях. Круг лиц, подпадающих под категорию «злостных дезорганизаторов производства», должен быть еще более ограничен. Необходимо решительно усилить борьбу с нередко встречающимися на практике попытками приклеивания ярлыка «злостного дезорганизатора» к любому нарушившему дисциплину.

В свете задач охраны права на труд становятся особо недопустимыми факты незаконных увольнений работников. Колоссально возрастает роль ст. 47 КЗоТ РСФСР и соответствующих статей КЗоТ других республик, нарушения которых теперь не могут рассматриваться иначе, как посягательства на охраняемое Конституцией право на труд.

В решениях III пленума Комиссии советского контроля специально отмечена недопустимость увольнений по формальным мотивам, как из-за социального происхождения, наличия административно-судебных взысканий в прошлом и т. д.

Задачи усиления борьбы с бюрократическими посягательствами на право на труд требуют проведения на деле ответственности за неправильные увольнения. Не случайно в предложениях трудящихся при обсуждении проекта Сталинской Конституции фигурировало в дополнение к ст. 118 об усилении ответственности за незаконные увольнения. Надо отметить, что в судебной практике недопустимо редко применяются предусмотренные действующим законодательством о труде меры ответственности за противозаконные увольнения (возложение на виновных в неправильном увольнении лиц обязанности возместить предприятию суммы, выплачиваемые восстановившемуся работнику за вынужденный прогул, а в злостных случаях привлечение к ответственности по ст. 133 УК). Большей же частью решения по делам незаконных увольнений ограничиваются лишь восстановлением работника в должности и материальной компенсацией за вынужденный прогул.

В связи с задачами охраны права на труд следует усилить борьбу с противозаконными фактами выдачи увольняемым справок, дискредитирующих работника и затрудняющих его поступление на другую работу.

Неослабный контроль за исполнением советских законов о трудовых договорах, о порядке приема на работу, об увольнениях, а также за исполнением директив государства и Устава сельхозартели о колхозном членстве является одним из необходимых условий охраны права на труд.

Л. Н.

„Правосудие“ палачей и провокаторов

(К 25-летию ленского расстрела)

Двадцать пять лет назад свершилось одно из чудовищных злодеяний царизма — массовый расстрел рабочих на Ленских золотых приисках.

Ленский расстрел «явился точнейшим отражением всего режима третьеиюньской монархии» (Ленин), того режима, который сложился в результате государственного переворота 3 июня 1907 г., восстановившего самодержавие царя в союзе с Думой черносотенных помещиков и торгово-промышленных тузов.

Жандармский офицер Трещенков, приказавший открыть огонь по безоружным рабочим, собравшимся для того, чтобы заявить властям о своих нуждах, был характерной фигурой для периода разгула черносотенной контрреволюции.

Зверская расправа с рабочими на Лене не могла не вызвать огромного возмущения всего рабочего класса и послужила «поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс» (Ленин). По всей стране поднялась волна стачек и демонстраций протеста.

Благодаря руководству большевистской партии борьба рабочих отдельных предприятий находила живую поддержку всего рабочего класса, частичные стачки превращались в массовые, экономическая борьба перерастала в политическую.

Эта политика большевиков встречала бешеное сопротивление заклятого врага народа, предателя Троцкого, пытавшегося всеми силами сорвать стачечную борьбу или в крайнем случае помешать стачечному движению перерасти в революционную борьбу.

Троцкий приложил все усилия к тому, чтобы извратить смысл ленских событий и свести все задачи борьбы рабочего класса лишь к лозунгу «свободы коалиций», то есть свободы собраний и союзов.

«Нет ничего более лживого, — писал в июне 1909 г. В. И. Ленин, — как либеральная выдумка, повторяемая вслед за ликвидаторами Троцким в венской «Правде», будто борьба за свободу коалиций является основой как ленской трагедии, так и ее могучего отклика в стране».

В действительности «в ленском расстреле обнаружилось вовсе не отсутствие свободы именно коалиций, а отсутствие свободы... от провокации, от общего бесправия, от огульного произвола» (Ленин).

Ленские события ярко показали «полнейшее отсутствие элементарнейшей законности во всех отношениях» (Ленин).

Характерно, что жандарм Трещенков встал на путь массовых расстрелов без всяких к тому политических поводов и вопреки элементарным требованиям даже царских законов.

Трещенков не только не сделал никакого предупреждения мирно шедшим рабочим перед тем как открыть по ним огонь, но прямо ввел их в заблуждение относительно своих действительных намерений.

Ленские события ярко вскрыли и классовую роль царских судебно-прокурорских властей, которые в борьбе с рабочими не связывали

себя даже рамками враждебных народу законов самого же царского правительства.

Характерен, например, следующий факт. В целях провокации столкновения забастовавших рабочих с вызванной для усмирения забастовщиков воинской командой администрация «Ленских приисков» предъявила к рабочим иск о выселении из рабочих казарм.

Эти иски были рассмотрены мировым судьей Хитуном с необычной для царского суда быстротой — в два дня.

В своих решениях от 16 и 17 марта 1912 г. мировой судья Хитун вопреки фактическим обстоятельствам дела констатировал, что «договор ленского товарищества с рабочими должен считаться нарушенным по вине последних, вследствие чего отпадает и обязанность ленского товарищества предоставлять жилище рабочим».

Иск администрации о выселении был таким образом удовлетворен, хотя одновременно с разбором этих дел у мирового судьи даже Иркутское горнозаводское присутствие признало, что «договор между управлением ленского товарищества и приисковыми рабочими нарушен по вине первой из борющихся сторон». Впоследствии и сенаторская ревизия Манухина была вынуждена при определении виновной стороны в нарушении договора встать на точку зрения Иркутского горнозаводского присутствия, а не мирового судьи.

Мировой судья не мог не знать, что удовлетворить иски администрации о выселении рабочих означало выгнать несколько тысяч рабочих с женами и детьми среди зимы на улицу, так как никаких других жилых помещений, кроме рабочих казарм, на приисках не было, а выехать с приисков в другую местность не было возможности до открытия навигации.

Вынося явно незаконные решения о выселении рабочих, мировой судья Хитун активно способствовал провокаторским замыслам администрации приисков. Провокационные решения суда не могли не вызвать жгучего озлобления рабочих и ускорили события, приведшие к расстрелу рабочих 4 (17) апреля.

Услужливость мирового судьи по отношению к администрации легко объяснима. Ленское золотопромышленное товарищество в Олекминско-Витимском округе вносило царской казне «пособие» на добавочное содержание мировых судей с представлением им помещений с отоплением и освещением. Добавочное содержание от администрации ленских приисков превышало в два-три раза казенный оклад мирового судьи. Ленское золотопромышленное товарищество не «забывало» мировых судей и тогда, когда последние за какие-либо преступления снимались с работы Иркутской судебной палатой. В этих случаях бывшему мировому судье было обеспечено в ленском товариществе выгодное место юрисконсульта.

Не меньшую провокаторскую роль сыграли в ленских событиях и органы царской прокуратуры на Ленских приисках.

Царский прокурор Преображенский отказался 31 марта 1912 г. принять выборных представителей от рабочих, потребовав, чтобы каждый рабочий подал ему лично письменное заявление о том, что выборные действительно являются передатчиками их пожеланий.

Этим самым царский палач Преображенский оказал ценную услугу жандармскому ротмистру Трещенкову, так как вынудил рабочих коллективно отправиться с заявлениями в резиденцию прокурора — на Надеждинский прииск. Этим хождением в резиденцию прокурора воспользовался Трещенков для массового расстрела безоружных рабочих.

Коллективно отправиться к прокурору рабочих вынудило и еще одно важное обстоятельство, также провокационно созданное самой же прокуратурой.

Прокурор Иркутской судебной палаты 3 апреля дал санкцию иркутскому губернатору Бантышу на посылку ротмистру Трещенкову явно незаконного телеграфного распоряжения об аресте стачечного комитета.

Трещенков, по заданию прокуратуры, возбудил против стачечного комитета явно незаконное уголовное преследование по ст. 125 царского Уголовного уложения, которая устанавливала уголовную ответственность за «возбуждение рабочих к устройству и проведению стачки, статьей 367 предусмотренной».

Эти действия прокуратуры и жандармерии были также явно незаконны, так как ст. 367 Уголовного уложения имела в виду стачку в таком предприятии, прекращение деятельности которого могло неблагоприятно отразиться на интересах местного населения. На приисках же никакого местного населения кроме самих рабочих не было.

Произведенный незаконно в ночь с 3 на 4 апреля 1912 г. арест выборных заставил рабочих 4 апреля пойти на Надеждинский прииск и просить прокурора об освобождении незаконно арестованных.

Таким образом массовый расстрел рабочих 4 (17) апреля 1912 г. был подготовлен активными действиями царского суда и прокуратуры, в частности мировым судьей Хитуном и прокурором Преображенским.

Как рассказывает история забастовки, провокаторы Преображенский и Хитун присутствовали и во время расстрела рабочих на месте происшествия, поддерживая авторитетом царского суда и царской прокуратуры преступные действия палача Трещенкова.

«Ни одна капля рабочей крови бодайбинцев, — сказал товарищ Сталин, — не пропала даром, ибо враги пролетариата получили возмездие, а пролетариат добился своей победы над ними».

Свое возмездие получили и провокаторы из царского суда и царской прокуратуры.

Обмен опытом

Установление симуляции в преступлении

Симулянт весьма частый посетитель в камере следователя. Опытному глазу судебного работника контуры его портрета хорошо знакомы и выражаются довольно рельефными штрихами: фантазер, самоуверен, словоохотлив, настойчив, почти всегда развязен, рассказ логичен, последователен и в своем построении настолько трогателен, что создает впечатление невинной жертвы, ищущей сочувствия, сожаления и помощи. За немногим исключением, это почти трафарет. Рассказ подкупает своим умелым построением: тщательная распланировка действий, продуманная подтасовка фактов, почти правильная расстановка предметов, рисующая естественную связь между сопутствующими обстоятельствами. Все это может создать у неопытного следователя картину правдоподобного события.

Вот эта планово построенная ложь — одно из мощных орудий симулянта, способное направить по ложному пути следствие и отвлечь внимание следователя от краеугольных и существенных моментов, на которых оно должно быть сосредоточено. А отсюда и вывод, что там, где следователь встречается с комплексом признаков, указанных выше и характеризующих личность допрашиваемого, уместно в лице такого типа заподозрить преступника-симулянта.

Детали его рассказа и поведение в камере следует строго анализировать, подмечая последовательность изложения, логическую увязку фактов, выделять и отмечать то, что кажется притворным и симулятивным, и это уже первый шаг к расшифровке старательно нанизанной лжи.

Характерно, что в настроении симулянта всегда превалирует логика над переживанием и этой его особенностью должен пользоваться следователь, наблюдая за реакцией при ответах на отдельные наводящие на симуляцию вопросы.

Вот иллюстративный случай из нашей практики: допрашиваемый П. в пространном рассказе подробно описывает картину ограбления его квартиры. Со дна сундука, наполненного аккуратно сложенными домашними вещами и лисьей шубой, грабители извлекли хранившуюся у него крупную сумму казенных денег. Он слезно молит о помощи, в трагических красках изображает безнадежность своего положения, рисует всю неприглядную перспективу своего несчастья и бьет тревогу о немедленном и глубоком расследовании.

На наш вопрос о купюрах, после продолжительной паузы, следует ответ, что купюры были и мелкие и крупные на сумму 8327 руб.

На следующий вопрос, что похищено из вещей, выясняется, что вещи полностью уцелели и обнаружены им в сундуке в полном порядке. Принимая во внимание особенности его повествования и к тому же абсурдность последнего ответа, мы этот факт отметили как симулятивный. Симулянт не сообразил, что извлечение крупной суммы денег, к тому же еще при наличии мелких купюр, со дна сундука не может не повлечь за собой взрыхления содержимого сундука.

На поставленный симулянту вопрос, как могло случиться, что на вещах незаметно было следов беспорядка, последний нисколько не смутившись стал пояснять, что вещи, повидимому, сначала были из сундука извлечены и аккуратно в прежнем порядке уложены на место.

Кроме денег, по заявлению П., из квартиры его был похищен мешок муки, следы коей рассеяны по всей квартире. Несуразность приведенной версии укрепила нас в нашем подозрении по следующим соображениям:

1) польстившийся на такой громоздкий объект, как мешок муки, грабитель пренебрег более удобным и ценным предметом, в частности такой заманчивой вещью, как лисья шуба;

2) мелкие денежные купюры, извлеченные со дна сундука, должны были оставить картину беспорядка и разворошенных вещей, так как вор всегда «работает» второпях.

На последний вопрос, поставленный симулянту; «У кого находился ключ от сундука?», тот ответил, что ключ при нем и находился у него всегда.

Мы нашли уместным прервать его рассказ и наш допрос и рядом дополнительных действий укрепиться в нашем подозрении.

Осмотр места преступления и раздельный допрос жены П. окончательно укрепили нас в правильности возникшего подозрения: жена, не предвидевшая, повидимому, такого незначительного обстоятельства, а потому, очевидно, с мужем не сговорившаяся, — показала, что ключ, как правило, всегда находится у нее, что несколько дней назад (когда именно — не помнит) муж, укладывая деньги в сундук, взял у нее ключ и его не вернул.

Осмотр квартиры П. никаких существенных обстоятельств в дело не внес: от дверей к окну вели следы растоптанной муки, крышка сундука оказалась приподнятой, со взломанным замком, сундук доверху наполнен домашними вещами. Стало ясным, что ночью вор-домушник похитил мешок муки. П., воспользовавшись этим обстоятельством и имея на руках казенные деньги, решил использовать этот факт в корыстных целях.

Ввиду того, что симулятивность его показаний в данном случае является неоспоримо явной, мы поставили перед допрашиваемым следующие вопросы:

1) Почему в течение нескольких дней деньги не сдавались в банк?

2) Какое количество денег было в мелких и какое в крупных купюрах?

3) Чем подтверждается наличие на руках именно такой суммы денег?

4) Откуда П. стало известно, что деньги похищены когда, по его же словам, вещи

не тронуты ни ворами, ни им, а деньги хранились на дне сундука?

Конечно, на все эти вопросы членораздельного и правдивого ответа получить нельзя, да мы его и не получили. П. в показаниях запутался, потерял нить мыслей, сбился и, будучи арестован, на следующий день в симуляции ограбления сознался

На этом примере становится ясным, как важно, подметив характерные черты в личности симулянта, в его поведении, планомерности и фантастичности его рассказа, с особенной остротой следить за каждым новым нанизанным фактом.

Если в вышеописанном случае решающую роль в обнаружении симуляции сыграли индивидуальные особенности самого преступника, то не меньшее, а подчас и решающее значение имеют вещественные доказательства, предметы, их взаимосвязь, объекты преступления, орудие и место его, представляющие для симулянта те декоративные реквизиты, на которых строится его рассказ.

При осмотре места преступления, в случае, когда заподозрена симуляция, следователю необходимо заранее самому себе представить всю обстановку подлинного преступления, то есть естественный порядок действий, естественную расстановку предметов, короче говоря, весь план преступления необходимо следователю построить раньше у себя в голове.

Не следует ни на минуту забывать, что симулянт, излагая последовательность событий и действий, подтасовывая факты и обстоятельства, расставляя предметы и вещи, изощряется в придумывании правдоподобности. Конечно, ни один даже искушенный и опытный симулянт не в состоянии предвидеть всего многообразия фактов, какие по ходу правдивого события имеют место. Здесь чрезвычайно важно указание на то, что если в рассказах симулянта, особенно опытного, часто сквозит элемент правдоподобности, то почти никто из них не знает, какими уличающими моментами являются научные методы установления преступлений: исследование крови, дактилоскопия, определение характера ранений по орудиям преступления, картина вскрытий и пр., что поражает симулянта неожиданностью доказательств, наличия которых он не может знать и предвидеть. Мы иллюстрируем это следующим примером, характеризующим значение научного метода исследования и тщательного изучения обстановки преступления в деле установления симуляции.

Гр. Э., человек средних лет, с низким культурным уровнем, слабого развития, в прошлом никогда не судившийся, был доставлен в больницу с ранениями на ногах. Из его рассказа вырисовывается такая картина преступления.

Ночью Э. у себя на квартире услыхал шум, напоминающий раскопку земли. Э. заподозрил подкоп. Подойдя к окну, Э. заметил несколько человек, которые, тут же ворвавшись к нему через окно, нанесли ему несколько ножевых ран в область бедер. На его крики прибежала жена, но была оттеснена в кухню. Э. выскочил на улицу, истекая кровью. Посторонние люди, заметив его окровавленного, доставили в больницу. О судьбе своей жены он ничего не знает.

Тип пострадавшего, безобидность его рассказа, логическая последовательность, с первого взгляда правдоподобность, не только не внушала недоверия к его личности, но даже толкнула следствие на мысль, что в данном случае имеет место вооруженное нападение, заранее обдуманное и тщательно организованное (подкоп).

Из осмотра места преступления и следов нанесенных ранений, выяснились обстоятельства, толкнувшие следствие на мысль о симуляции.

1) Лопата, лежавшая у входного отверстия земляной пещеры, оказалась в крови. Если преступление, в данном случае убийство жены Э. топором и нанесение ему ножевых ран, по месту действия произошло в квартире, то наличие крови на лопате, лежавшей во дворе, было не только непонятным, но и весьма подозрительным.

2) На обнаруженной в комнате мужской рубахе, принадлежащей Э., на верхней части рукава замечены следы крови. Это обстоятельство явилось не менее подозрительным, так как раны были нанесены Э. в область бедер и из показаний пострадавшего не явствовало, что рубашка была с него преступниками сорвана.

3) Окровавленные кусок железа и топор, лежавшие возле трупа жены, с непреложностью свидетельствовали, что орудием преступления явились означенные предметы, а не лопата. Кровяные пятна на лопате наводили на мысль, что работа лопатой производилась убийцей после совершенного им преступления, с целью замаскировать преступный акт подкопом.

Эти моменты как обстоятельства симулятивного свойства заставляли пристально осмотреть во дворе все места, где могли бы оставаться следы ног и рук преступника, и действительно на наружной поверхности стекла, выходящего во двор, рельефно выделялись кровяные отпечатки пальцев. Не оставалось сомнения в том, что все маневренные действия во дворе производились после совершения убийства, с целью замаскировать и замести естественный ход преступного акта.

Последним подтверждающим обстоятельством явился результат осмотра ранений на ногах пострадавшего.

Раны на ногах Э. представляли собой полосы, шедшие почти правильными дугами слева вверх направо по часовой стрелке, причем ранения нанесены не глубоко и имеют вид скорее царапин, чем разрезов.

На поставленный Э. вопрос о наличии на его рубахе кровяных пятен Э. объяснил, что это результат кровоистечения из носа.

Оставалось через научно-судебную экспертизу выяснить такие вопросы:

1) Является ли кровь, обнаруженная на лопате, топоре, стекле и рубахе идентичной?

2) Принадлежит ли кровь убитой или другому лицу?

3) Обнаруженная на рубахе кровь представляет ли собой результат носовых истечений либо истечений другого органа (кровь от носовых истечений характерна присутствием в ней эпителиальных клеток слизистой полости носа, отличающейся от слизистой других органов: кишек, влагалища, полости рта, горла и пр.)?

4) Соответствуют ли пальцевые отпечатки на стекле дактилоскопическому снимку пальцев Э.?

Результаты экспертизы полностью подтвердили наше подозрение о симуляции преступления: кровь на всех объектах исследования оказалась принадлежащей убитой. Снимок с пальцев установил полное соответствие с пальцами Э.

Уличенный неоспоримыми доказательствами Э. сознался в убийстве жены на почве семейных распрей.

Если в вышеописанном случае мы не нашли ничего типичного, что охарактеризовано в первом примере личностью и поведением симулянта, где центр тяжести был сосредоточен на фантастическом сплетении планомерно построенных лживых показаний и подозрение подтвердилось после раздельного допроса обоих участников преступления, не сговорившихся на мелочах, то в данном случае ключом к раскрытию преступлений явились предметы и вещи, расстановка и увязка коих не могли быть в точности предусмотрены и не могли навести на мысль, что научные методы являются сильнейшими из средств, кои с непреложностью утверждают следователя в правильности подозрения и о чем преступник догадаться и знать не может.

Мы привели эти два примера как характерные случаи, часто встречающиеся в практике следователя. Конечно, дать универсальный рецепт на все случаи следственной работы невозможно, да мы этого и не собираемся делать.

Арсенал следственных возможностей неисчерпаем, а указанные методы ведения следствия при раскрытии симуляции представляются нам настолько типичными, что мы их сочли нужным здесь привести. Их нужно иметь всегда в запасе, о них не следует ни на минуту забывать, а в нужных случаях энергично мобилизовать.

В этом залог успешного завершения следственных действий.

С. Кривицкий.

ОТ РЕДАКЦИИ. Печатая статью т. Кривицкого, редакция считает ряд положений, выдвигаемых автором статьи, спорными и приглашает тт. следователей высказаться на страницах журнала по поднятым т. Кривицким вопросам.

Недостатки прокурорской и следственной работы по делам о нарушении правил техники безопасности

В номере 2 журнала «Социалистическая законность» за 1936 г. т. Житловский обращает внимание на серьезнейшие недостатки в работе органов юстиции УССР за 1935 г. по делам о нарушениях правил техники безопасности.

Многочисленные факты показывают, что и на протяжении 1936 г. вплоть до настоящего времени работа органов юстиции в этой области в ряде республик, краев, районов продолжает оставаться неудовлетворительной.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что в ряде нарушений правил техники безопасности, повлекшей за собою тяжкие последствия, прокуроры уведомляются крайне несвоевременно, в результате чего к расследованию некоторых дел приступают с большим опозданием. Так, например, в г. Сталинске (Кузбасс) несчастный случай с рабочим Васильевым произошел из-за несоблюдения правил техники безопасности 25 декабря 1936 г., а к расследованию этого дела приступлено было только 2 января 1937 г. Другой случай с рабочим, которому причинено было тяжелое увечье, произошел 22 декабря 1936 г., а к следствию было приступлено только 10 января 1937 г. В Прокопьевске прокурор извещения о случаях травматизма обычно получал через 5—10 дней.

Отдельные районные прокуроры (Западная Сибирь, Кузбасс) установили такую практику, что уголовное преследование возбуждалось лишь за такие нарушения правил техники безопасности, которые повлекли за собой особо тяжкие последствия. Нарушения же, повлекшие за собой менее тяжкие последствия, фактически оставались безнаказанными. Даже не производилось расследования. Такая практика является грубейшим нарушением закона и проявлением либеральных извращений в следственной и прокурорской практике по этим делам. В каждом отдельном случае, при разрешении вопроса о возбуждении уголовного преследования и привлечения к ответственности за нарушения правил техники безопасности, необходимо строго руководствоваться достаточно ясными и категорическими указаниями уголовных кодексов (ст. 133 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), не ограничивающих возможность, точнее — обязательность привлечения к уголовной ответственности за нарушения правил техники безопасности лишь случаями причинения смерти.

Руководя предварительным расследованием, прокуроры обязаны устранить ненормальное положение, которое имеет место со сроками расследования. Нельзя квалифицировать не как преступление такие факты, когда, например, в 1936 г. дело о нарушении правил техники безопасности, повлекшим за собою смерть двух рабочих, расследовались в г. Сталинске (Западная Сибирь) 150 дней, а другое дело — о причинении смерти забойщику Баяндину — 144 дня. По большинству дел о нарушении правил техники безопасности в угольной промышленности Кузбасса за 1936 г. (37,5%) промежуток времени между совершением преступления и вынесением приговора исчисляется в 3 месяца. В Москве из числа прошедших через народные суды дел, 38,7% были расследованы в сроки до 2 месяцев. Не только следователь, но и прокурор несет и должен нести ответственность за такие факты, когда, например, дело по обвинению Колгановой и Петрина по ч. 3, ст. 133 УК в производстве народного следователя Дзержинского района (Москва) находилось 9 месяцев, — дело, которое к тому же ничего сложного собой не представляло.

Если к тому же еще учесть, что и сроки прохождения дел в судах весьма длительны, то не трудно понять, что подобные «темпы» сводят к нулю эффективность следственной.

прокурорской и судебной работы по борьбе за обеспечение техники безопасности. Обеспечить быстрое прохождение этих дел в органах расследования, наблюдать за сроками прохождения этих же дел в судебных инстанциях, не оставлять без строгого воздействия ни один случай волокиты — элементарная и повседневная обязанность прокурора. Необходимо установить действительный повседневный контроль за прохождением этих дел в органах расследования со стороны вышестоящих прокуроров.

Но, само собой разумеется, контроль прокурора требуется не только за сроками, но и за существом, качеством расследования, за всеми стадиями расследования.

Качество расследования значительной части дел по технике безопасности явно неудовлетворительное. По ряду дел органы расследования привлекают лишь второстепенных виновников из низшего и среднего административно-технического персонала, а главные виновники из числа руководящих работников, несущих ответственность за технику безопасности, остаются безнаказанными. Почему? Потому, что следователи по ряду дел почти совершенно не уделяют внимания собиранию и исследованию доказательств в направлении полного выявления всех виновных. В некоторых же случаях тут оказывается подчинение местным влияниям, отсутствие независимости и самостоятельности, которая необходима прокурору в борьбе с нарушениями социалистической законности.

По некоторым делам поражает беззаботность следователя в вопросах выявления конкретных виновников и привлечения их к уголовной ответственности. Так, например, старший десятник 2 участка подземного транспорта шахты «Северная» (Кемерово) Морозов не следил за исправностью путей, уходя в отпуск, передал транспорт совершенно в неудовлетворительном состоянии другому десятнику Володько, который, со своей стороны, относился к своим обязанностям по соблюдению правил техники безопасности столь же преступно, как и Морозов. Между тем, следственные органы ограничились только привлечением к ответственности Морозова, и только по предложению краевой прокуратуры был привлечен и Володько. По другому делу к уголовной ответственности в результате расследования был привлечен плотник шахты, в то время как в деле были все данные для привлечения производителя работ и десятника. Наряду с этим мы имеем факты неосновательного предания суду. Так, например, рабочий Васильев (шахта имени т. Молотова, Прокопьевск) был все время плотником, работал на поверхности. Однажды ему предложили спуститься в шахту. Там у него нашли спички и табак. Курил ли он, никто не видел. Несмотря на это, его привлекли к уголовной ответственности, предали суду и приговорили к 2 годам лишения свободы. Приговор был отменен в порядке надзора.

Неполнота расследования отдельных дел по технике безопасности выражается не только в невыявлении действительных виновников, но и в неисследовании всех существенных вопросов, которые должны быть выяснены при расследовании этой категории дел. Сюда, например, относятся такие моменты, как установление последствий нарушений правил техники безопасности, установление обстоятельств, при которых произошел несчастный случай, точное установление того, в чем конкретно нарушения выразились, исследование причинной связи между допущенными нарушениями и несчастным случаем (в этом разрезе зачастую необходимо выяснить поведение на производстве и самого потерпевшего). Конечно, это лишь схематический перечень, который может и должен видоизменяться, в зависимости от конкретных особенностей и обстоятельств отдельных дел. Между тем, анализ ряда дел показывает, что часто ряд весьма существенных моментов совершенно не исследуется, и производящий расследование неясно себе представляет, какие именно вопросы он должен по данному делу выяснить для того, чтобы всесторонне и правильно раскрыть преступление.

Из основных следственных действий, обычно необходимых для расследования этой категории дел, одним из важнейших является своевременный выезд прокурора или следователя на место происшествия, своевременный осмотр. Это основное требование не выполняется по многим делам. Неблагополучно по ряду дел обстоит и с использованием экспертизы. В числе экспертов кое-где оказались вредители, которые сознательно выгораживали действительных виновников, или же, чтобы запутать дело, давали противоречивые заключения, в то же время установлено, что как органы расследования, так и суды к заключениям экспертизы относились некритически, слепо доверяя этим заключениям, не сопоставляя их с другими обстоятельствами дела, не проявляя должной классовой бдительности.

Прокуроры должны в большей мере, чем это делается сейчас, осуществлять контроль и за правильностью прекращения дел органами расследования, так как и здесь далеко не все обстоит благополучно. Выявлены, например, факты прекращения дел без всяких мотивов или по таким смехотворным мотивам, что-де обвиняемый выбыл из данной шахты, или по мотивам длительного нахождения дела в производстве.

Разоблаченная в прогремевших на весь мир процессах шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов гестапо, заклятых врагов народа, организовывавших аварии, взрывы, пожары, убийства рабочих, с особой силой подчеркивают необходимость удесятерения классовой бдительности в борьбе с авариями и травматизмом. Известно, что в СССР созданы все условия для того, чтобы везде на предприятиях была обеспечена полная безопасность рабочих. Изо дня в день растет армия стахановцев, великолепно освоивших технику дела. На технику безопасности Советское государство отпускает громадные средства.

«Мы знаем (писали в своем обращении рабочие завода «Серп и молот»), что агрегаты сами по себе не останавливаются, станки не ломаются, котлы сами по себе не взрываются. За каждым таким актом спрятана чья-то рука. Не рука ли это врага? Вот первый вопрос, который должен возникнуть у каждого в таких случаях».

Для того же, чтобы правильно в каждом конкретном случае этот вопрос разрешить и

разоблачить действительных вредителей, не создавая дел о вредительстве там, где его нет, правильно квалифицировать преступления, необходима повышенная классовая бдительность. Вне всякого сомнения, при большей классовой бдительности органы юстиции, на основании прошедших дел, могли бы сыграть громадную роль в деле своевременного разоблачения, скажем, троцкистских бандитов в Кемерове.

Решительного количественного и качественного улучшения требует судебный надзор прокуратуры по этим делам. Грубейшие ошибки отдельных судов остаются часто вне поля внимания прокуроров.

Кассационная коллегия Мосгорсуда прекратила дело об обвале лесов одного строительства из-за несоблюдения правил техники безопасности, в результате чего один рабочий получил тяжкое увечье. По мнению кассационной коллегии, дело это было недостаточно расследовано; и вместо направления дела к доследованию кассационная коллегия прекратила его. Снижение процента применения лишения свободы с 51,5 до 21,5, в результате рассмотрения дел по технике безопасности в угольной промышленности кассационной коллегией Западносибирского краевого суда, — разве не требует серьезного внимания прокурорского надзора? Между тем, количество принесенных прокурорских протестов на неправильные приговоры народных судов, на неправильные определения кассационных коллегий ничтожно. Недостаточно и участие прокуратуры и в подготовительных заседаниях судов по этим делам. Так, в Кузбассе прокурор участвовал только по 63,7%, в Прокопьевске—28,6%, в Анжерке—38,5% дел, прошедших через подготовительные заседания.

Не представляет исключения и заключительная стадия процесса по этим делам — исполнение приговоров. Что и здесь иногда не все благополучно, доказывают хотя бы такие выявленные недавно в Западной Сибири факты, когда некоторые администраторы для того, чтобы компенсировать нарушителям техники безопасности, осужденным к и.-т. работам по месту работы, делаемые с них вычеты из зарплаты, повышали им зарплату.

Борьба за обеспечение техники безопасности связана также с деятельностью прокуратуры по линии общего надзора, точнее—должна быть связана. На некоторых предприятиях не выполняют требования закона о выделении специальных ответственных за технику безопасности лиц. Неоднократные указания и требования органов технического надзора о принятии необходимых мер безопасности некоторыми горе-хозяйственниками игнорируются. Во многих таких случаях, когда нет данных для возбуждения уголовного преследования, имеется достаточно оснований для «вмешательства» прокурора по линии общего надзора. Это вмешательство может дать эффективные осязательные результаты профилактического порядка.

В борьбе с нарушениями правил техники безопасности, несомненно, большое значение имеет помощь прокуратуре со стороны общественного актива соответствующих предприятий, групп содействия прокуратуре и т. д. Но для того, чтобы обеспечить такое содействие, необходимо действительно работать с активом, руководить им. У нас же часто больше разговоров об этой работе, чем самой работы.

В Кемерове в I полугодии 1936 г. была проведена весьма значительная работа с активом—был проведен слет актива суда и прокуратуры, на котором участвовало 116 человек, было созвано совещание групп содействия прокуратуре, был организован доклад по радио о задачах прокурорского актива. Однако все эти мероприятия охватили актив города и не обеспечили действительной связи с активом отдельных шахт и предприятий. Исключение составляла работа с активом в г. Киселевске, где прокуратура провела специальную работу по вопросам борьбы с нарушениями правил техники безопасности с рабочими отдельных квалификаций,—отдельно с рабочими запальщиками, отдельно забойщиками и т. д. К сожалению, краевая прокуратура ничего не сделала для того, чтобы изучить и распространить на другие районы методы работы с активом, применявшиеся в Киселевске. Только в начале текущего года краевая прокуратура, учтя опыт работы Киселевской районной прокуратуры, предложила «коренным образом перестроить массовую работу, проводя ее в дальнейшем не по общим для всего актива города вопросам, а по конкретным, касающимся только того или иного актива вопросам. В этом направлении должна быть перестроена работа с активом и в других краях и областях, и тогда она даст более эффективные результаты в борьбе с преступными нарушениями правил техники безопасности.

Было бы неправильно отмеченные выше и другие имеющиеся недостатки прокурорской работы по борьбе за обеспечение техники безопасности отнести целиком и исключительно лишь за счет работы районных прокуроров. Здесь сказалось недостаточное руководство со стороны краевых и областных прокуроров, недостаточное обобщение материалов надзора по этим делам, недостаточное наблюдение за отдельными делами. Такие формы живого руководства и связи, как выезды на места, обследования, ревизии, не были использованы в должной мере для улучшения работы по борьбе с нарушениями правил техники безопасности. Количественно этих выездов было местами (хотя бы, например, Кузбасс, Западная Сибирь) немало, но все же существенных результатов в деле выявления и устранения отмеченных недостатков они не дали. Это ставит вопрос о необходимости улучшения качества обследования и ревизий. И, наконец, особо необходимо подчеркнуть недопустимость кампанейщины в данной работе, требующей повседневного внимания, повседневного контроля.

Н. Лаговиер

Сталинская Конституция и наследственное право

В № 10 «Социалистической законности» за 1936 г. в порядке обсуждения была помещена статья т. Равича о проекте Конституции и наследственном праве.

Развивая высказанное в статье т. Борисова («Социалистическая законность» № 7) о необходимости расширения предусмотренного ст. 418 ГК круга наследников, поскольку объектами наследования в настоящее время яв-

ляются предметы личной собственности, предметы потребления, т. Равич приходит к выводу о необходимости установления свободы завещаний и о включении в круг наследников по закону восходящих родственников, братьев и сестер.

Такое изменение нашего наследственного права в области установления порядка наследования по закону, по мнению т. Равича, соответствовало бы нормам нашего семейного права, предусматривающего в ст.ст. 54 и 55 Кодекса законов о браке, семье и опеке обязанность платежа в известных случаях алиментов братьям, сестрам, деду и бабке.

Необходимость соответствия норм нашего наследственного права нормам семейного права, установления органической связи между ними неоспорима. Если наше семейное право, если историческое постановление ЦИК и СНК от 27 июня 1936 г. имеют своей целью укрепление семьи, то наше наследственное право должно служить той же цели — цели усиления связей внутри нашей семьи и ответственности одних ее членов перед другими.

Вполне разделяя поэтому точку зрения тов. Равича о необходимости приведения нашего наследственного права в соответствие с нашим семейным правом, мы полагаем, однако, что необходимо в круг наследников по закону, кроме перечисленных товарищем Равичем лиц, включить также отчима, мачеху, пасынка и падчерицу, а также и воспитателя, взявшего к себе ребенка на постоянное воспитание и иждивение. Ведь все эти лица живут одной семьей, одним хозяйством и их экономические взаимоотношения, а иногда и не только экономические ничем не отличаются от отношений между родителями и детьми. Установление в известных случаях права наследования по закону для означенной категории лиц усилит хозяйственную связь внутри семьи, будет содействовать уничтожению границ между родными и неродными детьми в семье и будет находиться в полном соответствии как со ст. 42[1] Кодекса законов о браке, семье и опеке, обязывающей отчима, мачеху, пасынка и падчерицу содержать в известных случаях друг друга, так и со ст. 42[3], обязывающей воспитателя содержать в известных случаях воспитанника.

Самое право наследования по закону, нам думается, не должно быть безусловным, а должно находиться в зависимости от исполнения наследником перед наследователем при его жизни обязанностей, возложенных на наследника нашим семейным правом.

Уделяя исключительное внимание заботе о детях, Советское государство одновременно проявляет большую заботу и об отцах, родителях. «Отец в Советской стране — это почетное звание. Отец, воспитатель строителей социализма, чувствует себя достойным гражданином своей родины» («Правда» от 9/VI 1936 г.).

Затрачивая в настоящее время огромные средства на дело социального обеспечения в старости, Советское государство, по Сталинской Конституции, предусматривает совершенно невиданный в этом деле масштаб в будущем. Той заботой о стариках, какой проникнута Конституция (ст. 120), должно быть проникнуто и наше наследственное право; оно должно быть проникнуто духом советского гуманизма, сталинской заботой о человеке.

Практика дает нам много случаев, когда лица, наследующие по закону, отказывали наследователю при его жизни материальной помощи, не проявляли по отношению к нему той заботы, какую требует от них наше семейное право... «Сын, забывающий своих престарелых родителей, заслуживает самого сурового порицания. У нас почему-то принято относиться равнодушно к таким типам. Пора понять, что это — антиобщественные элементы и поступают они как чуждые советскому строю люди» («Правда» от 26 июня 1935 г.).

Наш закон о наследовании должен быть направлен на охрану интересов слабого, немощного, и если тот, кто должен помочь, отказывает ему в этом, то он тем самым лишается права на наследование. Разве это справедливо, когда родственники наследуют имущество после лица, пользующегося государственным призрением именно потому, что эти же родственники отказывали ему в помощи? Нам думается, что имущество умершего в данном случае должно было бы перейти не к родственникам, а в распоряжение государства.

Наследование у нас, в отличие от буржуазного права, должно иметь место не только при наличии родства, но и в зависимости от того, как эти родственники выполняют свои родственные обязанности, свой долг перед родителями, братьями, сестрами.

Исходя из той же заботы о слабом, необходимо расширить круг наследников по закону — неродственников. Ст. 418 ГК предусматривает право наследования по закону за совершенно посторонними по крови лицами при условии, если эти лица фактически находились на полном иждивении умершего не менее одного года до его смерти. Мы полагаем, что для включения в число наследников требование закона о полном иждивении, в наших условиях устарело. Государство в настоящее время в той или иной форме оказывает своим гражданам материальную помощь, в особенности молодежи и старикам, путем выдачи стипендий, пенсий, единовременных пособий и пр. Такая помощь со стороны государства, однако, не исключает возможности пользования одновременно и иждивением родственника или другого близкого лица. Поэтому, лишение такого иждивенца наследственных прав только потому, что он не был на полном иждивении умершего, будет неправильно и вопрос о наследовании в данном случае нужно разрешать в зависимости от удельного веса получавшейся иждивенцем от умершего помощи в общем бюджете иждивенца. Таким образом для включения в число наследников иждивенца необходимо, чтобы иждивение являлось не единственным, а основным источником существования иждивенца.

Далее, в круг наследников по закону необходимо включить лиц, на фактическом иждивении которых умерший находился. Нередки случаи, когда лицо, не связанное с кем-либо кровным родством, а связанное узами дружбы, основанной на общности интересов, совместной работе и пр., проявляет о нем исключительную заботливость (обеспечивает ему уход во время болезни, а иногда и полностью). И нам думается, что на нынешнем этапе взаимоотношений между трудящимися в нашей стране нужно поощрять такого рода заботу о человеке и нет оснований ставить заботящегося

в положение худшее при распределении наследства, чем кровного родственника.

Что касается предлагаемой т. Равичем свободы завещаний, то, не возражая против таковой, мы, однако, полагаем, что во всех случаях завещания должны быть соблюдены принципы, изложенные в примечании 2 к ст. 422 ГК, причем принципы эти должны быть значительно расширены. Во всех случаях завещательного распоряжения завещателю должно быть запрещено лишать права законного наследования тех из наследников по закону, которым к моменту составления завещания завещатель, согласно Кодексу законов о браке, семье и опеке, обязан доставлять содержание и за каждым из них должна быть сохранена полная доля наследственного имущества, которую он получил бы при наследовании по закону. Такое ограничение права наследования по завещанию вытекает из обязанностей наследователя при его жизни.

Таким образом наше предложение об изменении действующего наследственного права сводится к следующему:

1. Включение в круг наследников по закону:

а) восходящих родственников, братьев и сестер (братьев и сестер только в том случае, если они к моменту смерти наследодателя находились на его иждивении);

б) падчериц и пасынков, находившихся к моменту смерти наследодателя на его иждивении или доставлявших ему содержание;

в) отчима и мачехи, если они воспитывали и содержали наследодателя до достижения им совершеннолетия;

г) воспитателей, воспитывавших и содержавших наследодателя до достижения им совершеннолетия;

д) лиц, посторонних по крови, которые находились в основном на иждивении умершего не менее одного года до его смерти;

е) лиц, посторонних по крови, на иждивении которых умерший находился не менее одного года до своей смерти.

2. Лишение права наследования тех из перечисленных выше лиц, которые, будучи по закону обязаны доставлять умершему содержание, отказывали ему в этом.

3. Ограничение свободы завещаний запрещением лишать права законного наследования в какой бы то ни было доле тех из наследников по закону, которым к моменту составления завещания завещатель обязан доставлять содержание.

М. Фишман

Иски о выселении из домов застройщиков

(По поводу одного принципиального судебного решения)

Судебная практика по искам о выселении из домов застройщиков в последнее время страдает большой неустойчивостью. Одни суды огульно отказывают в исках о выселении из домов застройщиков, полагая, очевидно, что самый институт застройки если не формально, то по существу отжил свой век. Другие стоят на диаметрально противоположной позиции, безоговорочно и безусловно применяя примечание 2 к ст. 156 Гражданского кодекса РСФСР и соответствующих статей гражданских кодексов других союзных республик в делах по искам о выселении съемщиков жилых помещений.

Такое шатание судебной практики, по нашему мнению, имеет две причины.

Первая причина: недостаточно вдумчивое и критическое отношение отдельных судей к существу правоотношений, неумение диалектически подходить к анализу рассматриваемых ими исследуемых явлений.

Другая причина заключается в том, что сами законы, регулирующие правоотношения, возникающие из договора, застройки, устарели и нуждаются в коренных изменениях.

Однако необходимо помнить, что издание специальных льгот (примечание 1 к ст. 166 и примечание 2 к ст. 156 Гражданского кодекса, стимулирующих приток средств к делу застройки, нельзя было никогда понимать как бесконтрольное право застройщиков эксплоатировать возведенные ими по договору с государством жилища.

Суды во всех случаях применения норм гражданского права должны были учитывать ст. 1 Гражданского кодекса, согласно которой «гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они противоречат их социально-хозяйственному назначению».

Гигантский размах строительства в эпоху сталинских пятилеток обеспечили приток огромных государственных средств в жилищное строительство города и деревни.

Попутно со строительством жилищ за счет государственных средств, несомненно, будет происходить в дальнейшем интенсивный рост жилищного строительства и за счет привлечения средств трудящихся нашей страны (кооперативное и индивидуальное).

Основным стимулом для такого строительства будет сейчас желание жить лучше, удобнее и культурнее.

Едва ли есть смысл в этих условиях сейчас сохранять те чрезвычайные льготы, которые предоставлены застройщикам действующим законодательством.

Нам представляется, что то индивидуальное строительство, которое будет осуществляться сейчас наиболее зажиточными и передовыми людьми нашей страны, будет носить ярко выраженный характер строительства для удовлетворения личных потребностей застройщика и его семьи.

Поэтому тот тип застройщика, с которым нередко мы встречались до сих пор, застройщика-предпринимателя, использующего квадратный метр жилой площади в целях личной наживы, отходит в прошлое.

Однако в суде мы чаще всего имели дело и, очевидно, известное время еще будем иметь дело именно с таким застройщиком. Это они под всякими «законными» прикрытиями занимаются систематическими выселениями своих жильцов, чтобы трижды получить «въездные», повышать квартирную плату, переуплотнять жилье и таким путем содрать с нуждающихся в жилой площади изрядную сумму денег.

Поэтому правильное решение этих дел является одной из важнейших задач наших судов. На примере одного такого судебного дела можно показать, как нужно подходить к

разбору этих дел в свете ст. 1 Гражданского кодекса.

На окраине Москвы (в селе Богородском) у застройщика Попова в 1931 г. инженер Дорф снял две комнаты. При этом Попов получил въездные, и обусловлена была солидная квартплата.

В 1934 г. Попов предъявил иск о выселении Дорфа на том основании, что площадь эта нужна ему самому.

Дело о выселении Дорфа тянулось два года и во всех судебных инстанциях решено было Дорфа выселить.

Суд подошел к делу сугубо формально и, по буквальному смыслу примечания 2 к ст. 156 Гражданского кодекса, признал за застройщиком Поповым право выселить Дорфа.

Только благодаря вмешательству Прокуратуры СССР выселение Дорфа было приостановлено и Прокуратура Союза внесла протест в президиум Верховного суда РСФСР.

В своем протесте Прокуратура приоткрыла слегка завесу над всем этим делом и выявила его подлинную сущность.

До постройки домика в 51 квадратный метр Попов арендовал ряд лет двухэтажный каменный дом, сдавая в наем комнаты по «сходной цене». Построив домик, Попов эту небольшую территорию в 51 квадратный метр переуплотнил до крайности.

Чтобы увеличить свои нетрудовые доходы, он заселил сверх упомянутых 51 квадратного метра жилой площади и всю нежилую площадь. Сначала Попов сдал в наем кухню, лишив тем самым жильцов и самого себя кухни.

На 6 квадратных метрах, которые занимает кухня, он вселил семью в 6 человек, получая с них 80 руб. в месяц.

В суде, на вопрос прокурора о причинах сдачи в наем кухни, Попов заявил, что топить-де мол ему нечем, так как дрова дороги, а соседи, поселившись в кухне, будут отапливать помещение.

Вслед за кухней Попов заселил сарай, приспособив его за счет арендаторов под жилье. Всего таким образом Попов «увеличил» жилплощадь своего дома с 50 до 80 квадратных метров.

Но и этого Попову недостаточно; он еще сдает в наем углы своих комнат «коечникам».

Всю эту бессовестную эксплоатацию, замаскированную договором о праве застройки, проглядел ряд благодушных судей и прокуроров, которые признали совершенно нормальной безоговорочную охрану прав этого застройщика.

Президиум Верховного суда, удовлетворив протест Прокурора Союза ССР, поручил Гражданской коллегии Верховного суда РСФСР разобрать это дело окончательно с участием Прокуратуры СССР.

Здесь, в судебном заседании 27 января, удалось сбросить с Попова всю ту мишуру, которой он прикрывался, и показать его в подлинном неприглядном свете.

Здесь подтвердились все утверждения Прокуратуры СССР о предпринимательском характере застройщика Попова. Выяснилось, что Попов имел возможность расширить свою жилплощадь, но вместо этого бесконечно сдавал и пересдавал ее в наем.

Суд убедился и в том, что истинные намерения Попова при выселении Дорфа вовсе не те, о которых он говорит.

На основе всех этих данных Верховный суд РСФСР пришел к выводу, что Попов злоупотребляет правом застройки, используя жилищную нужду в целях обогащения, и что квартира Дорфа ему нужна не для членов своей семьи, а в целях дальнейшей сдачи по спекулятивным ценам и для получения «въездных».

На этом основании Верховный суд отказал Попову в иске о выселении Дорфа.

Мы остановились подробно на деле Попова и Дорфа потому, что в окончательном решении Верховного суда по этому делу и в линии, занятой Прокуратурой СССР, намечен тот правильный подход, который необходим сейчас в подобного рода делах.

Именно потому, что Попов использовал свое право застройки не для удовлетворения личных потребностей, а в целях наживы и получения нетрудовых доходов, Прокуратура СССР и Верховный суд не нашли возможным применить к нему примечание 2 к ст. 156 Гражданского кодекса.

В одном из следующих номеров нашего журнала мы покажем примеры того, как прокуратура и суд ограждают права добросовестных застройщиков, допуская и поддерживая их право выселения съемщиков жилищ на основе примечания 2 к ст. 156 Гражданского кодекса.

Д. Швейцер

Практика работы Московской областной прокуратуры по общему надзору

До последней реорганизации структуры Московской областной прокуратуры работа по общему надзору была сосредоточена в судебно-административном отделе.

В этом отделе вся работа по общему надзору была возложена на одного из помощников облпрокурора, у которого помимо этой работы было сосредоточено рассмотрение всех красноармейских жалоб.

Одно это уже говорит о том, что сколько-нибудь серьезная работа по общему надзору не проводилась.

В работе районных прокуроров до последнего времени общий надзор находил слишком слабое отражение, если не сказать о полном отсутствии этой работы у многих районных прокуроров.

С проведением в органах прокуратуры единой структуры согласно приказу Прокурора СССР от 13 ноября 1936 г. № 69 отдел общего надзора был создан и в Московской областной прокуратуре 20 декабря 1936 г.

В отдел общего надзора были выделены 4 прокурора — старший помощник облпрокурора — начальник отдела, 3 помощника облпрокурора и секретарь.

Отделу общего надзора подчинена также информационно-справочная часть.

Работа между прокурорами в отделе распределена по принципу объектов надзора. Начальник отдела помимо руководства отделом полностью ведет надзор за обязательны-

ми и протокольными постановлениями президиума облисполкома.

Одному из помощников облпрокурора поручены вопросы надзора за уставом сельскохозяйственной артели, всеми земельными органами, в том числе облзу, уполкомзаг СНК СССР по области и областные заготовительные органы.

Второму помощнику переданы вопросы надзора за обязательными протокольными постановлениями президиумов райисполкомов, горсоветов, административных комиссий, исполкомов и советов по наложению взысканий за нарушения обязательных постановлений и отделы облисполкома: народного образования, здравоохранения, коммунального хозяйства, дорожного строительства и др.

Третьему помощнику поручен надзор за всеми финансовыми органами, своевременная выплата зарплаты по всем отраслям народного хозяйства и рассмотрение жалоб по налоговым вопросам и обязательным поставкам.

В плане работы отдела в I квартале 1937 г. были поставлены следующие вопросы — проверка действующих обязательных постановлений облисполкома, обобщение работы районных прокуроров по проверке наложения административных взысканий на нарушения обязательных постановлений, наложение штрафов по обязательным поставкам, выполнение Устава сельскохозяйственной артели с постановкой вопросов перед директивными органами.

Помимо этого, в плане работы были поставлены вопросы обобщения протестов, внесенных в облисполком за I квартал 1937 г., обобщение работы по надзору за облзу. Проверка выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1935 г. в части ликвидации дебиторской задолженности колхозам в 10 районах области, проверки своевременной выплаты зарплаты школьным работникам, рабочим совхозов и проведение кустовых совещаний районных прокуроров об участии органов прокуратуры в подготовке к весеннему севу 1937 г.

С организацией отдела общего надзора в декабре 1936 г. районным прокурором была дана директива об усилении надзора за законностью.

В этой директиве районным прокурорам было предложено проверить действующие обязательные постановления президиумов райисполкомов, горсоветов, протокольные постановления исполкомов, постановления и распоряжения отделов исполкома, обязательные и протокольные постановления 2—3 сельсоветов и постановления правлений и общих собраний колхозов этих сельсоветов.

Кроме того, было предложено проверить наложение взысканий за нарушение обязательных постановлений административными комиссиями исполкомов и горсоветов за последний квартал 1936 г. с представлением копий актов проверки в облпрокуратуру.

Районным прокурорам предложено было также в дальнейшем производить регулярно проверку обязательных и протокольных постановлений исполкомов и советов, независимо от участия их на заседаниях президиумов исполкомов и советов, постановлений и распоряжений отделов исполкомов.

Проверку наложения взысканий за нарушение обязательных постановлений предложено производить не реже одного раза в квартал с обязательным составлением актов проверки. Проверку постановлений сельсоветов, правлений и общих собраний колхозов предложено производить при каждом выезде в район.

В результате проверки, произведенной районными прокурорами, были установлены грубейшие нарушения законности при наложении взысканий за нарушения обязательных постановлений. Административные комиссии райисполкомов и горсоветов во многих проверенных районах не работают.

За нарушение обязательных постановлений взыскания в виде штрафа и исправительно-трудовых работ налагались не административными комиссиями, а единолично начальниками райотделения милиции.

Большинство административных комиссий не имеют сборников действующих обязательных постановлений и в значительном количестве случаев штраф налагался совершенно произвольно.

Так, в Шелуховском районе были подвергнуты штрафу 3 колхозника по 25 руб. каждый за то, что они в 12 часов ночи около пожарного сарая играли на гармонии и пели песни и, как записано в протоколе, составленном лично начальником районного отделения милиции, выезжавшим в село, «они своей игрой отвлекали дежурного пожарника от прямых своих обязанностей».

В том же районе колхозники Краюшкин, Трушин, Панфилов, Шатов и Телков были подвергнуты начальником районного отделения милиции штрафу за игру в карты.

Административной комиссией были подвергнуты штрафу колхозники Монахов и Сучков за то, что они в своей деревне в простом крестьянском пруду ловили рыбу. В Тумском районе был оштрафован на 50 руб. гр. Малышкин за нанесение удара при ссоре с гр. Алешиным, причем при явке гр. Малышкина в районное отделение милиции по этому делу с жалобой он вновь был оштрафован на 100 руб.

В Спас-Клепиковском районе оштрафовали на 30 руб. гр. Журавлева за то, что его 11-летний сын подрался со школьником из-за пролитых чернил.

В Ермишинском районе подвергнули штрафу гр. Любкина Е. Е. за то, что он в январе 1936 г. лежал пьяным на улице. В постановлении о наложении штрафа на гр. Любкина «нарушение» его записано так: «Любкин Е. Е. валялся пьяным, мог бы замерзнуть и погибнуть, за что и подвергнуть его штрафу на 10 руб.».

В Волоколамском районе подвергнуты штрафу в 25 руб. и 50 руб. рабочие Гусев и Петров за то, что они на улице играли на гармонии и пели.

Проверкой установлено, что наложенный штраф за нарушение обязательных постановлений своевременно не взыскивается, и в силу этого работа по наложению штрафа проводится впустую, так как по истечении пятимесячного срока по наложении штраф взыскиваться не может.

В Спас-Клепиковском районе за 10 месяцев 1936 г. подвергнуто штрафу за нарушение обязательных постановлений 1 096 человек, на 41 856 руб. Взыскано же штрафов 26 187 руб.

В Тумском районе подвергнуто штрафу 844 человека на 19 192 руб. Взыскано штрафов 9 580 руб.

В Ленинском районе подвергнуты штрафу за 10 месяцев 1936 г. 1194 человека на 35 354 руб. Взыскано лишь 535 руб.

В Коломенском районе милицией за переход улиц в неуказанном месте, проезд по этим улицам на лошадях, за несоблюдение очереди при посадке в автобусы и за хождение по мостовой в IV квартале 1936 г. оштрафовано 60 человек, причем размер штрафа—от 10 до 25 руб.

За тот же период (октябрь—декабрь 1936 г.) всего подвергнуто штрафу адкомиссией 452 человека на 9 079 руб., из них взыскано 2 064 руб., заменено исправительно-трудовыми работами 2 351 руб.

В Серпуховском районе с 1 января 1936 г. по 1 ноября 1936 г. адкомиссией подвергнуто штрафу 2 775 человек на 108 835 руб.

Штраф налагался без учета материального положения и незаконно. Гр. Заворотищева — прачка больницы им. Семашко, получающая зарплату 85 руб. при 4 иждивенцах, за непрописку была оштрафована на 100 руб.

Пенсионер Пуняев за непрописку братьев в течение 3 дней был оштрафован на 100 руб.

В Воскресенском районе адкомиссией подвергнут штрафу в 75 руб. рабочий Стенин за неподчинение распоряжению начальника вахтенной охраны.

В Лотошинском районе адкомиссией подвергнуты штрафу пять человек по 75 руб. каждый за то, что не оказали содействие участковому инспектору Цветкову при изъятии психически больного гр. Самородова.

В Звенигородском районе адкомиссией оштрафован на 100 руб. директор Голицынского кирпичного завода за халатное отношение к приему рабочих.

В г. Туле третьим отделением милиции за 3 месяца 1936 г. было подвергнуто адмвзысканиям 1026 человек. Гр. Уварова 4 отделение милиции г. Тулы оштрафовало на 20 руб. за то, что он требовал от заведующего магазином ответить на вопрос: «Почему в магазине имеется недостаточный ассортимент товаров?»

Гр. Анисимов был оштрафован на 15 руб. за то, что сын его ходил на улице после 8 часов вечера.

Гр. Афанасьева была оштрафована 1 отделением милиции за то, что посланный за картофелем ее сын ходил по базару.

Гр. Столяров был подвергнут штрафу в 100 руб. за то, что он катался на улице на лыжах.

Проверкой установлено, что в большинстве районов обязательные постановления исполкомов и советов не опубликовывались, между тем как на основании ст. 12 Положения об издании местными исполкомами обязательных постановлений, утвержденном постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 30 марта 1931 г. (СУ 1931 г. № 17, ст. 186), обязательные постановления имеют силу по истечении 15 дней после опубликования их в каждой местности, на которую распространяется его действие.

В связи с тем, что произведенной проверкой в январе 1937 г. органами прокуратуры Московской области действующих обязательных постановлений и правильности наложения административных взысканий за нарушения их установлены грубые нарушения соцзаконности, Мособлпрокуратурой этот вопрос был поставлен перед областными директивными органами.

Постановлением Московского областного комитета ВКП(б) от 25 января 1937 г. по докладу прокурора г. Москвы и Московской области т. Филиппова намечен ряд мероприятий, направленных на устранение допущенных нарушений соцзаконности в этой области.

Одновременно с проверкой правильности наложения взысканий за нарушения обязательных постановлений, органами прокуратуры Московской области были произведены также проверки выполнения Сталинского устава сельскохозяйственной артели, в результате чего установлены грубые нарушения Устава сельскохозяйственной артели.

Грубое нарушение демократии, незаконное вмешательство в работу колхозов других органов, огульное и массовое наложение штрафов на колхозников, как установлено проверкой, имеют место в ряде районов и колхозов Московской области.

Руководители районных организаций, и в первую очередь земельных органов, во многих районах не только не проверяли выполнение Устава сельскохозяйственной артели, но в ряде случаев сами допускали грубые нарушения Устава сельскохозяйственной артели.

Следующие факты грубого нарушения Устава сельскохозяйственной артели подтверждают это.

Пленум Караваевского сельсовета Калужского района 21 ноября 1936 г., в присутствии представителей райисполкома т. Винокурова, райзо т. Кузнецова, постановил распустить правление промколхоза и снять с работы председателя правления промколхоза Ростовцева.

Постановлением общего собрания колхоза им. Хрущева 24 сентября 1936 г. с нарушением п. 8 примерного Устава сельскохозяйственной артели, исключены из членов колхоза за самовольный уход на побочные заработки 12 членов колхоза.

На общем собрании присутствовало 180 человек из 430 членов колхоза. В этом же колхозе постановлением общего собрания от 21 января 1937 г. были исключены из членов колхоза Демидов Г. П. за отказ принять должность члена ревизионной комиссии, Ящик Ф. И. за отказ принять должность кладовщика колхоза. Демидов и Ящик в продолжении нескольких лет к работе в колхозе относились добросовестно, никогда не подвергались взысканиям На общем собрании колхоза из 245 членов за исключение голосовало 50 человек, однако это в протоколе записано не было.

Проверкой установлено также грубое нарушение пп. 12, 13 и 15 Устава сельскохозяйственной артели в части распределения доходов колхоза.

В колхозе им. Ленина постановлением общего собрания колхоза 31 декабря 1936 г. установлена оплата труда конюху, скотнице и свинарке деньгами 25 руб. в месяц и 16 кг муки.

В колхозе «Новый путь» постановлением правления колхоза работа 6 конюхов оплачивается деньгами по 50 руб. в месяц и 0,7 трудодня.

Скотницам, овчаркам и свинаркам в количестве 6 человек установлена оплата труда также деньгами по 50 руб. в месяц.

Проверкой установлено также значительное количество нарушений п. 17 Устава сельскохозяйственной артели в части наложения взысканий на членов колхоза.

Постановлением правления колхоза «Красный труженик» Калужского района члены колхоза Вохинский и Шленский за нарушение трудовой дисциплины оштрафованы деньгами на 250 руб.

Там же член колхоза Комаров за невыход на работу оштрафован на 100 руб.

В ряде случаев взыскание на членов колхоза налагается не правлением колхоза, как этого требует п. 17 Устава сельскохозяйственной артели, а единолично председателями правлений колхоза.

Председатель правления колхоза «Красный урожай» Волченков единолично оштрафовал 12 членов колхоза.

Председатель правления колхоза «им. Ильича» Дорошин единолично оштрафовал 21 члена колхоза.

В колхозе им. Ленина Рыбновского района в 1936 г. взыскания были наложены на 68 членов колхоза, что составляет 23% всех членов колхоза.

В колхозе «Красный сокол» Кимовского района в 1936 г. наложены были взыскания на 37 человек из 75 членов колхоза.

В Милославском районе по распоряжению председателя райисполкома Зайцева с некоторых колхозников производился сбор на ремонт школ по 20 руб. за каждого ученика.

В Путятинском районе председатель райисполкома обязал колхозы бесплатно доставлять строительный материал для постройки бани и коммунального дома в районном центре.

Вопрос о грубых нарушениях Устава сельскохозяйственной артели, выявленных органами прокуратуры Московской области в феврале 1937 г., был поставлен перед областными директивными органами.

В соответствии с приказом Прокурора Союза ССР от 2 января 1937 г. об усилении надзора за выполнением Сталинского устава сельскохозяйственной артели районным прокурорам было предложено как непосредственно самим, так и через актив на селе проверять выполнение Устава сельскохозяйственной артели и немедленно вносить протесты в президиум райисполкома о всех случаях нарушения устава.

На проведенных в феврале 1937 г. кустовых совещаниях районных прокуроров по вопросу об участии органов прокуратуры в подготовке и проведении весеннего сева Московской областной прокуратурой был поставлен также вопрос об усилении общего надзора, в том числе надзора за выполнением Сталинского устава сельскохозяйственной артели как основного государственного закона для каждого колхоза, без выполнения которого не может быть обеспечено успешное проведение весеннего сева.

Для того чтобы выполнить эту задачу, районный прокурор при каждом выезде по району обязан просматривать все протоколы постановлений сельсоветов, правлений и общих собраний колхозов, беседовать с членами колхоза и своим активом и не оставлять без внимания ни одно нарушение Устава сельскохозяйственной артели, привлекая к ответственности виновных в нарушении устава.

Результаты проверки работы районных прокуроров Московской областной прокуратурой в 1936 г. показали, что не все еще районные прокуроры уделяют необходимое внимание вопросам общего надзора за законностью.

Большинство районных прокуроров получают регулярно протокольные постановления президиумов райисполкомов и горсоветов, тщательно их не просматривают, не сверяют с законами, в результате ряд незаконных постановлений остается неопротестованным.

Огромным недостатком многих прокуроров является слабое знание действующего законодательства, без чего нельзя хорошо поставить работу по общему надзору.

Московской областной прокуратурой в 1937 г. был внесен ряд протестов на незаконные постановления президиумов райисполкомов и горсоветов, своевременно не опротестованных районными прокурорами.

Постановлением Скопинского райисполкома от 19 декабря 1934 г. была установлена в г. Скопине дополнительная оплата к телефонному тарифу за обслуживание справочной службой абонентов телефонов без их согласия.

Этим незаконным постановлением президиум райисполкома в г. Скопине фактически был установлен свой телефонный тариф, в то время как он устанавливается на основании ст. 2 Положения о Народном комиссариате связи (СЗ 1929 г. № 22, ст. 192) Народным комиссариатом связи.

Это постановление Скопинского райисполкома Московской областной прокуратурой было опротестовано.

Постановлением Кунцевского райисполкома от 9 сентября 1936 г. был расторгнут договор, заключенный между Кунцевским горкомхозом и жактом № 5 в мае 1935 г., причем этим постановлением было райжилсоюзу предложено распустить жакт № 5, обеспечив выселение лиц, получивших от жакта площадь в этом доме.

В своем постановлении президиум райисполкома, расторгнувший договор и предложивший ликвидировать жакт, указывает, что горкомхоз неправильно организовал жакт в этом доме, который ранее принадлежал райзо.

На это постановление Мособлпрокуратурой был внесен протест, мотивированный тем, что президиум райисполкома нарушил постановление СНК РСФСР от 8 марта 1932 г., согласно которому расторжение договоров, заключенных местными органами коммунального хозяйства с жактами, может производиться только через Госарбитраж.

С организацией отдела общего надзора в краевых, областных прокуратурах, несомненно, будет обеспечен лучший надзор органов прокуратуры не только за постановлениями местных исполкомов и советов, но и за постановлениями областных исполкомов и их отделов.

Мособлпрокуратурой за 2 месяца 1937 г. внесено 5 протестов на постановления президиума Мособлисполкома. Так, например, был внесен протест на постановление президиума Мособлисполкома от 8 октября 1936 г. «О выполнении плана развития животноводства и

о борьбе со сброской скота», которым по существу произвольно ограничивался убой скота. Это постановление находилось в противоречии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 мая 1932 г. и от 27 апреля 1935 г.

С протестом прокурора г. Москвы и Московской области президиум Мособлисполкома согласился и постановление свое от 8 сентября 1936 г. изменил.

Объединенным постановлением президиумов Мособлисполкома и Московского совета РК и КД от 11 апреля 1936 г. утверждено постановление Ленинского и Кунцевского райисполкомов об изъятии участков земли площадью 81 га из земель, закрепленных за колхозом «Чертиково» для Пролетарского аэроклуба, и 100 га из земель совхоза «Ленинец» под аэродром без утверждения этого СНК СССР.

Постановлением президиума Мособлисполкома от 9 декабря 1937 г. предложено кожуправлению облзу изъять племенных жеребцов во всех городских и районных учреждениях Московской области и продать их колхозам до 1 марта 1937 г. по цене от одной тысячи до пяти тысяч рублей.

Это постановление президиум Мособлисполкома вынес на основании постановления СНК СССР от 4 августа 1936 г., которым разрешено изъять в учреждениях и предприятиях гг. Москвы и Ленинграда племенных жеребцов и продать их колхозам.

Президиум же облисполкома произвольно распространил это постановление СНК СССР от 4 августа 1936 г. об изъятии племенных жеребцов в учреждениях и предприятиях для продажи колхозам на всю область.

На это постановление президиума облисполкома внесен также протест, который удовлетворен, и постановление президиума облисполкома отменено.

Московской областной прокуратурой внесены протесты также на ряд распоряжений и приказов областных отделов исполкома.

Так например, внесен протест на приказ Московского областного земельного управления от 3 марта 1937 г., которым специалисты подмосковного овощного управления Вервас и Васильев сняты с работы с запрещением работать в системе земельных органов Московской области.

Ответственная и почетная обязанность органов прокуратуры — осуществлять надзор за точным исполнением законов, записанная в Сталинской Конституции, будет выполнена, когда каждый прокурор осознает всю важность этой работы.

Если часть районных и городских прокуроров правильно поняла свои задачи в области общего надзора, то, к сожалению, еще многие прокуроры продолжают работать прежними методами.

Эти прокуроры не понимают еще необходимости самой решительной борьбы за укрепление социалистической законности.

С организацией отделов общего надзора борьба за укрепление социалистической законности органами прокуратуры, нет сомнения, будет улучшена.

Сделано в этой области пока еще мало. Не каждый еще прокурор ведет решительную борьбу со всякими нарушениями социалистической законности, которые тормозят успешное социалистическое строительство в нашей стране.

Лепельский судебный процесс над теми, кто попирал социалистическую законность, является серьезным сигналом каждому прокурорскому работнику, отвечающему за состояние социалистической законности в своем районе, округе, области.

Органы прокуратуры Московской орденоносной области могут и должны дать лучший пример работы по борьбе за укрепление социалистической законности.

Г. Крылатых.

Доследование одного дела

Ст. 112 УПК требует от следователя направления предварительного расследования «в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела». Немудрено, что нарушение следователем этого важного требования УПК неизбежно выдвигает перед судом необходимость направления дела на доследование.

Доследование дела, как известно практическим работникам следствия, в большинстве случаев бывает крайне затруднительным, ибо момент доследования обычно бывает отдален от времени совершения преступления. Время стирает в памяти людей события и факты, имеющие подчас решающее значение для дела. Документы, хранящие иногда в себе следы преступления или могущие способствовать раскрытию преступлений, лежат на пыльных полках архива и нахождение их не всегда возможно.

Тем ответственней и сложней задачи, выдвигаемые доследованием и могущие быть разрешенными только в результате вдумчивого и серьезного отношения к делу.

В связи с этим не безынтересно будет привести пример успешного доследования одного дела, поступившего ко мне в сентябре 1936 г. из Московского горсуда.

Дело заключается в следующем:

В декабре 1935 г. в единый диспансер Сталинского района г. Москвы явились гр-не Стабецкий и Школьников и заявили, что они могут помочь диспансеру отпечатать ряд бланков в типографии, представителями которой они и являются.

Директор диспансера Храмушин до того обрадовался этому предложению, что, даже, забыв удостовериться в полномочиях «представителей», охотно принял их предложение и условия об оплате за бумагу наличными деньгами.

Вскоре гр-н Стабецкий по доверенности типографии Наркомзема СССР, подписанной зам. директора типографии Вольфиным, получил в диспансере наличными деньгами 2500 руб., а Школьников по двум счетам типографии, подписанным тем же Вольфиным, получил 1315 руб. наличными деньгами.

К условленному сроку заказ выполнен не был, и бухгалтер диспансера для выяснения причин затяжки выполнения заказа явился в типографию, захватив с собой все документы.

Оказалось, что хотя в типографии и есть заместитель директора Вольфин, но подпись его на всех документах подложна, деньги в кассу типографии не поступили. К удивле-

нию присутствующих Вольфин взял на себя урегулирование этого недоразумения, обещав бухгалтеру диспансера явиться в диспансер совместно с гр-ном Стабецким.

Действительно на следующий день Вольфин и Стабецкий явились в диспансер и пытались уговорить директора диспансера вернуть им документы для замены их другими. Прибывшим агентом уголовного розыска они были задержаны и допрошены.

Стабецкий объяснил, что, будучи безработным, он решил заработать, выполняя поручение типографии Наркомзема в лице зам. директора Вольфина и бухгалтера Либермана. Последнему он и передал 2500 руб. наличными деньгами без всякой расписки. Вольфин показал, что в диспансер вместе со Стабецким он явился исключительно с целью «раскрыть» дело. Тут же Вольфин стал рассказывать, что в издательстве Наркомзема творятся преступления, причем он указал, в чем именно могут заключаться эти преступления. По словам Вольфина, бухгалтер Либерман является одним из главных преступников. В тот же день у Либермана был произведен обыск, в результате которого было найдено 9000 руб. наличными деньгами. Ни у Вольфина, ни у Стабецкого обыск произведен не был.

Либерман был арестован, а Вольфин и Стабецкий отпущены домой.

Расследование, произведенное по материалам, данным Вольфиным, действительно привело к раскрытию крупных злоупотреблений, творившихся в издательстве безнаказанно с 1933 г. и непохожих по методу на преступление, связанное с получением денег в сталинском диспансере.

Работник МУР, расследовавший дело, увлекся им и оставил совершенно не расследованным эпизод о мошенническом получении денег из кассы сталинского диспансера, механически включив его в обвинительное заключение на основании одного только оговора Стабецкого и Вольфина, которые по делу были выставлены как свидетели.

Между тем, Либерман отрицал свое участие в этом преступлении и показал, что никакого заказа от сталинского диспансера он не принимал и вообще прием заказов не входит в его функции. Он помнит, что в типографии печатается заказ фрунзенскому единому диспансеру и что заказ был принят Вольфиным. Последний ему однажды рассказывал, как он, Вольфин, «хорошо пожил», когда был директором типографии «Большевистский путь» при МББ ж. д.

Эти показания следователем не были приняты во внимание. Дело было направлено в суд по обвинению ряда лиц в совершении злоупотреблений по должности.

Московский городской суд не мог не направить дела на доследование, ибо слишком очевидны были ошибки, допущенные при производстве следствия.

Направив дело на доследование, городской суд потребовал производства графической экспертизы на предмет установления, кто из четырех подозреваемых (Стабецкий, Вольфин, Школьников, Либерман) составил подложные документы. Между прочим, Школьников даже не был допрошен.

Суд, однако, ограничил рамки следствия, так как проверка обстоятельств, связанных с принятием заказа фрунзенского диспансера, напрашивалась сама собой.

Заказ фрунзенского диспансера оказался тем концом нитки, ухватившись за который я размотал весь клубок афер и преступлений, творимых Стабецким, Школьниковым и Вольфиным без всякой связи с преступлениями, которые совершались в издательстве Наркомзема.

Следствием было установлено, что заказ фрунзенского диспансера был принят Вольфиным через Стабецкого и Школьникова, что Стабецкий и Школьников получили во фрунзенском диспансере для покупки якобы бумаги 3000 руб. наличными деньгами и деньги присвоили, что часть заказа выполнялась в типографии «Пушкинский полиграфист».

Указанные обстоятельства заставили меня прити к следующему выводу:

1. Стабецкий, Школьников и Вольфин знакомы давно и имеют между собой преступную связь.

2. Преступления, по всей вероятности, заключаются в том, что Стабецкий и Школьников отыскивают организации, нуждающиеся в отпечатании бланков и выражающие согласие на оплату за бумагу наличными деньгами.

3. Заказы печатаются фактически на бумаге типографии, а деньги присваиваются.

Этот мой вывод объективно подтверждался тем обстоятельством, что весь заказ фрунзенского диспансера был выполнен на бумаге типографии Наркомзема, между тем на покупку бумаги Стабецкий и Школьников получили 3000 руб.

Определив объем и рамки дальнейшего следствия и ограничившись 1935 г., я наметил следующие следственные действия:

1. Допросить работников типографии Наркомзема и «Пушкинский полиграфист» и выяснить, не сдавал ли им ранее Стабецкий какие-нибудь заказы.

2. В зависимости от их показаний проверить на выдержку некоторые заказы по книге заказов.

Допрос работников наркомземовской типографии никаких результатов не дал.

Зато в результате допроса работников пушкинской типографии было установлено, что Стабецкий и Школьников во второй половине 1935 г. сдали типографии крупный заказ от имени треста ресторанов и буфета при Курском вокзале. Заказ выполнен полностью, и расчет произведен путем перечисления. Весь заказ печатался на бумаге типографии.

Допросом работников треста ресторанов и буфета и проверкой кассовых расходных документов было установлено, что, начиная с 1935 г., Стабецкий и Школьников получили на руки против счетов 31 000 руб. Все счета были написаны тем же почерком, что и счета сталинского диспансера. Часть счетов была написана от имени типографии «Большевистский путь» при МББ ж. д. и часть счетов — от имени «Пушкинского полиграфиста».

К тому времени графическая экспертиза дала заключение, что все счета, выписанные сталинскому диспансеру, написаны рукой Стабецкого.

Такое обилие доказательств заставило обвиняемых Стабецкого, Школьникова и Вольфина сознаться в систематических подлогах и мошенничествах.

Московский городской суд осудил Стабецкого к 8 годам лишения свободы, Вольфина и Школьникова к 5 годам лишения свободы с поражением в правах. А ведь так недавно они были свидетелями по делу.

Из этого дела следует сделать следующий вывод: нельзя игнорировать показания обвиняемых, хотя бы эти обвиняемые уличались в совершении ряда преступлений. Объективное отношение к делу и стремление к всесторонности следствия должны обязательно повлечь за собой проверку этих показаний. Это давно установленная истина, что обязательным условием успешности расследования является проверка показаний как обвиняемых, так и свидетелей.

Сапожников.

История расследования одного дела

26 октября 1936 г. в 4 ч. 30 м. утра меня разбудил телефонный звонок. Дежурный по второму отделению сообщил мне, что в продуктовом магазине № 12 Мосбассторга обнаружен труп сторожа магазина. Через 20 минут я был на месте. К этому же времени прибыла и карета скорой помощи.

Весь магазин и предметы, могущие сохранить на себе отпечатки пальцев преступников, были засыпаны нюхательным табаком. На полу в магазине была налита лужи водки, которая по своему расположению свидетельствовала, что убийца сторожа мыл водкой руки. Порожние бутылки от водки также были засыпаны нюхательным табаком.

На прилавке хлебного отдела около пустых бутылок из-под вина лежал большой хлеборезный нож. Он был залит кровью и также засыпан нюхательным табаком.

Единственные предметы, могущие служить вещественным доказательством, были: оставленный на месте преступления железный ломик «фомка» и след правого резинового сапога, сохранившийся в сырой почве возле входной двери в магазин. Между прочим, и этот след был засыпан табаком.

Прибывший в магазин сотрудник уголовного розыска со служебной собакой ничего положительного дать не мог. Из-за нюхательного табака собака потеряла обоняние.

В 8 час. утра я, пом. нач. РК милиции т. Пугачев, уполномоченные угрозыска тт. Астапов и Белов собрались на оперативное совещание в кабинете нач. 2-го отделения милиции. Нас больше всего смущала причина убийства сторожа. Нам казалось, что убийство произведено с целью скрыть растраты. Однако бухгалтерская проверка убедила нас в обратном, так как вся сумма недостачи продуктов исчислялась менее чем в 1 500 руб. Тогда мы решили включить в план проверку подозрительных лиц по месту жительства сторожа. Это было вызвано тем, что мы пришли к убеждению, что сторож Загрядский знал убийцу, пошел с ним в магазин без насилия и даже с убийцей пил вино. Наше предположение основывалось на том, что возле рук трупа сторожа валялся огрызок колбасы и кусок недоеденной булки, а в правом кармане брюк, надетых на стороже, был найден кусок шоколада в обертке, взятый в магазине.

Комплекс этих версий, правда, весьма смутных, убеждал нас, что убийство сторожа совершено знакомым ему лицом. Нам удалось получить сведения, что в деревне Урванка, где проживал Загрядский, за последнее время участились пьянки на квартире Журавлева, к которому ходят его друг Белогубцев и неизвестный человек, причем последний носит резиновые сапоги.

Предварительное следствие подтверждало, что Белогубцев и Журавлев в ночь убийства сторожа дома не ночевали. 30 октября в доме Журавлева был произведен обыск. При обыске были обнаружены пустые банки из-под консервов и порожние бутылки из-под вина с сорванными ярлыками.

Что собой представляют и Журавлев и Белогубцев?

Первый из них в 1935 г. был приговорен к 10 годам тюремного заключения, но, пробыв в лагерях шесть месяцев, бежал и по поддельному паспорту поступил на работу в Сталиногорске. Белогубцев судился шесть раз за различные преступления и после отбытия срока наказания работал на строительстве в Сталиногорске вместе с Журавлевым. Оба они после обыска были задержаны и заключены под стражу.

На предварительном допросе они в убийстве не сознавались. Произведенным дополнительным обыском во дворе, где проживал Журавлев, были обнаружены в трех мешках продукты, похищенные при грабеже из магазина. Это заставило Журавлева и Белогубцева сознаться и выдать главаря банды Козакова. 1 ноября 1936 г. Козаков в Москве был арестован и доставлен в г. Сталиногорск, где на очных ставках и комплексом выдвинутых против него доказательств он вынужден был признаться в грабеже и убийстве сторожа Загрядского.

Выездной сессией Московского областного суда Козаков приговорен к расстрелу и в отношении его приговор приведен в исполнение. Журавлев и Белогубцев приговорены к 10 годам лишения свободы каждый.

Анализируя весь ход предварительного и судебного следствия, мне хочется сказать, как версии, казавшиеся на первый взгляд фантастическими, оказались правильными.

На предварительном и судебном следствии по этому делу было установлено, что Козаков, Белогубцев и Журавлев, выйдя из буфета станции Сталиногорск-1, направились по улице к магазину № 12 Мосбассторга. Время было 2 часа ночи. Своей задачей грабители ставили ограбление магазина. Если же окажется на месте сторож, то его связать. Но когда Козаков завел сторожа в магазин, где горел свет, то он узнал, что сторожем является Загрядский. После того, как Козаков выпил в магазине вина и угостил сторожа, он решил, что сторож Загрядский может его выдать, и убил его.

В итоге этого дела лишний раз следует подчеркнуть, что внимательно продуманный план действий и энергичная работа по свежим следам гарантирует правильный и быстрый исход дела.

Кульчицкий.

(Следователь Сталиногорской прокуратуры).

Точно руководствоваться законом

Обоснованный законом приговор обязан выносить каждый народный судья. Это требование вытекает из ст. 112 Конституции СССР. Но как ни странно, и после утверждения Сталинской Конституции приходится говорить о таких вопросах.

Во многих случаях отдельные народные судьи до сих пор не уяснили важности точного соблюдения в советском правосудии сталинских пунктов Конституции.

Ст. 112 Конституции прямо требует, чтобы судья был независимым и подчинялся только закону. Это важнейшее требование основного закона нашего государства «подчиняться закону» в практике работы судов нарушается.

Чем же объяснить, что народные судьи до сих пор продолжают нарушать важнейшие требования основного закона?

Это нетерпимое поведение отдельных судей можно лишь объяснить пренебрежительным отношением к интересам государства и трудящихся, а также нежеланием уяснить, что правильное и точное соблюдение основного закона обеспечивает укрепление государственной мощи нашей страны и поднятие авторитета советского правосудия.

Для иллюстрации работы суда, когда последний пренебрегает интересами государства, можно привести отдельные из многих подобных примеров.

Приговором народного суда 5 участка Свердловского района г. Москвы гр. Широков А. С. по ч. 1 ст. 182 УК был осужден к одному году и.-т. работ на общих основаниях за то, что он незаконно хранил боевые патроны от револьвера системы «браунинг» в количестве 13 шт. Патроны у Широкова были обнаружены при доставлении его в пьяном виде в отрезвитель. И, как выяснилось впоследствии, Широков обнаруженные у него патроны должен был передать согласно его договоренности одному неизвестному лицу в пивной за вознаграждение. Кассационная коллегия Мосгорсуда, рассматривая указанное дело по кассационной жалобе Широкова, нашла, что приговор в отношении Широкова является суровым и снизила Широкову меру наказания до 6 месяцев и.-т. работ по месту работы.

Для кассационной коллегии Мосгорсуда, повидимому, передача боеприпасов неизвестному темному лицу является недостаточно серьезным преступлением, чтобы по отношению к преступнику не применить санкции, предусмотренной ст. 182 УК.

Законом запрещены продажа и хранение огнестрельных веществ, равно как и запрещена продажа огнестрельного оружия без надлежащего разрешения.

В свете того, что запрещено законом, и также того, что боевые патроны продавались неизвестному лицу, делается совершенно непонятным, чем руководствуется кассационная коллегия Мосгорсуда, когда она смягчает острие репрессий против подобных преступлений. При этом кассационная коллегия упускает из виду то обстоятельство, что именно таким путем огнестрельные вещества могут попасть в руки заклятых врагов нашего государства.

Народный суд, располагая таким определением кассационной коллегии городского суда, окончательно искривил уголовную политику при рассмотрени дел этой категории.

В ночь с 6 на 7 ноября 1936 г. был арестован гр. Мамедов за то, что, будучи в пивной на Каляевской ул. в г. Москве и учинив скандал, угрожал окружающим револьвером системы «наган».

Произведенным расследованием было установлено, что Мамедов хранил оружие, несмотря на многочисленные предупреждения руководства школы, где он состоял слушателем, о необходимости сдать оружие.

Народный суд 5 участка того же района 4 декабря, рассматривая дело по обвинению Мамедова по ст. 182 УК, приговорил его к 4 месяцам и.-т. работ. Естественно, что такой приговор не мог быть оставлен в силе, и по протесту прокуратуры он отменен.

Такое грубое искривление уголовной политики при рассмотрении дел по ст. 182 УК создает обстановку безнаказанности за столь серьезное государственное преступление.

Нарушения пунктов Конституции имеют место также при рассмотрении дел бытового характера, где зачастую отдельными бюрократами ущемляются интересы большого коллектива трудящихся при абсолютной безнаказанности виновных.

Недавно, еще в горячие дни обсуждения Сталинской Конституции, народный суд Свердловского района рассматривал дело по обвинению гр. Кост Е. А. по ст. 109 УК. Последняя была привлечена к ответственности за то, что, работая в качестве управляющего делами строительства РЖСКТ «Советский композитор» и будучи одновременно уполномоченной по переселению жильцов из домов, подлежащих сносу, систематически издевалась над ними путем применения угроз, вымогала у жильцов согласие на переезд в негодные для жилья квартиры, не считалась со здоровьем и временем жильцов. Были даже случаи, когда Кост вызывала по несколько раз в день некоторых жильцов к себе в контору и своим обращением доводила их до обморочного состояния. Кроме того, самое переселение Кост производила в отсутствие переселяемых. Все эти возмутительные факты получили полное подтверждение при рассмотрении этого дела в суде, однако суд считал возможным оправдать гр. Кост.

Настоящее дело было проштамповано кассационной коллегией Московского горсуда и лишь президиум Московского горсуда отменил безответственный приговор народного суда и механически вынесенное определение кассационной коллегии.

Не менее яркий случай бюрократического отношения к рассмотрению дела по обвинению Молчанова Г. Н. по ст. 141 УК произошел в народном суде того же 5 участка Свердловского района.

Молчанов Г. Н. был привлечен к уголовной ответственности за то, что он в 1934 г., распродав все имущество отца в деревне Бобры и взяв последнего на свое иждивение к себе в Москву, стал жестоко с ним обращаться, лишая его подчас пищи и крова, что в свою очередь вынудило 67-летнего старика Никиту Молчанова обратиться в народный суд с иском о взыскании с сына алиментов. Народный суд

своим решением удовлетворил иск в размере 30 руб. в месяц. В последний раз Молчанов выгнал отца из своей квартиры 12 мая 1935 г. и, несмотря на длительное отсутствие его, он никуда об этом не сообщил, а по истечении годичного срока отсутствия отца Молчанов возбудил перед нотариальной конторой вопрос о признани его отца безвести пропавшим с тем расчетом, чтобы он мог получить удержанные с него в пользу отца 120 руб. алиментов.

30 августа 1936 г. труп Никиты Молчанова был обнаружен висевшим на дереве в 8 километрах от дер. Тимшино Егорьевского района. Осмотром и вскрытием трупа Молчанова Никиты было установлено, что он покончил жизнь самоубийством, находясь в последнее время в состоянии почти полного истощения.

И в данном деле суд не нашел в действиях Молчанова Г. Н. признаков ст. 141 УК. Кассационная коллегия Московского горсуда, как в приведенном раньше примере, также проштамповала его. Дело о Молчанове в настоящее время находится на рассмотрении в президиуме Московского горсуда, где, надо надеяться, что помимо отмены приговора народного суда и определения кассационной коллегии последуют и организационные выводы.

Такой гнилой либерализм, проявленный со стороны суда к нарушениям интересов трудящихся, есть прямой результат непонимания Сталинской Конституции и в частности ее X главы.

Глава X, которая определяет права и обязанности граждан, требует, чтобы права их, как и обязанности, были охранены законом. Отсюда должно быть ясно каждому судебному работнику, что его святая обязанность заключается именно в том, чтобы со всей строгостью закона обрушиться на бюрократов, нарушающих эти права, но отнюдь не допускать проявления либерализма при рассмотрении дел, связанных с нарушением прав граждан СССР.

Бороться с бюрократизмом и с нарушением интересов отдельных трудящихся есть прямая обязанность суда. Об этом важнейшем условии в работе суда Владимир Ильич Ленин писал еще 3 сентября 1921 г.: «Добиться ошельмования виновных и в прессе и строгим наказанием». Это же требование предъявляется к суду с той же силой Сталинской Конституцией социализма.

Говоря о плохой работе суда, необходимо тут же добавить, что кассационная коллегия Московского горсуда еще не стала тем надлежащим звеном в системе суда, которая исправляла бы, направляла бы и конкретно корректировала работу народного суда. Это является чрезвычайно серьезным и опасным явлением, ибо каждое определение кассационной коллегии по тому или иному делу есть по существу руководящее начало при рассмотрении очередных аналогичных дел в народном суде. И если вынесенное определение кассационной коллегией не соответствует всем требованиям закона, то такой документ создает условия для рассмотрения дел в народном суде с нарушением закона.

В свете таких грубых нарушений основного закона нашего государства необходимо сейчас же проверить и выявить, кто из нынешнего состава народных судей достоин будет быть выбранным на очередных выборах народных судей в соответствии с требованием ст. 109 Сталинской Конституции.

Правильная и четкая подготовка к выполнению требований, поставленных ст. 109 УК Конституции, обеспечит правильную работу суда и тем самым больше поднимет авторитет его и даст ему возможность занять то почетное место, которое ему отведено в Сталинской Конституции социализма.

Приведенные выше примеры слабой работы суда ставят во главу угла вопрос перед органами прокуратуры о создании и осуществлении действенного прокурорского надзора за точным наблюдением закона судом. Этот надзор должен быть организован так, чтобы каждый незаконно вынесенный приговор был немедленно опротестован, тем самым будет своевременно исправлена допущенная судом ошибка по тому или иному делу, с одной стороны, а; с другой стороны, прокурор выполнит те прямые обязанности, которые возложены на прокуратуру ст. 113 Конституции СССР.

Любошиц.

Надо извлечь урок

В журнале «Крокодил» № 36 (декабрь 1936 г.) была помещена заметка «Сфинкс в Египте», в которой указывалось, что в прокуратуре Узбекской ССР по несколько месяцев лежат нерасследованными заметки, передаваемые в прокуратуру газетой «Правда Востока», и что на запросы редакции прокуратура отвечает бюрократическими отписками. Из объяснений прокурора Узбекской ССР т. Шейндлина по этой заметке в «Крокодиле» видно, что в прокуратуре Узбекской ССР дело с расследованием газетных заметок действительно не было налажено. Редакция «Правда Востока» передавала в прокуратуру Узбекской ССР множество заметок, а прокуратура Узбекской ССР их направляла к соответствующим районным прокурорам, те задерживали ответ и результата нельзя было получить в течение долгого времени. Прокурором Узбекской ССР приняты необходимые меры к установлению быстрой и тщательной проверки поступающих газетных заметок, достигнута договоренность с редакцией «Правда Востока» о порядке направления заметок в прокуратуру и т. д. Но из данного случая сделать выводы должны все прокуратуры республик, краев и областей. Речи быть не должно о задержке расследования газетных заметок как опубликованных, так и неопубликованных, пересылаемых редакциям газет в органы прокуратуры.

Прокуратура должна установить самый тесный контакт, самую точную договоренность с редакциями соответствующих газет с тем, чтобы газеты направляли в прокуратуру лишь те заметки, которые касаются вопросов, относящихся к функциям прокуратуры, а прокуратура немедленно и исчерпывающим образом эти заметки проверяла, ставя в известность о результатах редакции газет.

Такой контакт поможет прокуратуре выполнять ее функции по борьбе с нарушениями социалистической законности. Отсутствие такого контакта может явиться поводом для появления на страницах «Крокодила» или другого печатного органа любого из наших прокурорских работников.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Грубое нарушение основных правил советского уголовного процесса

Народный суд г. Киева по делам госторговли и кооперации 21 сентября 1936 г. осудил работников магазина № 400 Киевторга: Левицкого А. Ш., Абрамского Я. Б., Свидельского С. Ш., Махлина Л. И., Вольпова С. И., Сафриса С. Н., Трахтенберга С. Б., Игнатовского Л. К., Черкасского Ш. М. по ст.ст. 97, 20—127 и 135—4 УК УССР, квалифицировав их преступление как систематическую продажу мануфактуры спекулянтам, от которых они за это получали надбавку к существующим ценам. Время преступной деятельности суд определил с января 1935 г. по август 1936 г.

В приговоре указано: «Отдельных преступлений за отдельными подсудимыми нет; разбивать их деяния на отдельные эпизоды не приходится; попытки подсудимых доказать свою непричастность к делу ничего не дали; в деле имеются сознания подсудимых, которые составлены настолько беспристрастно (?) и имеют столько деталей, что заподозрить лиц, которые производили дознание в добросовестном отношении к подсудимым, никак нельзя».

Суд приговорил: Левицкого, Абрамского, Игнатовского и Черкасского к 10 годам лишения свободы. Свидельского, Махлина, Вольпова—к 8 годам лишения свободы. Сафриса и Трахтенберга—к 3 годам лишения свободы.

Гр. Мацик по этому же делу была осуждена как спекулянтка, постоянно покупавшая товары в магазине № 400, очевидно, по ст. 127 УК (в приговоре не указаны статьи обвинения в отношении Мацик)—к 8 годам лишения свободы.

Определением Киевского областного суда от 2 октября 1935 г., хотя и указано на нарушение ст. 308 УПК УССР, выразившееся в том, что суд не указал конкретно вины каждого из обвиняемых, однако приговор оставлен в силе, «как правильный по существу».

Прокуратура Союза ССР, считая, что это дело было проведено с грубейшими нарушениями основных правил советского уголовного процесса, не дающими возможности признать правильным вынесенный судом приговор, опротестовала его по следующим основаниям:

Самое расследование дела было произведено неправильно. Вместо выяснения конкретных фактов виновности каждого из заподозренных лиц путем допроса свидетелей и розыска тех спекулянтов, с которыми якобы были связаны служащие магазина № 400, органы расследования ограничились сознанием ряда обвиняемых.

Ни органы расследования, ни прокуратура не обратили внимания на резкие расхождения в этих «сознаниях». Расхождения же эти касаются и времени преступной деятельности и сумм, полученных каждым. Игнатовский говорит о 700 руб., Абрамовский—сначала о 2—3 тыс. руб., а потом о 10—12 тыс. руб., Левицкий о 15 тыс. руб. и т. д.

При возвращении дела на доследование в милицию ст. следователь Юффа от имени областной прокуратуры дал явно неправильное указание о выделении из дела материалов о гр. Левчуке, стороже магазина, которого обвиняемый Черкасский прямо обвинял в систематическом незаконном получении мануфактуры из магазина № 400 и последующей продаже по спекулятивным ценам.

Такое выделение в отдельное производство обвинения лица, которое являлось соучастником общих злоупотреблений работников магазина и могло своими показаниями осветить спорные вопросы дела, является грубым нарушением ст.ст. 110 и 114 УПК УССР.

Далее, в нарушение установленного указанием пленума Верховного суда СССР и циркуляром Прокурора СССР порядка обвиняемые по данному делу не были преданы суду законным порядком, то есть определением подготовительного заседания суда. Вместо этого обвиняемых предал суду тот же ст. следователь Киевской областной прокуратуры Юффа, разославший обвиняемым копии обвинительного заключения, не утвержденного судом, и направивший дело в народный суд для слушания.

Народный суд не принял никаких мер, чтобы проверить все доказательства для полного освещения всех обстоятельств дела, что было совершенно необходимо при отказе подсудимых от данного ими на расследовании сознания и заявлений их о незаконных методах, применявшихся к ним уполномоченным милиции.

Наоборот, целый ряд вполне обоснованных ходатайств защиты был отклонен судом (по заключению представителя прокуратуры), при этом в отдельных случаях формулировки отказа резко расходились с основными положения советской теории доказательств; таков отказ в допросе свидетеля Кашеровской по тому мотиву, что по делу уже допрошено 4 подменных кассирши, и гр. Левчука потому, что «он привлечен в качестве обвиняемого и дело о нем будет слушаться отдельно».

Столь же грубым нарушением УПК является определение суда от 19 сентября 1936 г. об отмене своего прежнего определения о вызове свидетелей Лакизы, Сироты, Стражевской, мотивированное тем, что свидетели эти не явились.

Несмотря на явную невозможность выяснения дела при том скудном материале, который был собран органами расследования и в значительной мере оказался опровергнутым в ходе судебного следствия, суд трижды отклонил ходатайство защиты о направлении дела на доследование, причем мотивировка суда в одном случае грубо нарушала правило об оценке всех обстоятельств дела по окончании судебного следствия в совещательной комнате, за-

ранее предопределяя вынесение обвинительного приговора: «полное сознание обвиняемых в своих преступлениях делает излишним и нецелесообразным проверку».

В другом случае суд совершенно голословно указал в своем определении, что цель ходатайства защиты—оттянуть рассмотрение дела на несколько месяцев, чтобы оно потеряло свою актуальность.

В приговоре особенно оттенен тот мотив, что суд боялся, как бы направление дела на доследование и связанная с этим отсрочка в несколько месяцев «не свела на-нет этот первый образец особого рода дел (!), которых еще не было в рассмотрении суда».

Кроме указанных нарушений, суд в самом приговоре допустил целый ряд искажений показаний свидетелей, подробно записанных в протоколе судебного заседания.

Наряду с этим суд почему-то совсем опустил очень важные показания свидетеля Савченко, благоприятные для подсудимых, и неизвестно для какой надобности привел подробно показания свидетельницы Овручской, о которых сам тут же написал, что «он не делает из них никаких выводов».

При предании суду всех работников магазина по ст. 135—4 УК за повышение цен на товары суд обязан был либо осудить их по этой статье, мотивировав это осуждение в описательной части, либо оправдать за недоказанностью обвинения.

Суд же ни одним словом не коснулся в обвинительной части приговора этого самостоятельного обвинения (материалами дела не подтвержденного), а в резолютивной части приговора признал всех подсудимых виновными наряду со ст.ст. 97 и 20—127 также и по ст. 135—4 УК.

Все эти нарушения основных правил процесса как в стадии расследования, так и в стадии судебного следствия и вынесения приговора делают последний голословным и подлежащим отмене.

Уголовная коллегия Верховного суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор народного суда и определение областного суда отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Неосновательное осуждение

Приговором народного суда г. Николаева, утвержденным УКК областного суда, были осуждены по ст.ст. 59 «а» и 180 УК к разным срокам лишения свободы от 2 до 5 лет бывшие торговцы-лишенцы в числе 7 человек: Кузнец Я., Майзенберг И., Ширяк Г., Меламуд А., Торчинский Г., Теплицкий Ш., Каплун Л и крестьянин-середняк Криминский Николай.

Суд признал их всех виновными в том, что под видом трудовой «группы грузчиков» они занимались частным подрядничеством по производству погрузо-разгрузочных работ в порту, эксплоатировали труд наемных рабочих, привлекаемых ими под видом подсобной работы, обсчитывали этих рабочих путем разных мошеннических махинаций и т. п. и скрывали свои нетрудовые доходы от налогового обложения.

Прокуратура Союза ССР, считая, что суд подошел к этому несколько необычному делу крайне формально, не разобрался в существе вопроса и в результате допустил серьезную политическую и судебную ошибку, опротестовала приговор народного суда по следующим основаниям:

Суд должен был прежде всего поставить перед собой основной вопрос: хорошо ли и полезно ли для нашего социалистического строительства, если группа бывших торговцев, лишенных избирательных прав, вместо того, чтобы заниматься спекуляцией и подпольной торговлей, берется за тяжелый физический труд чернорабочего-грузчика и на протяжении ряда лет, по договоренности с госорганизациями, производит для них своими собственными силами и с привлечением неорганизованного труда домашних хозяек погрузо-разгрузочные работы в порту.

Стоит только поставить так этот вопрос, чтобы ответ на него сразу стал ясен.

Отсюда следует, что в отношении такого общественно-полезного начинания нельзя было подходить с той предубежденностью и с теми «ликвидаторскими» тенденциями, с какими подошли к ним в данном случае Николаевский горфинотдел, а за ним и следствие, и суд.

В результате такого неправильного понимания лозунга классовой бдительности местные органы, вместо того, чтобы пойти по пути правильного организационного оформления «дикой» артели или группы, обеспечения в ней советского кооперативного порядка и устранения нездоровых, чуждых этому порядку искажений, стали на путь полной ее ликвидации в порядке уголовного суда.

Суд признал, что обвиняемые под ширмой «группы грузчиков» на деле являлись подрядчиками и заключали с разными государственными организациями договоры подряда, а не личного трудового найма.

Признак подряда был усмотрен в том, что «группа» принимала на себя ответственность за простои транспорта, возникающие по ее вине, то есть как бы обязывалась неустойкой, несвойственной договору личного найма.

Сугубо-формальный подход к этому вопросу совершенно очевиден. Опрошенные на расследовании работники государственных организаций объяснили, что этот пункт «был внесен только для того, чтобы не было простоев и чтобы усилить работы, и действительно простоев не было». По отзыву всех без исключения представителей нанимавших их организаций обвиняемые работали очень хорошо, без простоев, являясь по первому вызову, в любую погоду, днем и ночью, без отказа. «С точки зрения интересов строительства, — говорит прораб Авиастроя Жилин,—эта группа грузчиков очень выгодна, ибо они работают в любое время дня и ночи, полностью обеспечивают погрузо-разгрузочные работы. Так, что если этой группе запрещено будет работать у нас, мы будем поставлены в тяжелые условия».

Суд усмотрел мошенническую махинацию со стороны обвиняемых в том, что они получали за работу от госорганизаций сдельно с разгруженной или погруженной тонны, а рассчитывались с привлекаемыми со стороны рабочими в порядке «почасовой» оплаты. Однако суд при этом забыл упомянуть, что они сами также получали за отработанные часы и по той же почасовой ставке, что и остальные. Из

имеющихся в деле многочисленных платежных ведомостей видно, что расчеты производились таким образом: полученная за работу сумма делилась на количество часов, проработанных всеми участниками данной операции разгрузки или погрузки, отсюда выводилась стоимость человекочаса и каждый получал из этого расчета за столько часов, сколько он проработал.

Далее, суд инкриминирует обвиняемым скрытую эксплоатацию привлеченных рабочих и присвоение доли их труда под видом приписок обвиняемым лишних часов. На первый взгляд раздаточные ведомости как будто подтверждают это обвинение, так как обвиняемые получали за большее число часов, чем остальные. Однако многочисленные свидетели как из числа якобы «эксплоатируемых» обвиняемыми рабочих, так и представителей госорганизаций подтвердили на судебном следствии, что обвиняемые получили за большее число часов потому, что они действительно дольше работали, ибо привлеченные рабочие в большинстве работали только по самой разгрузке и погрузке барж, а обвиняемые всегда, кроме того, производили своими силами подготовительные работы (установку сходней и т. п.), а после работы—уборку сходней и укладку камня в штабеля. Правильность этого объяснения находит себе объективное подтверждение в анализе раздаточных ведомостей, из которых можно усмотреть, что, с одной стороны, за лишние часы (по графе «приработок») получали не только обвиняемые, но и другие рабочие, а с другой стороны, не все обвиняемые во всех случаях получали за этот «приработок».

Наконец, суд приводит следующий случай, как яркое доказательство недобросовестного обсчета обвиняемыми других рабочих: при разгрузке двух одновременно прибывших и разгруженных в один день барж в составленных по этой работе двух раздаточных ведомостях фамилии обвиняемых фигурируют в обеих одновременно: по одной они получили за 12 часов работы каждый, по другой за 11 часов, в то время как совершенно очевидно, что они одновременно в двух местах работать не могли, а по показаниям свидетелей часть из них работала на разгрузке одной баржи, а другая часть на второй. Однако показаниями тех же свидетелей на суде установлено, что после окончания разгрузки и ухода рабочих камень бут оставался сваленным в кучу, и обвиняемые должны были его уложить в штабеля, что они и делали ночью и на другое утро. Таким образом этот факт двойной записи говорит не столько о незаконной приписке лишнего времени, сколько о неудовлетворительности учета. Но если даже признать установленным, что в данном случае табельщик допустил приписку нескольких лишних часов себе и своим товарищам по группе, то этот единичный факт (других, несмотря на самые кропотливые изыскания, ни работникам горфинплана, ни следователю обнаружить не удалось), давший возможность обвиняемым положить себе в карман по несколько лишних рублей, не дает еще оснований для тех обобщений о нетрудовом характере отношений, об эксплоатации случайных рабочих, систематическом присвоении обвиняемыми их труда, в которых приговор суда «уличает» обвиняемых.

Из всех многочисленных свидетелей, допрошенных по этому делу, как «обиженных» и «обманутых» рабочих и работниц, так и представителей госорганизаций-нанимателей, в том числе членов партии, не нашлось никого, кто бы хотя единым словом упрекнул в чем-нибудь этих людей, несмотря на то, что они бывшие торговцы-лишенцы. Это говорит за то, что общественная оценка настоящего дела со стороны самих трудящихся, наблюдавших работу обвиняемых, резко разошлась с официальной оценкой, данной горфинотделом и судом.

Внимательный анализ фактов, если к ним подходить без предупреждения, показывает, что не только самая идея трудового перевоспитания бывших торговцев-лишенцев, но и практическое воплощение ее в работе данной «группы грузчиков» себя не скомпрометировали, судить их было не за что и не нужно было.

Уголовно-кассационная коллегия Верховного суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор народного суда и определение УКК областного суда отменить и дело в уголовном порядке прекратить.

Неправильное осуждение

Морозкин Алексей Павлович, директор Битумзавода с июня по декабрь 1934 г., был осужден народным судом Канибадамского района УзбССР по ст.ст. 143 и 97 УК к 6 годам лишения свободы.

Салин Август Андреевич, бухгалтер Битумзавода, был осужден по ст. 152 УК УзбССР к полутора годам лишения свободы с понижением, в порядке ст. 52 УК, до одного года и.-т. работ.

Морозкин А. П. был осужден за то, что, будучи директором Битумзавода, вследствие своей халатности и пьянства, довел работу завода до развала, план работы завода выполнил на 13%, причинил заводу убыток в 125 тыс. рублей и задержал выплату зарплаты рабочим на 3—4 месяца.

Салин А. А.—за то, что, будучи бухгалтером завода и заменяя директора во время его отсутствия, учинил подлог в приказе директора об оставлении его заместителем в целях получения права распоряжаться кредитами и получил деньги из банка для уплаты рабочим и на другие цели.

На приговор народного суда прокуратурой республики был принесен протест. Президиум Верховного суда протест частично удовлетворил, снизив меру наказания Морозкину до 3 лет, в отношении Салина приговор был оставлен в силе.

Морозкин вступил в исполнение обязанностей директора 1 июня 1934 г., после снятия старого руководства завода за доведение состояния завода до полного развала в финансовом и хозяйственном отношениях.

Морозкин в период своей работы с 1 июня 1934 г. по декабрь 1934 г., несмотря на такое состояние принятого им завода, увеличил выпуск продукции по сравнению с первым полугодием.

Морозкин и Салин привели в порядок учет и отчетность за 1933 и 1934 гг.

Убыток, отмеченный в акте комиссии от декабря 1934 г. в сумме 125 тыс. руб., за 1934 г. целиком приписан Морозкину. Из акта не

видно, из каких данных складывается убыток и образовался ли он до вступления Морозкина в должность директора или при нем. Ни судом, ни следствием этот вопрос не был выяснен. О положении хозяйственного и финансового состояния завода Морозкин сигнализировал, но вышестоящие организации не оказывали ему помощи. По этим же причинам произошла и задержка в выплате зарплаты. Пьянство Морозкина материалами дела не установлено.

При наличии вышеприведенных обстоятельств к осуждению Морозкина не было достаточных данных.

Салин, замещая директора, по данным материала дела, учинил подлог в приказе без личных корыстных целей, а полученные им деньги в сумме 19 тыс. руб. израсходовал на оплату задолженности по зарплате рабочим. Эти действия подлежали квалификации не по ч. 1 ст. 152 УК, а по ч. 2 ст. 152 УК с санкцией по ч. 2 ст. 140 УК УзбССР (ч. 2 ст. 112 УК РСФСР).

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор народного суда и определение президиума Верховного суда в отношении Морозкина.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила дело Морозкина и Салина прекратить.

Признание недействительной сделки, заключенной по заблуждению

11 марта 1936 г. гр. Свирский обменял свою комнату в 20 кв. метров на комнату гр. Вайнермана в 18 кв. метров.

16 марта 1936 г. гр. Свирский предъявил иск о признании недействительным обмена жилплощади, так как Вайнерман обманул Свирского: дом, в котором проживал гр. Вайнерман до обмена, оказался зараженным жучком-точильщиком.

14 апреля 1936 г. народный суд в иске Свирскому отказал. Кассационная коллегия решение народного суда отменила и передала дело на новое рассмотрение.

16 июня 1936 г. народный суд признал обмен между Вайнерманом и Свирским недействительным и постановил переселить Вайнермана и Свирского в ранее занимаемые ими помещения.

9 июля 1936 г. кассационная коллегия решение оставила в силе.

Президиум Леноблсуда 10 сентября 1936 г. решение народного суда Смольнинского района от 16 июня 1936 г. и определение кассационной коллегии областного суда от 11 мая и 9 июля 1936 г. отменил, оставив в силе решение народного суда от 14 апреля 1936 г. Президиум Леноблсуда исходил из следующих соображений; «в основу данного дела должно быть положено заключение экспертизы, исходящее из следующих положений:

1) Жучок-точильщик не функционирует, 2) срочного капитального ремонта не требуется, никакой угрозы безопасности нет. Истец Свирский знал о пораженности пола квартиры жучком, так как следы последнего были видны, обмен площади совершен добровольно, без признаков наличия обмана».

Прокуратура СССР опротестовала определение президиума Леноблсуда по следующим основаниям:

Из того же акта экспертизы, на который ссылается президиум Леноблсуда, видно, что жучок-точильщик действительно в б. квартире Вайнермана обнаружен и не только следы его, но и живые жучки, что балки пола частично действительно были повреждены жучком. Выводы экспертизы о том, что при наличии живых жучков они не функционируют, вызывают сомнения.

Председатель жакта в суде показал, что в каждой квартире в доме имеются жучки и что все с ними борются и что жучки продолжают действовать, что они поражают и мебель. То же показала и свидетельница Ширяева. При таких условиях суд не мог основывать своего решения на утверждении экспертизы о том, что жучок-точильщик не функционирует и что комната для проживания пригодна.

Утверждение президиума Леноблсуда о том, что Свирский знал до обмена о наличии повреждений в комнате Вайнермана, не подтверждено материалами дела.

Свидетель Исайкин показал, что пол в комнате Вайнермана прикрыт был ковром, и при таких условиях, возможно, Свирский не заметил повреждений пола. Об этом свидетельствует и то, что Свирский предъявил иск через 5 дней после обмена.

Если даже в квартире и не требуется капитального ремонта, на что ссылается президиум Леноблсуда, то и тогда нельзя признать правильным обмен жилплощади, при котором одна сторона вследствие заблуждения получила худшую площадь, чем другая.

Коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила постановление президиума Ленинградского областного суда от 10 сентября 1936 г. по этому делу отменить и оставить в силе решение народного суда Смольнинского района от 16 июня 1936 г. и определение кассационной коллегии от 9 июля 1936 г.

Неправильное выселение

Народный суд 3 участка Красногвардейского района г. Москвы постановил выселить гр. Буздалову из коридора, в котором она проживала с 1925 г.

Кассационная коллегия Мосгорсуда решение оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда и определение кассационной коллегии по следующим основаниям.

Из материалов дела и произведенной Прокуратурой Союза проверкой на месте видно, что гр. Буздалова живет в коридоре квартиры 20, д. № 11 по Лялину пер. с 1925 г. До 1930 г. Буздалова работала в качестве домработницы у жильцов квартиры. С 1930 г. Буздалова работает на заводе и является ударницей.

При проверке на месте были опрошены жильцы квартиры (Шустров, Гордеенко, Чунов). Никто из жильцов квартиры не возражает против проживания Буздаловой в коридоре. Проживание ее в коридоре никому из жильцов не мешает.

Управляющий домом Стерлигов заявил, что им предъявлен иск о выселении Буздаловой якобы на том основании, что у него имелось предписание пожарной охраны. Однако ни в материалах дела, ни на руках у Стерлигова такого предписания не имеется и это заявление управляющего домом ничем не подтверждено.

По справке, имеющейся в доме, Буздалова прописана в доме постоянно.

Выселение Буздаловой при таких условиях, когда жильцы не возражают против проживания Буздаловой в месте общего пользования и проживание ее не препятствует пользованию коридором, является неправильным.

Решение народного суда и определение кассационной коллегии Мосгорсуда не соответствует обстоятельствам дела.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение народного суда и определение кассационной коллегии отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

Сдача в наем жилплощади в течение ряда лет лишает права на эту площадь

Гр-не Гельфгат поселились на площади гр. Васильевой в 1929 г., заняв одну из двух комнат в качестве временных жильцов. Гельфгат платили Васильевой сперва 80, а затем 100 р. в месяц за комнату в 13 кв. метров. После смерти гр. Гельфгат в 1935 г. гр. Васильева предъявила иск о выселении его жены, оставшейся проживать в комнате и отказавшейся платить высокую квартирную плату (100 руб.).

Гр. Васильева мотивировала иск тем, что ее старший сын женился и ей нужна вторая комната.

Кассационная коллегия Мосгорсуда 16 июня 1935 г. решение народного суда оставила в силе.

По протесту прокурора г. Москвы президиум Мосгорсуда 3 сентября 1935 г. решение народного суда и определение кассационной коллегии отменил и в иске Васильевой о выселении Гельфгат отказал.

Гражданская коллегия Верховного суда РСФСР 27 октября 1936 г. отменила постановление президиума Мосгорсуда и оставила в силе решение народного суда, исходя из того, что на основании инструкции НККХ и НКЮ РСФСР № 37 от 27 января 1934 г. временные жильцы, независимо от срока своего проживания, не приобретают никакого права на фактически занимаемую ими жилую площадь.

Прокуратура Союза опротестовала определение гражданской коллегии Верховного суда РСФСР по следующим основаниям:

Из показания свидетеля Михляева видно, что старший сын Васильевой женился еще в 1934 г., выехал от гр. Васильевой и жил с женой в другом месте. Перед тем, как Васильева предъявила иск о выселении Гельфгат, сын Васильевой переехал к матери, но жена его осталась проживать на прежнем месте. Еще перед смертью гр. Гельфгат Васильева обращалась к свидетелю Михляеву с просьбой уговорить семью Гельфгат выехать, так как она опасалась, что тяжело больной Гельфгат умрет и его жена не будет тогда платить по 100 руб. в месяц за комнату.

Действительно, Васильева предъявила иск к Гельфгат о выселении тогда, когда Гельфгат после смерти мужа, будучи менее обеспеченной, отказалась платить Васильевой по 100 р. в месяц и стала переводить ей по почте меньшую квартирную плату (так как Васильева отказывалась принимать у Гельфгат квартплату по ставке).

Гр. Гельфгат на суде заявила, что до нее в спорной комнате в течение 4 лет также проживали временные жильцы. Народный суд этого обстоятельства не проверил; между тем, оно имеет большое значение, так как, если действительно гр. Васильева в течение 10 лет систематически сдает часть принадлежащей ей жилплощади в наем, то эта жилплощадь ею не используется по прямому назначению и служит ей лишь в качестве источника дохода.

Васильева с семьей занимает отдельную от гр. Гельфгат комнату 14 кв. метров, причем семья гр. Васильевой не увеличилась, а напротив, в 1934 г. уменьшилась, так как старший сын Васильевой, женившись, по показаниям свидетеля, выехал от матери и въехал лишь к моменту предъявления иска к Гельфгат (без жены) для того, чтобы создать основание для иска.

При таких условиях, когда Васильева в течение 10 лет не использует для себя принадлежащей ей части площади, сдавая ее в наем в целях извлечения дохода, нет оснований удовлетворять претензии на эту жилплощадь.

Гражданская коллегия Верховного суда формально подошла к рассмотрению дела, не выяснив фактических его обстоятельств и действительных взаимоотношений сторон.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил отменить решение народного суда и все последующие решения и передать дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе с привлечением домоуправления и с участием прокуратуры.

При призыве на военную переподготовку трудящийся сохраняет место работы и зарплату

Гр. Менцель И. И. работал инспектором-контролером киевской городской конторы Союзплодоовощи с 3 марта 1935 г.

7 июня 1935 г. он как командир запаса был призван на 45 дней на военную переподготовку, о чем поставил в известность управляющего конторой Союзплодоовощи.

Через два дня после призыва в РККА приказом от 9 июня 1935 г. гр. Менцель был уволен с работы.

По возвращении с лагерного сбора гр. Менцель И. И. возбудил иск о восстановлении его на работу и об уплате за 45 дней лагерного сбора, а также за все время вынужденного прогула.

Трудсессия 5 сентября 1935 г. присудила гр. Менцелю зарплату за три месяца вынужденного прогула, по день судебного решения, а в восстановлении его на работу отказала.

Кассационная коллегия областного суда 11 октября 1935 г. решение трудсессии измени-

ла, присудив Менцелю зарплату только за 45 дней лагерного сбора, в остальной части требования за прогул отказала, в части отказа в восстановлении на работу решение оставила в силе.

Пленум областного суда отменил решение кассационной коллегии в части оплаты за время лагерного сбора и передал дело на новое рассмотрение.

Трудсессия 5 января 1936 г. в иске Менцелю полностью отказала, считая, что истец был уволен 7 июня в связи с окончанием работы и имел в дальнейшем возможность поступить на другую работу.

Трудсессия решением от 19 марта 1936 г. постановила изменить приказ об увольнении истца, считать его уволенным с 14 июля 1935 г. и взыскать в его пользу зарплату в размере 116 руб.

По протесту Прокуратуры УССР гражданская коллегия Верховного суда УССР решением от 10 сентября 1936 г., хотя и признала увольнение Менцеля незаконным, но в иске о восстановлении его на работу отказала, присудив ему зарплату за один месяц прогула и два дня работы до его увольнения (с 7 июня по 9 июня 1935 г.).

Прокуратура СССР, находя все вышеупомянутые решения неправильными и подлежащими отмене, опротестовала их по следующим основаниям:

Определение гражданской коллегии Верховного суда в части признания увольнения гр. Менцеля И. И. незаконным является совершенно правильным. Материалами дела установлено, что Менцель уволен был после призыва его на лагерный сбор.

Увольнение его произведено с грубым нарушением ст. 46 Кодекса о льготах военнослужащим, тем более, что материалом дела установлен постоянный характер работы Менцеля и прием после увольнения Менцеля на такую же работу гр. Фрегер.

Отказ гражданской коллегии Верховного суда в восстановлении Менцеля на работу со ссылкой на ст. 87—2 КЗоТ неправилен. Ст. 87—2 КЗоТ, как видно из ее текста, в данном случае неприменима, так как к моменту разбора дела в суде Менцель нигде не работал.

Гр. Менцель представил суду ряд справок, подтверждающих факт длительных поисков им работы, и справку из домоуправления о безработице. Поэтому неверно утверждение ГК Верховного суда о том, что Менцель не доказал факта длительных безрезультатных поисков работы.

При этих условиях определения Верховного суда об оплате Менцелю лишь за 1 месяц прогула со ссылкой на отсутствие безработицы в СССР нарушает ст. 68 постановления ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г. и свидетельствует о формальном подходе к делу.

Президиум Верховного суда УССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение трудсуда от 6 сентября 1935 г., определение кассационной коллегии областного суда от 11 октября 1935 г., решение трудсуда от 19 марта 1936 г. и определение гражданской коллегии Верховного суда УССР от 10 сентября 1936 г. отменить и дело направить на новое рассмотрение в гражданскую коллегию Верховного суда УССР как в суд первой инстанции с обязательным участием в процессе прокурора.

Предупреждение об увольнении лица, работающего в отдаленной местности, не освобождает учреждение от оплаты выходного пособия

Гр. Паушнер работал на Куровском меланжевом комбинате в течение 13 лет в качестве руководителя отдела экономики труда и был уволен 18 ноября 1935 г.

Паушнер предъявил иск о взыскании выходного пособия в размере полуторамесячного заработка, об оплате за провоз имущества и за 19 неиспользованных выходных дней.

8 января 1936 г. народный суд в иске гр. Паушнеру отказал на том основании, что гр. Паушнер был предупрежден за полтора месяца об увольнении.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда по следующим основаниям:

На основании п. 13 постановления ЦИК и СНК СССР от 12 августа 1930 г. об утверждении Положения о льготах для лиц, работающих в отдаленных местностях СССР и вне крупных городских поселений, и правил применения указанного постановления, утвержденных НКТ СССР 1 ноября 1930 г., работники 1-й группы, работающие в отдаленных местностях и вне крупных городских поселений, при увольнении вследствие ликвидации учреждения или сокращения штатов, имеют право на получение единовременного пособия в размере месячного заработка сверх нормального выходного пособия, и этим работникам возмещается стоимость проезда работника и его семьи, а также провоза имущества к прежнему месту жительства.

На гр. Паушнера распространяется указанное постановление, так как Куровский комбинат находится вне крупного городского поселения, а гр. Паушнер относится к числу работников 2 группы как заведующий отделом комбината (п. 4 раздела Б перечня должностей, дающих право на получение вышеуказанных льгот).

Гр. Паушнер был уволен вследствие сокращения его должности, что дает основание к применению п. 13 постановления ЦИК и СНК от 12 августа 1930 г.

Указание народного суда на то, что Паушнер был предупрежден об увольнении за полтора месяца, не имеет значения, так как указанное постановление предусматривает выплату полуторамесячного пособия независимо от предупреждения работника об увольнении.

Президиум Московского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение ГКК и решение народного суда отменить и дело передать в тот же суд для нового рассмотрения в ином составе

Практика Прокуратуры Союза ССР по общему надзору

В прокуратуру г. Москвы поступили сведения о том, что на строительстве 11 хлебозавода имела место незаконная затрата оборотных средств в сумме 280 тыс. руб. на капитальное строительство.

В процессе проверки было установлено, что действия администрации строительства хлебозавода основывались на приказе замнаркома пищевой промышленности СССР т. Бадаева от 9 декабря 1936 г. за № 800.

Директору 1 московского треста Главхлеба этим приказом было предложено установить на строящемся хлебозаводе дополнительно 2 автоматические печи, израсходовав на это строительство 500 тыс. руб. за счет сверхпланового накопления 1935 г. Сметы дополнительного строительства по приказу должен был утвердить главный инспектор Главхлеба. Этот приказ был издан в прямом противоречии с действующим законодательством прежде всего потому, что вложение средств из сверхплановых накоплений на капитальное строительство действующим законодательством не предусмотрено, так как постановление СТО от 1 апреля 1934 г., которым разрешалось расходование сверхплановых накоплений на капитальное строительство, отменено постановлением ЦИК и СНК СССР от 9 апреля 1936 г. (см. пост. «О фонде директора предприятия» — СЗ СССР № 20, ст. 169).

Кроме того, самый объект строительства (хлебозавод) принадлежит к числу тех. титульные списки которых утверждаются СНК СССР (постановление СНК СССР от 23 октября 1934 г. № 2437), а технические проекты и сметы утверждаются соответствующими наркомами (пост. СНК СССР от 3 сентября 1934 г. № 2050), следовательно, замнаркома пищевой промышленности т. Бадаев не имел права без разрешения СНК СССР изменять объем и стоимость строительства и поручать утверждение технического проекта и сметы главному инженеру Главхлеба.

Прокуратура Союза ССР по этим основаниям опротестовала приказ замнаркома пищевой промышленности т. Бадаева перед СНК Союза ССР. По предложению СНК Союза ССР 3 марта 1937 г. нарком пищевой промышленности т. Микоян этот приказ отменил.

***

23 ноября 1936 г. Наркомат связи Союза ССР издал приказ за № 624 о сокращении служебной телеграфной переписки и телефонных переговоров.

Пункт 2 этого приказа устанавливал за нецелесообразное использование телеграфа и телефона работниками органов связи, а также за создание причин, вызывающих непроизводительные служебные запросы, взыскание с виновных в этом работников связи тройной стоимости служебной телеграммы или телефонного переговора.

Эта мера по существу имеет характер своеобразного дисциплинарного взыскания, не предусмотренного действующим «Дисциплинарным уставом работников связи», была установлена в нарушение законного порядка.

В связи с протестом Прокуратуры Союза ССР, 19 марта 1937 г. Совет народных комиссаров СССР предложил наркому связи СССР отменить п. 2 названного приказа «О сокращении служебной телеграфной переписки и телефонных переговоров» в части взыскания с виновных в нарушение этого приказа тройной стоимости служебной телеграммы или телефонного переговора, так как подобного рода взыскание не предусмотрено законом и приказом по наркомату установлено быть не могло.

***

16 августа 1936 г. директор Орехово-Зуевского хлопчато-бумажного треста т. Венгерова издала приказ за № 135, запрещающий директорам фабрик, входящих в систему этого треста, принимать уволенных за прогул с одной фабрики треста на другую фабрику того же треста.

Этот свой приказ т. Венгерова основывала на том, что она считала все фабрики, входящие в трест, единым предприятием.

Между тем каждая из фабрик, входящая в систему треста, является самостоятельным хозяйственным предприятием, действующим на началах хозрасчета.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. обязывает руководителей предприятий и учреждений увольнять с работы рабочего или служащего в случае неявки на работу, хотя бы в течение одного дня.

В развитие указанного постановления ЦИК и СНК СССР Наркомтрудом СССР 26 ноября 1932 г. была издана инструкция, одобренная СНК СССР, согласно которой прием уволенных за прогул работников обратно в то же предприятие или учреждение не допускается в течение года. Поскольку фабрики, входящие в систему Орехово-Зуевского хлопчатобумажного треста, являются самостоятельными хозяйственными предприятиями, постольку прием этими фабриками на работу уволенных за прогул с других фабрик того же треста нельзя рассматривать как прием обратно в то же предприятие.

Применение названного приказа т. Венгеровой на практике должно было привести к тому, что рабочие фабрик Орехово-Зуевского текстильного треста в течение целого года не смогли бы поступить на работу по своей специальности без выезда за пределы своего района. Между тем большинство работающих на фабриках треста женщин связаны всеми условиями своего быта с Орехово-Зуевым.

На основании изложенного Прокуратура Союза ССР опротестовала приказ директора Орехово-Зуевского хлопчатобумажного треста т. Венгеровой перед Совнаркомом СССР.

20 марта 1937 г. Совет народных комиссаров Союза ССР предложил наркому легкой промышленности СССР т. Любимову отменить

как противоречащий утвержденной СНК СССР 20 декабря 1932 г. инструкции о применении постановления ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. об увольнении за прогулы без уважительных причин приказ директора Орехово-Зуевского треста т. Венгеровой от 16 августа 1936 г. за № 135 о запрещении принимать на работу уволенных за прогул на все фабрики треста.

***

10 января 1937 г. нарком социального обеспечения РСФСР т. Наговицын издал приказ за № 17, устанавливающий ограничения в приеме на пенсию лиц, имеющих по закону право на пенсию.

Приказ устанавливал такой порядок принятия на пенсию в 1937 г., при котором новый пенсионер мог быть принятым на пенсию лишь в случае освобождения пенсионных средств вследствие смерти либо снятия с пенсии кого-либо из старых пенсионеров.

Однако действующее законодательство о пенсиях по социальному обеспечению, утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 1 апреля 1934 г., не представляет органам Наркомсобеса права отказывать в принятии на пенсию лицам, имеющим это право по закону. Прокурор Союза ССР опротестовал этот приказ Наркомсобеса как явно незаконный, и по предложению СНК РСФСР т. Наговицын отменил как несоответствующую закону ту часть приказа, где устанавливались вышеназванные ограничения.

***

25 июня 1934 г. райфинотдел Московского района г. Ленинграда постановил принять от гр. Куршина Ю. Б. числящуюся за ним недоимку, возникшую в связи с обложением его налогами по торговле 1926—1927 гг., а пени за несвоевременную уплату налогов сложить.

Чтобы облегчить Куршину, который после прекращения торговли стал с 1927 г. работать по найму в государственных и кооперативных учреждениях, возможность уплаты недоимки, ему было разрешено реализовать частным образом описанное у него имущество.

Куршин требование райфинотдела выполнил и всю числящуюся за ним недоимку в сумме 5312 руб. в том же 1934 г. внес.

16 декабря 1935 г., то есть через полтора года после того, как Куршин закончил свои расчеты с райфинотделом, последний пересмотрел свое постановление от 25 июня 1934 г. и предложил Куршину внести пени за время с 1927 по 1935 г. в размере 126 тыс. руб.

Отмену своего первоначального постановления райфинотдел мотивировал тем обстоятельством, что Куршин якобы производил погашение недоимки в 1934 г. не путем реализации своего имущества, а за счет имевшихся у него накоплений от бывшей торговли.

Указанное постановление Московского райфо было утверждено вышестоящими финансовыми органами вплоть до сектора массовых платежей НКФ СССР.

Прокуратура Союза опротестовала это решение райфинотдела по следующим основаниям.

Предположение Московского райфо г. Ленинграда о наличи у гр. Куршина скрытых накоплений от б. торговли, из которых была уплачена им в 1934 г. недоимка, не находит подтверждения в материалах налогового дела, так как согласно описи имущества Куршина, произведенной в 1934 г. до данного ему разрешения реализовать это имущество частным образом, последнее оценивалось в 4 тыс. руб., а по описи, произведенной в ноябре 1935 г., у Куршина оказалось имущества только на 1100 руб., причем в эту опись неправильно включен был буфет его матери, исключенный из этой описи по решению народного суда г. Ленинграда от 28 декабря 1935 г.

Куршин как до 1925 г., так и после прекращения торговли в 1927 г., все время работал по найму в государственных и кооперативных торговых организациях и в избирательных правах восстановлен.

Взыскание пени в 126 тыс. руб. за налоговую недоимку в 5 тыс. руб., к тому же полностью погашенную, является нецелесообразным и нереальным, тем более, что описанное в обеспечение уплаты пени имущество гр. Куршина оценено в 700 руб.

Наркомфин Союза ССР согласился с протестом Прокуратуры Союза и отменил постановление райфинотдела о восстановлении пени гр. Куршину.

***

Макарищев И. И., завхоз Тульского металлообрабатывающего техникума, имеющий 38-летний непрерывный трудовой стаж, был в 1932 г. обложен Тульским горфинотделом подоходным налогом за 1928/29 г., 1929/30 г. по третьему расписанию.

Основанием к отнесению гр. Макарищева к третьей категории налогоплательщиков послужило якобы занятие им, помимо работы по найму, ростовщичеством.

Постановление Тульского горфо несколько раз пересматривалось вышестоящими финансовыми органами, которые выносили решения об его отмене, но в конечном результате было утверждено сектором массовых платежей Наркомфина СССР.

Прокуратура Союза, считая решение финансовых органов по налоговому делу Макарищева неправильным, опротестовала его по следующим основаниям.

Никаких материалов в налоговом деле, устанавливающих, что Макарищев занимался ростовщичеством, нет.

В деле имеются лишь свидетельские показания, указывающие, что жена Макарищева, а не он сам, давала нескольким лицам деньги взаймы под проценты.

Однако даже если бы и было доказано занятие Макарищева ростовщичеством, то за эту преступную деятельность, предусмотренную ст. 173 Уголовного кодекса, он подлежал бы привлечению к уголовной ответственности, а не обложению налогами.

Наркомфин СССР неоднократно давал своим органам совершенно правильные разъяснения о том, что нельзя облагать налогами доходы, полученные путем преступной деятельности, например, спекуляции, так как такого рода обложение до известной степени явилось бы легализацией преступных действий.

Наркомфин Союза по мотивам, изложенным в протесте Прокуратуры Союза, обложение гр. Макарищева по третьему расписанию отменил.

По союзным республикам

РСФСР

Темпы и качество работы Ленинградской областной прокуратуры

Первое основное требование, которое должно быть предъявлено к органам прокуратуры, ведающим делом разбора жалоб,—это быстрота прохождения жалобы по этапам (рассмотрение жалобы, истребование дела, просмотр его, постановление об удовлетворении или отклонении жалобы). Второе требование—вдумчивое рассмотрение материала. Третье—надлежащая постановка справочной работы.

Как поставлена работа с точки зрения этих трех основных требований в Ленинградской областной прокуратуре?

Людям, приносящим лично жалобу в облпрокуратуру, претендовать как будто не на что. Каждый день принимает всех посетителей дежурный помощник облпрокурора. По отдельным секторам имеются приемы у прокуроров, от которых зависит исход каждого данного дела. Казалось бы, все в порядке. Однако это совсем не так. С момента приема жалобы дежурным прокурором до момента наложения резолюции тем прокуроров, к ведению которого она относится, проходит 8—10 и более дней. Наконец, резолюция наложена. Требуется дело из районного суда. Оттуда не спешат с высылкой дела. Это мало кого тревожит. Когда является снова жалобщик и назойливо «пристает», делают запрос. При этом говорят: «Что вы хотите, всего только две недели прошло»...

Наконец дело поступает в облпрокуратуру. Но и с рассмотрением его здесь не очень спешат. Правда, несмотря на солидный штат прокурорских работников, жалуются тут иной раз на нехватку кадров. Так, например, зам. облпрокурора т. Максимов говорит: «У меня нет человека по делам о должностных преступлениях».

Поэтому он считает вполне нормальным, если дело по прошествии 10 дней с момента прибытия его из района еще не передано помощнику для просмотра.

Но вот и эта стадия пройдена. Попало, наконец, дело на просмотр к прокурору Панину. Он, рассмотрев материал, приходит к выводу о неосновательности жалобы. В это время является жалобщик. Он представляет дополнительные материалы и доказывает, что жалоба основательна. Панин колеблется и говорит: «Ладно, поговорю с т. Максимовым». Взять для разговора с Максимовым дополнительные документы он, однако, отказывается. А после его «доклада» Максимову жалобщик узнает, что «облпрокуратура соглашается с мотивами районного прокурора». Поговорить же жалобщику самому с т. Максимовым нелегко: т. Максимов говорит, что он очень занят и поэтому вынужден ограничиться докладами своих помощников.

Не лучше, а, пожалуй, хуже обстоит с получением справок.

В облпрокуратуре имеется справочное бюро. Открыто оно с 11 до 4 часов, то есть неполный рабочий день, и не с самого утра, так что многие посетители приходят слишком рано, либо опаздывают. Затем здесь дают справку только о том, в какой отдел передана жалоба и когда будет прием в канцелярии и у прокурора того отдела.

Надо прямо сказать, что такая справка — довольно куцая справка. Вместо того чтобы сразу узнать, что стало с жалобой, посетитель должен еще куда-то ходить узнавать. Это называется—от стола к столу. Но главное зло в том, что канцелярия каждого отдела принимает лишь несколько дней в месяц. Человек узнал, что дело находится в комнате № 14, но, чтобы там справиться, он должен ждать, когда там будет прием. При этом в 14 комнате установлены еще разные дни для жилищных и для других дел. Этот распорядок во всех канцеляриях облпрокуратуры строго соблюдается. Для защитников и юрисконсультов изъятия не делаются. По телефону справок им не дают. Приходится дожидаться того дня, когда совпадает свободный час с часом приема в канцелярии. Пишущий эти строки обратился по этому поводу с письмом к руководителю облпрокуратуры. Прошло 2 месяца, но он ответа не удостоился. А «распорядок» продолжает строго соблюдаться.

Надо ускорить темпы и улучшить качество работы Ленинградской облпрокуратуры.

А. Либерман

БССР

Богомльская „законность“

Пред нами небольшое дело бывшего председателя колхоза «Память Ильича» Витуничского сельсовета Богомльского района по обвинению Мальчик Ивана Лукича и бригадира того же колхоза Мальчик Ивана Демьяновича по ст. 196 УК БССР.

Преданы были они суду за преступно-халатное отношение к своим обязанностям, в результате чего сгнило 300 пудов колхозного картофеля, колхоз не выполнил плана вывозки торфа, и конское поголовье колхоза пришло в упадок.

Народный суд Богомльского района под председательством народного судьи т. Шмакова в судебном заседании 22 апреля 1936 г. признал их виновными и приговорил Мальчик Ивана Лукича к 4 годам лишения свободы и Мальчик Ивана Демьяновича—к 2 годам лишения свободы, заключив их тут же под стражу.

Суд настолько заинтересовался делами колхоза «Память Ильича», что вынес следующее частное определение, которое мы приводим текстуально:

«... Труддисциплина в колхозе отсутствует, существует обезличка, лошади к колхозникам не прикреплены, в результате чего никто ни

за что не отвечает, а потому для изжития всех изложенных недостатков народный суд предлагает: закрепить всех лошадей за конюхами и каждую лошадь закрепить за колхозниками. Каждую бригаду разбить на звенья, для лучшего оперативного руководства, довести до каждого члена план сева, прополки и т. д. Выдачу со склада продуктов, фуража производить только по личному письменному распоряжению председателя колхоза. О выполнении вышеизложенного сообщить суду к 1 мая 1936 г. Председатель Шмаков. Члены—нарзаседатель Гилько, Гришь».

Народный судья т. Шмаков либо почувствовал себя полностью справившимся с своими судебными делами, а может быть он взвесил, какое может иметь значение какое-то конкретное дело Мальчик в сравнении с интересами колхоза в целом, когда там благодаря этим «Мальчикам» так пошатнулись дела, и решил взять на себя контроль за исполнением своего определения и действовать решительно.

Для наведения порядка в колхозе много ли нужно? Стоит только суду предложить колхозу проделать всю организационную работу и в недельный срок, к первомайским торжествам, обязать колхоз отрапортовать суду, как выполнено его предписание.

Увы, народному судье т. Шмакову не повезло: ему не удалось 1 мая услышать рапорт колхоза «Память Ильича», так как окружной суд дело Мальчик вернул к доследованию прокурору Богомльского района.

Но у районного прокурора т. Жука УПК не в почете. Получив дело, он освободил из-под стражи обвиняемых под расписку о невыезде, не составив даже соответствующего постановления. По примеру районного прокурора не счел нужным выполнять какие-либо следственные действия и народный следователь; он не составил обвинительного заключения, не выполнил ст. 207 УПК и вместе с районным прокурором, не откладывая дела в долгий ящик, вынес постановление, выдержку из которого небесполезно привести:

«...Из материалов доследования и определения окрсуда видно, что выполнять ст.ст. 108 и 109 УПК нецелесообразно, а посему направить дело через прокурора нарсуду Богомльского района. Прокурор Жук. Следователь Гончаров».

Казалось бы, что дело близится к концу. Однако этим дело Мальчик не окончилось, так как ему, видимо, не повезло с самого начала. Дело Мальчик пролежало в народном суде Богомльского района до осени, а затем народный судья т. Шмаков переотправил его в соседний Плещеницкий районный народный суд. Плещеницкий народный суд отказался принять дело к своему рассмотрению без специального распоряжения председателя Верховного суда БССР.

Итак, дело после отмены первого приговора 15 мая 1936 г. лежало без движения и только 7 февраля 1937 г. после дополнительного доследования было поставлено на судебное рассмотрение. За грубейшее нарушение процессуальных норм и допущенную волокиту по делу Мальчик и. о. прокурора БССР объявил Богомльского районному прокурору т. Жук выговор. Народный следователь Богомльского района с работы снят.

БАССР

За повышение квалификации следователей

Прокуратура Башкирской АССР в 1937 г. вплотную подошла к повышению теоретического уровня народных следователей как в области их политических знаний, так и юридической квалификации.

При аттестации народных следователей были проведены беседы с каждым народным следователем. В результате этих бесед было установлено, что подавляющее большинство следователей почти не занимается повышением своей квалификации.

Очень немногие следователи читают центральные газеты и юридическую литературу, не говоря уже о художественной литературе, которую читают единицы. Значительное количество следователей не охвачено сетью партийного просвещения и не работает над поднятием своего идейно-политического уровня; те, кто хотя и состоят в кружках партийного просвещения, ограничиваются изучением по учебникам, не занимаясь глубоким изучением Маркса, Ленина и Сталина.

Все это и явилось следствием того, что значительная часть следователей плохо владеет марксистско-ленинской теорией.

В I квартале 1937 г. все народные следователи были пропущены через десятидневные курсы-конференции. На этих конференциях читались лекции по криминалистике, уголовному праву, уголовному процессу, судебно-бухгалтерской и судебно-медицинской экспертизе и истории ВКП(б) (послеоктябрьского периода).

На одной из конференций в составе более подготовленных следователей были заслушаны доклады и самих следователей на темы в области криминалистики. На заключительных лекциях конференций участники всесоюзной теоретической конференции делились своими впечатлениями по тем теоретическим вопросам, которые обсуждались всесоюзной теоретической конференцией следователей.

Во II и III кварталах 1937 г. намечается организация систематической работы следователей над повышением политического уровня с таким расчетом, чтобы ни один следователь не был вне сети партийного просвещения.

Наряду с этим в процессе аттестации и изучения работы следователей было выявлено, что имеют место такие недостатки, которые требуют немедленного устранения в целях обеспечения качества работы следователей. Все народные следователи просят снабдить их элементарными техническими средствами, необходимыми для применения научных методов расследования. Положение со средствами передвижения следователей таково, что или он вынужден по 2—3 дня выжидать попутчика для выезда на место происшествия или пойти пешком.

Все эти вопросы упираются в отсутствие средств, и Прокуратура СССР и местные органы прокуратуры должны принять меры к изысканию их.

Прокуратура СССР в 1936 г. делает хорошее дело, созывая систематически учебно-методические конференции следователей. Эту работу надо продолжать.

А. Тимашев

Третье заседание Центрального методического совета при Прокуроре СССР

19—20 марта состоялось очередное заседание Центрального методического совета при Прокуроре Союза ССР. Заседание было посвящено вопросам криминалистической экспертизы. На заседании были заслушаны доклады о работе Одесского института научно-судебной экспертизы, Белорусского института криминалистики и судебной экспертизы, Харьковского института научно-судебной экспертизы, лаборатории по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР и об организации учебной лаборатории криминалистики при Харьковской областной прокуратуре.

Это, по существу, первое заседание в истории существования этих институтов, когда союзные органы юстиции заинтересовались их работой. Несмотря на то, что эти институты проводят громадную и в высшей степени полезную работу, они были предоставлены самим себе, и судьбой их почти никто не интересовался по-настоящему. Это печальное положение не только не изменилось с организацией союзного Наркомата юстиции, в ведение которого переданы эти институты, но еще более ухудшилось. Союзный Наркомат юстиции совершенно не интересуется этими институтами. Тот факт, что совещание по работе институтов созвано Прокуратурой, а не Наркоматом юстиции, сам по себе очень характерен для отношения Наркомата юстиции к учреждениям экспертизы.

Такое беспечное отношение к вопросам криминалистической экспертизы имело место в прошлом и со стороны НКЮ РСФСР. В результате самая большая союзная республика—РСФСР—до сих пор не имеет института научно-судебной экспертизы. Производство криминалистических исследований зачастую поручается случайным людям. В Москве, например, производит исследования некто гр. Ладнов; почему он считается специалистом в этой области—никто не знает.

По инициативе отдельных лиц, в Москве были организованы две небольшие криминалистические лаборатории (в Институте уголовной политики и в Юридическом институте). Но эти лаборатории не разрешили вопроса криминалистической экспертизы, цели и задачи этих лабораторий совершенно иные.

Вот почему с величайшим интересом и вниманием криминалистические работники отнеслись к этому заседанию методического совета. Это заседание рассматривается как определенный сдвиг в отношении к криминалистической экспертизе.

Первым отчитывался в своей работе Белорусский институт. Институт организовался в 1929 г. в качестве кабинета научно-судебной экспертизы при НКЮ БССР.

Для работы по криминалистическим экспертизам институт располагает оборудованными хорошей аппаратурой лабораториями—химической, биологической, судебно-фотографической, кабинетом идентификации и рентгенокабинетом.

При институте имеется криминалистический музей, который в настоящее время имеет около 1 000 различных экспонатов—вещественные доказательства по наиболее известным и интересным делам, муляжи, фототаблицы и др.

Самая большая работа института — это его практическая работа в области криминалистических экспертиз. За семь последних лет работы исследовано 27 332 объекта. Наибольшее количество требований на экспертизы поступило от народных следователей; так, в 1935 г. по требованиям следователей исполнено 42,2% всех экспертиз.

Кроме экспертиз институт дает консультацию практическим работникам по отдельным вопросам криминалистики, а также выезжает на места совершения преступлений по требованию следственных и прокурорских органов.

Существенным недостатком в работе Белорусского института является отсутствие серьезной научно-исследовательской работы. В этой области институт вместо того, чтобы сконцентрировать внимание на актуальнейших вопросах криминалистики, разбрасывается по мелочам и часто занимается совершенно не своим делом. Так, институт почему-то решил заниматься разработкой вопросов уголовной политики и даже антирелигиозной работой. В погоне за популярностью институт написал работу на антирелигиозную тему. Цель в высшей степени похвальная, но, взявшись не за свое дело, директор института проф. Червяков в своей работе «Слуцкие мумии» допустил большие политические ошибки. Своим неразборчивым цитированием разного хламья автор превратил по существу свою книгу в хрестоматию погромной, черносотенной, антисемитской литературы.

Прокуратуре Белоруссии необходимо больше уделить внимания институту. Вместо поверхностного руководства институтом прокуратуре республики необходимо заняться действительной заботой о нем. Надо помочь институту улучшить его материальное положение, помочь ему выправить допущенные ошибки, и тогда институт будет работать с еще большей пользой.

Вторым отчитывался в своей работе Одесский институт научно-судебной экспертизы. Этот институт, пожалуй, самый старый в нашем Союзе. Он ведет свое начало с 1914 г. Институт имеет в своем распоряжении хорошее помещение (40 комнат) и оборудованные лаборатории. Институт состоит из 4 секций: 1) химических и физико-химических исследований; 2) биологических исследований; 3) фотографических исследований; 4) идентификации. При институте также имеется криминалистический музей. Институт имеет 27 сотрудников. При институте имеется аспирантура.

Институт обслуживает Одесскую область, Винницкую область, Молдавскую АССР, водную прокуратуру Черноморского бассейна.

За 1936 г. институт произвел исследования по 639 делам. По секциям эта цифра распределяется так: 1) секция идентификации — 18[illegible] дела; 2) секция фотографическая—236; 3) секция химическая — 146; 4) секция биологическая—75. Всего исследований в 1936 г. по всем делам произведено по 2 037 объектам. Главным

поставщиком заказов для института является прокуратура и следователи—43%.

Большим недостатком в работе института является его медлительность в работе. Так, в 1936 г. по 218 делам исследование велось больше месяца. Средняя продолжительность одного исследования 28 дней. В результате многие следователи отказываются обращаться в институт с требованием производства экспертизы, так как это затягивает следствие. Имея в виду существующие в институте штаты и пропускную способность его лабораторий, надо сказать, что институт работает не с полной нагрузкой. В этом отношении институт должен вкорне перестроиться. Заявление директора института т. Макаренко, что на работе института вредно отражается чрезмерная нагрузка оперативной работой, свидетельствует о неверном представлении руководства института о целях и задачах института. Институт в первую очередь должен заняться практическим обслуживанием органов юстиции. Научно-исследовательская работа должна строиться таким образом, чтобы она не тормозила практическую работу института по экспертизам, а наоборот, поднимала их качество и увеличивала пропускную способность института. Одесский институт болеет теми же болезнями, что и Минский институт. В погоне за ложной популярностью института руководство института потеряло всякую бдительность, качество которой так необходимо советскому работнику. Отдельные работники института свои работы печатали в фашистских журналах (Матвеев). Это недопустимое поведение для советского работника директор института пытался объяснить... невозможностью напечатать эту работу у нас, в Советском союзе. Это объяснение директора свидетельствует, что в политическом отношении в Одесском институте не все благополучно.

Третьим докладом стоял отчет Харьковского института научно-судебной экспертизы. Харьковский институт существует с 1923 г. Институт состоит из следующих секций и отделений: 1) секция судебно-химических исследований; 2) секция биологических исследований; 3) секция судебно-фотографических исследований; 4) секция идентификации; 5) сывороточное отделение; 6) отделение ботанических исследований; 7) криминалистический музей.

Харьковский институт обслуживает три области—Харьковскую, Донецкую и Днепропетровскую.

В 1936 г. Харьковский институт произвел 1 414 экспертиз. По этим экспертизам были 7 734 объекта исследования. Наибольшее количество дел поступает от органов расследования: 37% от следователей и 32% от милиции.

Большим недостатком в работе института, как и Одесского института, — это медлительность в работе. 68% всех экспертиз—срок исполнения до одного месяца, 33% больше одного месяца. По 140 делам экспертиза велась больше двух месяцев. Такое положение со сроками нормальным назвать нельзя. И правы следователи, когда они заявляют, что институт срывает их работу.

Затем был заслушан отчет лаборатории по научно-следственной работе Прокуратуры Союза ССР. Лаборатория существует с 2 января 1937 г. За два месяца лаборатория кроме работ организационного порядка произвела исследования по требованию следственных органов по 88 уголовным делам. Из этих 88 дел по 7 выполнены поверочные исследования. В 6 случаях лаборатория не согласилась с результатом ранее произведенных исследований и дала более обоснованные новые заключения. Всего было по этим 88 уголовным делам 697 объектов исследования.

По существу лаборатория только приступила к своей работе. В ближайшее время лаборатория развертывает химическое отделение и кабинет по исследованию огнестрельного оружия.

Последним стоял доклад Харьковской прокуратуры об организации учебного кабинета по вопросам следствия при областной прокуратуре. Представленный прокуратурой план организации кабинета был признан неудовлетворительным. Для методической работы по вопросам следствия прокуратура должна иметь свой кабинет, но представленный план ставит своей целью создание криминалистической лаборатории, дублируя во многом существующий в Харькове Институт научно-судебной экспертизы. При наличии в Харькове специального криминалистического института нецелесообразно создавать еще одну криминалистическую лабораторию при прокуратуре, которая ясно и по оборудованию и по полноте освещения вопросов будет уступать институту. Прокуратура должна организовать методический кабинет по вопросам следствия, привлекая к этой работе квалифицированных работников Харьковского института.

Подводя итоги развернувшимся по докладам прениям, Прокурор Союза ССР т. Вышинский указал, что работа, которая проводится институтами по криминалистическим экспертизам,—большая и полезная работа. В работе этих институтов кровно заинтересована прокуратура, ибо они в основном обслуживают органы следствия и прокуратуры. Не решая вопроса, где должны находиться институты экспертизы—в ведении Наркомата юстиции Союза ССР или Прокуратуры Союза ССР, органы прокуратуры будут всегда поддерживать институты экспертизы как нужные и весьма полезные учреждения. Вместе с этим т. Вышинский указал, что в работе институтов имеются существенные изъяны. Прежде всего это относится к тому, что зачастую институты занимаются не своим делом, в погоне за популярностью забывают свое основное назначение как экспертных учреждений. Тов. Вышинский подробно остановился на печатной продукции Белорусского института научно-судебной экспертизы, указав, что, занявшись не своим делом, институт допустил грубейшие политические ошибки (работа о контрреволюционных преступлениях... работа профессора Червякова «Слуцкие мумии»).

Необходимо проявить больше заботы о материальном положении как самих институтов, так и их работников, чем это делалось до сих пор. И эту заботу должны проявить не только органы юстиции, но и органы Прокуратуры. Необходимо добиться в законодательном порядке увеличения заработной платы для работников института, приравняв их по служебному положению к судебным и прокурорским работникам.

В Прокуратуре Союза ССР

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ КОЛХОЗОВ

Прокурор Западносибирского края т. Барков обратился в Прокуратуру Союза ССР с запросом, вправе ли рики и сельсоветы налагать дисциплинарные взыскания на председателей колхозов.

Тов. Барков ссылался при этом на то, что, согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1932 г., дисциплинарные взыскания могут налагаться не только теми органами, от которых зависит избрание или назначение данного лица, но и вышестоящими органами. Так как после ликвидации колхозных объединений все оперативно-производственное руководство колхозами перешло в ведение райземотделов соответствующих риков, то последние и являются по отношению к колхозам теми «вышестоящими органами», которым предоставлено право налагать дисциплинарные взыскания на работников колхозов.

Прокуратура Союза по этому вопросу дала следующее разъяснение.

Рики в отношении колхозов не являются «вышестоящими, в порядке подчиненности, органами», о которых говорит «Положение о дисциплинарной ответственности в порядке подчинения», и потому не могут налагать на председателей и членов правлений колхозов никаких дисциплинарных взысканий (в частности, не могут отстранять их от работы). За свои действия по должности председатели колхозов отвечают перед общим собранием колхозников, избравших их, а также несут уголовную и гражданскую ответственность в общем порядке, установленном для всех граждан и должностных лиц государственных, кооперативных и общественных организаций.

В связи с тем, что т. Барков в своем запросе ссылался на практику своего края, где дисциплинарные взыскания на председателей колхозов налагали рики, Прокуратура Союза предложила т. Баркову немедленно добиться изменения этой практики путем опротестования незаконных постановлений риков.

О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ЗА ПРОГУЛ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ ДЕЛА КОЛХОЗНИКА

В прокуратуру Казахской республики поступила жалоба двух колхозников: Мурзалиева и Досумбетова. Эти колхозники по подозрению в совершенном ими преступлении содержались некоторое время под стражей, а затем их дело было прокуратурой прекращено. Жалобщики просили привлечь к ответственности лиц, по вине которых они содержались под стражей, и взыскать с колхоза вознаграждение за время их ареста.

Прокуратура Казахской республики обратилась в Прокуратуру Союза ССР с вопросом, вправе ли потерпевшие в подобных случаях взыскивать вознаграждение за вынужденный прогул с колхоза.

По этому вопросу Прокуратура Союза ССР дала следующее разъяснение.

Если указанные граждане содержались под стражей незаконно или уголовное преследование против них было возбуждено заведомо и злонамеренно неправильно, или если при ведении следствия по халатности работников следственных органов было допущено нарушение установленных законом сроков следствия, виновные в этом должны быть привлечены к ответственности, причем с лиц, признанных виновными в незаконном содержании под стражей, колхозник вправе взыскивать в судебном порядке путем предъявления гражданского иска вознаграждение за вынужденный прогул, связанный с арестом. В таком случае прокуратура обязана оказывать пострадавшим свое содействие в удовлетворении их иска.

О НАДЗОРЕ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЮРИСКОНСУЛЬТОВ

Прокурор УССР поставил перед Прокуратурой Союза ССР вопрос о том, в каком порядке должен осуществляться надзор прокуратуры за юрисконсультами при учреждениях.

По этому вопросу Прокурор Союза ССР дал следующее разъяснение:

«Формы деятельности юрисконсультов при учреждениях, их правовое положение, объем их прав и обязанностей и т. д. будут тщательно разработаны в готовящемся проекте положения о юрисконсультах. Прокуратура не осуществляет в отношении юрисконсультов какого-то особого надзора, выходящего за рамки обычного общего надзора за деятельностью учреждений и должностных лиц и протекающего в каких-то особых организационных формах. Надо решительно отвергнуть мысль, что юрисконсульт является лицом, в какой-то мере непосредственно подконтрольным и подчиненным прокурору (как это имеет место, например, в отношениях между прокурором и следователем), что юрисконсульт должен обращаться к прокурору за получением указаний по своей работе, что прежде чем, например, визировать тот или иной ведомственный циркуляр или договор, он должен получить от прокурора санкцию и т. п. Такая форма взаимоотношений между прокуратурой и юрисконсультами не предусмотрена законами. Она могла бы привести к обезличению самих юрисконсультов и снижению их ответственности за правильность и законность даваемых ими заключений, договоров, составляемых при их участии, и т. д. С другой стороны, такая практика исказила бы существо прокурорского надзора, подменив надзор за деятельностью учреждений элементами администрирования в отношении этих учреждений.

Прокуратура должна осуществлять надзор за законностью действий юрисконсультов в той же мере и в таких же формах, в каких она осуществляет надзор за законностью действий всяких других должностных лиц. Организуемые же в некоторых краях и областях при прокурорах совещания юрисконсультов могут быть использованы лишь как один из источников информационного осведомления прокуратуры о случаях нарушения законности

в представляемых юрисконсультами учреждениях и организациях, но ни в коем случае не должны превращаться в органы руководства деятельностью юрисконсультов, снимающие или снижающие непосредственную ответственность юрисконсультов за их должностную работу и подменяющие собою руководство юрисконсультами их ведомственного начальства».

О ПРАВЕ ПРОКУРОРА, ДАВАВШЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЕ В КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ, ОТКАЗЫВАТЬ В ПЕРЕСМОТРЕ ДЕЛА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

И. о. прокурора РСФСР т. Нюрина поставила перед Прокурором Союза ССР вопрос о том, вправе ли прокурор принимать к своему рассмотрению жалобу осужденного, поданную в порядке надзора, если прокурор участвовал в деле в первой или кассационной инстанциях и давал в этом последнем случае заключение об оставлении кассационной жалобы без последствий.

По этому вопросу Прокуратура Союза дала следующее разъяснение:

Подаваемые осужденными жалобы на неправильные определения кассационных судебных инстанций, именуемые обычно жалобами, подаваемыми в порядке надзора, могут быть приняты и рассмотрены по существу также и прокурором, участвовавшим в рассмотрении данного дела в первой или кассационной инстанции, если эти жалобы не содержат в себе указаний на неправильные или незаконные действия этого прокурора.

Прокурор, уже дававший по этому делу в кассационной инстанции отрицательное для осужденного заключение, может удовлетворить просьбу осужденного, заявленную в порядке надзора, или отказать в зависимости от приведенных в жалобе мотивов или указанных в ней обстоятельств. Поэтому участие данного прокурора в рассмотрении дела в первой или кассационной инстанции не может само по себе служить основанием для передачи рассмотрения надзорной жалобы другому прокурору. Само собой разумеется, что все это не относится к тем случаям, когда в жалобе идет речь о каких-либо незаконных действиях самого прокурора, участвовавшего в первой инстанции или дававшего заключение в кассационной инстанции. Такого рода жалобы, естественно, должны рассматриваться только вышестоящим прокурором.

МОЖЕТ ЛИ РАЙОННЫЙ ПРОКУРОР БЫТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ РАЙСОВЕТА ОСОАВИАХИМА?

Центральный совет Осоавиахима запросил Прокуратуру Союза ССР, имеются ли какие-либо препятствия к тому, чтобы районный прокурор совмещал свою работу с председательствованием в районном совете Осоавиахима.

По этому вопросу Прокурор Союза ССР дал следующее разъяснение:

Имея в виду, что одновременное исполнение обязанностей председателя районного отделения Осоавиахима, как и председателей других общественных организаций, и обязанностей районного прокурора одного и того же района несовместимо с функциями прокурора по надзору за законностью действий различного рода учреждений и должностных лиц, совмещение этих должностей в соответствии с действующим по этому вопросу законодательством надо считать нецелесообразным и недопустимым.

Беседа с председателями ревкомиссий колхозов в Прокуратуре Союза

10 марта 1937 г. в Прокуратуре Союза состоялась беседа Прокурора Союза т. Вышинского А. Я. с колхозниками — председателями ревкомиссий колхозов.

Председатель ревизионной комиссии колхоза «Красный партизан» Азово-Черноморского края т. Бамбиндра, состоящий членом группы содействия прокуратуре, рассказал:

Я работаю в колхозе «Красный партизан» с самого начала. Являюсь организатором этого колхоза. Организовал я наш колхоз в 1928 г. Тогда этот колхоз насчитывал всего 8 человек. С 1930 г. я начал вести ответственную работу по ревкомиссии, а также работу селькора. С 1933 г. я работаю в группе содействия прокуратуре и через посредство газеты «За ревзаконность» немало мне пришлось провести в жизнь того, что я получил от нее. Первое мое выступление в газете было о Форштадском сельсовете,—развалилась работа избы-читальни и расхитили книги. Я написал в Армавирскую районную газету, подождал некоторое время, смотрю, ничего не получается. Написал в «Крестьянскую газету». Она мой материал передала в Наркомпрос т. Бубнову. Тов. Бубнов командировал из Москвы т. Легастаева, который на месте все проверил. Районо передало дело в суд, суд присудил снять с работы председателя сельсовета. После этого суда я получил от т. Бубнова почетную грамоту и 300 рублей премии. Это было мое первое выступление по оказании помощи селу. Дальше я связался с районной прокуратурой. Я за 1936 г. дал прокуратуре 260 сигналов. Ответ получил на все сигналы.

Тов. Вышинский: На все 260?

Тов. Бамбиндра: На все 260. Я знал, куда направлен тот или иной мой сигнал. По моему сигналу были предаты суду председатель сельсовета Савченко и секретарь сельсовета Машталеров за то, что они допустили продажу усадебной земли в колхозе.

Тов. Вышинский: Вам по одному вашему сигналу вот что ответил прокурор... «На сигнал о колосовых сообщено Армавирскому райзо для принятия мер». А меры были приняты?

Тов. Бамбиндра: Я после этой заметки обратился в райзо. Зав. райзо ответил прокурору, что все хорошо, все в порядке...

Тов. Вышинский: А на самом деле?

Тов. Бамбиндра: На самом деле было плохо.

Попутно с этим вскрылось, что армавирский прокурор получаемые им акты или другие сигналы от активистов о непорядках в колхозе бюрократически переотправляет их в райзо и извещает об этом активиста. Вместо

живой связи с членами группы содействия он недостаточно руководит работой с активистами и, в частности, разослал им инструкцию, ни разу за весь 1936 г. не созвав этих членов.

Тов. Бамбиндра привел такие факты, когда по его сигналам вскрывали серьезные преступления, за которые людей привлекали к ответственности и осуждали; в других случаях бюрократов снимали с работы.

У нас был такой случай, — заявил т. Бамбиндра,—завхоз собрал деньги за облигации. Деньги эти он прикарманил и облигаций не выдал.

Тов. Вышинский: На какую сумму?

Тов. Бамбиндра: На 181 рубль.

Тов. Вышинский: Что с ним сделали?

Тов. Бамбиндра: Дали год принудительных работ.

Тов. Вышинский: А с работы его сняли?

Тов. Бамбиндра: Сняли.

Тов. Вышинский: А деньги он уплатил?

Тов. Бамбиндра: Мы на эти деньги купили облигации и роздали их колхозникам.

В июле месяце я был вызван прокурором РСФСР в Москву и получил 7 книг законов, так в кое-каких я разбираюсь, чего я не понимаю, я обращаюсь за советом в прокуратуру. За мою работу краевая прокуратура премировала меня патефоном. Когда бывает собрание в колхозе, я прихожу со своим патефоном.

Другие участники беседы тоже рассказали о своей работе в ревизионных комиссиях и привели примеры скверной работы милиции по расследованию вскрываемых ими в колхозах злоупотреблений. Они жаловались на волокиту с колхозными жалобами и постановлениями ревизионных комиссий о привлечении к уголовной ответственности виновных со стороны милиции. За расследованием этих дел в милиции прокуроры слабо наблюдают, поэтому эти расследования часто затягиваются, а в некоторых случаях имеет место волокита по году и больше.

Тов. Торжинский из колхоза «Путь к социализму» Греческого района Азово-Черноморского края пожаловался, что их сельсовет замял вопрос о борьбе с потерями в колхозе и совсем не реагировал на специально присланные об этом акты. Ревкомиссия обратилась к прокурору и оттуда не получила никакого ответа. В январе 1936 г. в колхозе была совершена родственником председателя колхоза Грецким кража вина. Несмотря на настойчивые требования т. Торжинского отдать Грецкого под суд, созванное председателем колхоза «втихую» правление без участия т. Торжинского ограничилось тем, что вынесло ему выговор. В дело вмешались комсомольцы и передали дело прокурору. Но с тех пор и от прокурора ничего о деле не слышно.

Во время беседы вскрылось, что этот председатель колхоза «рекомендован» и прислан районными организациями. Общее собрание колхоза его приняло при молчаливом согласии колхозников «единогласно». Тов. Торжинский характеризовал этого председателя колхоза (т. Бевс) как зажимщика самокритики и самодура, который не терпит никакого контроля над собой.

Безобразные факты разложения и развала колхоза привел т. Тырнов. У них в колхозе председателем колхоза состоит присланный районными организациями некто Лепехин, пьяница, растратчик, трижды присваивавший и проматывавший колхозные деньги. Лепехин к тому же и подделывал документы в колхозе. Под таким руководством колхоз стал последним в районе. К весеннему севу колхоз совсем не готов, и, так как ревизионная комиссия дожидается годового отчета за 1936 г., а председатель колхоза беспечно продолжает пьянствовать, хранящиеся в незапертых амбарах семена находятся под угрозой.

Одного из ставленников этого председателя—бригадира, хотя и с опозданием, все же осудили к полутора годам лишения свободы за систематические избиения колхозниц, нарушение Устава с.-х. артели и большие потери зерна. Вследствие слабости и беспомощности ревкомиссия этого колхоза своих основных функций хорошо не знает. Местным органам власти все это известно, но пока мер никаких не принято.

Председатель ревкомиссии колхоза Ростовского района Ярославской области т. Баринов поделился волнующими колхозников его колхоза вопросами и просил у т. Вышинского помощи в разрешении их.

«У нас колхозники волнуются, — рассказал он,—что районные организации установили в некоторых колхозах гарантированный минимум оплаты труда председателям колхозов — 1 руб. деньгами и килограмм хлеба за трудодень. Колхозники говорят, что в Уставе с.-х. артели этого нет. Им идет полтора трудодня за день. Так определил район. В колхозе на трудодень колхозникам пришлось 66 коп., а председателю колхоза надо платить по рублю. Колхозники хотят выбрать Петрова или Иванова, который не возражает работать председателем колхоза, чтобы получать наравне со всеми, как говорит Устав с.-х. артели».

Тов. Некрасов из колхоза Пугачевского района Саратовской области рассказал, что районные организации у них также приравняли по оплате председателей колхозов к трактористам, то есть установили им по 2 р. 50 к. деньгами и 3 кг хлеба независимо от урожая, благодаря чему в некоторых маломощных колхозах пришлось полностью выполнить только одному председателю колхоза, а остальные колхозники получили всего по несколько грамм.

Заканчивая беседу, т. Вышинский разъяснил задачи ревизионных комиссий в колхозах и необходимость их тесной увязки в своей практической работе с печатью и органами прокуратуры на местах, обещая со своей стороны полную поддержку.

С. Б.

Право-процесс-судоустройство в капиталистических странах

Судоустройство и уголовное законодательство Чехословакии

Чехословакия является буржуазно-демократическим государством, возникшим в результате поражения и распада австро-венгерской монархии в мировой войне. Из всех образовавшихся на территории австро-венгерской монархии государств Чехословакия является самой богатой наследницей. 70% предприятий хорошо развитой промышленности распавшейся монархии, сравнительно высокое развитие сельского хозяйства в так называемых «исторических землях» (Богемия, Моравия и Силезия) преобладают над промышленной и сельскохозяйственной отсталостью двух других областей (Словакия и Закарпатская Украина). Эти различия в двух частях нового государства унаследованы от австро-венгерской монархии, где они в свое время предопределили различный характер судоустройства и уголовного законодательства. Специфические особенности классовой борьбы в обеих частях Чехословакии явились базой для того, чтобы новое буржуазно-демократическое государство — Чехословакия — сохранило законодательство австро-венгерской монархии с его различиями в так называемых «исторических землях» и в двух других областях.

Чехословакия со всех четырех сторон окружена фашистскими странами. Гитлеровская Германия ведет нескрываемую агрессивную политику против Чехословакии, стремясь при поддержке своей агентуры внутри Чехословакии уничтожить ее независимость и самостоятельность и обратить ее в германскую провинцию.

Большинство чехословацкой буржуазии поняло, какую опасность таит в себе гитлеровский фашизм для самого существования Чехословакии как независимого государства и взяло курс на поддержку политики мира, которую ведет Советский союз, единственный последовательно борющийся за укрепление мира. Изменение правительственной политики под давлением антифашистски настроенных широких трудящихся масс помогло Чехословакии установить нормальные взаимоотношения с СССР и заключить с Советским союзом договор о взаимной помощи. Проводимая правительством Чехословакии политика сегодняшнего дня позволяет отнести Чехословакию к тем странам, в которых «и все даже урезанные буржуазные свободы и даже ограниченные демократические права рабочие и другие трудящиеся слои научились использовать в своих интересах для политического просвещения масс, для нужной подготовки сил к предстоящим боям» [1].

Судебная система Чехословакии

Следуя теории Монтескье о разделении властей, чехословацкая конституция фиксирует в ст. 1, что конституционная хартия определяет те органы, через посредство которых «суверенный народ издает для себя законы, исполняет их и творит суд». Этот же принцип выражен также и в ст. 96 «во всех инстанциях суд отделен от управления». «Судебная власть осуществляется только государственными судами, устройство которых, подсудность и правила судопроизводства определяются законами» (ст. 94). В ст. 98 указывается: «Судьи независимы при исполнении своих обязанностей; они связаны только законом».

Организация уголовного суда, помимо конституции 1920 г., определяется законом 1867 г. (для Богемии, Моравии и Силезии), законом 1877 г. (для Словакии и Закарпатской Украины) и рядом дополнительных законов Чехословацкой республики. Суды в Чехословакии делятся на общие, специальные и исключительные. Общими являются: суд участковый, суд краевой, суд с участием присяжных заседателей, суд высший и суд верховный. К специальным судам относятся военные суды, суды по делам о печати, суды по делам о несовершеннолетних. К исключительным судам относятся государственный суд и полевые суды. Судебная система организована по принципу иерархии. В административном отношении все суды подчинены министру юстиции, а каждый суд — своему председателю. Прямой надзор за нижестоящим судом осуществляет суд вышестоящий. Высший надзор за судами и судьями принадлежит министру юстиции, который осуществляет его непосредственно или через уполномоченных (инспекторов). Верховному суду тоже принадлежит право высшего надзора за судами и судьями, но верховный суд вправе только предоставить на усмотрение министра юстиции свои замечания и предложения по поводу отмеченного (ст. 13 положения о верховном суде).

О порядке назначения судей общие указания даны в конституции. В ст. 97 указывается, что условия, предъявляемые к кандидатам на судейские должности, устанавливаются законом. Этим законом явился закон бывшей австро-венгерской монархии от 27 октября 1896 г. об организации судов. К нему была издана инструкция чехословацким министерством юстиции 23 июля 1924 г. Судьи назначаются президентом республики — в Чехии, Моравии и Силезии, министром по делам Словакии — в Словакии и губернатором — в Закарпатской Украине. Кандидат на судейскую должность должен обладать: чехословацким подданством, несудимостью уголовной и политической, достижением 24-летнего возраста, знанием чехословацкого языка, законченным в Чехословакии юридическим образованием, наличием трехлетнего стажа работы в чехословацких судах и сдачей специальных испытаний. Судьями могут быть только мужчины. Должностные судьи назначаются пожизненно (ст. 99 конституции), они не могут без их на то согласия отрешаться от должно-

[1] В. М. Молотов, Речь на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов.

сти или увольняться в отставку за исключением случаев реорганизации судебного дела или по постановлению дисциплинарного суда.

Низшей судебной ячейкой является участковый суд, который организован в виде суда единоличного. Участковый суд рассматривает дела о нарушениях и производит дознания по этим же делам. Кроме того, на участковые суды может быть возложено производство дознания по делам о преступлениях и проступках.

Краевой суд организован в городах: Праге, Брно и Опаве в виде суда единоличного и суда коллегиального. В качестве суда единоличного краевой суд действует либо в порядке производства предварительного следствия, либо в том случае, когда прокуратура в обвинительном акте предлагает определить меру наказания в виде лишения свободы на срок не свыше 6 месяцев или денежный штраф (законы 1921, 1929 и 1931 гг.). Последнее может иметь место только при условии, если никто из обвиняемых или их защитников не представил возражений. В качестве суда коллегиального краевой суд выделяет из своего состава совещательную камеру в количестве трех судей (ст. 12 УПК), которая осуществляет контроль над призводством предварительного следствия и выполняет предание суду. В качестве суда первой инстанции краевой суд в специально выделенных присутствиях рассматривает дела о преступлениях и проступках, подсудные краевому суду. По правилу присутствие состоит из трех должностных судей. В виде исключения установлено законом 1920 г. присутствие из 6 судей по делам, подсудным суду присяжных, но переданным в изъятие из суда присяжных в краевой суд. Последующие законы 1925, 1929 и 1931 гг. сохранили по этим делам присутствие из 6 должностных судей. В качестве суда 2-й инстанции (апелляционной) краевой суд рассматривает в присутствии из 3 должностных судей дела по апелляционным жалобам на приговоры участковых судов.

Суды присяжных предусмотрены чехословацкой конституцией (ст. 95 п. 3), в которой указывается, что действия и правомочия суда присяжных определяются особым законом. Этими особыми законами являются ст. 11 австрийского основного закона 1867 г., ст. 6 вводного к УПК закона 1873 г., сохранившие силу в Чехословакии на основании республиканских законов 1918 и 1919 гг. К ним впоследствии был издан ряд изменений и дополнений (закон о защите республики 1923 г., о нарушениях правил о печати 1924 г.). Деятельность суда присяжных ограничена. В областях с преобладающим населением из нацменьшинств (Словакия и Закарпатская Украина) деятельность суда присяжных из-за роста революционных выступлений сельского пролетариата и крестьянства была урезана специальными законами 8 января 1922 г. и 12 декабря 1923 г. по сравнению с теми пределами, в которых должна протекать деятельность суда присяжных в остальной части Чехословакии. Законом 15 марта 1920 г. была установлена воможность прекращать деятельность суда присяжных на срок до одного года в тех случаях, когда наступают обстоятельства, которые вызывают опасения, что присяжные заседатели не смогут выполнять свои обязанности «объективно и независимо». По истечении годичного срока приостановление может быть продолжено снова на один год, причем количество повторений законом не ограничено. На время приостановления деятельности суда присяжных подсудные последнему дела передаются в краевой суд.

По рецепированным Чехословацкой республикой законам бывшей австро-венгерской монархии 1867 и 1873 гг. суду присяжных подсудны дела о преступлениях и проступках, совершенных в печати, о так называемых «политических» преступлениях или проступках, о преступлениях, угрожающих тяжким наказанием. Однако последующее республиканское законодательство изъяло из подсудности суду присяжных дела о преступлениях и проступках, совершенных в нарушение закона 19 марта 1923 г., о посягательствах на честь, совершенных в печати. Дела о несовершеннолетних вовсе изъяты из подсудности суду присяжных. Суд присяжных организуется в городе, где находится краевой суд, и состоит из 3 должностных судей и 12 присяжных заседателей. Право быть присяжным заседателем определяется законом б. австро-венгерской монархии 1873 г., сохранившим силу в Чехословацкой республике, и дополнительным к нему законом 1919 г. На основании этих законов право быть присяжным заседателем предоставляется мужчинам и женщинам при наличии следующих условий: достижение 35-летнего возраста, умение читать и писать, чехословацкое подданство, проживание в течение одного года в данном округе. Не могут быть присяжными заседателями: душевнобольные или страдающие физическими недостатками, препятствующими исполнению обязанностей присяжных заседателей, лишенные гражданских прав, состоящие под следствием и судом или осужденные за преступления, совершенные по низменным и бесчестным побуждениям, живущие на чужие средства (получающие пособие). Не подлежат включению в списки присяжных заседателей лица, деятельность которых вызывает сомнения в их независимости (состоящие на государственной или военной службе, духовенство). Могут быть в данном году не включены в списки присяжных заседателей: лица, достигшие 60-летнего возраста, женщины, за исключением процентной нормы для данной местности, члены законодательных собраний, главы органов местного самоуправления, профессора, учителя, врачи в случае представления доказательств, что несение обязанностей присяжных заседателей препятствует выполнению ими своих профессиональных обязанностей, состоящие в списках уголовных защитников лица. В список присяжных заседателей на данный год может быть включено женщин не более одной трети общего числа заседателей. Приведенные данные позволяют сделать следующий вывод: всеобщего участия населения в суде присяжных в Чехословакии не существует.

Высший суд организован в Праге для Чехии, в Брно — для Моравии и Силезии, в Братиславе — для Словакии и в Кошице — для Закарпатской Украины и состоит из должностных судей, заседающих в специальных присутствиях из трех членов. Высший суд

рассматривает дела по возражениям на обвинительный акт (ст. 210 УПК), по жалобам на постановления совещательной камеры, по апелляционным жалобам на приговоры краевых судов и судов присяжных (ст.ст. 283 и 427 УПК). Он же осуществляет на территории своего округа общий надзор за правосудием и судебными местами (ст. 74 п. о с. и ст. 15 УПК).

Верховный суд является единым для всей Чехословакии и находится в Брно. Верховный суд выполняет функции кассационного суда и рассматривает дела в присутствиях, состоящих из 5 должностных судей. Ему подсудны дела по кассационным жалобам на приговоры краевых судов и судов присяжных, по жалобам на приговоры государственных судов (см. далее), по жалобам на отдельные нарушения законов (ст. 133 УПК), о возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Верховному суду принадлежит также общий надзор за осуществлением правосудия всеми судебными учреждениями.

Возможность организации военных судов предусмотрена конституцией (ст. 95 п. 1 и 4), в которой указывается на наличие судебной власти военно-уголовных судов, действующих по особому закону, с распространением юрисдикции военных судов на гражданское население только во время войны. Самая организация военных судов определялась б. австрийским законом и б. австрийским военным УПК от 5 июля 1912 г. В австро-венгерской монархии суды эти (ст.ст. 10—18 УПК) являлись одновременно как судами военными, в узком смысле этого слова, так и судами для защиты государства. Эта вторая функция военных судов была парализована законом Чехословацкой республики от 2 сентября 1918 г., а закон 1912 г. был заменен воинским законом республики от 19 марта 1920 г. с последующими изменениями 1927 г. Устанавливая две инстанции (суды дивизионные и корпусные в качестве первой инстанции и кассационный суд в лице главного военного суда), закон 19 марта 1920 г. ввел подсудность военным судам в соответствии со ст. 95 конституции. По этому закону военным судам подсудны дела призванных в армию или находящихся на действительной военной службе или в запасе армии по обвинению их в воинских преступлениях, дела лиц из гражданского населения по обвинению в воинской измене, в незаконной вербовке солдат, в соучастии и пособничестве в воинских преступлениях и в призывах к неповиновению или неисполнению приказов и предписаний воинского закона 1920 г. В отношении лиц из гражданского населения, помимо общих правил подсудности военным судам, требуется специальное распоряжение министра юстиции о передаче дела в военный суд.

Единые для всей Чехословакии суды по делам о несовершеннолетних организованы только в 1931 г. после издания закона 11 марта 1931 г. По этому закону на территории всей Чехословакии организованы суды по делам о несовершеннолетних при краевых судах и участковые суды по делам о несовершеннолетних. Суд по делам о несовершеннолетних при краевом суде состоит из трехчленного присутствия. Оно составляется из двух должностных судей и одного заседателя. Заседатели назначаются на 4 года из лиц, имеющих право быть присяжными заседателями и обладающих педагогически-воспитательными знаниями и опытом. При подсудности дел о несовершеннолетних по предметному признаку суду присяжных дела эти рассматривает вместо суда присяжных присутствие краевого суда из 4 членов (двое должностных судей и двое заседателей). Участковый суд выделяет одного из должностных судей в качестве судьи по делам о несовершеннолетних. В здании краевого и участкового суда должно быть выделено специальное изолированное помещение для суда по делам о несовершеннолетних.

Суды по делам о печати организуются при краевых судах и состоят из 5 лиц (три члена присутствия являются должностными судьями из числа членов краевого суда, а два являются шеффенами). В число шеффенов включаются лица с соблюдением закона 5 мая 1919 г. о присяжных заседателях и следующих исключений: шеффен должен достигнуть не 35, а 45-летнего возраста; срок его проживания в данной местности должен быть не один, а два года. Должностные судьи и шеффены составляют единое присутствие, разрешая вопросы совместно, причем шеффены голосуют ранее должностных судей.

Организация исключительных судов для уголовного судопроизводства предусмотрена п. 3 ст. 94 конституции. Исключительными судами в Чехословакии являются государственный суд и суды полевые. Государственный суд был учрежден 19 марта 1923 г. одновременно с изданием исключительного закона о защите республики и должен был явиться тем инструментом, при помощи которого будет осуществляться в исключительном порядке карательная политика защиты интересов чехословацкой буржуазии. Первоначально на территории всей Чехословацкой республики был организован единый государственный суд в месте пребывания верховного суда в Брно. Он состоял из 3 должностных судей и 3 заседателей. Подсудность государственному суду вытекает из ст. 36 закона о защите республики (посягательство на республику, измена, посягательство на жизнь и здоровье президента республики и лиц высшей администрации). Деятельность государственного суда в изложенной выше структуре вызвала большую дискуссию среди чехословацких правоведов. Трудящиеся массы и вся передовая общественность Чехословакии высказывали крайнее неудовлетворение деятельностью этого суда, ссылаясь на процесс 1933 г. по обвинению чехословацких фашистов, организовавших под руководством колчаковского подручного генерала Гайда военный путч в Брно. Приговор по этому делу был смехотворно мягким и удовлетворил только фашистские круги, одновременно вызвав возмущение всех честных граждан. Правительство вынуждено было искать пути к реорганизации государственного суда. Официальными мотивами этих поисков служили препятствия в деятельности государственного суда (трудность укомплектования необходимым составом заседателей и неупорядоченность обжалования приговора). В результате последовал закон 19 апреля 1935 г., который содержит в себе в основном следую-

щие изменения: вместо единого государственного суда учреждаются во всех 4 высших судах Чехословакии специальные присутствия на правах государственного суда. Судебное присутствие состоит из 5 должностных судей, причем никто из членов верховного суда не может состоять членом этого присутствия. Расширена подсудность. Приговоры названных судов обжалуются на общих с краевыми судами основаниях. Кассационной инстанцией является верховный суд. Таким образом в новом законе имеются: отказ от мысли учредить единый для всей Чехословакии государственный суд, отказ от привлечения к участию в государственном суде заседателей, отказ от укомплектования должностного состава государственного суда членами верховного суда, отказ от специальной подсудности и отказ от факультативного права обжалования. Попутно государственные суды должны заменить суды с участием присяжных заседателей, о чем в новом законе сказано в следующих выражениях: «там, где речь идет об особенно важных государственных интересах, у суда присяжных недостает исчерпывающего представления о защите интересов республики» [1].

Полевые суды организуются на основании закона 14 апреля 1920 г. об исключительных постановлениях и дополнительного к нему закона 23 мая 1922 г. Оба эти закона разрешают отменять провозглашенные ст. ст. 107, 112, 113 и 116 конституции гарантии свободы личности в случаях войны или когда «внутри государства возникнут обстоятельства, которые в повышенной мере угрожают независимости, конституционному единству, демократически-республиканской форме или безопасности Чехословацкой республики». Полевой суд состоит из присутствия в количестве 4 должностных судей, не входящих в постоянный состав краевого суда. Назначение производится по свободному усмотрению председателя краевого суда, который всегда может подобрать таких судей, в которых правительство и высшая судебная иерархия заранее видят услужливых исполнителей исключительных законов. Подсудность полевым судам весьма широка и содержит в себе не только так называемые «политические» преступления, но и бытовые. Срок действия законов о полевых судах был первоначально ограничен 31 декабря 1930 г., но дальнейшими постановлениями был продолжен до 1 марта 1937 г. Непрерывно на протяжении 15 лет чехословацкое правительство располагает орудием, фактически отменяющим конституционные гарантии. Для организации полевого суда необходимо распоряжение президента области по соглашению с председателем высшего суда и прокурором при высшем суде.

Организация прокуратуры. Общими для всей Чехословакии принципами организации прокуратуры являются: подчиненность, единство и заменимость. Во главе прокуратуры находится генеральный прокурор, который является заместителем министра юстиции. Министру юстиции принадлежит право служебного надзора за прокуратурой (ст. 74 п. о с.).

Предметная и территориальная подведомственность прокуратуры должна соответствовать предметной и территориальной подсудности судов, при которых прокуратура учреждена. На прокуратуре лежит обязанность поддерживать законность. Французский принцип, что прокурор является стражем закона, разделяется чехословацким законодательством частично. Это подтверждается следующим: прокурору надлежит наблюдать за тем, чтобы в процессе не были допущены неправильности и затяжки рассмотрения (ст. 34 УПК). Прокурору надлежит использовать все средства к установлению материальной истины, прокурору предоставляется право обжалования в интересах обвиняемого. Положение генерального прокурора является особым. Генеральный прокурор не является ни жалобщиком от имени государства, ни стороной в процессе, он — страж закона, который вправе обжаловать любые постановления, решения и приговоры в интересах защиты закона (ст.ст. 33 и 292 УПК) и добиваться, чтобы верховный суд признал, что нарушение закона имело место. Порядок назначения и увольнения прокуроров тот же, что и судей.

Уголовное материальное законодательство

В Богемии, Моравии и Силезии действует австрийский уголовный кодекс 1852 г., а в Словакии и Закарпатской Украине — венгерский уголовный кодекс 1878 г. Оба эти кодекса законами 1918 и 1919 гг. рецепированы Чехословацкой республикой. Бывший австрийский УК 1852 г. состоит из двух книг, содержащих в себе 432 статьи. В первой книге изложены постановления о преступлениях, во второй — постановления о проступках и нарушениях. Бывший венгерский УК 1878 г. состоит из 3 книг, в которых содержится 501 статья. В первой книге изложены постановления общей части УК, во второй книге — постановления особенной части УК и в третьей книге — постановления о нарушениях Особенностями обоих УК являются тщательное разграничение отдельных преступных деяний в диспозициях соответствующих статей УК, защита религии и частной собственности, в особенности земельной собственности. Оба УК разделяют принцип классической школы: «nullum crimen, nulla poena sine lege».

Все преступные деяния в обоих УК делятся на три категории: преступления, проступки и нарушения. От этого деления чехословацкое уголовное законодательство отступило только в законе 1931 г. о несовершеннолетних, преступные деяния которых носят термин «провинность». Деяние вменяется в вину при условии сознания противоправности и вины. УК 1852 г. не разграничивает этих понятий, а УК 1878 г. указывает, что ответственность наступает при наличии «способности определять свободу своей воли». Оба УК делят преступные деяния на умышленные и неосторожные. До 1931 г. недостигшие 10-летнего возраста не подлежали ответственности по УК 1852 г. и недостигшие 12-летнего возраста — по УК 1878 г. Только за тяжкие преступления несовершеннолетние от 10 до 14 лет подлежали уголовной ответственности. Закон 1931 г. внес существеннейшие изменения в вопрос об ответственности несовершеннолетних. В отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, совершивших деяние, за которое

[1] Schmied. Zeitschrift fuer STW № 56/1936, Heft 1, S. 99.

по закону назначается смертная казнь или пожизненное тюремное заключение, суд должен в каждом отдельном случае разрешить вопрос, мог ли несовершеннолетний «по своему поведению надлежаще рассудить, к каким последствиям ведет его деяние» (ст. 2 закона 1931 г.). Оба УК карают покушение как оконченное, так и добровольно оставленное, причем УК 1852 г. рассматривает покушение как акт, сопровождающий выполнение преступления, а УК 1878 г. рассматривает покушение как «начало исполнения».

Наказание построено по теории возмездия. Различаются наказания, поражающие жизнь, свободу, имущественные права и права гражданина. Делятся наказания на основные и дополнительные. Смертная казнь применялась к совершившим тягчайшее преступление (ст. 136 — убийство, ст. 167а — поджог, нарушение закона 1885 г. о хранении взрывчатых веществ и закона 1935 г. о защите против воздушных нападений). По закону 1934 г. смертная казнь во всех случаях подлежит замене лишением свободы; в основу этого закона был положен ранее действовавший только в Словакии и Закарпатской Украине закон, разрешавший суду при смягчающих вину обстоятельствах заменять смертную казнь тяжким тюремным заключением от 15 до 30 лет; в 1934 г. действие этого закона было распространено на всю Чехословакию. Однако в связи с фашистской агрессией в 1936 г. специальным законом восстановлено применение смертной казни по делам о посягательствах на оборону страны. Поражающими свободу наказаниями являются: тяжкое тюремное заключение, содержание в государственной тюрьме, заточение, арест, домашний арест. Тяжкое тюремное заключение может быть назначено от 1 года до 30 лет и отбывается в специальных тюрьмах (по УК 1878 г. от 2 до 15 лет). Тяжкое тюремное заключение сопровождается следующим: «пост», твердое ложе, одиночное заключение, содержание в темной камере. Содержание в государственной тюрьме может быть назначено на срок от 1 до 30 лет по УК 1852 г. и от 5 до 15 лет по УК 1878 г. Оно применяется только к политзаключенным и допускает содержание их в отдельных, не запирающихся днем камерах, пользование собственным платьем, работу по желанию, право питаться за свой собственный счет, пользоваться книгами и письменными принадлежностями, а также иметь регулярное свидание с родными. Заточение отбывается в специальных исправительных тюремных учреждениях на срок от 6 месяцев до 15 лет и сопровождается одиночным заключением и обязательной работой. Арест различается строгий и простой. Строгий арест ничем не отличается от тюремного заключения, за исключением того, что отбывающему арест предоставляется право выбрать себе тот или иной род работы. Срок простого ареста по УК 1852 г. от 24 часов до 6 месяцев. Строгий арест может быть установлен по УК 1852 г. на срок до 3 лет. По УК 1878 г. арест может быть назначен от 3 часов до 2 лет. К числу наказаний, ограничивающих свободу, надо отнести заключение в изоляторы нищих, бродяг и рецидивистов по постановлению полицейских властей 2-й инстанции сроком от 6 месяцев до 5 лет с направлением на штрафные работы. Может быть применена также высылка и ссылка сроком до 3 лет и охранный полицейский надзор на такой же срок. В качестве наказания, обращаемого на имущество, назначаются конфискация и штраф. Максимальным штрафом является штраф до 10.000 чешских крон. При несостоятельности штраф заменяется лишением свободы из расчета 1 день лишения свободы взамен штрафа от 10 до 100 чешских крон по усмотрению суда. Лишение прав может выражаться в лишении имущественных прав, избирательных прав, права состоять на государственной службе, заниматься своей профессией. Наказание избирается по свободному усмотрению суда в пределах карательных санкций, установленных УК. Смягчающими вину обстоятельствами признаются такие, из которых можно сделать вывод, что обвиняемый «подает надежду на исправление». Уменьшенная вменяемость рассматривается как смягчающее вину обстоятельство. Условное осуждение введено на всей территории Чехословацкой республики законом 1919 г., дополненным в 1924 г. Условное осуждение может иметь место при назначении наказания до 1 года лишения свободы. Испытательный срок назначается судом в пределах от 1 до 5 лет. Суд вправе на время испытательного срока поставить осужденного под охранный надзор. Не совершивший в течение испытательного срока нового преступного деяния признается не судившимся. В отношении несовершеннолетних может быть применено условное осуждение и в том случае, если несовершеннолетний уже однажды судился.

Из преступлений, которые наиболее ярко характеризуют социальное отношение в Чехословакии и их классовую природу, мы остановимся на краже. Простая кража карается тюремным заключением от 6 месяцев до 1 года, квалифицированная кража карается тюремным заключением от 1 года до 5 лет. К квалифицированным кражам относятся: похищение имущества свыше 2.000 чешских крон, похищение чужого имущества, совершенное в церкви, или из закрытого помещения, или ночью.

В дополнение или отступление от действующих УК 1852 и 1878 гг. Чехословацкая республика издала ряд отдельных законов. Следует отметить закон 28 июня 1933 г. о защите чести, который различает 4 вида посягательств на честь: оскорбление, сплетни, клевету и угрозу уголовным преследованием. Посягательства на честь признаются нарушениями, а если они совершены в печати, то проступками.

Закон 19 июня 1934 г. дополняет постановление о борьбе со взяточничеством. Новый закон имеет в виду борьбу с коррупцией во всех областях публично-правовой и хозяйственной жизни и карает не только подкуп государственных служащих, но и всех служащих предприятий публично-правового значения.

Особенного интереса заслуживает закон 9 апреля 1935 г. об экономическом шпионаже. Закон вводит новое понятие «хозяйственной тайны». Понятие это содержит в себе признаки, по которым можно различить хозяйственную тайну от иной тайны, и подчеркивает субъективный момент — желание хранящего

тайну разгласить таковую и объективный признак в виде интереса государства в сохранении этой тайны. В связи с этой установкой наказуется не только выдача чужой хозяйственной тайны, но и тайны своего же собственного предприятия. Закон содержит в себе 13 статей, заключенных в 6 разделах. В первом разделе приводятся признаки понятия хозяйственной тайны и перечисляются предприятия, деятельность и характер которых имеют государственное значение (ст. 1). Во втором разделе приводятся признаки экономического шпионажа, караемого по настоящему закону тюремным заключением от 1 г. до 5 лет. Помимо лишения свободы может быть назначено дополнительное наказание в виде денежного штрафа до 500 000 крон. Карается не только умышленная выдача хозяйственной тайны, но и небрежное хранение таковой. Наказанием за последнее является арест от одного месяца или штраф до 50 000 крон.

В связи с непосредственной опасностью военного нападения со стороны гитлеровского фашизма последовал закон 11 апреля 1935 г. о защите против воздушных нападений. Появление над чехословацкой территорией воздушных кораблей, невыполнение летчиками требований чехословацких властей карается по этому закону. Воздушное нападение, сопряженное с причинением смерти чехословацким подданным, карается смертной казнью. Надо отметить также, что в ст. 31 закона указывается на наказуемость не только воздушных нападений, но и попытки бактериологического заражения источников водоснабжения и иных мест общественного пользования.

Стремление унифицировать уголовное законодательство с учетом господствующих в Европе принципов уголовной политики повлекло разработку проекта единого для всей Чехословакии УК. В 1920 г. при министерстве юстиции была образована комиссия из 9 чехословацких ученых, в том числе профессоров Мижичка, Каллаб и Милота. Комиссия эта в 1926 г. представила выработанный ею проект единого УК в национальное собрание. В национальном собрании проект не получил одобрения и вновь возвращен в комиссию для переработки. В настоящее время переработка эта закончена, но точное содержание внесенных в проект единого УК изменений неизвестно, так как новый проект еще не опубликован.

Уголовный процесс

Уголовно-процессуальное законодательство Чехословакии также содержится в двух кодексах. Бывший австрийский УПК 1873 г. и бывший венгерский УПК 1896 г. были оставлены в силе законами 1918 и 1919 гг.

Бывший австрийский УПК содержит в себе 529 статей, изложенных в 27 главах, венгерский УПК содержит 592 статьи, изложенные в 32 главах. Общими для обоих действующих в Чехословакии УПК являются основные принципы уголовного процесса: 1) Принцип официальности, в соответствии с которым судебные органы являются государственными органами, уполномоченными на уголовное преследование в пределах закона. 2) Принцип обвинения, в соответствии с которым и в противовес инквизиционному процессу жалобщику принадлежит право инициативы принести жалобу; обвиняемый является стороной в процессе так же, как и жалобщик (равноправность сторон); принцип обвинения является конституционным принципом (п. 3 ст. 101 конституции). 3) Принцип установления материальной истины, в соответствии с которым нельзя признать обстоятельство доказанным только по той причине, что обвиняемый не смог его опровергнуть суд обязан проверить обстоятельства как обвиняющие, так и оправдывающие обвиняемого (ст. 3 УПК); сознание обвиняемого не освобождает суд от этой обязанности (ст. 206 УПК). 4) Принцип непосредственности и устности, который тоже является конституционным (п. 2 ст. 101 конституции). 5) Принцип свободной оценки доказательств, в соответствии с которым нет никаких предписаний в законе, какие обстоятельства следует считать доказанными: суд сам приходит к этому выводу на основе свободной оценки доказательств (ст.ст. 258 и 326 УПК); по содержанию ст. 258 УПК 1873 г. суд обязан оценивать доказательства в отношении их достоверности как в отдельности, так и во внутренней связи; заявление стороны о том, что какое-либо обстоятельство следует признать доказанным, суд разрешает не на основании специальных предписаний закона, а на основании своего свободного убеждения, вытекающего из тщательной оценки всех обстоятельств, приведенных за и против обвинения. По содержанию ст. 306 УПК 1896 г. суду в несколько иной редакции вменяется в обязанность основываться только на доказательствах, проверенных на судебном следствии после заботливой оценки их как в отдельности, так и в общей связи. Это право свободной оценки доказательств принадлежит не только должностным судьям, но и присяжным заседателям при вынесении ими вердикта. Чехословацкая судебная практика рядом разъяснений верховного суда поддерживает соблюдение этого принципа. Как неоднократно разъяснял верховный суд, исследование доказательств должно быть эмпирическим и проведенным так, чтобы правдоподобность была установлена на высшей ступени. В случаях сомнения оно должно быть истолковано в пользу обвиняемого (р. в. с. 921/1922). 6) Принцип публичности является конституционным (п. 2. ст. 101 конституции). При закрытых дверях могут рассматриваться лишь дела, публичное рассмотрение которых угрожает нравственным устоям или государственному порядку. Специальным законом 1935 г. верховному суду предоставлено право не допускать публичных прений по своему усмотрению. В участковых судах публичное рассмотрение может быть исключено по ходатайству обеих сторон. В кассационном суде рассмотрение происходит при закрытых дверях. Заседания полевых судов должны, как правило, в целях общей превенции происходить при открытых дверях (ст.ст. 440 и 456 УПК). По делам о несовершеннолетних судебное рассмотрение, как правило, должно происходить при закрытых дверях. Предварительное следствие должно происходить при закрытых дверях с правом стороны присутствовать при отдельных следственных действиях за исключением допроса свидетелей (ст. 98 УПК). 7) Принцип участия присяжных заседателей является конституционным (п. 3 ст. 95 конституции),

но с оговоркой, что специальный закон вправе ограничить деятельность суда присяжных.

Деятельность чехословацкого уголовного суда освещается следующей, составленной на основании официальных данных чехословацкой статистики, таблицей[1].

Число осужденных

Годы	В Богемии, Моравии и Силезии	В Словакии и Закарпатской Украине	Всего
1923	175 537	40 909	216 146
1924	170 951	44 148	215 099
1925	172 418	49 000	211 418
1926	179 151	48 387	227 538
1927	181 257	52 956	233 853
1928	181 410	55 021	235 431
1929	191 819	49 252	241 071
1930	192 854	60 253	253 707
1931	187 816	60 860	248 676

Таким образом из 15-миллионного населения Чехословакии проходят через суды ежегодно сотни тысяч людей. Количество осужденных неуклонно растет из года в год. Применение уголовной репрессии в так называемых «исторических землях» и в Словакии и в Закарпатской Украине количественно различно. Если сопоставить количество осужденных в 1923 и в 1931 гг., то в Словакии и Закарпатской Украине количество осужденных увеличилось за это время в 1,5 раза, а в так называемых «исторических землях» на 15%.

Право возбуждения уголовного преследования в интересах публичного обвинения принадлежит прокуратуре, следственному судье, участковому суду и охранной полиции, в интересах частного обвинения — всякому гражданину Чехословакии. Предварительное расследование бывает двух родов: дознание и предварительное следствие. Дознание может быть произведено охранной полицией и судом. Охранная полиция приступает к производству дознания по собственной инициативе или по предложению прокурора. В Словакии и Закарпатской Украине прокурор имеет право сам произвести отдельные действия в порядке дознания, в частности произвести допрос обвиняемого (ст. 83 УПК). Акты дознания, произведенного охранной полицией, должны быть проверены следственным судьей в отношении соблюдения формы и полноты собранных доказательств, после чего могут быть оглашены на судебном следствии. Хотя по закону названные акты дознания не имеют полной доказательной силы (п. 3 ст. 88 УПК), однако судебная практика допускает их в качестве доказательств. Производство предварительного следствия является обязательным, когда речь идет о преступном деянии, подсудном суду с участием присяжных заседателей, или государственному суду, или когда обвиняемый скрылся. Предварительное следствие производится следственным судьей. Прокуратура не вправе производить следственные действия (ст. 97 УПК), но вправе делать представление следственному судье.

Предание суду выполняется в Чехии, Моравии и Силезии совещательной камерой, а в Словакии и Закарпатской Украине — камерой предания суду. Обе эти камеры входят в состав краевого суда. Процесс предания суду начинается с того, что обвинитель (государственный или частный), представляет обвинительный акт (ст. 207 УПК). Копия утвержденного обвинительного акта вручается обвиняемому, которому в течение 8 дней с момента вручения обвинительного акта представляется право подать возражения. Если обвиняемый находится под стражей, то обвинительный акт должен быть ему вручен в течение 24 часов с момента утверждения обвинительного акта. В возражении может быть оспорена обоснованность обвинения. Под необоснованностью обвинения закон имеет в виду все соображения, по которым обвинение могло быть отвергнуто (ст.ст. 211—213 УПК 1873 г. и 257 УПК 1896 г.). Рассмотрение возражений происходит в высшем суде в закрытом судебном заседании. В Чехии, Моравии и Силезии рассмотрение возражений происходит без выслушания обвиняемого или его защитника, но с заслушанием заключения прокурора, а в Словакии и Закарпатской Украине — с выслушанием устных объяснений обвиняемого или его защитника (ст. 261 УПК 1896 г.).

Судебное следствие имеет две стадии: подготовительные действия и непосредственно судебное следствие. В порядке подготовительных действий обвиняемый может быть допрошен председателем суда с участием присяжных заседателей или членов краевого суда в целях выяснить, подтверждает ли обвиняемый свои показания на предварительном следствии или в чем-либо их изменяет (ст. 220 УПК). Допрос должен происходить при участии защитника обвиняемого. В участковых судах по делам о проступках можно приступить к судебному следствию без подготовительных действий при наличии согласия на то обвиняемого и в случаях, когда обвиняемый признал себя виновным и когда сторонами представлены все доказательства по делу. В Словакии и Закарпатской Украине применяется очень серьезное отступление от общего порядка выполнения подготовительных действий: по делам о преступных деяниях, по которым обвиняемому угрожает наказание до 5 лет лишения свободы, или по всем делам, по которым обвиняемый сознался, подготовительные действия могут не производиться по усмотрению суда (ст. ст. 281—284 УПК 1896 г.).

Судебное следствие в краевом суде сопровождается следующим: непосредственное руководство судебным следствием принадлежит председательствующему. Ему же принадлежит дисциплинарная власть против тех, кто недостойным поведением нарушит обязательное уважение к суду (предупреждение, удаление из зала судебного заседания и арест). Предметом судебного следствия является вменяемое по обвинительному акту в вину преступное деяние. Ведущийся протокол судебного заседания служит материалом для производства по жалобам и пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам. В протоколе должны быть зафиксированы все формальные моменты процесса, все ходатайства сторон и определения суда по ним, содержание показаний обвиняемого, свидетелей и экспертов со включением всего, что они высказывают впервые или в чем изменяют свои первона-

[1] Kriminalstatistik. Berlin. 1936. S. 67—68.

чальные показания. Может быть определено, что допросы и речи должны быть записаны стенографически, о чем могут просить и стороны, внеся нужные средства. О совещаниях и голосовании судей ведется особый протокол в совещательной комнате. Протоколы судебного следствия и совещания составляются секретарем и подписываются председательствующим (в полевом суде протокол судебного заседания и совещания подписывается всеми членами суда). Акты предварительного следствия могут быть оглашены на судебном следствии со следующими ограничениями: протоколы допроса сообвиняемых и свидетелей могут быть оглашены только в случаях невозможности допросить их на судебном следствии за смертью, болезнью или неизвестностью местопребывания; протоколы заключения экспертизы могут быть оглашены только в совершенно исключительных случаях и каждый раз только по особому определению суда; могут быть оглашены протоколы всех, кто изменяет или отказывается от своих прежних показаний, причем законный отказ от прежнего показания лишает возможности его оглашения; необходимо согласие обеих сторон на оглашение иных не перечисленных выше актов предварительного следствия. После окончания судебного следствия происходят прения сторон, которые временем не ограничены. Обвинитель обязан изложить свои выводы из проверки доказательств, ходатайство о признании обвиняемого виновным и свое заключение об уголовных последствиях в соответствии с законом, но о мере наказания обвинитель говорить не вправе (ст. 255 УПК).

В суде присяжные заседатели участвуют в проверке доказательств на одинаковых правах с должностными судьями. Между проверкой доказательств и прениями сторон имеет место постановка вопроса присяжным заседателям. Вопросы должны быть проредактированы так, чтобы на них можно было ответить, да или нет (ст. 123 УПК). По оформлении вопросов присяжным заседателям стороны дают свои объяснения. После объяснения сторон председатель делает свои разъяснения присяжным заседателям, которые состоят из двух частей: резюме (исторической части), обстоятельств дела, обзора материалов судебного следствия без высказывания своего личного мнения и юридического анализа. Резюме председательствующего не может быть приостановлено или прервано. Стороны имеют право просить о занесении в протокол тех или иных обстоятельств из разъяснения председателя, но поводом к обжалованию может служить только неправильность юридического анализа (ст. 344 УПК). В Чехии, Моравии и Силезии председатель судебного присутствия не имеет права принимать участия в совещании присяжных заседателей. В Словакии и Закарпатской Украине совещание присяжных заседателей происходит совместно с председателем судебного присутствия. По оглашении вердикта присяжных заседателей стороны дают объяснения о мере наказания и гражданских последствиях процесса.

В участковом суде судебное следствие происходит со следующими отступлениями: вместо оглашения обвинительного акта судья устно формулирует обвинение; присяга заменяется обещанием показывать правду; жалобщик в заключительной речи просит о применении соответствующего уголовного закона; вынесение приговора может быть отложено на следующий день только в исключительных случаях.

Приговоры краевых судов могут быть обжалованы в апелляционном и кассационном порядке. Апелляция на приговор краевых судов и судов с участием присяжных заседателей может быть принесена на приговор в части наказания, в части применения условного осуждения или неприменения последнего и в части гражданско-правовых последствий. Апелляционная жалоба рассматривается высшим судом в закрытом заседании при участии главного прокурора. Предметом рассмотрения служат приговор первой инстанции и жалоба. Если одновременно с апелляционной жалобой была подана жалоба кассационная, то рассмотрение в апелляционном порядке имеет место в верховном суде в закрытом заседании с участием генерального прокурора. В Богемии, Моравии и Силезии существуют только две инстанции (апелляционная и кассационная), а в Словакии и Закарпатской Украине — три инстанции, поскольку на определение апелляционного суда может быть подана отдельно кассационная жалоба. Кроме того, в Словакии и Закарпатской Украине имеется следующая особенность апелляционного рассмотрения: оно происходит в закрытом судебном заседании при участии сторон, но без предоставления им слова; при ссылке на новые доказательства апелляционное рассмотрение происходит в публичном заседании с предоставлением слова сторонам. Апелляционное обжалование приговоров участковых судов является единственным способом обжалования этих приговоров. В качестве оснований могут быть приведены кассационные нарушения, ссылки на неправильное разрешение вопроса о вине и наказании. Апелляционное обжалование приговоров участковых судов приостанавливает исполнение. Рассмотрение в апелляционном порядке происходит в открытом судебном заседании, но присутствие обвиняемого и частного обвинителя необязательно.

Кассационное обжалование приговоров краевых судов может иметь место вследствие нарушения процессуальных правил и уголовного материального законодательства. Процессуальными нарушениями УПК признает (ст. 81): ненадлежащий состав суда (на это жаловаться стороны могут только в том случае, если они узнали об этом только в судебном следствии); оглашение акта дознания и предварительного следствия, не имевшего доказательной силы вследствие оспаривания со стороны жалобщика; нарушение таких процессуальных правил, которые сам закон объявляет основаниями к отмене приговора; необсуждение ходатайства жалобщика по поводу нарушения процессуальных норм (здесь имеются в виду не общие нарушения, а релятивные, повлиявшие на приговор); дефекты приговора (неясность, неполнота, внутренние противоречия, неуказание или недостаточное указание мотивов, необсуждение возражений стороны по поводу отдельных актов судебного следствия, противоречия между имеющимися в деле документами и записями в протоколе);

безмотивное определение о неподсудности; сужение или расширение первоначально предъявленного обвинения. В интересах осужденного принести кассационную жалобу могут сам осужденный и его родные, опекун, государственный обвинитель и защитник. Родные и опекун могут принести кассационную жалобу без разрешения осужденного, но не против его воли. В отношении несовершеннолетних те же лица могут принести кассационную жалобу и против воли осужденного. Прокурор не имеет права принести кассационную жалобу не в интересах осужденного. (р в. с. 2902/1915 и 4090/1921). Защитник вправе подать кассационную жалобу без разрешения осужденного, но не против его воли. Кассационная жалоба может быть заявлена в устной или письменной форме кратко в течение трех дней с момента оглашения приговора, а в течение 8 дней со дня подачи этой краткой жалобы или устного заявления кассационная жалоба должна быть изложена с приведением точных формулировок, на которых основывается жалобщик. Кассационная жалоба должна быть обязательно подписана защитником даже в том случае, если она приносится от имени осужденного. Кассационное обжалование приостанавливает исполнение приговора.

4 апреля 1935 г. был издан закон, направленный в сторону упрощения кассационной процедуры в верховном суде. Согласно этому закону, неявка обеих сторон, извещенных о дне слушания дела в верховном суде, в том числе и по жалобам на приговоры судов с участием присяжных заседателей, считается отказом от кассационной жалобы. Кассационное обжалование и рассмотрение кассационных жалоб на приговоры суда с участием присяжных заседателей происходят с соблюдением тех же требований, которые предъявляются к обжалованию приговоров краевого суда. Дополнительными кассационными основаниями являются: отсутствие защиты в суде первой инстанции, неправильная постановка вопросов присяжным заседателям, неправильные юридические формулировки в разъяснении председателя присяжным заседателям.

Рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних регулируется законом 11 марта 1931 г. Закон различает следующие категории несовершеннолетних: не достигшие 14-летнего возраста, в отношении которых могут быть приняты воспитательные меры; достигшие 14 лет, но не достигшие 18 лет; достигшие 18 лет, но не достигшие 19 лет, совершившие проступок; несовершеннолетние старше 18 лет. Предварительное расследование производится специальным следственным судьей, который вправе председательствовать на судебном следствии, если обвиняемый не заявил ему отвода. Охранная полиция без разрешения суда имеет право принять только обеспечивающие доказательства меры. Для взятия под стражу в качестве меры пресечения надо установить, что других способов пресечения нет, в частности нет возможности отдать под надзор родителей или иных законных представителей. Участие защиты обязательно в судебном следствии, а если обвиняемый под стражей, то и в предварительном расследовании. Отсутствие защитника является основанием к отмене приговора. Все лица, допрос которых суд находит необходимым, должны быть выслушаны, но без приведения к присяге и без указания на возможность привлечения к ответственности за лжесвидетельство. К допросу обвиняемого могут быть привлечены по усмотрению суда все лица, от которых можно ожидать помощи в допросе. Прокурор может отказаться от уголовного преследования по нецелесообразности, и в этом случае потерпевший тоже утрачивает право на уголовное преследование. Публичное рассмотрение дела может быть исключено не только в общем порядке, но и в интересах обвиняемого при наличии согласия прокурора, защитника и законного представителя несовершеннолетнего. Суд может удалить несовершеннолетнего из зала судебного заседания, если это направлено в интересах выяснения истины. В качестве правила суд должен применять меры охраны (охранный надзор и воспитательный надзор). Применение охранных мер может быть обжаловано в 8-дневный срок в высший суд. Срок обжалования приговора для прокурора, защитника и законных представителей наступает с момента вручения им копии приговора.

Право помилования до принятия конституции регулировалось УПК. В Богемии, Моравии и Силезии (ст.ст. 2 и 411 УПК) право помилования принадлежало президенту республики непосредственно, а в Словакии и Закарпатской Украине (ст. 514 УПК) это право принадлежало президенту республики, но осуществлялось через суды и министерство юстиции. По ст. 103 конституции президент республики имеет право освобождать от наказания и от последствий судимости. За время существования Чехословацкой республики в ней последовало 9 амнистий. Первая амнистия последовала по постановлению национального собрания от 5 октября 1918 г., была очень широкой и ликвидировала последствия применения австро-венгерской юрисдикции к населению Чехословакии. Последующие амнистии коснулись осужденных на незначительные сроки наказания. Амнистия 13 февраля 1922 г. коснулась осужденных за участие в коммунистическом движении. По этой амнистии осужденным на срок свыше 3 лет наказание было сокращено на одну треть, при пределе не свыше 5 лет оно сокращалось на половину, при наказании от 18 месяцев до 3 лет наказание сокращалось на две трети. Осужденные на срок менее 18 месяцев освобождались от наказания вовсе. Последующие три амнистии 1924, 1927 и 1928 гг. касались осужденных за мелкие проступки. Девятая амнистия последовала 9 июня 1934 г. в ознаменование 85-летия президента республики Масарика. 17 осужденных на срок свыше 1 месяца и до 1 года были вовсе освобождены от наказания. К 12 осужденным (5 коммунистам и 7 фашистам) амнистия применена не была, несмотря на осуждение на те же сроки. Кроме того, министерство юстиции представило ходатайство о помиловании 1 280 осужденных, из которых 115 было отказано. В числе этих 1 280 осужденных было 119 коммунистов, 40 комсомольцев и 515 фашистов[1].

---

[1] Tischler, Dosavodni vysledkyamnestie Z. 16, 1934. ZSTW, № 56/1936, S. 91.

Исключительное законодательство

Чехословацкая буржуазия создала одну из наиболее демократических конституций капиталистических стран Европы. Однако и она пошла по пути ограничения конституционных гарантий при помощи исключительного законодательства. Вначале было желание с помощью социал-демократов противопоставить буржуазную демократию пролетарской демократии, преградить рабочему классу путь к пролетарской революции. Оставив в силе законы бывшей австро-венгерской монархии (закон 28 октября 1918 г. и 23 июля 1919 г. о рецепировании Чехословацкой республики ранее действовавшего законодательства) и не приступая к унификации законодательства или к созданию национального уголовного законодательства в целом, чехословацкая буржуазия, базируясь на имеющихся в конституции оговорках, использовала юридические возможности ограничить применение конституционных гарантий путем исключительного законодательства. Исключительное законодательство явилось единым для всей Чехословакии, но несистематизированным и некодифицированным. По своему содержанию оно должно быть расчленено на две группы законов: изданные в 1920—1923 гг. в условиях начала всеобщего мирового кризиса капитализма и просуществовавшие без изменений до второй половины 1933 г., исключительные законы явились орудием для организованного натиска чехословацкой буржуазии на трудящиеся массы и для подавления революционного движения; со второй половины 1933 г. и по настоящее время исключительное законодательство было изменено и пополнено в силу растущих политических внутричехословацких и международных противоречий, которые угрожают господству чехословацкой буржуазии и самому существованию чехословацкого государства.

На первом этапе последовали: 1) исключительный закон 14 апреля 1920 г. об исключительных постановлениях; 2) исключительный закон 12 августа 1921 г. о защите свободы собраний и против насилий; 3) исключительный закон 19 марта 1923 г. о защите республики.

На втором этапе последовали: 1) изменения и дополнения закона 19 марта 1923 г. о защите республики, изданные 10 июля 1933 г. и 19 апреля 1936 г.; 2) исключительный закон 12 июля 1933 г. о наказуемости враждебной государству деятельности государственных должностных лиц и о перемещении судей без их согласия на другие должности; 3) исключительный закон 25 октября 1933 г. о приостановлении деятельности и роспуске политических партий; 4) изменение и дополнение исключительного закона об исключительных постановлениях от 10 июля 1933 г.; 5) исключительный закон 28 марта 1935 г. о пребывании иностранцев. Помимо этих законов, содержащих правила материального и процессуального уголовного права, надо отметить также и чисто процессуальные законы: 1) исключительный закон 19 марта 1923 г. о государственном суде; 2) рецепированные чехословацкими законами правила австрийского УПК (ст.ст. 437—446) о рассмотрении дел в полевых судах, существование которых было сначала продолжено до 6 декабря 1933 г., а в дальнейшем—до 1 марта 1937 г.

Как констатировал XIII пленум ИККИ, «напряженность положения в Германии чрезвычайно обостряет классовые отношения в соседних странах: в Чехословакии, Австрии и Прибалтике[1]. Это обострение классовых отношений в Чехословакии, связанное с агрессией германского фашизма, изменило проводимую правительственными кругами Чехословакии политику. VII конгресс Коминтерна отметил: «Авантюристские планы германских фашистов простираются весьма далеко и рассчитаны на военный реванш против Франции, на раздел Чехословакии»[2]. Более сильная часть чехословацкой буржуазии поняла грозящую опасность и вступила на путь поддержки мира, который сможет содействовать сохранению внутреннего и внешнего статус-кво. Изменения политики правящих кругов привели к дополнению и изменению исключительных законов, а также к изданию новых в направлении борьбы с агентурой гитлеровского империализма. Начиная со второй половины 1933 г. и по настоящее время, на втором своем этапе исключительное законодательство Чехословакии не только формально направлено против агентуры гитлеровского фашизма, но и фактически применяется против фашистских организаций и их агентов.

Закон 14 апреля 1920 г. об исключительных постановлениях в первоначальной редакции своей появился через полтора месяца после принятия конституционной хартии и по существу своему должен быть оценен как закон об осадном положении. Закон этот непосредственно ограничивает провозглашенные конституционной хартией чехословацкой республики гарантии свободы личности. Активизация деятельности гитлеровских агентов в Чехословакии вызвала к жизни изменение закона в его редакции 10 июля 1933 г. Закон этот содержит в себе 16 статей и разрешает 4 группы вопросов: а) вызывающие его применения обстоятельства и объект наказуемых посягательств; б) устанавливаемые законом мероприятия по борьбе с этими посягательствами; в) проводящие эти мероприятия в жизнь органы; г) срок действия и порядок проведения закона в жизнь.

Исключительный закон 12 августа 1921 г. о защите свободы собраний и против насилий был откровенно направлен против рабочего класса, поскольку в ст. 1 предоставляется право нанимателю не допускать к работе и увольнять рабочих по признакам национальной, религиозной и политической розни. Закон запрещает должностным лицам, учителям, духовенству и нанимателям производить давление на других лиц путем использования своего положения в целях незаконно вынудить этих лиц высказать не то, что хотели бы высказать эти лица. Упомянутые действия караются уголовным судом как проступок. Наказанием является арест от 8 дней до 3 месяцев, а если деяние было связано с применением оружия, то строгим арестом от 1 до 6 месяцев.

В 1922—1923 гг. в условиях обострившегося мирового кризиса в Чехословакии возросла активность рабочего класса. В первые годы своего существования чехословацкая буржуа-

[1] Стенографический отчет, стр. 591.

[2] Резолюции VII конгресса Коминтерна, стр. 32.

зия охраняла свои интересы по старым австро-венгерским образцам, но сила этого орудия оказалась недостаточной, и в 1923 г. появился чехословацкий исключительный закон о защите республики. Закон этот находится под большим влиянием сходного с ним германского закона 1922 г. До второй половины 1933 г. закон применялся на практике в отношении коммунистического движения и лишь в единичных случаях — в отношении фашистов. Захват власти в Германии гитлеровским фашизмом, распространение деятельности гитлеровского фашизма в Чехословакии, являющегося агентурой германского империализма, и обострение классовой борьбы привели к изменению и дополнению закона. Правящий в Чехословакии класс в обстановке военной опасности со второй половины 1933 г. стал применять исключительные методы борьбы в отношении действительных врагов демократии — фашистов. Закон 19 марта 1923 г. с большой тщательностью перечисляет всевозможные виды посягательств на республику и угрожает виновным всякими наказаниями. Закон этот состоит из 44 статей, изложенных в 4 главах.

Активизация агентов гитлеровского империализма в Чехословакии вызвала дополнение закона 10 июля 1934 г. Стало караться арестом от 8 дней до 3 месяцев преследование отдельных групп населения и отдельных лиц за то, что они являются приверженцами демократически-республиканской формы государственного устройства Чехословакии. 13 мая 1936 г. закон о защите республики был специально дополнен постановлением о наказуемости воинской измены. Предательство военных секретов карается тяжким тюремным заключением от 5 до 20 лет, а ранее оно каралось тяжким тюремным заключением от 3 до 5 лет. Если хранение военного секрета было на обязанности должностного лица, если был предан важный для государства секрет, если предательство носило длительный характер или если выполнялось опасным способом, то этот вид государственной измены карается смертной казнью.

Дела о нарушении закона о защите республики подсудны государственному суду, который рассматривает эти дела по общим правилам УПК 1873 г. с отступлениями, изложенными в специальном законе о государственном суде от 19 марта 1923 г. Предварительное расследование является обязательным и производится по общим правилам. Предание суду происходит в отступление от общих правил судопроизводства. Обвиняемый лишается права представить возражения на обвинительный акт. Судебное следствие производится по правилам УПК для коллегиальных судов первой инстанции. Приговор государственного суда может быть обжалован в верховный суд по тем основаниям, что был нарушен уголовный закон или что были допущены грубые нарушения основных правил уголовного судопроизводства. Последние основания могут быть указаны только в том случае, если эти нарушения повлияли на приговор о вине. Обжалование может иметь место только по этим двум основаниям.

Особенности рассмотрения дел в полевых судах заключаются в следующем: подготовительная стадия и стадия обжалования отсутствуют. Рассмотрение происходит в судебной коллегии и не может продолжаться более трех дней. Участие защиты обязательно. Обвинительный акт по делу не составляется и заменяется устным докладом прокурора об обстоятельствах, которые вменяются в вину обвиняемому. Может быть вынесен только оправдательный или обвинительный приговор. Оправдательный приговор может быть вынесен в том случае, если прокурор отказался от обвинения раньше чем полевой суд удалился на совещание. Обвинительный приговор, как правило, может быть только приговором к смертной казни. Если ранее вынесенным приговором к смертной казни уже было внесено устрашающее начало, которое повело к успокоению (ст. 441 УПК), то вместо смертной казни полевой суд может приговорить к тяжкому тюремному заключению от 5 до 20 лет. Предусмотренное законом наказание для суда обязательной силы не имеет. Никакого обжалования приговора полевого суда не существует. Просьба о помиловании не приостанавливает исполнения. Приговор подлежит исполнению через два часа после вынесения приговора. По словесной просьбе осужденного исполнение смертной казни может быть отсрочено на 1 час.

Исключительный закон 25 октября 1933 г. о приостановлении деятельности и роспуске политических партий занимает весьма серьезное место в исключительном законодательстве Чехословакии. Закон этот отменяет конституционные гарантии, изложенные в ст.ст. 107, 113, 116 и 117 конституции, относительно свободы печати, собраний, союзов и мнений и по существу своему является особого рода конституционной реформой. Непосредственная военная опасность со стороны гитлеровского империализма и крайнее обострение классовой борьбы послужили причиной появления этого закона. Закон этот в 1933 г. был применен к немецкой национал-социалистской партии, руководимой Генлейном. Генлейн является форейтером Гитлера в Чехословакии в буквальном смысле этого слова Генлейна в германской фашистской печати называют «лучшей лошадью в своей конюшне». По плану германского генерального штаба германское наступление должно при поддержке Венгрии и Польши начаться на германо-чехословацкой границе, вокруг которой расположены весьма значительные германские воинские силы. В немецкой Богемии по этому же плану гитлеровскую армию должны с восторгом встретить генлейновцы, чтобы помочь осуществить на практике известное изречение Бисмарка: «Кто имеет Богемию, тот имеет Европу». Проводимая гитлеровскими агентами диверсионная работа в Чехословакии должна на этот раз пойти по стопам Бисмарка. В задачи Генлейна входит также и стремление убедить население не только немецких областей Чехословакии, но и остальных областей в том, что бесполезно сопротивляться германскому наступлению. Надо отметить, что гитлеровский агент Генлейн проводит в жизнь ту же тенденцию, которую проводил в отношении СССР получивший жесточайшее поражение волею советского народа другой агент гестапо — Иудушка Троцкий, хотя последний является гнусней, отвратительней и опасней Генлейна. Кто такой Генлейн? Он происходит из мелкобуржуазной семьи, участвовал в империалистской войне в качестве

добровольца и, оставшись после войны не у дел, занялся политической деятельностью в физкультурных немецких обществах. Тесный контакт его с гитлеровцами начался еще в 1930 г., но настоящая его политическая карьера расцвела в 1933 г. после прихода Гитлера к власти в Германии. Генлейновский филиал гитлеровского предприятия получает финансовую и вооруженную поддержку со стороны гитлеровского фашизма. Внутри страны генлейновцы получают поддержку от реакционнейших элементов чехословацкой буржуазии. Партия эта не разоружилась и продолжает свою подрывную работу внутри Чехословакии, пользуясь помощью более слабого крыла чехословацкой буржуазии.

Закон состоит из 24 статей, изложенных в 4 разделах. 1-й раздел заключает в себе основные положения, 2-й—последствия приостановления деятельности партий, 3-й — последствия роспуска партий и 4-й—исключительные положения. В первом разделе указываются обстоятельства, при которых правительство может приостановить деятельность политической партии или распустить ее. Во втором разделе перечисляются последствия приостановления деятельности партии и указывается на право административных властей подвергнуть специальному надзору объединения, которые служили или продолжают служить целям партии. В третьем разделе перечисляются последствия роспуска партий, которые совпадают с последствиями приостановления партий. В разделе четвертом содержатся заслуживающие весьма серьезного внимания определения понятия политической партии. Под политической партией понимается не только правильно организованная политическая партия, но и любая политическая группировка или политическое движение. Нарушение закона независимо от преследования в судебном порядке карается окружной государственной полицией наказанием до 6 месяцев тюрьмы или штрафом до 50 000 крон.

Закон 12 июля 1933 г. о наказуемости враждебной государству деятельности лиц, состоящих на государственной службе, и некоторых других лиц и о недобровольном перемещении судей на другие государственные должности является дополнением закона 19 марта 1923 г. о защите республики в его новой редакции от 10 июля 1933 г. Подрывная деятельность гитлеровской агентуры в Чехословакии вызвала потребность в борьбе с ее проникновением в круг государственных должностных лиц. Закон этот состоит из 16 статей, изложенных в трех разделах. Несущими по этому закону ответственность лицами являются должностные лица государственных и общественных учреждений, фондовых, лечебных и просветительных, учителя и профессора государственных школ, профессора духовных учебных заведений, священнослужители, лица, получающие государственное обеспечение, военнослужащие запаса, унтер-офицеры действительной службы и запаса. Деятельность перечисленных выше лиц, направленная против государственного суверенитета, независимости государства, его демократически-республиканской формы путем использования своего служебного положения и участие перечисленных лиц в каком-либо объединении, которое о крыто или тайно развивает подобную де тельность, карается по настоящему закону. Н казаниями по настоящему закону являю увольнение от должности, перемещение в иную должность, лишение прав и преи ществ, связанных с должностным положени или ученой степенью, лишение пенсии или собия, лишение воинского звания или во ского оклада.

После захвата власти фашистами в Герман спасавшиеся от гитлеровских канцлагерей средневековых пыток политэмигранты избр Чехословакию одной из стра в которых о могли бы получить осуществление своему пр ву убежища. Убийство политэмигранта из Г мании, инженера Формис, произведенное т мя агентами гестапо на чехословацкой терр тории при содействии чехословацких фаш стов, ускорило рассмотрение проекта наст шего закона, который имеет целью «защ Чехословакии от элементов, которые угрожа ее безопасности, и лучшее взятие всех ино странцев под надзор[1]. Весьма серьезным м ментом в этом законе является то, что затра гивает интересы ряда иностранцев, которые течение долгих лет проживали на территори Чехословакии до издания настоящего закон Надо подчеркнуть, что отказ в разрешении н проживание в Чехословакии обжалованию н подлежит. Закон этот состоит из 17 статей, из ложенных в трех разделах. В 1 разделе со держатся общие правила выдачи разрешени на пребывание в Чехословакии, во 2 разделе— правила регистрации иностранцев, в 3 разде ле—заключительные постановления. Нарушени этого закона и на основе его изданных по становлений так же, как и предписания поли ции, если они не караются строже, наказуют ся налагаемым окружной полицией штрафо до 5 000 чешских крон или арестом до 14 дней В случае неуплаты штраф заменяется арестом но не более чем на 14 дней. Несвоевремен испросивший разрешение или не оставивши добровольно Чехословакию после отказа разрешении может быть помимо приведенно выше наказания выслан за пределы Чехосло вацкой республики. Настоящий закон отменяе все ранее существовавшие по вопросу о пре бывании иностранцев на территории Чехосло вакии законы и правительственные распоряже ния.

***

Непосредственная угроза раздела Чехосло вакии, осуществляемая гитлеровским фаши мом извне и его агентурой внутри Чехослова кии, сплачивает широчайшие народные масс Чехословакии в едином антифашистском дви жении. Единый антифашистский фронт сов местной борьбы в защиту трудящегося народ от кровавой фашистской диктатуры настоя тельно требует от правительственных круго Чехословакии использования уголовного зако нодательства в полной мере против агент гестапо, диверсантов и поджигателей войны.

И. Я. Сапгир

---

[1] Heidrich. Osteuropalisches Recht, № 4, 193 S. 231.

Библиография

Т. И. ВОЛКОВ, «КЛАССОВАЯ ПРИРОДА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И СОВЕТСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО».

Государственное издательство «Сов. законодательство», Москва, 1935, стр. 236, цена 3 р. 90 к.

Тема работы т. Волкова «Классовая природа преступлений и советское уголовное право» представляет особый интерес уже по одному тому, что освещаемый ею вопрос является центральным в теории уголовного права.

Рецензируемая работа дает характеристику классового содержания преступлений в эксплоататорском обществе, преступлений при диктатуре пролетариата, критику буржуазных теорий преступления и, наконец, характеристику советского законодательства по этому вопросу.

Подчеркивая обреченность на неудачи всяких попыток «дать «универсальное» определение преступления, которое включало бы в одну формулу все разнообразие конкретной и противоречивой исторической действительности» (стр. 9), автор поставил своей задачей показать, как меняется характер преступности в различных классовых социально-экономических формациях, подчеркивая то, что общим признаком преступлений всегда являлась классовая опасность для интересов господствующего класса.

При этом автор указывает, что «общее определение преступления как действия, опасного интересам господствующего класса», является «слишком абстрактным», ибо оно не показывает, «почему именно данный поступок опасен для интересов господствующего класса, то есть оно не связывает преступления с отношениями между классами» (стр. 23). Вот почему в последующей главе автор подробно останавливается уже на вопросе о том, «в какой связи находится преступление с классовой борьбой, в которой классовые противоречия находят свое полное выражение» (стр. 24).

Однако этот показ исторического развития понятия преступления в теории законодательства и судебной практике автором дан очень упрощенно в пределах по преимуществу социологического разреза.

В этом отношении автор стоит на позициях работ, вышедших за последние годы в области уголовного права. В этих работах конкретное содержание законодательства и судебной практики зачастую подменялось анализом социально-экономических формаций, к которому в качестве иллюстрации привешивался чрезвычайно скудный правовой материал для показа правильности политической характеристики данной системой права[1]. Указание ЦК партии и особенно товарищей Сталина, Жданова и Кирова об учебниках по истории целиком относится и к нашим работам по уголовному праву, также страдающим указанными в этих ценнейших документах недостатками.

В свете указаний ЦК и СНК об учебниках гражданской истории совершенно ясным становится недостаточное конкретно-историческое освещение автором различных систем права и неправильная периодизация истории классовой борьбы.

В первой главе автор дает характеристику классового содержания преступления

Правильно подчеркивая, что основной причиной всех преступлений являются «противоречия классового общества с его неравенством, эксплоатацией, основанной на частной собственности, с его классовой борьбой», автор указывает, что «нельзя в то же время стиснуть все разнообразие общественных отношений, составляющих преступления, в одну формулу, педантически разложить преступления по полочкам тех или иных форм классовой борьбы» (стр. 25).

Переходя к характеристике преступления в эксплоататорском обществе, автор прежде всего устанавливает «принципиальное различие между двумя категориями действий, формально объединяемых буржуазным уголовным правом в одну массу преступлений, — между так называемыми «политическими преступлениями и уголовными преступлениями» (стр. 27).

Положительной стороной этого раздела работы является то, что автор очень детально останавливается на характеристике так называемых политических преступлений, показывая ряд примеров, как буржуазия этим путем преследует акты классовой борьбы трудящихся, пытаясь уложить их в прокрустово ложе параграфов уголовных кодексов, применяя самые суровые меры наказания, которые она находит в своем арсенале репрессий против политических преступников.

Эти политические преступления являются не чем иным, как различными формами классовой борьбы трудящихся и в первую очередь пролетариата. Эти формы классовой борьбы носят самый разнообразный характер, и, поскольку господствующий класс пытается все формы классовой борьбы трудящихся объявить преступными, нельзя утверждать так категорически, как это делает автор, что эти «преступления и тогда, когда они являются формами классовой борьбы..., могут характеризовать только некоторые из ее форм, занимающие подчиненное[2] положение среди форм борьбы, выходящих далеко за пределы уголовно-политического исследования и лежащих вне его плоскости» (стр. 26).

---

[1] Я имею в виду при этом и свою работу, в которой эти недостатки сказались особенно сильно, — «Происхождение уголовного права», изд. «Сов. законодательство», 1934.

[2] Слово «подчиненное» подчеркнуто мною — А. Ш.

Такое утверждение автора односторонне и потому неправильно, ибо целый ряд форм классовой борьбы, преследуемых как преступления, — вооруженное восстание, баррикадные бои и т. п., отнюдь не являются подчиненными формами классовой борьбы.

Совершенно неверным, политически-ошибочным является вывод, находящийся впрочем вне связи с общими установками рецензируемой работы, к которому приходит автор в последнем абзаце 1 параграфа этой главы. Автор пишет: «В связи с этим нужно рассматривать и такие «политические преступления», которые, будучи формами борьбы против господствующих отношений, не являются формами классовой борьбы пролетариата, но в то же время не являются и «уголовщиной». Сюда относятся те выступления со стороны представителей крестьянства, которые вызваны его анархическим бунтарством,— акты индивидуального террора со стороны крестьян и интеллигентского террора эсеров, террора, по поводу которого Ленин в свое время в статье «А судьи кто?» говорил эсерам: «Ваш терроризм, господа, не есть следствие вашей революционности. Ваша революционность ограничивается терроризмом»[1]. Но не будучи формой классовой борьбы пролетариата, эти выступления являются формой политической борьбы масс крестьянства, следовательно, формой его классовой борьбы» (стр. 36—37). Речь идет таким образом об актах индивидуального террора, которые автором объявляются «формой политической борьбы масс крестьянства» (стр. 37). Это очень серьезная политическая ошибка. Никогда наша партия, ее учителя Ленин и Сталин не рассматривали индивидуальный террор, против применения которого как тактики они всегда выступали, как форму классовой борьбы крестьянских масс. Наоборот, везде и всюду Ленин подчеркивал, что индивидуальный террор является одной из форм борьбы против царизма группы интеллигентов, оторванных от масс, что применение индивидуального террора только уводит широкие массы трудящихся от подлинно-массовых революционных форм борьбы с самодержавием. И как раз наоборот, партия эсеров, с которой мы всегда вели борьбу как с партией, представляющей собой идеологию мелкобуржуазной реакции, утверждала, что индивидуальный террор является формой борьбы крестьянства против царизма. Политическая ошибочность этого утверждения особенно очевидна в свете последних лет, когда метод индивидуального террора стал излюбленным орудием фашизма и его агентов — троцкистских убийц и предателей.

Иной — в отличие от так называемых политических преступлений — характер общеуголовных преступлений в эксплоататорском обществе. Эти преступления, как подчеркивали, характеризуя их, Маркс и Энгельс, являются актами неорганизованного «изолированного» протеста эксплоатируемых против существующих отношений. Особую роль играют эти формы неорганизованного протеста в первые десятилетия развития капитализма, тогда, когда рабочий класс еще не превратился в класс для себя. Вырастая на почве классовой борьбы, классовых противоречий, уголовные преступления, как мы видим, не являются в то же время формами классовой борьбы трудящихся. Автор правильно указывает в связи с этим, что общеуголовные преступления нельзя отнести даже к зачаточным формам классовой борьбы; они дезорганизуют движение трудящихся и с этой точки зрения вызывают отрицательное к ним отношение и со стороны самих трудящихся.

Автор по-новому ставит вопрос о преступлениях, совершаемых представителями буржуазии. Подчеркивая то, что некоторые категории этих преступлений являются «формами классовой борьбы против эксплоатируемых классов» (стр. 51), автор показывает, как представители господствующего класса совершают многочисленные преступления против трудящихся наряду с использованием для подавления сопротивления трудящихся легальных методов насилия. Наряду с этим господствующий класс прибегает к использованию уголовных преступников «непосредственно для подавления революционного движения пролетариата. Особенно ярко это выступает в эпоху империализма и в наибольшей степени в послевоенные годы» (стр. 63). Происходит своеобразный процесс сращивания верхушки буржуазии и профессиональных преступников, который очень ярко протекает в США. Правильно связывает эти моменты автор с процессом разрушения буржуазией ее собственной законности, происходящим в период империализма и особенно в послевоенный период. «Перед лицом своей разлетающейся вдребезги законности, — пишет Волков, — буржуазия хватается за кинжал наемного убийцы через своих представителей и через люмпен-пролетариев и профессиональных преступников, прибегает к уголовным преступлениям как к форме подавления революционного движения пролетариата, как к методу защиты института капиталистической собственности в целом, как к форме классовой борьбы против пролетариата» (стр. 79).

Характеризуя природу преступлений в эксплоататорском обществе, автор дает содержательную критику буржуазной теории преступлений, вскрывая их методологические корни (раздел IV). Прежде всего автор начинает с критики формального нормативного понимания преступления, указывая, что оно характерно прежде всего для классической школы уголовного права. «Отрываясь от конкретных социальных отношений классового общества и его противоречий, порождающих преступления, классическая школа в определении преступления исходила из нормативизма в уголовном праве и рассматривала преступление исключительно как противоправный поступок, как нарушение нормы, нарушение права» (стр. 116). Автор дает правильную оценку происхождению нормативного определения преступления, когда пишет, что «в определениях преступления, даваемых классической школой, отразились характерные черты идеологии буржуазии во время ее борьбы за власть — перед и во время Великой французской революции и затем во время ее борьбы за укрепление власти, за укрепление политического своего господства и обеспечения эксплоатации пролетариата» (стр. 120).

В последующем, втором параграфе этой главы автор дает критику биологических те-

[1] Ленин, т. XII, стр. 121.

орий преступлений, объясняя появление этих теорий обострением классовой борьбы и ростом революционного движения пролетариата. Заострив «перед буржуазной уголовной политикой задачу усиления подавления революционного пролетарского движения» (стр. 121), определяя преступление как явление биологическое, объясняя закономерность преступлений особенностями человеческой природы, антропологическая школа оправдывала теоретически усиление расправы с преступниками. Однако это теоретическое направление оказалось неприемлемым целиком в своих выводах для буржуазии, несмотря на свой реакционный характер, ибо требования антропологической школы означали слишком откровенный отказ от буржуазно-демократической уголовно-правовой формы. Это политически было невыгодно для буржуазии, ибо расшифровывало классовую сущность уголовного права, превращая его в неприкрытый ничем метод классовой расправы. Вот почему создается школа социологическая, которая, проводя в жизнь в области своих теоретических установок две тактики буржуазии (тактику насилия и тактику уступок, маскирующих это насилие), оказалась более приспособленной для осуществления задач усиления расправы с преступниками.

Теория социологической школы служит лучшей иллюстрацией процесса разрушения буржуазией ее законности, характерной для общего поворота к реакции в политике буржуазии, начавшегося с подавления Парижской коммуны. Требование усиления жестокости репрессии, пронизавшее всю уголовно-политическую программу социологической школы, одновременно сопровождалось, отражая «либеральную» тактику буржуазии, такими требованиями, как введение условного осуждения, условно-досрочного освобождения и т. д., которые должны были маскировать ее реакционное содержание. Рассматривая преступление как социальное явление, социологическая школа, однако, не раскрывала классового содержания этого социального явления, а, наоборот, всюду и везде подчеркивала, что преступление представляет собой явление, опасное для интересов общества в целом. Однако при этом теоретики социологической школы отнюдь не отрицали биологического характера преступлений, более того, биологическая природа преступления ими везде подчеркивалась наряду с признанием социального характера преступления.

Этот теоретический эклектизм характерен для всех построений теоретиков социологической школы уголовного права. Неудивительно, что декларирование социального характера преступления не помешало тому, что при попытке дать его определение, а также определение науки уголовного права в целом, теоретики социологической школы, в частности Лист, скатились к чисто юридической формулировке как преступления, так и науки уголовного права.

Автор правильно подчеркивает, что особое значение для нас имеет критика позиции социологической школы в вопросе о причинах преступления. В качестве причин преступления теоретики социологической школы выдвинули три ряда так называемых факторов преступления: 1) факторы индивидуальные, 2) физические, 3) социальные.

Эклектически заимствуя положения антропологической школы в вопросе о причинах преступлений, социологи дополняли их так называемыми социальными факторами, которые, правда, можно найти и у ряда представителей антропологической школы (Ломброзо и др.). Однако в учениях социологической школы мы находим наиболее полную и детальную разработку теории факторов преступности. Реакционный характер так называемых индивидуальных и физических факторов преступности совершенно очевиден; недаром раса и национальность как физические факторы стали символом расовой теории наиболее мракобесовской части идеологов современной буржуазии — германских фашистов.

Но и в вопросе о социальных факторах, в том числе об экономических, социологическая школа занимала чисто реакционную позицию. Основной порок теории факторов в том, что она выдергивает отдельные явления из диалектического развития действительности, превращая их в самостоятельные движущие силы.

Отсюда преступления представляются некими абстрактными явлениями, связанными с совершенно самостоятельно существующими разнообразными социальными факторами (безработица, жилищные условия и т. д.). Этим самым основной источник преступлений — классовые противоречия и классовая борьба в современном обществе — затушевывался, отодвигался на задний план, и создавалась иллюзия возможности ликвидации преступлений в условиях капиталистического общества. Методология социологической школы уголовного права лженаучна и реакционна; теория факторов представляет отказ от признания классовой борьбы как основной движущей силы современного общества.

Отбрасывая теорию факторов преступности как реакционную и лженаучную, мы вместе с тем не отрицаем роли и значения опосредствующих звеньев в цепи причин, порождающих преступления. Исходя из классовых противоречий как основной причины преступности, мы должны суметь находить опосредствуемые этими противоречиями звенья, которые могут объяснить конкретную картину преступлений в определенной стране и в определенный отрезок времени.

Наряду с этим очень важное значение приобретает изучение личности преступника. Мы подвергли сокрушительной критике попытки возродить на советской почве ломброзинские идеи, однако при этом оказалось ликвидированным вообще какое-либо изучение личности преступника. Между тем изучение личности преступника, построенное на классовой основе, исходящее из социальных причин и мотивов деятельности преступника, как основы этого изучения, должно быть поставлено перед нами в качестве одной из важнейших задач. Рецензируемая работа не идет дальше методологической критики позиций буржуазных школ и ответов на эти поставленные выше вопросы не дает.

Гораздо хуже обстоит дело с той частью книги, в которой излагается классовая природа преступлений в переходный период, и особенно с главой V, где автор пытается дать характеристику советского законодательства

о преступлении. Прежде всего бросается в глаза диспропорция в характеристике классовой природы преступления в эксплоататорском обществе и в переходный период. В то время когда, казалось бы, характеристика преступлений в переходный период и советского законодательства о преступлении должна была бы занимать центральное место в работе т. Волкова, им уделена только одна треть книги. Это очень характерно, ибо отражает явную недооценку автором значения разработки проблем советского уголовного права. Однако это было бы с полбеды, если бы автор правильно поставил вопрос о преступлении в советском уголовном праве под углом зрения существа советского права как права социалистического. Особенности советского уголовного права как права социалистического и по содержанию и по форме — вот что должно было являться исходной позицией автора для изучения классовой природы преступления в переходный период и советского законодательства по этому вопросу.

Указывая на отличие советского уголовного права от буржуазного, автор в то же время нигде не подчеркивает социалистический характер советского уголовного права.

При этом, характеризуя отдельные институты советского уголовного права, т. Волков находит в них «элементы буржуазно-правовой формы».

Утверждение о наличии в советском праве элементов буржуазно-правовой формы было принято в решениях I съезда марксистов-государственников в 1931 г. Это утверждение являлось не чем иным, как протаскиванием в стыдливо-замаскированной форме вредной меньшевистской идейки Пашуканиса о буржуазном характере советского права.

Утверждение, что в советском праве имеются элементы буржуазно-правовой формы, означает предположение, что какие-то кусочки буржуазного права врастают в социалистическое право, механически в него переносятся. При этом упускается из виду, что право есть часть политики, что право является одной из политических форм существования общества. Последовательно рассуждая, мы должны, стоя на этой точке зрения, притти к выводу, что в политике пролетарского государства вкраплены какие-то частицы, кусочки, элементы буржуазной политики. Это утверждение есть не что иное, как протаскивание в завуалированной форме бухаринско-пашуканисовской вредительской «теории» врастания буржуазного права в социализм. Оно целиком смыкается с формулой выученика Пашуканиса — М. Доценко, писавшего еще не так давно, что «...принципиально меняют свою природу и становятся составной, органической частью новой системы советского социалистического права и всякого рода институты и категории буржуазного права» («Советское государство» № 3 за 1936 г., стр. 36).

Признание наличия в советском уголовном праве элементов буржуазно-правовой формы ничего общего не имеет с материалистической диалектикой, оно неизбежно ведет к признанию кусочков или элементов буржуазного права и в содержании советского права. В самом деле, материалистическая диалектика рассматривает форму и содержание как единство и взаимоотношение их, как проявление основного закона материалистической диалектики об единстве противоположностей. Уже в гегелевской логике мы находим сыгравшее очень большое значение при переработке гегелевской диалектики в диалектику материалистическую определение взаимозависимости содержания и формы. Гегель рассматривает форму не как нечто внешнее, чуждое сущности. Форма «есть лишь явление сущности в самой себе, собственная ей присущая рефлексия» (т. IV, гл. III, стр. 77).

Самое содержание Гегель рассматривает как единство материи и формы, ибо всякая материя в себе содержит свою развивающуюся форму. Гегель везде подчеркивает активную действенную роль формы, переход ее в содержание и обратно — содержания в форму.

«Таким образом, — пишет Гегель, — форма есть содержание, а в своей развитой определенности она есть закон явлений» (соч., т. I, § 132, стр. 223—224). В ленинском конспекте книги Гегеля «Наука логики» мы находим следующее исключительно важное замечание Ленина по поводу приведенного выше высказывания Гегеля: «Форма существенна, сущность формирована так или иначе в зависимости и от сущности», («Философские тетради», стр. 142). Далее Ленин пишет: «Материя не суть основание формы, а единство основания и обоснованного. Материя есть пассивное, а форма активное» (там же). Таким образом мы приходим к основному выводу, что всякое содержание имеет свою форму, а всякая форма содержательна.

Утверждая, что в нашем праве имеются элементы буржуазно-правовой формы, будучи последовательным, автор должен признать и наличие соответствующих элементов и в самой сущности и, следовательно, в содержании советского права, т. е. притти к выводу, которого автор не делает, — о мозаичности советского права.

Поэтому утверждение о наличии в советском праве элементов буржуазно-правовой формы — политически-вредное утверждение, являющееся прямым отражением вредительской концепции Пашуканиса с ее троцкистско-реставраторским отрицанием социалистического характера советского права, в том числе и уголовного.

Отрицание социалистического характера советского уголовного права — явная недооценка роли юридической надстройки и попытка через нее перепрыгнуть характерна была для проекта УК ИССП Комакадемии, разработанного в 1930 г. Тов. Волков делает в своей работе попытку подвергнуть критике этот проект (стр. 198—201). «Проект этот, — пишет т. Волков, — содержит ряд серьезных недостатков и политических ошибок, не дающих возможности положить его в целом в основу стоящей перед нами реформы уголовного законодательства» (стр. 198).

Уже одно это «введение» в критику проекта показывает всю ее беззубость и половинчатость. Эта беззубость критики автора пронизывает собой и последующие несколько страниц, которые он посвящает критике проекта, пытаясь доказать правильность его основных позиций и наличие при этом только некоторых недостатков, главным образом механистического порядка.

На деле проект УК 1930 г. с его ориентировочным перечнем составов преступлений, отказом от дозировки, от деления на общую и особенную части, признанием преступления только как «симптома» опасности лица, отказом от категорий вины, умысла и неосторожности и других аналогичных им являлся типичным «левацким» документом, содержащим и право-реставраторские утверждения и уходящим своими корнями во вредительскую концепцию Пашуканиса, представлявшую переплетение контрреволюционных троцкистских и правореставраторских идеек.

Наряду с этим в значительной мере на проекте сказалось влияние идей буржуазной социологической школы уголовного права.

Этот проект УК ИССП оказал большое отрицательное влияние и на судебную практику своей беззастенчивой проповедью судейского усмотрения и отрицанием по существу принципа стабильности советского закона.

Эти позиции автора определили и бедность анализа отдельных институтов советского уголовного права, а также низкий теоретический уровень этой части работы. Это объясняет нам, почему автор, подчеркнувший впервые в нашей литературе значение противоправности преступления и, следовательно, правовой формы как таковой, не смог пойти дальше одной только постановки вопроса.

Недостатком этой части работы автора является также и то, что он совершенно не использовал законодательства союзных республик и судебной практики. Отсюда чрезвычайная сухость главы пятой.

Характеризуя классовую природу преступления в переходный период, автор правильно указывает на то, что преступность в переходный период является одной из форм проявления сопротивления буржуазной и мелкобуржуазной стихии, всех пережитков капитализма делу социалистического строительства.

Ключ к пониманию преступлений в переходный период дает нам ленинское положение о двоякой форме сопротивления буржуазной и мелкобуржуазной стихии. «Нельзя забывать ни на минуту, что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савинковых, Гоцов, Гегечкоре, Корниловых, заговорами и восстаниями, их грязным «идеологическим» отражением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых эсеров и меньшевиков; с другой стороны, эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса» [1].

Автор прав, когда указывает, что нельзя при этом рассматривать абсолютно все преступления как формы классовой борьбы.

Характеристика всех преступлений в переходный период, как форм классовой борьбы является политически неверной, превращая различные формы сопротивления отсталых и неустойчивых элементов из среды трудящихся социалистической дисциплине в форму классовой борьбы с их стороны против пролетарской диктатуры. Однако при этом автор допускает ошибку, когда он пишет в своих выводах: «Классовая опасность преступления в том, что преступление является выражением сопротивления классового врага, его агентуры и элементов разложения, является особой формой классовой борьбы классово враждебных элементов, либо выражением такого влияния буржуазной и мелкобуржуазной стихии, влияния прошлого, которое не представляет собою прямой формы классовой борьбы» (стр. 226).

Получается, что есть какие-то прямые и непрямые формы классовой борьбы. Этим автор по существу возрождает правильно ранее раскритикованную им и отброшенную им точку зрения на все преступления в переходный период как формы классовой борьбы. Это объясняется тем, что автор подменяет анализ классовой природы преступности анализом отдельных преступлений.

Мы должны исходить из анализа преступлений как массового явления, ибо, рассматривая преступление как определенное общественное отношение, мы не можем брать его изолированно от аналогичных ему преступных фактов. Только беря данную категорию преступлений в целом, мы можем понять их социальную природу. Наиболее ярким примером может служить хулиганство. Отдельные будничные факты проявления хулиганства при поверхностном анализе не обнаруживают классовой природы хулиганства, но если взять эти факты в целом как массовое явление, то мы совершенно отчетливо увидим в хулиганстве проявление мелкобуржуазной стихии, а в ряде случаев — перерастание хулиганских действий в прямые контрреволюционные преступления.

При анализе классовой природы преступлений мы должны исходить из особенностей и своеобразия переходного периода, учитывая, что пролетарская революция ломает целиком старые имущественные отношения. В связи с этим классовая борьба в переходный период принимает крайне ожесточенный характер. Сама диктатура пролетариата, как указывал неоднократно Ленин, есть не что иное, как новые формы классовой борьбы; осуществляя строительство социализма, пролетариат сталкивается и с новыми формами классового сопротивления социально-чуждых элементов и их агентуры, пытающихся использовать всю силу традиций старого общества, всю силу частнособственнических навыков и привычек для борьбы с рождающимся коммунизмом. Вот почему все силы старого мира идут на любые преступления, чтобы остановить победоносное движение великой социалистической революции, чтобы сорвать дело социалистического строительства. Прошедшие процессы троцкистско-фашистских банд, самые подлые преступления, на которые идут агенты фашизма — троцкистские убийцы и поджигатели войны, рука об руку с правыми реставраторами капитализма, служат яркой иллюстрацией бешеного сопротивления сил старого мира социализму. Поэтому не только контрреволюционные преступления, в которых непосредственно выражается сопротивление классово враждебных элементов и их агентуры, но и иные формы преступлений, выражающие это сопротивление старого порядка, взятые в своей массе, являются также своеобразной формой классовой борьбы. Нужно понять, что даже тогда, когда субъектом преступления является рабочий, он как субъект преступления

[1] Ленин, т. XXII, стр. 459—460.

выступает в качестве представителя враждебных нам сил, чуждых нам классов, враждебной нам идеологии. Это, конечно, еще не превращает его во всех случаях совершения им преступлений в классового врага, — этих двух вещей не надо смешивать, но, совершая преступление, даже общеуголовное, трудящийся этим самым своими действиями становится на сторону враждебных нам сил старого порядка.

В заключение нам хотелось бы указать также и на неровный стиль и тяжеловесность ряда мест рецензируемой работы. Приводимое ниже в качестве примера одно из высказываний автора, к сожалению, не является по своей форме исключением.

«Установлением правильной диалектической причинной связи преступления с социальными отношениями, т. е. отношениями классовых противоречий и классовой борьбы, порождающими преступность, неизбежно требует дальнейшего раскрытия закономерности развития классового общества, признания его противоречий, влекущих через классовую борьбу это классовое общество к революции и крушению капитализма через высшую форму классовой борьбы—диктатуру пролетариата,—к ликвидации классов и причин, порождающих классовые различия, к построению пролетариатом бесклассового общества, при полном развитии которого в высшей фазе коммунизма только и отомрет преступность» (стр. 168).

Надо раз навсегда усвоить, что то, что мы пишем, предназначается для широкой аудитории, а не только для лиц, имеющих ученые степени.

Мы считаем, что книга т. Волкова «Классовая природа преступлений и советское уголовное право» должна быть коренным образом переработана, центром ее должна быть характеристика классовой природы преступления в советском уголовном праве, его противоправности под углом зрения существа советского уголовного права как социалистического и тех задач, которые перед нами поставлены величайшим документом нашей эпохи—новой Сталинской Конституцией.

А. Шляпочников

Проф. **А. ТРАЙНИН, «Защита мира и уголовный закон».** Под редакцией и с предисловием А. Я. Вышинского. Всесоюзный институт юридических наук. Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937.

В своем докладе на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. товарищ Сталин указал, что «необходимо прежде всего повернуть внимание наших партийных товарищей, увязающих в «текущих вопросах» по линии того или другого ведомства,—в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера».

Книга, которую мы рецензируем, идет навстречу потребности ознакомления не только юристов, но и широкого круга других работников, желающих повысить свой политический уровень, с одним из таких больших вопросов международного характера. Тема рецензируемой книги относится к числу тех тем, достаточное овладение которыми обязательно для всех работников, стремящихся к тому, «чтобы они могли свободно ориентироваться в внутренней и международной обстановке» (Сталин).

Книга А. Трайнина удачно избрала предметом своего рассмотрения участок международной политики, образующий стык между двумя областями правовых отношений, а именно между международным и уголовным правом. Однако рецензируемая книга далеко выходит при этом за пределы так называемого международного уголовного права. Будучи посвящена узловому вопросу современной международной политики—борьбе за мир одних стран во главе с СССР и борьбе за развязывание войны и устранение всех, даже малейших, стоящих на пути к ней препятствий, — других во главе со странами фашистской диктатуры, — книга А. Трайнина охватывает значительно более широкий круг вопросов, чем чисто юридические вопросы той или иной отрасли права.

На фоне показа борьбы двух основных тенденций международной политики автор обрисовывает, как уголовный закон может быть использован в качестве инструмента мира и как в соответствии с этим значением уголовного закона последний, в свою очередь, становится одним из тех узловых пунктов борьбы за мир, который вызывает открытое или замаскированное противодействие элементов, стремящихся к покровительству агрессорам и интервентам.

Книга А. Трайнина уясняет, что в любом вопросе, связанном с борьбой за мир, неизбежно сталкиваются, действительно в мировом масштабе, прогрессивные и реакционные силы и что реакция и фашизм делают бешеные усилия для ослабления каждого фактора мира, прибегая для этого в большем или меньшем масштабе к обычным приемам фашистской политики, начиная от клеветы, пренебрежения законом и бесцеремонного нарушения договоров и кончая попытками обратить любой фактор мира против величайшей опоры мира — против СССР и против революционного движения во всех странах.

Работа А. Трайнина показывает вместе с тем чрезвычайно наглядно, как в борьбе за мир Советский союз готов всемерно поддержать каждый, казалось бы, даже второстепенный фактор мира, даже такой, как уголовный закон, значимость которого для дела мира может показаться, на первый взгляд, иллюзорной или во всяком случае не настолько серьезной, чтобы можно было тратить на него время и внимание.

Перед автором, избравшим такую тему, как «Защита мира и уголовный закон», стояли задачи различного, но одинаково важного по значению характера. Автору надо было прежде всего охватить огромный конкретный материал (документация Лиги наций, отчеты международных конгрессов уголовного права, уголовное законодательство всех стран, выступления советских дипломатов, зарубежная литература по международному праву и т. д.). Надо было на основе этого материала вскрыть лицемерие буржуазных теоретиков международного права в этом важнейшем вопросе и дать политический и юридический анализ их предложений. Надо было вскрыть и истинные движущие силы, стоящие за защитниками и врагами уголовного закона как орудия борьбы за мир, и показать, что в действительности законы, направленные в защиту мира, ре-

закционные и фашистские теоретики стремятся использовать не как орудие борьбы за мир, а орудие борьбы с революционным движением; надо было дать на основе неизменно мирной политики СССР и некую положительную систему юридических отношений, направленных на охрану мира и борьбы с попытками агрессий.

Посмотрим, как автор разрешает эти задачи.

Исходная точка автора—это убеждение в том, что, не говоря уже о реальной поддержке мирной политики при помощи уголовного правосудия (наказуемость терроризма, пропаганды агрессии и т. д.), самое движение вокруг уголовных законов о защите мира может стать мощным орудием в деле мобилизации народов на борьбу за мир.

Автор показывает, как буржуазные теоретики вместо действительного использования уголовного закона для защиты мира становятся на путь отклонения дела защиты мира на ложный путь при помощи политически вредных и теоретически несостоятельных попыток приписать принудительным мероприятиям, предусмотренным пактом Лиги наций (так называемым «санкциям») характер уголовных мероприятий.

Путем анализа правовой природы предусмотренных ст. 16 статута Лиги наций санкций автор показывает, что попытка придать санкциям уголовно-правовой характер глубочайшим образом противоречит и основным принципам уголовного правосудия и реальной действительности. Происходивший на наших глазах процесс применения санкций в конфликте Италия—Абиссиния или переговоры после ремилитаризации Германией Рейнской зоны показали, что не уголовными мероприятиями, а сложной борьбой противоречивых интересов крупных империалистических стран определяется отношение Лиги наций к агрессорам и интервентам,—отношение, вряд ли способное внушить агрессорам и интервентам страх перед мифическим уголовно-правовым характером санкций.

Мало этого, попытка криминализации процесса применения санкций прямо направлена на ослабление самой системы санкций. Придание санкциям уголовно-правового характера неизбежно осложняет и удлиняет процесс разрешения вопроса об их применении (расследование, квалификация события и т. д.) и тем самым противоречит предложенному т. Литвиновым автоматизму применения санкций, обеспечивающему быстрый и энергичный отпор агрессору. Таким образом раскрывается истинный смысл теории об уголовно-правовом характере санкций. Эти теории направлены не на укрепление, а на ослабление борьбы в защиту мира, не на ограничение, а на попустительство агрессору.

Самая ст. 16 статута Лиги наций, формально дающая как будто в руки Лиги наций реальные возможности для борьбы с агрессорами, не была за 15 лет ни разу использована, несмотря на то что поводов для ее применения было за это время немало (конфликты Япония—Китай, Италия—Абиссиния и др.). К тому же ст. 16, несмотря на всю ее важность, не была за пятнадцать лет укреплена или развита какими-либо конвенциями, протоколами или постановлениями Лиги наций.

Так называемый «Женевский протокол» 1924 г., содержащий ценные, с точки зрения защиты мира, постановления и принятый 48 государствами, в силу не вступил из-за отказа его утверждения консервативным правительством Англии. Судьбы Локарнского договора, направленного на сохранение status quo, хорошо известны: фашистская Германия с легкостью разрушила эту постройку, оказавшуюся карточным домиком, и цинично надсмеялась над всеми обязательствами по Локарнскому договору. Что же касается так называемого пакта Бриана—Келлога, то он оказался лишенным всякой реальной силы, обеспечивающей его выполнение странами, давшими свои подписи под этим пактом.

Столь же мало содействовали защите мира многочисленные международные съезды и конференции по вопросам уголовного права. Ни на международных конгрессах уголовного права и пенитенциарии, ни на конгрессах Ассоциации международного права, ни на съездах Международного союза криминалистов и Международной ассоциации уголовного права не было сделано ничего, что хоть сколько-нибудь реально содействовало бы обеспечению защиты мира при помощи эффективных санкций. Зато Ассоциация не преминула попытаться направить все усилия на «свержение коммунизма». Что же касается слабой попытки Ассоциации в 1929 г. связать свою работу с деятельностью Лиги наций в целях установления международной уголовной юрисдикции, то эта попытка бесславно заглохла, и только в программе Афинского конгресса Ассоциации (весна 1936 г.) появляется вопрос «В какой форме национальное законодательство может притти на помощь защите международного мира».

Наконец, организованная в 1935 г. на Брюссельском конгрессе Международной ассоциации так называемая конференция по унификации уголовного права занималась больше такими вопросами, как торговля рабами и женщинами или борьба с сутенерством. Что же касается скупых постановлений конференции по вопросам борьбы с терроризмом, то эти постановления служили лишь прикрытием для организации в международном масштабе борьбы с революционным движением и коммунизмом.

Про эту часть рецензируемой книги совершенно правильно пишет в предисловии к книге А. Я. Вышинский, что она «совершенно своевременно разоблачает... попытку международных шуллеров права фальсифицировать борьбу за мир, подменив ее борьбой с революцией и коммунистическим движением».

Борьба между сторонниками мира и разжигателями войны разыгрывается и вокруг вопроса о соотношении между интернациональным и национальным правом. Вопрос ставится так: присоединяясь к пакту Лиги наций или подписывая международные договоры и конвенции, должно ли государство привести свое национальное законодательство (в том числе и уголовное) в соответствие с правовыми отношениями, установленными в статутах, конвенциях или договорах? Когда же речь идет специально о тех статьях пакта Лиги наций, о тех договорах и конвенциях, которые содержат в себе обязательства по защите мира, то должно ли данное государство ввести в свое законодательство, и на этот раз в том числе и в уголовное, нормы, обеспечивающие осуществление обязательств, принятых на себя всту-

плением в Лигу наций или подписанием договора о конвенции? Если Советский союз неизменно лойяльно исполняет все принятые на себя международные обязательства, если Сталинская Конституция предусматривает «необходимость выполнения международных договоров по взаимной обороне от агрессии» (п. «к» ст. 48), то фашистские юристы, в соответствии с политикой одностороннего нарушения международных договоров, принятой их правительствами, пытаются теоретически оправдать эту политику беззакония и произвола. А. Трайниным цитируются следующие слова фашистского профессора Симонса: «При нормальном соглашении государств (штатсфертраг), так как государства сами для себя путем добровольного соглашения приняли закон своего поведения, то они сами являются и последними судьями того, могут ли они на долгое время признавать этот закон или же находят нужным в силу изменившихся обстоятельств по-новому регулировать жизненные права народа, который они представляют».

Оказывается, сообщает далее А. Трайнин, что только Чехословакия специальным законом от 26 апреля 1923 г. уполномочила правительство принять меры для проведения в жизнь санкций, установленных в ст. 16 пакта Лиги наций.

Каковы были результаты такого отношения капиталистических стран к международным обязательствам? Яркий ответ дал на этот вопрос т. Литвинов, подводя итоги исполнения постановлений о санкциях против Италии: «Четыре члена Лиги с самого начала отказались применять какие бы то ни было санкции. Один член Лиги, граничащей с Италией, отказался применять наиболее действенную санкцию, а именно закрепление импорта из Италии. А из тех сторон, которые принципиальных возражений против санкций не высказывали, некоторые фактически не применяли всех санкций со ссылкой на конституционные препятствия, необходимость изучения и т. д. Таким образом даже эмбарго на оружие не применяли семь стран, финансовые меры—восемь стран, запрещение экспорта в Италию—десять стран, запрещение импорта из Италии — тринадцать стран—двадцать пять процентов общего числа членов! СССР выполнил, разумеется, и на этот раз все обязательства, вытекающие из пакта Лиги наций и постановлений Совета Лиги наций.

Для того чтобы ответить на вопрос, в какой мере капиталистические страны привели свое национальное законодательство в соответствие с пактом Лиги наций, т. Трайнин подвергает анализу два основных разветвления национальных законодательств: конституции и уголовные законы различных капиталистических стран.

Ряд конституций стран, присоединившихся к пакту Лиги наций и пакту Бриана—Келлога и изданных после присоединения, вовсе не содержат упоминаний об обязательствах, вытекающих из этих двух основных пактов, направленных на защиту мира. Конституции, которые так или иначе реагировали на международные обязательства по защите мира, А. Трайнин разделяет на две группы: конституции, содержащие конкретные постановления, направленные на защиту мира, и конституции, содержащие одни лишь декларации о мире.

Декларациями ограничивались конституции Германии и Польши (1921 г.). Как отнеслась на деле к вопросам войны и мира фашистская Германия, говорить не приходится. В новой польской конституции 1935 г. нет уже даже и деклараций о мире.

Некоторые конституции ограничиваются более или менее краткими упоминаниями о необходимости арбитража в случае конфликтов с другими странами. В Европе только испанская конституция 1931 г. отразила необходимость выполнения условий, установленных Лигой наций и международными конвенциями. Из внеевропейских стран только Бразилия и Сиам пошли по стопам Италии.

С полным правом мог А. Трайнин констатировать: «Итак, спустя семнадцать лет после заключения пакта Лиги наций и восемь лет после подписания пакта Бриана—Келлога, огромное большинство капиталистических стран в своих основных законах проходит мимо этих обязательных для них международных актов, направленных к защите мира».

Не лучше обстоит дело и с уголовным законодательством капиталистических стран — участников пакта Лиги наций и пакта Бриана—Келлога. А. Трайнин утверждает,—и это свое утверждение он подкрепляет тщательным анализом огромного конкретного законодательного материала,—что в капиталистических странах нет ни одного кодекса, в котором нашло бы реальную защиту дело мира. С полным основанием А. Трайнин видит в этом факте яркое доказательство классовой природы уголовного законодательства капиталистических стран, защищающих не дело мира, а «тыл и фронт воинствующего империализма».

Правда, — показывает далее автор, — нависшая над миром угроза новых войн, все большее укрепление единого фронта трудящихся против войны, рост революционного движения во всех странах и появление сторонников мира среди передовых слоев либеральной интеллигенции внесли некоторое оживление в направление защиты мира в проектах уголовных законов последнего времени. Это же оживление проявляется и в некоторых законах, изданных за последние годы. Таковы французский закон 13 июля 1927 г. о военной организации страны, американский закон о нейтралитете 1935 г. или бельгийский закон 1936 г. «О производстве, торговле и ношении оружия и торговле военным снаряжением».

Но одновременно с этими вынужденными уступками делу защиты мира появляются в разных странах законы, направленные к охране капиталистических армий от революционных настроений и на борьбу с проникновением в эти армии революционного движения. Германия издает в 1933 г. закон, восстанавливающий подсудность военнослужащих военным судам. В Англии в 1934 г. вступает в силу закон об ответственности за революционную пропаганду в армии и флоте. Аналогичный закон издается в 1935 г. в США.

Таким образом,—констатирует А. Трайнин,—уголовная кара обрушивается в капиталистических странах на тех, кто мешает подготовке войны, и «любой из задач, решаемых уголовным законом, — охране имущества, личности, порядка управления, — любой кодекс уделяет большее внимание, чем уголовной защите мира. Порой недозволенная охота за зайцами ка-

рается строже, чем организация военного истребления людей.

Таковое содержание первой части работы А. Трайнина. Политическое значение ее заключается в том, что она полно и ярко разоблачает отвратительное зрелище лицемерия, обмана, нарушения договоров, беспощадного торга жизнью и кровью миллионов трудящихся — жертв подготавливаемых войн, противодействия делу защиты мира, маскируемого пышными фразами, и фактического нескрываемого покровительства агрессорам и интервентам или пассивной политики, означающей на деле ту же безнаказанность агрессора.

Политическое и теоретическое значение эта часть книги имеет потому, что автор сумел нарисованное им широкое полотно развернуть вокруг одного из многих частных вопросов современной действительности—уголовной политики. Таким путем особенно наглядно демонстрируется стремление современных империалистических хищников и их пособников решительно все подчинить делу подготовки новых войн. Пушки не только вместо масла, но и вместо уголовного закона в защиту мира— вот один из тех выводов, которых нельзя не сделать после прочтения первой части книги А. Трайнина.

Вторая часть рецензируемой книги посвящена положительной задаче: созданию понятия и системы преступлений против мира.

А. Трайнин эту часть начинает с доказательства юридической несамостоятельности и политической беспринципности попыток буржуазных теоретиков свести интернациональные деликты к преступлениям, предусмотренным заключенными международными конвенциями, то есть к торговле женщинами, рабами и т. п. Такой же характеристики заслуживают и те «теоретики», которые к интернациональным преступникам относят «наших проституток, бродяг и цыган» (!).

На место этих лицемерных и смехотворных «теорий» А. Трайнин устанавливает основное, имеющее решающее политическое значение положение, что спецификой международного деликта является посягательство на «глубочайшую основу международного общения — на мир».

«Интернациональный деликт,—пишет А. Трайнин,—должен быть, таким образом, определен как посягательство на мирные отношения между государствами».

Это единственно правильное принципиально политическое и теоретическое положение дало А. Трайнину возможность предложить стройную систему международных деликтов.

Совершенно последовательно А. Трайнин доказывает, что «ответственность государства за совершенные правонарушения бесспорна, но эта ответственность является не уголовной, а особого типа международно-правовой ответственностью, регулируемой международными соглашениями. Ответственность по всей проводимой далее системе международных деликтов могут нести только физические люди; в первую очередь ответственность могут и будут нести члены правительства и «вожди» тех стран, которые систематически занимались нарушением международных обязательств и организацией агрессивной войны» (стр. 110).

Для разнообразных форм преступлений против мира, которые могут и должны быть предусмотрены национальным и уголовным кодексами и проектом всемирного уголовного кодекса, автор предлагает следующую схему: 1. Агрессивные действия. 2. Враждебные действия (пропаганда агрессии, терроризм, поддержка вооруженных банд, бойкот, нарушение международных договоров, заключенных в защиту мира). 3. Неприязненные действия (распространение фальшивых документов и заведомо ложных сведений, направленных против другого государства; оскорбительные в отношении другого государства действия).

Совершенно справедливо А. Я. Вышинский указывает в своем предисловии, что «тщательный анализ этих видов преступлений, содержащихся в книге проф. А. Трайнина, представляется одним из наиболее интересных мест книги» и что «несколько глав книги, посвященных этому вопросу, дают вполне достаточное представление о единственно правильной постановке проблемы борьбы с этими преступлениями при помощи уголовного закона. Особенно это надлежит сказать о главе, трактующей о терроризме».

Злодейское убийство С. М. Кирова, организация и руководство агентом гестапо Троцким террористических актов, направленных против членов советского правительства и вождей советского народа, гнуснейшее зрелище, которое представляли пойманные с поличным террористы-шпионы-диверсанты, сидевшие на скамье подсудимых в судебном процессе антисоветского троцкистского центра,—все это придает особую политическую и теоретическую значимость разработке юридического понятия терроризма. А. Трайниным в рецензируемой книге много сделано в этом отношении: он дал теоретическую основу для дальнейшей работы в этом направлении.

Однако, как ни интересен раздел о терроризме, точно так же, как и все остальные разделы, посвященные отдельным международным деликтам против мира, то, что дано по этим вопросам в книге А. Трайнина, — это только первое начало, только первая основа принципиально правильных решений.

Перед советскими юристами раскрывается после появления книги А. Трайнина чрезвычайно интересная и важная область положительной работы, — область, оставшаяся до сих пор «неподнятой целиной». А. Трайнин, сделав первую, бесспорно, удачную попытку поднять эту целину, положил тем самым основание для многих работ по важнейшим вопросам международного уголовного права.

Несколько слов о третьей и последней части книги, названной автором «Борьба с интернациональными преступлениями.

Первая глава этой части посвящена разработанному Комитетом Лиги наций проекту по международной конвенции, по борьбе с возглавляющими террористическую деятельность организациями и с преступлениями, совершенными в целях политического террора. А. Трайнин устанавливает недостаточность проекта и необходимость расширения проектируемой международной конвенции с тем, чтобы она регулировала преступления против мира на основе системы международных преступлений, предложенной автором.

Вторая глава последней части содержит историю проекта создания международного уголовного трибунала и подробно останавливает-

ся на проекте конвенции о международном уголовном суде, разработанном Комитетом Лиги наций.

Заключение автора дышит твердой уверенностью в том, что законопроекты в защиту мира «имеют все основания стать конкретным и мощным орудием по мобилизации масс по борьбе за мир» и что «реальность и конкретность использования уголовного закона в борьбе за мир» находит ценную опору в единственной международной политической организации—Лиге наций».

Эта уверенность автора находит подкрепление в речи т. Литвинова на Совете Лиги наций в 1934 г. при обсуждении вопроса об интернациональной борьбе с терроризмом. «Нужно экономическими и политическими мерами поставить защитников войны прямо-таки в осадное положение,—говорил т. Литвинов.— Нужно припереть их, чтобы у них руки оказались коротки для исполнения своих преступных замыслов. Нужно опаясать земной шар такой сетью организаций друзей мира, таким могучим движением интернациональной солидарности, такими действенными мероприятиями единой международной политики пролетариата в интересах сохранения мира, чтобы сковать злодейские руки защитников войны».

После всего сказанного общая положительная оценка книги А. Трайнина не вызывает, разумеется, никаких сомнений. Книга А. Трайнина имеет все основания рассчитывать на широкий круг читателей, на всех, кто интересуется вопросами международной политики, всех, кто заботится о повышении своего политического уровня.

В этом отношении книга имеет, кажется нам, и все основания быть переведенной на иностранные языки. Она раскроет за рубежом глаза многим, наивно верящим еще в красноречивые декларации о защите мира, исходящие от тех, кто в действительности готовит новые войны. Она вместе с тем будет содействовать тому, чтобы все действительные сторонники мира сплотились еще сильнее и поддерживали всякий фактор, который может стать орудием защиты мира, и в том числе уголовный закон.

Что касается советских юристов, то для них книга А. Трайнина будет иметь значение как первая в СССР работа, посвященная важнейшему политическому и теоретическому вопросу, удачно разрешившая этот вопрос и положившая начало для дальнейшей научно-исследовательской работы в области международного уголовного права.

Б. Утевский

Официальный отдел

О СТАТИСТИЧЕСКИХ ОТЧЕТАХ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

В связи с изменением структуры органов прокуратуры форма статистического отчета, введенная циркуляром от 5 апреля 1936 г. за № 23/20, заменена с 1 января 1937 г. новыми формами, разосланными 26 января с. г. № 20/4.

Установленные формы отчетности построены применительно к новой структуре органов прокуратуры. В соответствии с этим предлагаю поступающий статистический материал тщательно проверять, изучать и использовывать цифровые данные для выводов о качестве работы на местах и о направлении оперативной работы отдельных прокуратур.

Представляемые в Прокуратуру Союза ССР сводные отчеты должны, как правило, включать тщательно выверенный цифровой материал по всем без исключения районным, областным, краевым и республиканским прокуратурам.

Сроки отправления отчетности в высшие органы прокуратуры, указанные в прилагаемой инструкции, являются предельными. За нарушение этих сроков, как и за представление недоброкачественных отчетов, виновные будут привлекаться к ответственности (постановление СНК СССР от 27 ноября 1933 г.).

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

20 февраля
1937 г.
№ 9/20

О ПЕРЕДАЧЕ ОРСОВ НАРКОМВНУТОРГУ СССР

В соответствии с постановлением Совета народных комиссаров Союза ССР от 2 февраля с. г. «О повсеместной передаче орсов НКТП, НКПП и НКПС Наркомвнуторгу СССР» приказываю:

1) Расследование всех дел о преступлениях в розничной торговой сети и сети общественного питания орсов заводских предприятий НКПС (по прилагаемому списку), возникших с момента поступления настоящего приказа, возложить на соответствующих городских и районных прокуроров.

2) Прокурорам железных дорог обеспечить быстрейшее окончание следствия и передачу в соответствующие суды по подсудности дел о преступлениях в этих предприятиях, возникших до издания настоящего приказа.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

3 марта
1937 г.
№ 163

О ВОЛОКИТЕ В ПРОКУРАТУРЕ НИЖНЕВОЛЖСКОГО БАССЕЙНА

Прокуратурой Нижневолжского бассейна были присланы в Главную прокуратуру водного транспорта два уголовных дела (по обвинению Каменского по ст. 59[3] УК и по обвинению Смирнова по ст. 111 УК) с протестами на постановления подготовительного засе-

дания водно-транспортного суда, которым эти дела были возвращены для производства дополнительных следственных действий.

При рассмотрении в Главной прокуратуре этих дел установлено, что при их расследовании была допущена возмутительная волокита, а само следствие по этим несложным делам проведено недоброкачественно и неполно.

1. Дело по обвинению Смирнова А. А. Бухгалтерской проверкой, произведенной 31 июля 1936 г. у заведующего кладовой магазина орса Сталинградской пристани Смирнова, была обнаружена недостача товаров на сумму 3 025 руб.

На другой день, то есть 1 августа, следователь прокуратуры Нижневолжского бассейна Кравцов без вынесения постановления о начатии производства следствия приступил к расследованию, допросив в качестве свидетеля гр. Крылову, производившую бухгалтерскую проверку.

В дальнейшем следствие идет следующим порядком:

17 сентября, то есть через 1 месяц и 17 дней, допрошен свидетель Лисицкий, 7 октября допрошена свидетельница Котлярова, 19 октября Смирнову предъявлено обвинение, произведен его допрос, а также дополнительно допрошена Крылова.

3 декабря, то есть через 1 месяц и 14 дней, дополнительно допрошен свидетель Лисницкий, а 10 и 14 декабря—свидетели Гончарова и Хабаров.

И только 25 декабря 1936 г., то есть через полгода после того, как следователь приступил к следственным действиям, было составлено обвинительное заключение, тогда как следствие по делу без всяких затруднений могло быть закончено в 2—3 дня.

Следователем Кравцовым к делу приобщена накладная со следами подлога, учиненного обвиняемым Смирновым. Несмотря на то, что факт подлога в оправдательном документе данными дела установлен, следователь Кравцов вместо того чтобы направить следствие в сторону выявления возможных корыстных злоупотреблений Смирнова, формально относясь к своим обязанностям, привлекает его только по ст. 111 УК.

2. Дело по обвинению Каменского С. Я. по ч. 1 ст. 59[3в] УК РСФСР.

10 октября 1936 г. в районе В. Головнинского перевала реки Волги произошло столкновение парохода «Воронеж» со стоявшей вне фарватера баржей № 0620. В результате столкновения баржа затонула. Общий убыток от этой аварии составил сумму в 29 702 руб.

До 18 октября 1936 г. инспектором судоходства было произведено обстоятельное расследование и по решению начальника пароходства от 22 октября 1936 г. материал о виновниках аварии ст. пом. капитана парохода «Воронеж» Каменском и лоцмане Ветохине был направлен прокурору Средневолжского бассейна для привлечения их к уголовной ответственности.

Материалы расследования, произведенного судоходной инспекцией, были рассмотрены исполняющим обязанности прокурора Средневолжского бассейна т. Звергздынь 3 ноября 1936 г., который постановил направить их прокурору Нижневолжского бассейна.

В прокуратуре Нижневолжского бассейна материалы были получены 9 ноября 1936 г. и по согласованию с начальником Нижневолжского пароходства были 27 ноября 1936 г. направлены ст. следователю прокуратуры Ярославцеву, который и принял их своим постановлением к производству 27 ноября 1936 г., то есть через 1 месяц и 17 дней после аварии.

3 декабря 1936 г. ст. следователь Ярославцев допросил подозреваемого Каменского.

11 декабря 1936 г. в камеру ст. следователя были вызваны эксперты, которые дали в тот же день свое заключение.

Через 24 дня, 4 января 1937 г., ст. следователь допросил свидетеля Зивкина, 10 января 1937 г. допросил свидетеля Сугоняева, а 19 января 1937 г. свидетеля Цыбина; 23 января 1937 г. вторично были вызваны в камеру ст. следователя эксперты, давшие вторично ответы на поставленные вопросы.

26 января 1937 г. было предъявлено обвинение ст. пом. капитана Каменскому и только 28 января составлено обвинительное заключение.

Таким образом для того, чтобы допросить 4 человек и произвести экспертизу (занявшую 2 дня) по актуальнейшему и вместе с тем чрезвычайно простому аварийному делу, ст. следователю вместо 3—5 дней понадобилось два месяца.

При рассмотрении дела в подготовительном заседании водно-транспортного суда постановлением последнего дело совершенно правильно было возвращено к доследованию для привлечения в качестве обвиняемого и лоцмана Ветохина, о виновности которого дважды дали свое заключение эксперты, нач. пароходства и которого ст. следователь Ярославцев даже не потрудился на протяжении двух месяцев допросить.

За халатное и недобросовестное отношение к своим обязанностям Ярославцев и Кравцов заслуживают привлечения к уголовной ответственности, но учитывая, что в прошлом они взысканиям не подвергались, считаю возможным ограничиться мерами воздействия в дисциплинарном порядке.

На основании изложенного приказываю:

1. Ст. следователю прокуратуры Нижневолжского бассейна т. Ярославцеву объявить выговор.

2. Следователю т. Кравцову объявить строгий выговор с предупреждением.

3. Прокурору Нижневолжского бассейна т. Бунову за неудовлетворительное осуществление судебно-следственного надзора и руководства расследованием поставить на вид.

4. Дела по обвинению Смирнова и Каменского возвратить прокуратуре Нижневолжского бассейна для немедленного выполнения постановления подготовительного заседания водно-транспортного суда.

Приказ в копии разослать всем прокурорам бассейнов для сведения и ознакомления следователей.

Зам. прокурора Союза ССР **ЛЕПЛЕВСКИЙ**

4 марта
1937 г.
№ 162

О СОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РЕВКОМИССИЯМ КОЛХОЗОВ

11 марта с. г. в Прокуратуре СССР проведено совещание с председателями ревизионных комиссий некоторых колхозов, созванными в Москву редакцией «Крестьянская газета».

Совещание показало, что органы прокуратуры на местах не имеют постоянной связи с членами ревизионных комиссий колхозов и поэтому не используют в должной степени материалы ревкомиссий для борьбы с различными злоупотреблениями и нарушениями революционной законности в колхозах. Установлено также, что дела, возбуждаемые ревкомиссиями колхозов, не всегда получают в органах прокуратуры правильное и быстрое разрешение.

Так, например, до сего времени не закончено расследованием дело о гибели силоса, возбужденное ревкомиссией колхоза «Красный пахарь» Армавирского района Орджоникидзенского края еще в декабре 1936 г.; не закончены дела об абортировании лошадей и недостаче в колхозных амбарах хлеба, возбужденные ревкомиссией колхоза имени Куйбышева Демьяновского района Западной области в 1936 г.; не дано движения материалам ревкомиссии колхоза «Селькор» Воронежской области о растрате председателем колхоза общественных средств и т. д.

На совещании было также установлено, что председатели ревкомиссий не всегда успешно выполняют свои функции по ревизии колхозных дел, выявлению злоупотреблений колхозным имуществом и т. д. потому, что не имеют правильного представления о своих правах и обязанностях, недостаточно хорошо знакомы с Уставом сельскохозяйственной артели, не знают, куда направлять материалы о выявленных злоупотреблениях, и т. д. Между тем, помощи по этим вопросам от органов прокуратуры на местах ревкомиссии зачастую не получают.

Считая такое положение совершенно нетерпимым, приказываю:

1. Всем органам прокуратуры оказывать ревкомиссиям колхозов всемерное содействие в осуществлении им прав, предусмотренных ст. 25 Устава сельхозартели.

2. Обеспечить личное наблюдение прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей за делами, передаваемыми ревкомиссиями в судебно-прокурорские органы, принимая меры к быстрому и всестороннему расследованию и рассмотрению этих дел в судах.

3. Районным прокурорам и их помощникам при выездах на село знакомиться с работой ревкомиссий путем просмотра протоколов их заседаний и актов ревизий, давая должное направление материалам о злоупотреблениях, выявленных в процессе ревизий.

4. Не допускать нарушений прав ревкомиссий или вмешательства в их ревизионную работу со стороны местных органов, немедленно опротестовывая постановления или действия подобного рода.

5. Районным прокурорам практиковать с согласия районных организаций и вышестоящего органа прокуратуры в каждом случае созыв совещаний с председателями ревкомиссий для инструктирования их по вопросам выявления в ревизионном порядке фактов злоупотреблений и нарушений Устава сельхозартели, а также для ознакомления с важнейшими директивами партии и правительства по вопросам работы колхозов.

Обращаю внимание работников прокуратуры на то, что в осуществление задач, возложенных на органы прокуратуры по борьбе с хищениями социалистической собственности и нарушениями Сталинского устава сельхозартели, деловая связь работников прокуратуры с ревкомиссиями колхозов должна сыграть большую положительную роль.

О мерах, которые будут приняты во исполнение этих указаний, сообщайте спецдонесениями.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

27 марта
1937 г.
№ 13/24

О ПОРЯДКЕ ОПЛАТЫ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

По сообщению Народного комиссариата внутренней торговли СССР, в практике ряда прокуратур продолжает применяться возложение на хозяйственные организации оплаты за судебно-бухгалтерские экспертизы, производимые по уголовным делам (о хищениях, растратах и др.) (циркуляр НКЮ СССР и Прокурора СССР от 14 августа 1936 г.).

Считая такое положение недопустимым и подтверждая ранее данные указания по этому вопросу, предлагаю всем работникам прокуратуры руководствоваться следующим:

1. При производстве расследования дел о хищениях, растратах и т. д., в случаях необходимости производства судебно-бухгалтерской экспертизы последнюю назначать в соответствии с циркуляром Прокурора СССР № 61/19 от 7 октября 1936 г., не допуская превращения экспертизы в ревизию. Оплату экспертизы производить за счет прокуратуры со включением выплаченных сумм в состав судебных издержек по делу в порядке ст.ст. 88, 89, 90 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик.

2. От хозяйственных организаций, сообщающих об имевших место в их системе недостачах ценностей, требовать представления полных ревизионных материалов, указанных в циркуляре Прокурора СССР и наркома внутренней торговли СССР № 73/15134 от 3 декабря 1936 г. В случаях представления хозорганизацией неполных материалов до возбуждения уголовного дела требовать представления дополнительных материалов и, в случае необходимости, производства детальной ревизии. Эти ревизии, производимые до возбуждения уголовного дела, производятся самой хозорганизацией, силами ее аппарата или через бюро судебно-бухгалтерской экспертизы (по усмотрению руководителя хозорганизации), и все расходы по производству ревизии несет сама хозорганизация.

3. В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 9 октября 1936 г. (С. З. 1936 г. № 55, ст. 433) не допускать возбуждения уголовных дел о мелких недостачах, получившихся вследствие неопытности работника, просчета и т. д., предлагая в этих случаях руководителям соответствующей хозорганизации применять меры дисциплинарного взыскания.

4. Все необходимые пополнения первичных материалов, поступающих в прокуратуру от хозорганизаций, производить непосредственно самим прокурором и передавать их следователям лишь тогда, когда эти материалы достаточны для возбуждения уголовного преследования.

5. Изменить ст. 17 «Временного положения об организации судебно-бухгалтерской экспертизы при Прокуратуре СССР» от 8 июля 1936 г., изложив ее в следующей редакции:

«Производство бухгалтерских экспертиз, назначаемых судебно-следственными органами, передается исключительно местным бюро судебно-бухгалтерской экспертизы. Оплата экспертиз производится из средств судебно-следственного органа, назначившего экспертизу, по таксе, утверждаемой Прокурором Союза ССР, и народным комиссаром юстиции Союза ССР.

Производство ревизий принимается местным бюро судебно-бухгалтерской экспертизы по поручениям государственных, кооперативных и общественных организаций. Оплата ревизий производится организацией, поручившей производство ревизии на основе соглашения этой организации с бюро судебно-бухгалтерской экспертизы».

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

1 апреля
1937 г.
№ 17/26

О РАБОТЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ОТДЕЛОВ

В целях уточнения ряда организационных и оперативных вопросов, возникающих в работе следственных отделов, разъясняю:

I

Одно из важнейших требований, предъявляемых к начальникам следственных отделов краевых (областных) прокуратур,—это хорошее знание личного состава всего руководимого каждым из них следственного аппарата. Вместе с тем начальник следственного отдела должен обладать высокой квалификацией в области следствия.

В силу этого назначения перемещение начальников следственных отделов краевых (областных) прокуратур может производиться лишь в исключительных случаях и только с ведома следственного отдела Прокуратуры Союза.

Для обеспечения надлежащей постановки всей этой работы в составе каждого следственного отдела должен быть выделен специальный помощник прокурора по методической части.

II

Некоторые прокуроры все еще допускают возложение на следователей обязанностей государственных обвинителей. Такая практика есть не что иное, как уклонение прокуроров от выполнения своей важнейшей обязанности по работе в суде.

На прокуроров, уклоняющихся таким образом от выполнения своих обязанностей, накладывать дисциплинарные взыскания, следователям таких поручений не принимать к исполнению.

III

В ряде мест прокуроры все еще не уделяют должного внимания надзору за соблюдением установленных законом правил о подследственности. В результате этого из всех законченных народными следователями в I полугодии 1936 г. дел только 65% относятся к делам, подследственным следователям.

Такое положение тем более недопустимо, что доля участия народных следователей в расследовании подследственных им дел все еще совершенно недостаточна, и значительное число таких дел расследуется органами милиции.

Всем краевым (областным) прокурорам, прокурорам автономных и союзных республик, не имеющим областного деления, предлагаю установить непосредственный контроль за выполнением районными прокурорами установленных законами и действующими циркулярами правил о подследственности.

Передача в органы милиции дел, подследственных следователю, может иметь место лишь в самых исключительных случаях (отсутствие следователя, необходимость срочных и сложных розыскных действий и т. п.).

При направлении в краевую (областную) прокуратуру ежемесячных статистических отчетов районные прокуроры должны представлять исчерпывающие объяснения о причинах передачи в каждом отдельном случае дела, подследственного следователю, в органы милиции.

IV

В целях упорядочения выдачи разрешения на продление срока предварительного расследования и содержания под стражей обвиняемых, предлагаю впредь строго соблюдать следующий порядок возбуждения и разрешения ходатайств и предоставления отсрочек.

1. Возбуждение ходатайств лежит на обязанности того следователя, в производстве которого находится дело, по которому ходатайство возбуждается. В тексте ходатайства должны быть изложены следующие данные:

а) сущность обвинения, предъявленного обвиняемому;

б) основные доказательства, на которых обвинение основывается;

в) положение расследования в момент возбуждения ходатайства и причины, вызвавшие затяжку расследования;

г) следственные действия, которые необходимо выполнить по данному делу;

д) срок, в который предполагается закончить дело.

Примечание. Ходатайство направляется в 2 экземплярах.

В случае возбуждения ходатайства о продлении срока содержания под стражей кроме того должны быть указаны те мотивы, по которым, по мнению следователя, избранная мера пресечения не может быть изменена.

2. Указанное в п. 1 ходатайство не позже как на 7 дней до истечения срока расследования представляется народными следователями и другими органами расследования в районе (городе) краевому (областному) прокурору через районного прокурора, который на тексте ходатайства делает надпись о своем согласии или несогласии с доводами, приведенными в ходатайстве. Старший следователь передает

ходатайство краевому (областному) прокурору непосредственно.

3. Ходатайства о продлении сроков следствия и содержания под стражей учитываются в следственных отделах и с заключением последних докладываются краевому (областному) прокурору с таким расчетом, чтобы разрешение последним ходатайства последовало в срок, не превышающий 24 часов с момента поступления ходатайства в краевую (областную) прокуратуру.

4. В случае признания краевым (областным) прокурором ходатайства об отсрочке обоснованным прокурор надписью на тексте ходатайства дает такую отсрочку на 1 месяц; подлинный текст ходатайства немедленно препровождается в органы расследования, возбудившему ходатайство, а копия остается в делах следственного отдела, и дело берется под особый контроль.

5. Если краевой (областной) прокурор находит ходатайство необоснованным, он немедленно предлагает органу расследования закончить дело или освободить обвиняемого из-под стражи, конкретно указав, каким путем может быть закончено дело и какая мера пресечения должна быть избрана обвиняемому.

6. Если же отсрочка испрашивается на срок свыше указанного в пункте 4, прокурор находит ходатайство обоснованным; он направляет его в Прокуратуру Республики вместе со своим письменным представлением об удовлетворении ходатайства.

7. Поступающие в Прокуратуру Республики ходатайства рассматриваются в порядке, указанном в пп. 3, 4 и 5 раздела IV настоящего циркуляра.

8. Ввиду того, что все еще имеют место случаи волокиты по следственным делам, прокуроры союзных республик во всех случаях обнаружения затяжки расследования на срок более 3 месяцев доносят об этом Прокурору СССР с указанием мер, принятых ими в отношении виновников волокиты.

V

Все еще недостаточно налажена информация Прокуратуры СССР о наиболее важных делах, возникающих в производстве старших и народных следователей.

С другой стороны, почти никогда не сообщается в Прокуратуру Союза о следователях, имеющих значительные достижения в своей работе, умело и талантливо раскрывающих сложные преступления и т. п.

Следственным отделам надлежит обеспечить своевременную и точную информацию Прокуратуры Союза, а в особо выдающихся случаях информировать немедленно по телефону или по телеграфу.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

2 апреля
1937 г.
№ 18/26

ГРУБОЕ НАРУШЕНИЕ ПРОКУРОРСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

25 января с. г. на станции Мичуринск Юго-Восточной ж. д. членом сектантской организации путевым обходчиком Белоглазовым, прибывшим с КВЖД, были убиты два активных пионера Лида и Коля Клименко—дети уборщицы дома грузчиков станции Мичуринск.

Прокурор Юго-Восточной ж. д. Можай об этом случае узнал лишь через месяц, несмотря на то, что оперативным пунктом НКВД ст. Грязи расследование велось.

Узнав, наконец, об убийстве пионеров, т. Можай, по его сообщению, командировал «для проверки дела» участкового прокурора т. Захарова. При этом т. Можай никакого сообщения об убийстве пионеров в Главную прокуратуру ж.-д. транспорта не сделал. Лишь 19 марта на запрос Главной прокуратуры ж.-д. транспорта, которой стало известно об убийстве пионеров от НКПС, т. Можай представил телеграфное донесение, из которого видно, что хотя Белоглазов и сознался в убийстве, однако подлинные мотивы убийства до сих пор не установлены.

Действия т. Можая в этом случае свидетельствуют:

1) об отрыве прокуратуры Юго-Восточной ж. д. от жизни дороги и об отсутствии надзора за следствием;

2) о грубой политической недооценке т. Можаем случая убийства двух активных пионеров;

3) о грубом нарушении т. Можаем служебной дисциплины.

Приказываю:

1. Прокурору Юго-Восточной дороги т. Можаю объявить выговор.

2. Обязать т. Можая обеспечить окончание следствия по делу об убийстве пионеров в 10-дневный срок с тщательным выявлением мотивов убийства.

Ст. пом. прокурора Союза ССР, главный прокурор ж.-д. транспорта **Г. СЕГАЛ.**

25 марта
1937 г.
№ 208/т. 27

НЕЗАКОННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ

16 июня 1936 г. Брянским оперативным пунктом НКВД было возбуждено дело по обвинению работников брянского орса гр-н Жук, Пашкевича, Курто и других, в общем количестве 6 человек.

Первоначальным документом, послужившим основанием к привлечению указанных лиц к уголовной ответственности, послужил акт проверки работы орса, произведенной Дортрансторгпитом.

В акте указывалось, что растраты по райтрансторгпиту за I половину 1936 г. составили 480 300 руб., безнадежная дебиторская задолженность 128 968 руб., а в общей сумме, как это указывает акт, преступной деятельностью обвиняемых причинен убыток в сумме 892 160 рублей.

На основании этого акта и показаний свидетелей, устанавливающих наличие неполадок в работе, прокурор Брянского участка Московско-Киевской дороги т. Исаев санкционировал привлечение указанных лиц к уголовной ответственности по закону от 7 августа 1932 г. и принятие в отношении их меры пресечения—содержание под стражей.

В процессе дальнейшего расследования к этому делу, вопреки ст. 117 УПК, были приобще-

мы материалы, не имеющие никакого отношения к обвинению указанных лиц и изобличающие работников торговой сети—зав. складами Масленникова и Колесникова и заготовителей—Ганцевича и Павликова в корыстных должностных преступлениях.

Таким образом вследствие неправильного объединения материалов возникло «большое дело по обвинению работников Трансторгпита по закону от 7 августа 1932 года, по которому начальник общественного питания орса Курто, бухгалтер Кудашев и другие содержались под стражей в течение 4 месяцев.

Впоследствии всем этим лицам обвинение было переквалифицировано с закона от 7 августа 1932 г. на ст. 109 УК.

В августе 1936 г. дело поступило с обвинительным заключением к врид прокурора Брянского участка Московско-Киевской дороги т. Козлову, который принял на веру акт проверки орса, дал указание о доследовании дела, лишь уточняющее отдельные моменты.

Вторично дело поступило в прокуратуру Брянского участка к прокурору т. Исаеву. 22 сентября было вынесено постановление о производстве экспертизы с направлением дела на доследование следователю Брянского участка.

Материалами экспертизы и собранными следователем данными установлено, что акт проверки Дортрансторгпита не соответствует действительности, и более того, основные показатели работы — планы реализации, наложений, валового накопления — оказались благоприятными. Изучение динамики роста растрат свидетельствует, что обвиняемыми проводилась борьба с растратами, в основном имевшими место до их работы.

На основании этих данных исполняющий обязанности прокурора Московско-Киевской дороги т. Куклев прекратил дело в отношении гр.гр. Жук, Пашкевича, Кудашева, Казакевича, Курто и Звягинцева.

Таким образом вследствие отсутствия надзора за следствием, проводимым оперативным пунктом НКВД, со стороны прокурора Брянского участка Московско-Киевской дороги т. Исаева, имел место безобразнейший случай неосновательного содержания под стражей 6 человек в течение 4 месяцев и необоснованное обвинение их в корыстных должностных преступлениях.

За отсутствием надзора за следствием т. Исаеву объявляю строгий выговор с предупреждением.

Учитывая, что т. Козлов только кратковременно замещал т. Исаева по Брянскому участку, объявляю ему замечание.

Ст. пом. прокурора Союза ССР, главный прокурор ж.-д. транспорта **СЕГАЛ.**

27 марта
1937 г.
№ 210/т—28.

О ПРОВЕРКЕ ДЕЛ В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

По сведениям НКЮ Союза ССР имеют место случаи, когда органы прокуратуры, получая из кассационных инстанций дела, по которым приговоры первых инстанций отменены с обращением дела к доследованию в соответствии с кассационными определениями, держат у себя эти дела без движения продолжительное время, а в дальнейшем вносят протесты в порядке надзора на кассационные определения о доследовании дела и добиваются их отмены.

В результате производство дела непроизводительно затягивается, а обвиняемые, содержащиеся под стражей, явно незаконно находятся лишнее время в предварительном заключении.

Требую немедленной и решительной ликвидации подобных явлений и обязываю органы прокуратуры:

а) проверять в порядке надзора поступающие из кассационных инстанций, возвращаемые в органы прокуратуры для доследования дела: о находящихся под стражей — не более как в трехдневный срок, остальные — не более как в декадный срок со дня поступления дела, и в те же сроки либо давать делу движение в соответствии с кассационным определением о доследовании, либо, при установлении проверкой дела серьезных оснований, вносить в установленном порядке протесты на кассационные определения в подлежащую надзорную инстанцию;

б) одновременно с дачей направления делу обсуждать и решать особым мотивированным постановлением вопрос об оставлении в силе содержания под стражей обвиняемого на период доследования дела или опротестования кассационного определения;

в) вышестоящим прокурорским инстанциям при последующей проверке дел, возвращавшихся кассинстанциями в органы прокуратуры для доследования, специально проверять в каждом отдельном случае точное соблюдение органом прокуратуры, в который поступило в свое время дело из кассационной инстанции, сроков и порядка, указанных в предыдущих пунктах настоящего циркуляра, неуклонно привлекая работников прокуратуры, первоначально виновных в несоблюдении этих сроков и порядка, к строгой ответственности вплоть до снятия с работы и предания суду.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

3 апреля
1937 г.
№ 19/1

О ПОРЯДКЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ОТДЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ

31 октября 1936 г. военной прокуратурой ЛВО было послано отдельное требование народному следователю г. Златоуста т. Забродоцкому о допросе свидетеля.

Получив собственноручно написанные свидетелем показания, т. Забродоцкий не проверил, на все ли вопросы, указанные в отдельном требовании, даны ответы, и отослал протокол, не подписав его.

3 декабря 1936 г. отдельное требование было возвращено прокурором г. Златоуста, и до сего времени оно не выполнено.

Той же военной прокуратурой было послано 3 ноября 1936 г. отдельное требование народному следователю г. Гомеля, 21 декабря послано напоминание прокурору г. Гомеля.

Как и в первом случае, отдельное требование не выполнено.

Эти случаи не единичны.

Многие следователи и прокуроры относятся к отдельным требованиям как к навязанной им чужой и неблагодарной работе. Они не ощущают того огромного вреда, который приносят несвоевременным и недоброкачественным выполнением отдельных требований других прокуроров и следователей.

Надо покончить с этим недопустимым явлением.

Приказываю:

1. Прокурорам — обеспечить своевременное и доброкачественное выполнение отдельных требований. При срочности этих требований выполнять их в первую очередь.

2. Златоустовскому и гомельскому горпрокурорам немедленно выполнить отдельные требования военной прокуратуры ЛВО и донести мне о причинах несвоевременного их исполнения.

3. За халатное отношение к своим обязанностям народному следователю Забродоцкому объявляю выговор.

Настоящий приказ проработать на оперативных и камерных совещаниях в прокуратурах союзных, автономных, республиканских, краевых, областных, военных железнодорожных, водных бассейнов и прокуроров лагерей.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ.**

4 апреля
1937 г.
№ 226

СВОДКА ВАЖНЕЙШИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР

за февраль 1937 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Государственное устройство и управление

1. О структуре Главного управления Гидрометеорологической службы Союза ССР при СНК Союза ССР — пост. СНК СССР от 13/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 13, ст. 37).

2. О структуре Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 15/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 13, ст. 39).

3. О запрещении выезда и вербовки добровольцев в Испанию — пост. СНК СССР от 20/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 14, ст. 42).

2. Просвещение

4. Об утверждении в новой редакции ст.ст. 37 и 38 устава Академии наук Союза ССР в связи с учреждением должности третьего вице-президента Академии — пост. СНК СССР от 5/I 1937 г. (СЗ 1937 г. № 13, ст. 40).

5. Об ознаменовании 100-летней годовщины со дня смерти величайшего русского поэта А. С. Пушкина — пост. ЦИК СССР от 9/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 14, ст. 41).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Земля и сельское хозяйство

6. О государственном плане весеннего сева 1937 г. — пост. СНК СССР от 2/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 10, ст. 34).

III. ФИНАНСЫ

7. О фонде директора на железнодорожном и воздушном транспорте, в совхозах и машинно-тракторных станциях, коммунальных предприятиях, заготовительных и торговых организациях и организациях общественного питания — пост. СНК СССР от 7/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 11, ст. 35).

8. Об изменении свода таможенных тарифов Союза ССР — пост. СНК СССР от 8/II 1937 г. (СЗ 1937 г. № 11, ст. 36).

Ответственный редактор **А. Я ВЫШИНСКИЙ**

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР Технический редактор **Л. Васильев**

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 16/IV 1937 г. Сдано в производство 23/IV 1937 г.
Подписано к печати 17/V 1937 г. 8 п. л., 21 авт. лист. В одном бум. листе 216000 знаков

Формат. 71×105/16 Ю—4 п.; № 335

Уполном. Главлита Б—13935 Заказ № 605. Тираж 20250 экз.

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига» Москва, Мал. Дмитровка, 18.

СОДЕРЖАНИЕ № 5

Стр.

Передовая. Овладеть большевизмом, ликвидировать беспечность — 1

И. Сталин — О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников — 4

В. М. Молотов — Наши задачи в борьбе с троцкистскими и иными вредителями, диверсантами и шпионами — 18

А. Вышинский — К положению на фронте правовой теории — 36

Б. Маньковский — Против антимарксистских теорий в уголовном праве — 38

В. Меньшагин — Должностные преступления по проекту Уголовного кодекса — 44

М. Чельцов — О судебном языке — 51

С. Голунский — Методика расследования дел об убийствах — 57

Н. Александров — Право на труд и социалистическое правовое регулирование труда — 63

Л. Н. — „Правосудие" палачей и провокаторов — 68

Обмен опытом — 76

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза — 86

Практика Прокуратуры Союза ССР по общему надзору — 92

По союзным республикам — 94

Третье заседание Центрального методического совета при Прокуроре СССР — 96

В Прокуратуре Союза ССР — 98

Право, процесс, судоустройство в капиталистических странах — 101

Библиография — 113

Официальный отдел — 122

М3656

Народным Комиссариатом Финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г., № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 4338 (четыре тысячи триста тридцать восьмым)

МОСКОВСКИЙ МУКОМОЛЬНЫЙ КОМБИНАТ им. ШОРУПЫ

Адрес: 2-я Сокольническая, 24.

находящийся в ведении Главного управления мукомольно-крупяной промышленности при Комзаг Совнаркома СССР

21

Народным Комиссариатом Финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г., № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 4783 (четыре тысячи семьсот восемьдесят третьим)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ЗАГОТОВИТЕЛЬНО-СНАБЖЕНЧЕСКАЯ КОНТОРА „СОЮЗСНАБЛЕГПРОМ“,

находящаяся в ведении Народного Комиссариата Легкой Промышленности СССР

Адрес: ул. Кирова, 39

22

Московским областным финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г., № 12) зарегистрировано в государственном реестре юридических лиц под № 213 (двести тринадцатым)

УПРАВЛЕНИЕ ПО СНАБЖЕНИЮ И СБЫТУ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОЮЗА КООПЕРАЦИИ ИНВАЛИДОВ „МОСКООПИНСНАБСБЫТ“,

находящееся в ведении Мособлкоопинсоюза

Адрес: Домниковская, 30, р/счет № 105080 в МОК Госбанка

23